СОЧИНЕНІЯ
ГРАФА П. И. КАПНИСТА.

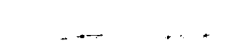
ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ. ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ
П. И. КАПНИСТѢ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
1901.

Графъ Петръ Ивановичъ Капнистъ

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.



А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

ВОСПОМИНАНІЯ

о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Капнистѣ.

Отзывчивой и пылкою душою
На этотъ міръ печально онъ взиралъ,—
Отъ юныхъ дней, какъ солнце надъ землею,
Надъ нимъ парилъ высокій идеалъ.

I.

Передо мной трудная задача, въ первый разъ издать и выпустить въ свѣтъ не одно какое нибудь сочиненіе автора, а трудъ его цѣлой жизни, который до сихъ поръ оставался почти никому неизвѣстнымъ. Я думаю,—такое явленіе рѣдко. Не говоря о самомъ достоинствѣ произведенія, о яркомъ и звучномъ стихѣ, о простотѣ и художествѣ слога, о ясныхъ и глубокихъ основныхъ мысляхъ,—одна уже разработка нѣкоторыхъ историческихъ эпохъ, коихъ касаются эти сочиненія, казалось бы, давала право автору представить свой трудъ къ печати. Однако, кромѣ двухъ, трехъ коротенькихъ лирическихъ піэсокъ‘ появившихся подъ его иниціалами въ 60-хъ годахъ въ „Современникѣ“, онъ ничего не печаталъ. Иногда, и то рѣдко, онъ читалъ свои стихи въ кругу знакомыхъ; и я не помню,— когда это случалось при мнѣ,— чтобы эти чтенія не вызывали восторга и удивленія. Всегда, въ такихъ случаяхъ, повторялись тѣ же восклицанія, къ какому бы кругу ни принадлежали слушатели: „Не грѣхъ ли вамъ! Зачѣмъ вы не печатаете?“ или: „Графъ! какъ можно прятать эти стихи?“ На что авторъ отвѣчалъ, улыбаясь: „Къ чему печатать! Кому теперь, въ нашъ вѣкъ, нужны стихи? Никто ихъ не

читаетъ. А ужъ если они хороши, то не пропадутъ, кто нибудь ихъ вспомнитъ; дѣти, послѣ моей смерти, напечатаютъ“.

Если и приходило ему на минуту сомнѣніе въ правотѣ такого взгляда, то наши журнальные критики, въ своихъ отзывахъ о поэзіи современныхъ поэтовъ, убѣждали его еще сильнѣе, что онъ хорошо дѣлаетъ, что не печатаетъ. „Для кого писать?“ говорилъ онъ, „кто теперь понимаетъ поэзію? даже критика не вникаетъ въ это дѣло. Обязанность критики выдѣлить прекрасное отъ дурного, выяснить неопытному молодому таланту въ чемъ его достоинства и недостатки, вывесть его на дорогу; публикѣ же указать на то, что стóитъ ея вниманія. Вмѣсто того, подхватятъ какую нибудь чепуху, два, три неудачныхъ стиха, и давай ихъ вышучивать и всячески издѣваться надъ авторомъ. Изъ этого авторъ вынесетъ одно оскорбленіе, а публика развѣ позабавится шутовствомъ, да и то, иногда, ей станетъ противно;— но понятія о достоинствахъ, или хотя бы, о недостаткахъ автора, не будетъ у нея ни малѣйшаго. Такое направленіе критики приводитъ только къ полному равнодушію публики къ поэзіи“.

Однако такое сознаніе не мѣшало поэту писать, добросовѣстно работать, совершенствоваться. Много ли людей такъ безкорыстно, глубоко любили поэзію и красоту, забывая свою личность, свое самолюбіе—не знаю.

Недавно, когда стали работать на Акрополѣ, чтобы поддержать и укрѣпить развалины Парѳенона, построили между колоннами перистиля лѣсà до самаго верха. Археологи и любители конечно воспользовались этимъ, чтобы влѣзть на верхнюю часть постройки, и, главное, взглянуть на сохранившуюся фризу, изображающую панаѳинейскія торжества. Эта часть фризы, со дня когда ее вываяли художники изъ школы Фидія,—вѣроятно по его рисункамъ,— была до сихъ поръ почти невидима, такъ какъ находится на громадной высотѣ, подъ широкимъ навѣсомъ потолка, совсѣмъ въ тѣни. И что же? Выполнена она съ такимъ же изяществомъ и добросо-

вѣстностью, какъ и всѣ остальныя украшенія храма. Такъ же восхитительны по своему движенію и реальности фигуры всадниковъ и коней, такъ же тонко закончена работа. Да развѣ для того, чтобы люди любовались работали эти художники? Они не забывали, что украшали храмъ, что Божество все видитъ и что для Него все должно быть прекрасно,— и то, что выставлено на показъ, и то, что остается невидимымъ для людей. Такъ думали древніе художники, а впослѣдствіе и всѣ, кто истинно заслуживалъ имя художника. Такъ думалъ и покойный поэтъ, трудъ котораго теперь передъ нами. Онъ ревностно, съ любовью и достойной удивленія скромностью, работалъ всю жизнь въ тишинѣ и уединеніи своего внутренняго храма, только, чтобы достойно служить Божеству, которое онъ звалъ тройнымъ именемъ: Правды, Добра и Красоты.

На насъ лежитъ теперь долгъ воздать справедливость его твореніямъ, проникнутымъ его свѣтлымъ духомъ, его искреннимъ и неустаннымъ стремленіемъ къ совершенству.

II.

Для того, чтобы дать вѣрную характеристику человѣка, надо вникнуть не только въ условія его личной жизни,— но и въ условія жизни и обстоятельствъ его страны, его семьи, его традицій,—всего того, что составляетъ ту сторону характера, которую мы зовемъ „врожденной", ту, которую почти что помимо сознательной воли, человѣкъ получаетъ отъ окружающей его среды. Въ дѣтствѣ и юношествѣ человѣкъ особенно воспріимчивъ къ этимъ вліяніямъ; позже, когда въ немъ созрѣетъ сознаніе и укрѣпится воля, онъ можетъ или сохранить эти первыя впечатлѣнія, или перейдти къ совершенно другимъ понятіямъ; однако, рѣдко случалось, чтобы эти, такъ называемыя, *врожденныя* черты исчезали бы совершенно. Онѣ дремлютъ въ глубинѣ нашего естества, какъ энергія растенія въ сухомъ сѣмени. Упади оно на подходящую почву, при малѣйшей влагѣ

оно оживится и произведетъ свой прежній, особенный цвѣтъ и плодъ. Посвятимъ же нѣсколько страницъ предкамъ и семейнымъ традиціямъ нашего поэта.

Родъ Капнистовъ, или Капнисси идетъ изъ далека, изъ Іоническаго острова Закинѳа,—Занте, расположеннаго съ западной стороны отъ береговъ Пелопонеза. На этомъ вулканическомъ островѣ бываютъ частыя землетрясенія; съ древности извѣстны его смоляные источники и нефтяные колодцы, о которыхъ говоритъ еще Геродотъ. Какъ это всегда бываетъ въ вулканическихъ странахъ, природа щедро одарила Занте плодовитостью, и такой изящной растительностью, что владѣвшіе имъ въ средніе вѣка Венеціанцы назвали его цвѣткомъ востока, „fior di Levante". И правда; нѣтъ словъ, чтобы описать красоту и пышность его цвѣтовъ,—той страны, гдѣ миртъ, лавръ, олеандръ, гіерань, ростутъ, какъ у насъ простой бурьянъ. Вѣчный плескъ моря, вліяя на чувствительное и даровитое ухо Іоническихъ племенъ, съ самыхъ давнихъ поръ заселившихъ островъ, развилъ въ нихъ талантъ къ музыкѣ и поэзіи. Въ древности жилъ на Закинѳѣ знаменитый музыкантъ Пиѳагоръ[1]), въ началѣ же нашего столѣтія тамъ родился поэтъ греческаго возрожденія—Саломósъ и поэтъ Фóсколо, писавшій по-итальянски. Въ ихъ честь назвали Занте островомъ поэтовъ.

На востокѣ, по берегу моря, идутъ холмы и возвышается вулканическая гора Скопосъ; на Западѣ—кремнистая гряда горъ; внутри острова,—обширная плодоносная равнина, прекрасно обработанная, и самой природой сотворенная будто громадная чаша, углубленная среди горныхъ береговъ, въ которой отъ жаркаго солнца лучше зрѣетъ сладкій виноградъ. По поводу лозы, производящей коринку,—главную доходную статью острова,—встрѣчается въ архивахъ города Занте имя Ѳеодора Капнисси, привезшаго этотъ видъ лозы изъ Коринѳа въ 1511 году, и введшаго эту культуру на родномъ

[1]) Не философъ, а другой.

островѣ, что не мало послужило процвѣтанію и богатству Занте. Родъ Капнисси былъ знатенъ и богатъ [1]), но главное, всегда отличался глубокимъ патріотизмомъ. Когда Занте принадлежалъ венеціанской республикѣ, православные греки Капнисси не измѣнили своей религіи и національности. Когда республика воевала съ Турками,—многіе изъ семьи Капнисси не только сами отправлялись воевать за одно съ Венеціанцами, но и богатства свои употребляли на вооруженіе цѣлыхъ отрядовъ. Случалось, что они совершенно разорялись такимъ образомъ, и Республика, въ благодарность за ихъ помощь, выдавала имъ пенсію или дарила новую собственность [2]).

Въ 1499 году Петръ Капниссисъ воевалъ съ венеціанцами противъ султана Баязета; въ 1502 году былъ вознагражденъ Республикой за военныя заслуги во время турецкихъ войнъ, и предъидущихъ,—флорентинскихъ.

Самый воинственный и выдающійся изъ семьи былъ Стамателло Капниссисъ, сражавшійся со своимъ отрядомъ при островѣ Левкадѣ, или Санта Мавра, подъ начальствомъ венеціанскаго полководца Морозини въ 1684 году [3]).

О немъ сохранилось сказаніе, записанное въ хроникѣ архіепископа Николая Катрамиса. Во время войнъ съ венеціанцами противъ турокъ, Капниссисъ взялъ въ плѣнъ оттоманскій корабль, на которомъ, между прочими, находился юноша, почти мальчикъ, Джанѵмъ. Сжалившись надъ нимъ, по случаю его молодости, капитанъ Капниссисъ не зачислилъ его въ списокъ плѣнниковъ и отпустилъ его на свободу. Такое поведеніе поражало своей гуманностью въ тѣ времена, когда разныя жестокости входили въ нравы воюющихъ сторонъ, какъ

---

[1]) Въ 1400 годахъ встрѣчается, въ Архивахъ Венеціанской Республики, сохраняющихся въ Венеціи, въ монастырѣ „dei Frari“, имя Андрея Капнисси, кавалера ордена св. Марка.

[2]) Изъ родовыхъ документовъ семьи Капнисси.

[3]) Свѣдѣнія о родѣ Капнисси почерпнуты мной изъ семейныхъ документовъ временъ венеціанской Республики, изъ Архива города Занте и изъ исторіи Хіотиса.

напр. слѣдующій случай: Далматы, побѣдившіе на своей границѣ турецкій отрядъ, послали головы убитыхъ въ Венецію, гдѣ ихъ выставляли на площади Св. Марка, въ видѣ украшенія. Тогда за каждую турецкую голову республика платила два цехина [1]). Понятно, что молодой Джанумъ не забылъ благодѣтеля.

Послѣ славныхъ войнъ и побѣдъ Морозини, когда умеръ этотъ великій полководецъ, настало для Республики время полной деморализаціи и упадка. Наслаждаться миромъ и жить въ роскоши,—вотъ одно, къ чему стремились венеціанцы, и до того усердно сохраняли нейтралитетъ во время войны австрійцевъ съ бурбонами изъ-за испанскаго престолонаслѣдія, такъ трусили быть замѣшанными въ войну, что потеряли свой политическій авторитетъ. Турки, видя ихъ упадокъ и ихъ боязнь войны, воспользовались, и сами объявили имъ войну. Они явились въ 1716 году въ Корфу,—важномъ стратегическомъ укрѣпленномъ пунктѣ, у входа въ Адріатическое море. Тутъ произошла знаменитая осада и прекрасная защита подъ командой графа Шуленбурга. Видя, что Корфу не сдается, турки были наконецъ принуждены оставить этотъ островъ, который имъ стоилъ много крови. Капитанъ-паша былъ никто иной, какъ Джанумъ [2]). Онъ намѣревался мимоходомъ напасть на островъ Занте, плохо укрѣпленный, съ малочисленнымъ венеціанскимъ гарнизономъ; но, вспомнивъ, что его благодѣтель Капниссисъ живетъ на Занте, Джанумъ послалъ предупредить его, что будетъ бомбардировать городъ, и совѣтывалъ ему спастись. Тогда старикъ Капниссисъ объявилъ это извѣстіе властямъ, чтобы онѣ наскоро приняли всевозможныя мѣры для защиты, а самъ отправился на корабль къ Джанумъ-пашѣ, сказать ему, что онъ роднаго города не покинетъ въ минуту опасности, но умоляетъ его вспомнить о дарованной ему свободѣ, и въ свою очередь, пощадить отечество Капниссі. Джанумъ

---

1) Histoire de Venise Daru Livre XXXIV.
2) *Daru.* Hist. Ven. тамъ же.

оказалъ это великодушіе. Къ всеобщей радости и удивленію, турецкій флотъ прошелъ мимо Занте. Такимъ образомъ старикъ Капниссисъ спасъ родной островъ.

Еще въ 1702 году, при дожѣ Алоизіи Мочениго, Стамателло Капниссисъ со своими потомками былъ пожалованъ въ графское достоинство за его прежнія военныя заслуги. Въ 1711 году внукъ его, графъ Петръ Христофоровичъ, такой же восторженный патріотъ какъ и дѣдъ его, узнавъ о походѣ Петра Великаго противъ турокъ, задумалъ взойти съ нимъ въ сношенія. Онъ послалъ своего молодаго сына въ русскую армію, а самъ, чтобы помочь русскимъ въ ихъ войнѣ съ Турціей, захотѣлъ устроить диверсію на берегахъ Турціи. Продавъ все свое имѣніе, онъ опять сооружилъ на свои средства цѣлый отрядъ добровольцевъ, съ которымъ и отправился противъ турокъ, несмотря на запрещеніе венеціанскаго правительства. Если-бъ въ то время венеціанцы не были столь малодушны, и воспользовались бы русской войной, чтобы съ своей стороны ослабить власть султана, — они доказали бы большую ловкость, и имъ не пришлось бы потерять въ 1727 году весь Пелопонезъ. Неминуемую войну съ Турціей, они предупредили бы удачнымъ нападеніемъ въ ту минуту, когда врагъ былъ занятъ борьбой съ Россіей, и тѣмъ упрочили бы свое положеніе на Архипелагѣ и обрѣли бы могучаго союзника въ Петрѣ Великомъ. Вмѣсто этого, они блѣднѣли при одной мысли о войнѣ и даже подданнымъ своимъ, подъ угрозой смертной казни, запрещали что-либо предпринимать противъ турокъ. Узнавъ о печальномъ исходѣ битвы Петра Великаго при рѣкѣ Прутѣ,—что̀ оставалось дѣлать Петру Христофоровичу съ его отрядомъ и галлерами на берегахъ Турціи? Возвратиться въ Занте, въ руки венеціанскаго правительства было немыслимо. Вполнѣ раззоренный онъ бѣжалъ въ Россію подъ покровительство Петра Великаго, но во время пути заболѣлъ и умеръ.

Сынъ графа Петра Христофоровича,—Василій Петровичъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ отправившійся въ Рос-

сію воевать противъ турокъ, — личность очень яркая. Его жизнь могла бы служить для цѣлой исторической повѣсти, такъ полна она разныхъ превратностей и героическихъ чертъ. Историкъ Малороссіи, Бантышъ-Каменскій, говоритъ о немъ: „Сей отважный воинъ, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ въ Малороссіи, былъ родомъ грекъ, началъ службу свою подъ знаменами Петра Великаго въ несчастный Прутскій походъ“ [1]). Послѣ смерти отца своего, Василій Петровичъ остался въ Россіи, записался въ Запорожскіе казаки, и, такимъ образомъ, пересталъ носить свой венеціанскій титулъ. Даже фамилію его „Капниссисъ“ малороссы измѣнили въ „Капнистъ“.

Проѣзжая черезъ городъ Изюмъ, онъ случайно познакомился съ богатымъ и бездѣтнымъ изюмскимъ сотникомъ, Павлюкомъ, который такъ полюбилъ молодого Капниста, что принялъ къ себѣ за сына, и женилъ на дочери зажиточнаго греческаго купца, Согдена, отдавшаго ему, вмѣстѣ съ невѣстой, все свое состояніе. Торговля съ турецкими берегами еще болѣе обогатила Капниста.

На Малороссію, какъ извѣстно, нападали въ то время разные кочевники; въ 1734 году опустошалъ Запорожье калмыцкій владѣлецъ Дондукъ Омбо (впослѣдствіи,— союзникъ Россіи), вмѣстѣ съ ногайцами и татарами. Запорожцы обратились за помощью къ изюмскому сотнику Павлюку. Молодой Капнистъ собралъ на̀скоро казаковъ, взялъ съ собой двѣ пушки, настигъ Дондука въ степяхъ, разбилъ его и отразилъ отъ изюмскихъ предѣловъ. Онъ возвратился въ Изюмъ съ богатой добычей и множествомъ плѣнныхъ. За это отличіе его произвели въ сотники Слободскаго полка [2]).

Послѣ усмиренія такъ называемыхъ гайдамаковъ, или кочевниковъ-разбойниковъ, Капнистъ воевалъ почти не

---

[1]) О В. П. Капнистѣ см. Бантышъ-Каменскій исторія Малороссіи, часть 3-я глава XLIV.

[2]) Справочный Энциклопед. Словарь, и Военный Энциклопедич. Лексиконъ.

переставая. Тогда была тяжелая пора для Украйны. Россія вела войну съ татарами и турками,—Малороссія переносила всѣ ужасы военнаго времени, то служа театромъ войны, то—квартирой для русской арміи, которая всячески раззоряла мѣстныхъ жителей. Внутреннее правленіе было въ упадкѣ. Въ Малороссійской Министерской Канцеляріи, Карлъ Биронъ, — братъ любимца императрицы Анны Іоанновны,—завелъ порядки процвѣтавшіе въ знаменитой *Тайной* Бирона; Бантышъ называетъ эту Канцелярію „исчадіемъ" Тайной. Тамъ происходили всякія звѣрства, пытки, доносы, ложныя показанія бѣглыхъ солдатъ и бродягъ, которые могли безнаказанно клеветать на лучшихъ гражданъ. — Въ Молдавіи и Подоліи свирѣпствовала моровая язва. Первый походъ противъ татаръ въ 1734 году, подъ предводительствомъ генералъ-поручика Леонтьева, былъ неудаченъ. Въ 1736 году русскіе возобновили походъ противъ татаръ подъ начальствомъ графа Миниха; запорожцы вели партизанскую войну. „Они ловили турецкихъ курьеровъ, отбивали стада, брали редуты и крѣпостцы, посредствомъ которыхъ армія сохраняла соединеніе съ Украйной. Капнистъ находился въ семъ походѣ и за оказанное мужество пожалованъ полковникомъ Миргородскимъ" [1]).

Въ 1737-мъ году, подъ предводительствомъ Капниста, малороссійскіе, чугуевскіе и донскіе казаки находились при взятіи Минихомъ Очакова. „По свидѣтельству Манштейна, полковникъ Капнистъ, предводительствуя казаками не болѣе семи тысячъ человѣкъ, препятствовалъ сорокотысячной турецко-татарской арміи окружить русскую,—стоявшую лагеремъ передъ Очаковымъ" [2]).

Запорожцы между тѣмъ крейсировали на мелкихъ судахъ по Черному морю и возвратились въ Сѣчь съ знатной добычей, разпространивъ всеобщій ужасъ до

[1]) Бантышъ-Каменскій.

[2]) Справочный Энциклопед. Словарь и Memoires Historiques Politiques et Militaires sur la Russie par le Général de Mannstein.

самыхъ Бендеръ. На зиму русская армія стала на квартиру въ Украйнѣ, а гр. Минихъ расположился въ Полтавѣ.

Въ слѣдующій 1738-й годъ: „Храбрый миргородскій „полковникъ Капнистъ съ предводимымъ имъ полкомъ, „раззорилъ Молдавскій городъ Сороку, перерубилъ и „взялъ въ плѣнъ множество турокъ, обратилъ въ пе„пелъ непріятельскіе магазейны; находился на Хотин„скомъ сраженіи и въ другихъ битвахъ, за что награ„жденъ нѣсколькими деревнями“ [1]).

Въ 1740-мъ году скончалась Анна Іоановна, и правитель Малороссіи, Румянцевъ, поѣхалъ въ Константинополь для заключенія мира. Для Украйны настали лучшіе дни. Еслибъ долѣе продолжалось такое благопріятное время, мы могли-бы ожидать инаго разцвѣта южно-русской культуры.

Подъ сѣнью великой московской державы, единовѣрной и дружественной, не имѣя надобности отбиваться отъ желавшихъ поглотить ее татаръ и кочевниковъ, а съ другой стороны ляховъ,—Малороссія могла-бы мирно развить даровитую и богатую природу своей почвы и своего народа и внести въ общую сокровищницу русской жизни элементъ утонченной образованности, и своеобразнаго искуства. Къ несчастію, весь этотъ разцвѣтъ народной жизни былъ прижатъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, самыми жестокими и неразумными мѣрами.

Императрица Елисавета посѣтила Кіевъ въ 1743-мъ году. Разумовскій представилъ ей миргородскаго полковника Василія Петровича Капниста, который отличался не только храбростью, но и отличнымъ образованіемъ. По бѣлградскому миру, Запорожье со всѣми его владѣніями, т. е. почти весь нынѣшній Новороссійскій край, былъ присоединенъ къ Россіи. Императрица Елисавета, указомъ 30-го октября 1743-го года, повелѣла сенату поручить миргородскому полковнику

---

[1]) Бантышъ Каменскій тоже Справ. Энц. Словарь и Военный Лекс.

Капнисту устроеніе крѣпостей въ заднѣпровскихъ мѣстахъ, (въ Херсон. губ.). Вслѣдствіе этого Капнистъ основалъ три первые городка на польской границѣ: Крыловскій шанецъ, при впаденіи рѣки Тесны въ Днѣпръ, Первоостровскій шанецъ, и Архангельскій шанецъ [1].

Кромѣ того, ему было поручено сочинить, вмѣстѣ съ инженеръ-подполковникомъ Боскетомъ, подробную карту Россійскимъ заднѣпровскимъ мѣстамъ. Онъ исполнилъ это въ іюлѣ того-же года [2].

Первая жена Капниста умерла оставивъ ему единственнаго сына Даніила. Василій Петровичъ женился во второй разъ, на Дуниной-Барковской, отъ которой имѣлъ другихъ дѣтей. Въ 1750-мъ году графъ Кириллъ Разумовскій былъ избранъ всѣмъ народомъ въ гетманы. Какъ разъ въ это время произошло съ Капнистомъ несчастіе.

По словамъ историка: „онъ былъ арестованъ, отрѣ„шенъ отъ должности, преданъ суду, обремененъ око„вами. Войсковой товарищъ Звенигородскій, питая къ „нему злобу, взялъ нѣсколько подлинныхъ писемъ его, „поручилъ живущему въ Кіевѣ моляру Дмитрію Ва„сильеву, съ которымъ былъ знакомъ, вырѣзать на „мѣдной доскѣ греческую подпись Капниста и потомъ „выпечатать оную на четырехъ листахъ, за что пода„рилъ ему столько-же аршинъ зеленаго сукна. Открывъ „тайну свою священнику Антону Васильеву въ мѣ„стечкѣ Еремѣевкѣ жившему, уговорилъ его перепи„сать на одномъ листѣ, полученномъ отъ моляра, „письмо, сочиненное имъ, Звенигородскимъ, отъ Кап„ниста на имя старосты Чигиринскаго: о намѣреніи „отравить гетмана (Разумовскаго), о сношеніяхъ съ „татарами и пр. Письмо сіе было отправлено Звениго„родскимъ въ Кіевскую Губерн. Канцелярію, при до„ношеніи отъ убитаго въ Польшѣ гайдамака Якова

---

1) Справ. Энциклоп. Словарь.

2) Бантышъ Каменскій.

„Нещадима. Учреждена въ Кіевѣ секретная Коммиссія „подъ предсѣдательствомъ генерала Леонтьева“ [1]).

Семейное преданіе говоритъ, что когда Капнисту показали письмо съ его подписью, онъ былъ пораженъ и сказалъ: „я этого никогда не писалъ, а рука—моя!„ Такъ какъ всѣ улики были противъ него, онъ былъ приговоренъ къ повѣшанію. Но страстно любившій его сынъ его, Даніилъ, спасъ ему жизнь. Онъ подкупилъ стражу тюрьмы, получилъ ключь отъ комнаты гдѣ былъ запертъ его отецъ, и пришелъ къ нему ночью, умоляя его бѣжать. Но Капнистъ отказался, говоря, что смерть предпочтительнѣе ему, чѣмъ позоръ и клеймо измѣнника, и что добровольной смертью онъ скорѣй докажетъ свою невинность, чѣмъ бѣгствомъ. Тогда Даніилъ, не смотря на всѣ затрудненія, добился увидѣть коменданта крѣпости, откровенно разсказалъ ему, какъ онъ подкупилъ стражу и хотѣлъ устроить бѣгство своего отца, и какъ тотъ отказался. Можно-ли было еще подозрѣвать такого человѣка въ измѣнѣ? Комендантъ колебался. Онъ велѣлъ отложить казнь. Стали снова пересматривать дѣло. По указанію Даніила Васильевича обыскали домъ священника Васильева. Кому-то изъ сыщиковъ пришла мысль заглянуть за образницу. И что-же? Тамъ нашли нѣсколько экземпляровъ подложныхъ писемъ, и многочисленныя поддѣлки подъ руку Капниста. Такимъ образомъ невинность Капниста была доказана.

18 января 1751 г. „Императрица возвратила ему „свободу и имѣніе, произвела въ Бригадиры, пожало„вала 1000 червонныхъ и опредѣлила начальникомъ „надъ Слободскими полками. Звенигородскій и священ„никъ приговорены къ кнуту, и ссылкѣ въ Сибирь, въ „каторжныя работы; моляръ Дмитрій Васильевъ къ пле„тямъ и къ ссылкѣ въ Оренбургъ. Неизвѣстно былъ ли „утвержденъ сей приговоръ Государынею. Въ 1759 году „они еще содержались подъ карауломъ въ Кіевѣ“ [2]).

[1]) Бантышъ-Каменскій, часть III, замѣтка 254.

[2]) Тамъ же. Малороссійскія Дѣла Кол. Арх. 1749 года № 3 и 1759 г. № 8.

Тогда Императрица подарила Капнисту саблю, осыпанную драгоцѣнными камнями, съ которой онъ до самой смерти не разставался. О земляхъ имъ полученныхъ отъ Елисаветы, существуетъ семейная легенда, будто бы Императрица обѣщала дать ему всю ту землю, которую онъ успѣетъ за одинъ день объѣхать верхомъ. Онъ скакалъ съ разсвѣта до ночи и получилъ громадную долю; дарственная этихъ земель, изъ которыхъ многія до сихъ поръ принадлежатъ Капнистамъ, еще существуетъ съ подписью Елисаветы у графа Ипполита Ильича Капниста.

О Василіи Петровичѣ Капнистѣ, и о коварныхъ козняхъ едва его не погубившихъ, сложилась малороссійская пѣсня, отрывокъ которой былъ мнѣ переданъ знатокомъ нашей малорусской древности, В. П. Горленко[1]).

Съ тѣхъ поръ Капнистъ не переставалъ пользоваться милостью Императрицы. Его жена часто ѣздила ко двору, возила Государынѣ ею самою приготовленныя наливки, и дарила ей прекрасныхъ лошадей собственнаго завода. Капнистъ получилъ на память отъ Императрицы большую рѣдкость въ то время: привезенныя изъ Голландіи фарфоровые карманные часы, въ видѣ груши, открывающейся на двѣ половинки[2]).

---

[1]) Колы жъ тіи гайдамаки, та такее чинять,
Такъ послаты Капнистôго, нехай ихъ пріпыныть.
Колы жъ тіи гайдамаки, та такее роблять,
Такъ послати Капнистôго, нехай ихъ половыть.
Ой наловывъ два острôга, ажъ нигде диваты,
Самъ поіхавъ панъ Капнистій до хана гуляты.
Ой пье Капнистъ, та гуляе въ хана на обіді,
Вікъ не знае и не віды о своей обиді.
Якъ залилы Капнистôго тяжкыи кайданы,
Та царыці у столыцю скоро знаты далы.
Якъ забылы Капнистого тугыи скрыпници.
Пообрубалы обідья, повезлы на спыцяхъ.
Ой повèзлы на столыцю, усимъ далы знаты,
Ой, штобъ зналы Капнистого благодарымъ званы.
Ой повèзлы Капнистого, драбычатымъ возомъ,
Вітколь іхавъ панъ Капнистій великимъ обозомъ.

[2]) И эта рѣдкость еще хранится у гр. И. И. Капниста.

Въ 1754 году, ему была опять поручена постройка крѣпости Св. Елисаветы,—нынѣшняго Елисаветграда въ Херсонской губ.

Во время семилѣтней войны съ Пруссаками, восемь тысячъ малороссіянъ исправляли должность погонщиковъ въ великороссійскомъ войскѣ. Изъ нихъ большая часть умерла въ походѣ. Историкъ говоритъ, что было „выслано только тысяча компанейскихъ казаковъ, участвовавшихъ въ Егерсдорфской битвѣ, на которой кончилъ „съ честью славную жизнь свою бригадиръ Капнистъ[1])“.

Апраксинъ, командующій русскими войсками, узнавъ объ опасной болѣзни Императрицы Елисаветы, и принявъ къ свѣдѣнію любовь ея наслѣдника Петра II къ нѣмцамъ, не хотѣлъ дѣйствовать, и вошелъ въ добрыя сношенія съ Пруссаками. Думая, что ихъ нѣчего опасаться, онъ растянулъ свою армію на нѣсколько верстъ. Но видя неосторожность русскихъ, нѣмцы напали на нихъ у мѣстечка Гроссъ-Эгерсдорфа, раздѣлили ихъ на двѣ колонны и окружили ихъ. Бригадиръ Капнистъ, находившійся со своими казаками около обозовъ съ провіантомъ, услышалъ издали шумъ сраженія. Онъ поскакалъ съ своей бригадой на помощь войску, напалъ на нѣмцевъ въ тылъ, смѣшалъ ихъ, навелъ на нихъ панику и полетѣлъ къ укрѣпленіямъ, чтобы взять редутъ. Онъ вскочилъ верхомъ на бастіонъ и схватился обѣими руками за пушку, чтобы ее заклепать; но подоспѣвшіе въ эту минуту пруссаки отрубили ему руки и тяжко ранили въ голову. Русская армія была такимъ подвигомъ спасена, но бригадира Капниста нашли послѣ сраженія изрубленнаго около пушекъ[2]). Его вѣрный казакъ Чорнобровицъ, повсюду его сопровождавшій, былъ очевидцемъ его смерти и разсказалъ эти подробности. Онъ привезъ вдовѣ Капниста чепракъ, украшавшій лошадь бригадира, весь шитый золотомъ, съ золотыми орлами на углахъ, и шпагу[3]), осыпанную драгоцѣнными камнями,—

[1]) Бантышъ-Каменскій.

[2]) Справочный Энциклоп. Словарь.

[3]) И эти предметы хранятся въ семьѣ Капнистовъ.

подарокъ Императрицы,—бывшую при немъ 19 августа 1757 года, на Гроссъ-Эгерсдорфскомъ сраженіи. Эта шпага, впослѣдствіи, вдохновила его сыну поэту оду: „На мечъ моего отца".

У Василія Петровича осталось четверо сыновей. Младшій, Василій Васильевичъ, родился въ 1756 году, за годъ до смерти своего отца. Эти дѣти, за военныя заслуги ихъ отца, воспитывались въ маленькомъ частномъ пансіонѣ, учрежденномъ при дворѣ, вмѣстѣ съ шестью другими мальчиками, и получили блестящее для того времени образованіе. Это образованіе послужило прекрасной подготовкой для поэтическаго таланта Василія Васильевича, автора первой комедіи въ стихахъ на русскомъ языкѣ,—извѣстной „Ябеды".

Что болѣе всего замѣчательно въ характеристикѣ Василія Васильевича и двухъ его братьевъ, Николая[1]) и Петра, (четвертый братъ рано умеръ и о немъ осталось мало свѣденій),—это независимость ихъ взглядовъ, доходящая до большой оригинальности. Когда подумаешь, что они воспитывались въ шаблонномъ и условномъ кругу придворныхъ, для которыхъ весь міръ сосредоточивается въ ихъ средѣ, а высшій законъ лежитъ въ

---

[1]) Менѣе симпатичнымъ изъ братьевъ былъ старшій, Николай, любимецъ своей матери, которая удѣлила ему самую большую часть состоянія. Онъ былъ чудакъ, поселился въ деревнѣ и сталъ деспотомъ своей семьи. Онъ воспротивился замужеству своихъ красавицъ дочерей, которыя такъ и умерли дѣвами, кромѣ одной, рѣшившейся на бѣгство. Онъ переманивалъ у своихъ братьевъ—сосѣдей по имѣнію—поселянъ ихъ деревень, на что, въ своихъ письмахъ, горько жаловалась жена поэта. Въ 1812 году, когда всѣ были увлечены войной противъ французовъ, и поэтъ писалъ патріотическія оды, Николай Вас. поклонникъ Наполеона, говорилъ что если Наполеонъ явится въ Украйну, онъ выйдетъ къ нему навстрѣчу съ хлѣбомъ и солью, въ знакъ уваженія къ его генію. Единственный сынъ его Петръ Николаевичъ былъ весьма оригиналенъ. Онъ соединялъ въ себѣ яркія противуположности, то проявляя рѣдкое великодушіе и благородство, то, въ иныхъ случаяхъ, большой эгоизмъ. Онъ стоялъ за свободу любви, и вся жизнь его—романическій рядъ приключеній, еще не забытыхъ стариками сосѣдями его имѣнія. Этотъ родъ Капнистовъ прекратился.

этикетѣ, только удивляешься этимъ молодымъ людямъ, усвоившимъ все лучшее этой среды, но сохранившимъ столько самобытности. Они отличались изящными манерами, знаніемъ языковъ, умѣніемъ краснорѣчиво и остроумно вести разговоры; этотъ талантъ, *esprit de conversation*, столь рѣдкій въ наше время, составлялъ пріятную принадлежность „салоновъ“ прошлыхъ временъ. О Васильѣ Васильевичѣ Капнистѣ, какъ о свѣтскомъ человѣкѣ, разсказывала мнѣ древняя старушка княжна Репнина, которая недавно умерла въ Москвѣ; она лично была знакома съ поэтомъ и съ его женой. „C'était un charmant causeur, plein de verve et de finesse“, говорила она.

Онъ зналъ французскій языкъ въ совершенствѣ, и даже началъ на немъ свои первые опыты въ поэзіи. 18-ти лѣтъ сочинилъ онъ по французски оду на Кучукъ-Кайнарджскій миръ. Однако, вскорѣ онъ занялся роднымъ языкомъ. Онъ болѣе всего вдохновлялся гражданскими мотивами и любовью къ свободѣ. Каждое политическое событье находило откликъ въ его душѣ, особенно все то, что касалось народной жизни любимой имъ Малороссіи. Когда при Екатеринѣ II малороссійскій народъ былъ закрѣпощенъ, негодованіе обуяло поэта и его старшаго брата Петра. Въ нихъ обоихъ бились тѣ-же сердца, что и въ предкахъ ихъ на островѣ Занте воевавшихъ за свободу родины, что и въ отцѣ ихъ, вольномъ казакѣ, и, несмотря на придворное образованіе, народная жизнь была имъ родная. Они вовсе не принимали въ разсчетъ того, что крѣпостное состояніе подвластнаго имъ населенія приносило имъ много матеріальныхъ выгодъ. У Василья Васильевича, напримѣръ, оказалось шесть тысячъ крѣпостныхъ. Онъ видѣлъ только одинъ ужасъ въ этомъ превращеніи свободныхъ людей въ рабовъ и искренно возмущался этой несправедливостью и насильемъ надъ дорогой ему Малороссіей. Онъ вылилъ свое негодованіе въ яркой и сильной одѣ, обращенной къ Императрицѣ Екатеринѣ.

Всѣми средствами онъ старался довести до нея это стихотвореніе, тчо вѣроятно надѣлало бы ему много

непріятностей, но Дашкова помѣшала ему тогда, и не допустила смѣлаго протеста до Императрицы.

Братъ-же поэта, Петръ Васильевичъ, какъ только сталъ владѣтелемъ крѣпостныхъ, воспользовался своей властью, чтобы завести въ своемъ родовомъ имѣніи, Трубайцахъ, республику. Да, такія диковинки встрѣчались у насъ на Руси. Онъ не иначе обращался къ крестьянамъ, какъ говоря имъ: „мои сосѣди“. Память о немъ и до сихъ поръ жива въ его имѣньѣ. Крестьяне зовутъ его „добрый дідъ“, и вспоминаютъ о его времени, какъ о золотомъ вѣкѣ. Онъ далъ имъ полную свободу и независимость, вмѣшиваясь въ ихъ жизнь только когда они приходили къ нему за совѣтомъ. Кромѣ того онъ объявилъ, что каждый, русскій или иностранецъ, можетъ явиться въ Трубайцы и жить тамъ сколько ему угодно, пользуясь широкимъ гостепріимствомъ [1]). Тонкимъ и образованнымъ натурамъ, какъ

[1]) Къ нему пришло много разныхъ людей, о чемъ и до сихъ поръ свидѣтельствуютъ иностранныя надписи на сельскомъ кладбищѣ въ Трубайцахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ привелось видѣть тамъ стараго садовника, сына пришедшихъ къ Петру Васильевичу англичанъ. Жизнь Петра Васильевича сложилась весьма интересно. Будучи въ молодости очень красивымъ собой офицеромъ, онъ привлекъ па себя особенное вниманіе Императрицы. Вотъ какъ это случилось. Онъ стоялъ на часахъ въ одной изъ залъ дворца. Въ ожиданіи выхода Императрицы толпилось много придворныхъ, и никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Вдругъ всѣ заволновались и воцарилось напряженное минутное молчаніе, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Вышла Государыня и милостиво всѣмъ поклонившись подала руку стоявшему вблизи Потемкину, чтобы пройдти въ другую залу. Но около двери, она внезапно остановилась, взглянула на красиваго молодаго офицера, дежурившаго на часахъ, улыбнулась ему и, обратясь къ Потемкину, сдѣлала ему знакъ рукой, указывая на него. Эта минутная нѣмая сцена не ускользнула однако отъ быстроглазыхъ царедворцовъ. Внезапно все оживилось вокругъ незамѣченнаго никѣмъ, до тѣхъ поръ, Петра Васильевича. Кто съ нимъ любезно кланялся, кто жалъ ему руку, кто просилъ съ нимъ познакомиться. Однимъ словомъ всѣ, даже люди гораздо старше и сановитѣе него, бросились къ нему съ улыбками и любезностями. Это весьма озадачило молодаго человѣка; онъ понялъ, что попалъ въ милость, однако удивлялся, что озна-

братья Капнисты было не только тяжело видѣть какой гнётъ налагался на свободную дотолѣ страну, но они могли всецѣло понимать какъ пагубно неволя отзовется на культурномъ и нравственномъ развитіи Малороссіи.

Вторая ода Василья Васильевича къ Имп. Екатеринѣ была вызвана ея повелѣніемъ уничтожить въ Россіи званіе раба, и этотъ знакъ уваженія къ человѣческому достоинству нашелъ въ поэтѣ восторженный откликъ. Вообще Капнистъ вскорѣ сталъ извѣстенъ и въ Петербургѣ и въ Малороссіи, какъ поэтъ и какъ общественный дѣятель. Своему живому уму и общительному характеру онъ былъ обязанъ дружбой со всѣми выдающимися литераторами своего времени; всю жизнь онъ былъ въ лучшихъ отношеніяхъ съ Фонъ-Визинымъ, Дмитріевымъ, Хемницеромъ, со старикомъ Херасковымъ и всѣми другими писателями. Онъ состоялъ членомъ Бесѣды любителей Русскаго Слова, Россійской Академіи и многихъ ученыхъ обществъ. Особенно интересна

чаютъ эти почести. По своей скромности и сердечной простотѣ онъ не предполагалъ, какое значеніе имѣло все съ нимъ случившееся. Возвратясь домой, онъ разсказалъ этотъ странный случай своему брату поэту. Тотъ, хотя моложе его, не былъ такъ наивенъ и сейчасъ-же смекнулъ въ чемъ дѣло. Онъ взглянулъ на своего брата съ ироніей и сказалъ ему: что-же, поздравляю! На дняхъ ты будешь важной особой, не хуже Орлова или Мамонова!" Петръ Васильевичъ пришелъ въ ужасъ и смятеніе. Немедленно онъ подалъ въ отставку и, не откладывая, уѣхалъ за границу на первомъ кораблѣ, уходившимъ въ Голландію. Онъ скитался нѣсколько лѣтъ въ чужихъ странахъ. Въ Парижъ онъ попалъ во время революціи, записался въ стражу короля Людовика XVI (у его внука Ип. Ил. Капниста хранится благодарственный рескриптъ подписанный Людовикомъ), послѣ казни короля онъ бѣжалъ въ Англію, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ и женился на англичанкѣ. Возвратившись въ свою родную Малороссію онъ построилъ въ Трубайцахъ новый домъ среди рѣчекъ и болотъ, на островѣ, къ которому со всѣхъ сторонъ ведутъ плотины. Онъ хотѣлъ чтобы свѣжесть и зелень этихъ мѣстъ напоминала ему Англію. Церкви имъ построенныя въ его имѣніяхъ—тоже въ англійскомъ стилѣ. Онъ любилъ движеніе и ходилъ пѣшкомъ изъ Малороссіи въ Крымъ, въ свое имѣніе Судакъ. Въ Крыму онъ посѣтилъ всѣ остатки древности, изучалъ археологію, составилъ записки о своихъ археологическихъ изысканіяхъ, и завелъ большую библіотеку.

и трогательна дружба его съ Державинымъ, съ которымъ его соединяло еще и свойство. В. В. Капнистъ женился на прелестной молодой дѣвушкѣ, Александрѣ Алексѣевнѣ Дьяковой; Державинъ былъ женатъ на сестрѣ ея, Дарьѣ Алексѣевнѣ, а другой поэтъ, Львовъ, тоже другъ Капниста, на третей Марьѣ Алексѣевнѣ [1]). Черты этихъ красавицъ сохранены кистью Боровиковскаго, земляка Василія Васильевича, который первый оцѣнилъ его, и будучи предводителемъ дворянства представилъ Императрицѣ Екатеринѣ во время ея проѣзда черезъ Украйну.

Обладая критическимъ умомъ, безкорыстно любя искуство, видя правду и въ себѣ и въ другихъ, Капнистъ не былъ ослѣпленъ авторскимъ тщеславіемъ. Онъ преклонялся передъ геніемъ Державина, и безъ всякой тѣни зависти, ставилъ его несравненно выше себя. Онъ любилъ его и оцѣнивалъ его достоинства какъ мало кто изъ его современниковъ. Великій Державинъ парйлъ какъ орелъ въ поднебесьяхъ; вѣчно восторженный онъ видѣлъ въ окружающемъ мірѣ только тѣ высокія истины, которыя подымаются, какъ вершины горъ надъ облаками. Съ его высоты, подъ нимъ исчезали въ облакахъ и туманахъ недостатки и низкія стороны окружающей среды и современныхъ людей. Онъ видѣлъ отъ нихъ

---

1) Эта свадьба, описанная въ семейныхъ письмахъ,—романическое происшествіе, въ которое замѣшанъ поэтъ Капнистъ. Зная любовь своего друга Львова къ младшей сестрѣ своей жены, онъ рѣшился помочь влюбленнымъ, не смотря на сопротивленіе родителей невѣсты. Львову приходилось уѣзжать въ Италію, съ дипломатической миссіей, на цѣлый годъ. Передъ отъѣздомъ Львова, во время бала, на которомъ присутствовала молодая Дьякова, Капнистъ съ женой своей увезли ее потихоньку въ церковь. Тамъ все уже было готово. Женихъ ожидалъ ихъ. Молодыхъ наскоро обвѣнчали, послѣ чего они разстались. Молодая вмѣстѣ съ сестрой своей, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратилась на балъ. Только послѣ возвращенія Львова черезъ годъ, тайный бракъ былъ объявленъ родителямъ.

Четвертая сестра Дьякова Екатерина Алексѣевна была замужемъ за гр. Штейнбокъ Ферморомъ.

только прекрасное, только снѣжныя вершины, всегда освѣщенныя солнцемъ правды и добра. Такъ обыкновенно все видятъ восторженные люди, и по своему, то-есть, съ той точки съ которой они глядятъ, они правы. Но Капнистъ не находился на такой невозмутимой высотѣ. Онъ самъ себя сравнивалъ съ мотылькомъ порхающимъ въ долинѣ, и не подымающимся высоко. И вотъ, въ этой-то долинѣ, увы, встрѣчаются не все только цвѣты. Его ясный критическій взглядъ рано открываетъ ему отрицательныя стороны общества въ которомъ онъ жилъ, а любовь къ правдѣ и свободѣ возноситъ его до истинно лирическихъ порывовъ. Онъ былъ настоящимъ поэтомъ-гражданиномъ, еще долго до того времени, когда стали употреблять это выраженіе, и когда поэты задались этой цѣлью. Какъ только онъ касался чувствъ патріота и гражданина, его вдохновеніе становилось сильнѣе и стихи его лились въ яркихъ образахъ. Хорошо зная древніе языки онъ переводилъ Горація, но кромѣ переводовъ написалъ въ его духѣ нѣсколько оригинальныхъ ѣдкихъ сатиръ. Это послужило какъ бы подготовленіемъ къ его извѣстной бытовой комедіи,—Ябеды. Переводы изъ Мольера ознакомили его съ драматической формой. Но сюжетъ Ябеды выхваченъ имъ прямо изъ жизни. Поэтъ невольно былъ вовлеченъ въ процессъ съ Тарновскимъ, сосѣдомъ по имѣнію. Всѣ непріятности, придирки и тяжбы, которыя ему пришлось лично перенести, навели его на мысль написать комедію, гдѣ онъ выставилъ въ сатирическомъ видѣ весь тогдашній судейскій міръ, и воспользовался нѣкоторыми, воочію имъ видѣнными, характерами. Комедія эта до печатанья стала ходить по рукамъ въ рукописи. Сюжетъ представлялъ благодарную почву для ироніи, былъ животрепещущимъ и популярнымъ. Пьеса возбуждала восторгъ иныхъ, негодованіе другихъ. Авторъ получилъ позволеніе посвятить ее императору Павлу I-му [1]). Ко-

[1]) При первомъ изданіи Ябеды 1798 года находится гравированная на мѣди картинка аллегорическаго содержанія: солнечные лучи озаряютъ вензель императора испускающій стрѣлы въ Ябеду. У под-

медію допустили на сцену и четыре раза въ 1798 году играли на сценѣ Каменнаго Театра. Публика шумно рукоплескала, успѣхъ былъ громадный. Но нѣкоторые изъ зрителей узнали себя самихъ въ дѣйствующихъ лицахъ и негодованіе на автора дошло до того, что на него наклеветали государю, будто бы онъ попираетъ его власть въ его ближайшихъ представителяхъ! Графу Палену велѣно было отобрать всѣ экземпляры комедіи у издателя, а самого автора императоръ Павелъ рѣшилъ сослать въ Сибирь. Приказъ былъ немедленно исполненъ. Но къ счастію, императоръ заинтересовался комедіей и пожелалъ самъ ее видѣть. Онъ велѣлъ представить въ тотъ же вечеръ Ябеду въ театрѣ Эрмитажа. Никто не присутствовалъ на этомъ представленіи кромѣ него самого и наслѣдника вел. кн. Александра. Коммизмъ судейскаго міра, остроумно изложенный авторомъ, развеселилъ высочайшихъ зрителей до того, что они покатывались со смѣху, и государь тутъ же сложилъ гнѣвъ на милость. Онъ тотчасъ послалъ перваго попавшагося фельдъ-егеря, чтобы вернуть Капниста, щедро наградилъ его и пожаловалъ прямо изъ коллежскихъ ассесоровъ въ чинъ статскаго совѣтника. До самой своей кончины онъ не забывалъ Капниста своими милостями. Въ 1800 г. онъ назначилъ его завѣдывающимъ русской драматической труппой въ Петербургѣ. Однако, запретъ съ Ябеды былъ снятъ только при императорѣ Александрѣ I-мъ.

При дворѣ Александра, Капнистъ встрѣтилъ статсъ-секретаря императора, графа Каподистрія, съ которымъ коротко сошелся. Они считали другъ друга земляками по Іоническимъ островамъ, и родственниками. Каподистрія даже навѣщалъ его въ его родовомъ имѣніи — Обуховкѣ, столь имъ любимомъ, и такъ хорошо воспѣтомъ въ его стихахъ. Василій Васильевичъ Капнистъ

ножья пьедестала, на которомъ помѣщенъ вензель, сидитъ женщина: Истина, указывающая на надпись: „Тобой поставлю судъ правдивый“ (Ломоносова, II-я ода). Съ боку пьедестала виденъ Фавнъ съ свирелью.

не прерывалъ связей со своимъ родствомъ на островѣ Занте. Пріѣзжалъ навѣстить его изъ Занте въ Обуховку графъ Діонисій Капнистъ со своимъ маленькимъ сыномъ Антоніемъ [1]). Въ то время въ Россіи было очень

[1]) Графъ Діонисій Капнистъ учился въ Петербургѣ, былъ русскимъ подданнымъ, сражался въ Крыму, былъ раненъ, получилъ Георгіевскій крестъ, служилъ въ Крыму чиновникомъ по особымъ порученіямъ у графа Воронцова и въ Одессѣ при Ланжеронѣ. Потомъ онъ былъ посланъ губернаторомъ въ Бессарабію и надѣленъ тамъ землями. Онъ былъ горячимъ сторонникомъ греческаго возстанія, записался въ гетерію и пожертвовалъ на это дѣло не мало денегъ. Онъ женился на русской, Леонтьевой. О немъ сложилась на Занте любопытная легенда. Онъ былъ такъ богатъ, что позволялъ себѣ разныя безразсудныя траты. Старость свою онъ провелъ на родимомъ островѣ въ своемъ дворцѣ на берегу моря. Когда у него обѣдали званые гости, онъ приказывалъ бросать остатки кушаній, подаваемыхъ на серебряныхъ блюдахъ, вмѣстѣ съ этими блюдами, ба окно въ море. Деньги свои хранилъ онъ въ комнатѣ обитой желѣзомъ. Разъ, послѣ какого-то празднества онъ повелъ своихъ гостей въ эту комнату, воткнулъ свой мечъ до рукоятки въ груду червонцевъ и воскликнулъ: „Если Капнистъ обѣднѣетъ, то и самъ Богъ обѣднѣетъ!" Съ этого дня, говорятъ старики на Занте, его богатство стало таять. Онъ умеръ въ 1841 году, а его единственный сынъ, графъ Антоній, впалъ въ совершенную бѣдность. Онъ былъ очень даровитъ, отлично зналъ музыку, композицію, игру на струнныхъ инструментахъ. Онъ составилъ въ городѣ очень порядочный оркестръ, которымъ самъ дирижировалъ, и основалъ музыкальную школу, куда собираются по вечерамъ мальчики ремесленники, продавщики, всѣ, у кого есть свободная минутка и кто хочетъ безплатно учиться музыкѣ; самъ онъ былъ первымъ учителемъ этой школы. Несмотря на его бѣдность, его уважали и любили на Занте, и всѣ увлекались его музыкой. Послѣднія деньги графъ Антоній тратилъ на сладости, до которыхъ онъ былъ большой лакомка. Онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, неженатымъ, а школа имъ основанная и до сихъ поръ процвѣтаетъ. Изъ другихъ членовъ семьи Капнисси нѣкоторые прославились въ Греціи въ патріотическія минуты и мы встрѣчаемъ ихъ имена въ хроникахъ Занта. Нѣкій Кесарь Капниссисъ отличался во время Кандійскихъ войнъ, за что получилъ графское достоинство. Другой, старикъ графъ Георгій Капниссисъ былъ задушенъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ во время англійскаго протектората, по повелѣнію жестокаго правителя Лорда Майтланда, за то, что принялъ въ своемъ домѣ и скрылъ раненаго молодаго греческаго возстанца, когда англичане на іоническихъ островахъ всѣми силами противились освобожденію Греціи и помогали туркамъ. Этотъ возмутительный фактъ

много выходцевъ изъ Греціи, особенно изъ іоническихъ острововъ и изъ порабощеннаго турками Сули. Они не забывали далекой родины, но много способствовали къ филэллинскому движенію во время войны за независимость.

Поэтъ Капнистъ по убѣжденію Каподистріи записался въ члены греческой гетеріи. Его душѣ были равно близки и классическая древность съ ея Гомеромъ и Гораціемъ, и современный ему малороссійскій бытъ, съ его тяжкими и комическими сторонами. То, служа въ Петербургѣ, то, исполняя въ Кіевѣ обязанности предводителя дворянства, онъ старался быть полезнымъ своему краю[1]). Сколько просьбъ и жалобъ приходилось ему писать за угнетенныхъ и несчастныхъ, прибѣгавшихъ къ нему за помощью, какъ къ своему родному отцу! Скольким онъ покровительствовалъ, за скольких заступался! Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ своей Обуховкѣ, на берегу Псла и превратилъ эту малороссійскую деревню въ что-то напоминающее мѣстопребываніе древняго философа. Онъ мирно проводилъ дни свои въ литературныхъ трудахъ, въ занятіяхъ поэзіей, въ прогулкахъ и мечтахъ. Въ „Сынѣ Отечества" онъ печаталъ археологическія статьи о Гомерѣ, доказывая, что путешествія Одиссея происходили по Черному морю, и что острова Киркеи „закутанныя туманомъ и мглою" находятся близь Кавказа, а не въ Средиземномъ морѣ. Онъ также возбудилъ цѣлую полемику съ Гнѣдичемъ, по поводу перевода Иліады. Знатокъ греческаго языка, Капнистъ доказывалъ, что размѣръ Иліады можно ско-

---

упоминается у Ленормана „la Question Ionienne devant l'Europe", page 70. И у Пуквиля: Histoire de la Grèce livre VI p. 208. Двое изъ Каписси были синдиками и много пожертвовали денегъ на благоустройство города. Семья эта была въ родствѣ съ венеціанскими дожами Мочениго и Тьэполо и съ зантскими графами Рома и Логоѳети.

[1]) Онъ помѣшалъ ввести чрезмѣрную по—душную подать средь казаковъ, вывозить нужный для мѣстнаго населенія хлѣбъ, и нажилъ враговъ изъ за этого межъ вліятельными особами.—См. переписку поэта В. В. (у жены графа П. И. Капниста).

рѣе передать на русскій языкъ тоническимъ стихомъ, нежели искусственнымъ гекзаметромъ, ничего общаго съ древне-греческимъ гекзаметромъ не имѣющимъ [1]).

Иногда поэтъ ѣздилъ въ Крымъ навѣщать своего брата Петра и во время этихъ путешествій занимался съ нимъ вмѣстѣ археологіей и исторіей, проводя цѣлые дни въ горахъ, въ обществѣ книгъ Геродота, Ѳукидида и Страбона. По его настоянію, изъ Петербурга отправили въ Крымъ извѣстныхъ спеціалистовъ для раскопокъ и сохраненія древностей.

До самой смерти Капнистъ не прекращалъ своихъ занятій. Въ послѣдніе годы жизни онъ написалъ нѣсколько элегій, а въ 1822 году отозвался на далекій родимый кличъ, изъ возставшей Греціи, прекрасной одой, гдѣ живо и ярко описаны бѣдствія турецкаго ига и гдѣ поэтъ горячо требуетъ защиты у сильныхъ державъ, и въ особенности, у православнаго царя. Въ этой одѣ, написанной за годъ до его смерти, чисто юношескій огонь, оригинальность образовъ и сила стиха.

Однако онъ предчувствовалъ свою смерть, и даже говорилъ, что разныя примѣты предсказывали ему ея близость [2]). Глубоко вѣрующій въ духовное безсмертіе онъ ее спокойно ожидалъ. Смерть застала его въ кругу его семьи и родственниковъ, на 68 году его жизни.

Какъ писатель Василій Васильевичъ Капнистъ и до сихъ поръ не забытъ. Недавно праздновалось столѣтіе появленія его комедіи Ябеды, и ее поставили опять на сцену Маріинскаго театра. Въ прежнія времена, стихи изъ нея повторялись какъ поговорки, и до сихъ поръ, многіе еще употребляютъ пословицу: „Законы святы, да исполнители—лихіе супостаты“, не зная, что цитируютъ стихи Капниста. Хотя нравы измѣнились и сценическія требованія теперь другія, эта комедія останется

[1]) Нѣкоторые другіе русскіе поэты, знатоки греческаго языка, какъ напр. Щербина, и графъ Бутурлинъ, придерживались впослѣдствія того же мнѣнія.

[2]) Въ письмѣ своемъ къ брату Петру.

навсегда въ нашей литературѣ, потому что правдиво выхвачена изъ тогдашней общественной жизни и представляетъ собой смѣлый, искренній протестъ. Несмотря на добродушіе Капниста, ироническій элементъ такъ сильно былъ въ немъ развитъ, что онъ и самого себя не щадилъ язвительными эпиграмами за нѣкоторыя неудачныя творенія. Вообще языкъ его не очень устарѣлъ и читается до сихъ поръ легко. Въ лирическихъ произведеніяхъ стихъ его гармониченъ и гибокъ. Его можно упрекнуть въ нѣкоторой растянутости, но это недостатокъ почти всѣхъ поэтовъ его времени. Однако когда стихи его касаются его идеаловъ правды, свободы и патріотизма, они всегда блещутъ искреннимъ вдохновеніемъ и льются изящно и картинно.

У Василія Васильевича была большая семья, которую, главнымъ образомъ, воспитывала мать,—умная и добрая женщина, проведшая много лѣтъ въ Обуховкѣ, вдали отъ свѣта, и часто въ разлукѣ съ своимъ мужемъ, прожившимъ нѣсколько лѣтъ на службѣ въ Петербургѣ [1]). Семья состояла изъ двухъ дочерей и трехъ сыновей,—Семена, Ивана и Алексѣя. Изъ ихъ семейнаго быта и изъ ихъ личныхъ качествъ можно заключить, что имъ внушали тѣ же традиціи правдивости, гуманности и развитой любви къ свободѣ. Второй сынъ, Иванъ Васильевичъ родился въ 1795 году, въ Кіевѣ, въ бытность поэта кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Императрица Екатерина II, проѣзжавшая тогда черезъ Кіевъ, крестила новорожденнаго, причемъ подарила ему брилльянтовую табакерку. Первое воспитаніе Ивана Васильевича было получено имъ отъ матери, дома. Вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Семеномъ и онъ пописывалъ стихи, однако ни тотъ ни другой не обладали настоящимъ талантомъ. Но вся семья очень любила поэзію. Иванъ Васильевичъ былъ въ особенности восторженнымъ поклонникомъ Державина, своего дяди по матери. Позже

---

[1]) О семейной жизни поэта есть живое описаніе въ воспоминаніяхъ дочери его Софьи Васильевны по мужу Скаловъ.

онъ воспитывался въ Петербургѣ. Оба его брата учились больше него, но онъ пополнилъ свое образованіе, главнымъ образомъ, чтеніемъ и своимъ живымъ сообразительнымъ умомъ. Кромѣ природнаго ума у него былъ блестящій даръ слова и обаятельность рѣдкой и почти святой доброты. Въ 1826 году онъ былъ назначенъ миргородскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Къ этому времени онъ женился на замѣчательной красавицѣ Пелагеѣ Егоровнѣ Горленко. Ей было всего четырнадцать лѣтъ, и выйдя замужъ она еще любила играть въ куклы. Но вскорѣ у ней явились многочисленныя свои живыя куклы. Въ 1830 году, когда Иванъ Васильевичъ былъ назначенъ въ губ. предводители дворянства города Полтавы, во время пребыванія жены его въ Обуховкѣ, родились близнецы Петръ и Николай. Николай вскорѣ умеръ, а Петръ—тотъ, которому посвящены эти воспоминанія,—въ будущемъ унаслѣдовалъ поэтическій талантъ своего дѣда Василія Васильевича, покоившагося тогда уже нѣсколько лѣтъ на родовомъ кладбищѣ, въ той же Обуховкѣ.

Обуховка, по малороссійскому обычаю, перешла младшему сыну поэта, — Алексѣю Васильевичу. И такъ, раннее дѣтство Петра Ивановича прошло въ Полтавѣ и у его дяди въ Обуховкѣ, прелестномъ уголкѣ на крутомъ берегу Псла, въ старинномъ домѣ, о которомъ поэтъ Василій Васильевичъ сказалъ:

Пріютный домъ мой, подъ соломой,
По мнѣ,—ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ;
А къ двери, знатнымъ незнакомой,
Забыла лѣнь прибить замо́къ.

Горой отъ сѣвера закрытый
На злачномъ холмѣ онъ стоитъ,
И въ рощи, въ дальній лугъ глядитъ,
А Псёлъ, предъ нимъ змѣей извитый,
Стремится къ мельницамъ, шумитъ.

XXVII

Вблизи, любимый сынъ природы,
Обширный, многосѣнный лѣсъ
Густыми купами древесъ,
Пріятной не тѣсня свободы,
Со всѣхъ сторонъ его обнесъ....
. . . .

...Сойду-ль съ горы,—древесъ густою
Покрытый тѣнью,—теремокъ,
Сквозь наклоненный въ сводъ лѣсокъ,
Усталаго зоветъ къ покою
И смотрится въ кристальный токъ.

Тутъ вѣчно царствуетъ прохлада
И освѣжаетъ чувства, умъ;
А тихій безумолкный шумъ
Стремительнаго водопада
Наводитъ сонъ, средь сладкихъ думъ.

Тамъ двадцать вдругъ колёсъ вертятся,
За кругомъ поспѣшаетъ кругъ;
Алмазы отъ блестящихъ дугъ
Опалы, яхонты, дождятся;
Подъ ними клубомъ бьетъ жемчугъ.
. . . .

...Тамъ сяду я подъ берестъ мшистый,
Опёршись на дебелый пень.
Увы! не долго въ жаркій день
Здѣсь будетъ верхъ его вѣтвистый
Мнѣ стлать гостепріимну тѣнь.

Ужъ онъ склонилъ чело на вóду,
Подмывшу брега крутизну;
Онъ смотритъ мрачно въ глубину,
И скоро, въ бурну непогоду
Вверхъ корнемъ ринется ко дну.
. . . .

XXVIII

…Но можно-ль всѣ красы картины,
Всю прелесть ихъ изобразить?
Тамъ дальность съ небосклономъ слить,
Стадами тутъ устлать долины,
Златою жатвой опушить?

Нѣтъ, нѣтъ! оставимъ трудъ напрасный!
Ужъ солнце скрылось за горой;
Ужъ надъ эѳирной синевой
Межъ тучъ сверкаютъ звѣзды ясны
И зыблются въ рѣкѣ волной…

Всхожу на холмъ! Луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
Поверхъ текущаго стекла
По голубымъ зыбямъ мелькая
Блестящій столбъ свой провела.

О, какъ сіё мнѣ мѣсто мило,
Когда, во всей красѣ своей,
Приходитъ спутница ночей
Сливать съ мечтой души унылой
Воспоминанье прошлыхъ дней!…

Вотъ какія картины Малороссійской природы запечатлѣлись въ юномъ воображеніи внука поэта,—Петра; мы находимъ ихъ отпечатокъ и въ его стихахъ. Но какъ хорошà была та Малороссія, которую воспѣвалъ дѣдъ Капнистъ! Необозримыя степи, плодоносныя, тучныя, гдѣ,—покрытыя волнующимися жатвами, гдѣ,—лугами съ высокой густой травой и прелестными степными цвѣтами; болота, съ непроходимымъ очеретомъ, пріютъ волковъ и всякой дичи, гдѣ трещали всевозможныя птицы, порхали дикія утки, важно выступали журавли и носились классическія степныя чайки, прославленныя народной пѣсней; крутые берега глубокихъ и широкихъ рѣкъ, гдѣ шумѣли дубовыя и берестовыя рощи, пестрѣли сады, полные вишень, черешень, сливъ, вся-

кихъ плодовъ земныхъ; снѣжныя зимы съ ихъ сугробами, заносами, мятелями; весны съ ихъ шумящими потоками, разливами и заводями,—съ ихъ орошающей и оплодотворяющей влагой!—Не такова Малороссія, которую видѣлъ внукъ Капнистъ. Какъ скоро она измѣнилась! Крѣпостничество наложило свое клеймо на ея жителей, и на долгія времена задушило всѣ ихъ лучшія, духовныя проявленія. Оно вселило въ народѣ глубокое равнодушіе и къ матеріальному улучшенію края. Тѣ бѣдствія, какія описываетъ дѣдъ въ своихъ одахъ на крѣпостничество, успѣли такъ омрачить Малороссію, что ея картины, въ стихахъ внука, отпечатлены глубокой меланхоліей. Въ немъ возмущался и поэтъ и сельскій хозяинъ. Кто теперь узнаетъ Малороссію? Теперь лежатъ выжженые солнцемъ пространства, рѣки высохли [1]) разливовъ нѣтъ, рощи повырублены, благотворный снѣгъ зимой—рѣдкость, даже болота сохнутъ; и вся несчастная природа, чахлая пыльная, изнуренная, жаждетъ влаги и, не имѣя ея изнываетъ, палимая горячимъ вѣтромъ, а зимой схваченная рѣзкимъ морозомъ, безъ предохраняющаго землю и посѣвы снѣжнаго покрова.

Вотъ, что сдѣлано изъ плодоносной страны безпорядкомъ и халатностью, несообразными мѣрами: рубкой лѣсовъ, изсушиваніемъ болотъ у источниковъ Днѣпра, хищническимъ хозяйствомъ и нерадѣніемъ. Негодованіе беретъ, глядя на эту растрату матеріальныхъ силъ Россіи. Увы! и не однѣ матеріальныя богатства у насъ растрачиваются по пусту. Сколько нравственныхъ силъ задушено, забито общей лѣнью, и равнодушіемъ. Если взять напр. одну литературу? Былъ ли понятъ и оцѣненъ Пушкинъ, котораго мы теперь такъ чествуемъ? Взгляните въ воспоминанія В. А. Нащокиной. Въ той средѣ, гдѣ во времена Пушкина сосредоточивался цвѣтъ

---

[1]) Въ особенности съ тѣхъ поръ какъ нашли нужнымъ изсушить болота у источниковъ Днѣпра. Съ тѣхъ поръ какъ вырубили лѣса въ Харьковской и Черниговской губ. климатъ рѣзко измѣнился къ худшему.

образованія, говорили о немъ по поводу втораго брака его жены: „молодецъ, она выходитъ за генерала Ланскаго! это не то, что какой-то Пушкинъ, человѣкъ безъ имени и положенія!“ Графъ Бенкендорфъ не спасъ для Россіи великаго поэта, когда имѣлъ возможность помѣшать дуэли. Понималъ-ли онъ цѣну Пушкина? А Лермонтовъ? что обѣщалъ онъ, когда его убила пуля Мартынова? А развѣ Мартыновъ понималъ, что защищая свою личную честь онъ лишаетъ родину лучшаго пѣвца? Конечно нѣтъ, и даже, по словамъ его сына, онъ простодушно сознавался, что въ то время значеніе Лермонтова, какъ поэта не было опредѣлено. А смерть Рылѣева? Никто даже и не докладывалъ Государю о талантѣ Рылѣева, что и вызвало въ Императорѣ Николаѣ I-мъ позднее сожалѣніе. А всѣ забытые поэты, вовсе не заслуживающіе забытія и равнодушія? А всѣ задушенные съ раннихъ лѣтъ равнодушіемъ и насмѣшками, не успѣвшіе развиться и дать плодъ свой? Всѣ эти второстепенные поэты, у которыхъ талантъ не очень силенъ, но у которыхъ однако много хорошенькихъ, изящныхъ, прочувствованныхъ вещицъ,—къ чему ими принебрегать?

Вотъ нѣмцы, не только чествовали, и даже при жизни, своихъ, Гёте и Шиллера, но и разныхъ второстепенныхъ поэтовъ, какъ Гейбеля, Шамиссо, Фрейлиграта, Мюллера, и многихъ другихъ не забываютъ, сохраняютъ, издаютъ, читаютъ. И эти поэты интересны не только тѣмъ, что между ихъ сочиненіями встрѣчаются настоящіе маленькіе перлы, которые жалко бросить въ Лету,—но также тѣмъ, что совокупность второстепенныхъ поэтовъ составляетъ цѣлую литературную эпоху. Еслибъ у насъ, вмѣсто озлобленія и посмѣянія, кто нибудь задумалъ-бы собрать удачныя стихотворенія второстепенныхъ поэтовъ нашей эпохи,—онъ этимъ оказалъ-бы услугу литературѣ, хотя бы съ исторической точки зрѣнія. Наконецъ, еслибъ наши юные и неопытные поэты находили сочувствіе и руководство въ добросовѣстной критикѣ, они быть можетъ

и лучше развились-бы и мы не находились-бы въ такой пустынѣ какъ теперь, по отношенію къ поэтическимъ талантамъ. Свойства души, которыя составляютъ характеристику *поэта* — особенная непосредственность, чуткость впечатлѣній и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженность и гармонія настроенія,—требуютъ тихаго развитія, заботливаго просвѣщенія и теплаго отношенія. Вмѣсто того впечатлительную молодую душу сразу такъ озадачутъ, что ей ужъ не до стиховъ.

Прочтите критическія статьи французовъ; возьмите Жюль-Ле-Мэтра, онъ тоже умѣетъ карать бездарность своимъ вѣскимъ словомъ; но зато какъ добросовѣстно относится онъ къ тѣмъ, у кого хоть капля таланта, будь они даже декаденты, или вообще писатели, стоящіе на ложномъ пути. Онъ умѣетъ язвительно смѣятся надъ недостатками, но зато, какъ подчеркиваетъ онъ каждое хорошее качество. Авторъ, прочитавъ его статью, самъ увидитъ свою ошибку, невольно самъ надъ собой разсмѣется, но не падетъ духомъ, замѣтивъ тутъ-же и тонкую оцѣнку всего, что только есть въ немъ хорошаго, и,—понятый, подстрекаемый ироніей, одобренный разумной похвалой,—онъ почувствуетъ въ себѣ приливъ новыхъ творческихъ силъ и увидитъ свой путь яснѣе передъ собой. Да, такая критика, это идеалъ для автора, желаемое счастіе для поэта. А у насъ, и въ литературѣ, и въ жизни, и во всемъ, какое-то сухое, безплодное, обезнадеживающее вѣяніе, что французы зовутъ: *esprit de dénigrement,* отъ котораго блекнутъ всѣ живыя силы матушки Россіи.

III.

Послѣ живописныхъ впечатлѣній родной природы, второе мѣсто въ складѣ ума дитяти занимаютъ семейная обстановка и семейныя преданія. Мы разсказали, какимъ образомъ прадѣдъ Петра Ивановича Капниста перешелъ изъ Греціи въ Россію, чтобы продолжать въ новой, пріютившей его странѣ, борьбу съ заклятыми врагами

прежней отчизны,—съ турками; мы замѣтили, какимъ образомъ семья Капнистовъ мало-по-малу сроднилась съ Малороссіей, сохраняя однако прежнюю любовь къ свободѣ и прежнюю доблесть. Въ новой, русской обстановкѣ она осталась вѣрна тому, чѣмъ была на Занте, гдѣ записанные въ золотую книгу, и ставшіе такимъ образомъ венеціанскими патриціями,—Капниссн, отличались своей любовью къ народу и своей либеральностью. Тô же случилось и теперь, тѣмъ болѣе, что какъ сословіе русское дворянство далеко отъ феодальной западной аристократіи враждебно стоящей по отношенію къ другимъ классамъ; напротивъ, въ этой средѣ можно найти настоящихъ демократовъ, искренно входящихъ въ нужды и скорби народа, а не только *„pro domo suo“*,—людей развившихся до пониманія гражданскаго долга, внѣ собственныхъ, личныхъ интересовъ. Изъ дворянской традиціи своей семьи Петръ Ивановичъ вынесъ съ дѣтства понятіе, которое часто повторялъ въ жизни какъ девизъ: „Noblesse oblige!“ т.-е. понятіе о порядочности, честности и щедрости во всемъ, отъ важныхъ вопросовъ до мелочей.

Семейныя же преданія, храбрость и геройство прадѣдовъ всегда стояли какъ живой примѣръ въ юномъ воображеніи, а стихи дѣда Капниста и Державина наполняли его грудь благоговѣйнымъ трепетомъ. Въ немъ, какъ и вообще въ семьѣ его, нельзя было замѣтить и тѣни кичливости своимъ происхожденіемъ, но рано созрѣло въ немъ понятіе, что рядъ честныхъ, истинно благородныхъ и прославленныхъ предковъ,—какъ бы залогъ для каждой новой молодой жизни,—какъ бы отвѣтственность, съ которой слѣдуетъ считаться. Вотъ, тѣ образовательные элементы, которые сами собой дѣйствовали на душу ребенка; сознательно же его, можно сказать, никто не воспитывалъ.

Отецъ его, вѣчно занятый службой, былъ душой общественной жизни въ Полтавѣ. Его звали всюду, гдѣ надобился умный и честный дѣятель. Между прочимъ, генералъ-губернаторъ, князь Репнинъ, поручилъ ему при-

сматривать за постройкой кадетскаго корпуса; и построено это зданіе на славу; до сихъ поръ оно украшаетъ городъ. Страстно любя малороссійскій народъ,—онъ писалъ Докладную Записку Государю о причинахъ упадка благосостоянія малороссійскихъ казаковъ,—по которой видно, какъ близко былъ знакомъ ему весь ихъ бытъ. Однако, любовь къ Малороссіи не затемняла его яснаго политическаго взгляда. Еще когда онъ былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, декабристъ Пестель пріѣзжалъ на Украйну вербовать сообщниковъ и набирать войско для предполагавшагося переворота. Его идеи нашли себѣ откликъ въ странѣ, недавно перешедшей изъ вполнѣ свободнаго состоянія въ „кайданы" закрѣпощенія, и увлекли многихъ лицъ, близкихъ Ивану Васильевичу. Но когда Пестель пріѣхалъ въ Обуховку и изложилъ ему намѣренія декабристовъ, Иванъ Васильевичъ указалъ на шаткость ихъ системы. „Еслибъ вы имѣли дѣло съ Англіей или съ Франціей", сказалъ онъ Пестелю, „вы дѣйствовали бы успѣшно; но для Россіи ваша система немыслима, она чужда ея народному строю. Вы можете совершить вашъ переворотъ, но вы не предусмотрѣли народный бунтъ, который ему послѣдуетъ. Вы создадите смутное время въ Россіи; а разъединяя Малороссію и Россію, вы ослабите обѣ стороны и бросите ихъ въ добычу внѣшнимъ врагамъ. Я убѣжденъ, что ваши намѣренія, вдохновленныя великими идеями запада, для Россіи ничего, кромѣ вреда, не могутъ принести".

Иванъ Васильевичъ, увлеченный общественными заботами, рѣдко успѣвалъ видѣть своихъ дѣтей; по обыкновенію того времени, они были сданы на попеченіе няней, дядекъ и гувернеровъ. Когда же онъ посвящалъ имъ нѣсколько минутъ, — баловалъ и ласкалъ ихъ, водилъ съ собой гулять и училъ ихъ раздавать милостыню бѣднымъ. Но изъ всѣхъ его блестящихъ способностей, наименѣе блестящая была педагогія.—А мать Петра Ивановича? Что требовать отъ неопытной дѣвушки, съ четырнадцати-лѣтняго возраста вышедшей замужъ? Можно ли винить ее, неуспѣвшую повеселиться, рѣзвую, живую,—

что она не умѣла заняться воспитаніемъ своей слишкомъ многочисленной семьи и прямо играла съ дѣтьми, какъ съ куклами, а въ свободныя отъ нихъ минуты спѣшила потанцовать и похохотать. Ея мужъ, добрый, въ нее влюбленный, баловалъ ее, какъ только умѣлъ и ничѣмъ ее не стѣснялъ, ни въ чемъ ей не отказывалъ. Красоты она была писанной, многіе ею восторгались. Замужняя жизнь, наложившая на нее обязанности не по силамъ и не по возрасту, съ другой стороны, помѣшала ея собственному образованію, оторвала ее отъ книгъ и умственныхъ занятій. Хорошо еще, что у ней было добрѣйшее сердце. По крайней мѣрѣ дѣти всегда видѣли кругомъ себя гуманное отношеніе къ крѣпостнымъ, и никакихъ возмутительныхъ сценъ, столь обыденныхъ въ то время, не происходило въ семьѣ, гдѣ росъ Петръ Ивановичъ; напротивъ, отецъ и мать, примѣромъ своимъ, сумѣли внушить дѣтямъ обходительность и ласковое обращеніе съ прислугой. Этому еще способствовалъ глубоко-христіанскій строй семьи, не имѣвшій ничего притворнаго, но оживлявшій душу вѣрой въ Бога и убѣжденіемъ, что всѣ люди—братья. Такія простыя истины, кажутся слишкомъ обыкновенными, чтобы о нихъ говорить, однако онѣ создаютъ атмосферу, въ которой искра Божія можетъ развиться, гдѣ ребенка не обдастъ сразу мертвящимъ холодомъ, гибельнымъ для всей этической стороны характера.

За мальчикомъ ходила добрая старушка няня, Марья Ѳедоровна, знатокъ разныхъ малороссійскихъ сказаній и обычаевъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ она посвятила ребенка въ фантастическій міръ Малороссіи и ея легендъ. Кромѣ няни, къ нему приставили старика дядьку, отличавшагося своей религіозностью. Онъ читалъ воспитаннику четья минею. Ребенокъ зачитывался житіемъ святыхъ, знакомясь такимъ образомъ съ славянскимъ языкомъ, заслушивался разсказами дядьки, и доходилъ до слезъ и религіозныхъ экстазовъ. Эти теплыя впечатлѣнія дѣтства никогда не изгладились въ душѣ поэта, всегда пылавшей горячей любовью къ Богу.

Кромѣ этихъ чтеній и разсказовъ, на него производила глубокое впечатлѣніе русская исторія Карамзина, которую онъ съ малыхъ лѣтъ зналъ чуть ли не наизусть. Странное свойство его ума заключалось въ томъ, что его всегда интересовали характеры отрицательные. Больше всѣхъ другихъ историческихъ лицъ его воображеніе занималъ тогда Святополкъ окаянный, а въ Библіи—Саулъ, къ которому онъ относился съ большимъ участіемъ.

И всетаки, въ своей многочисленной семьѣ онъ чувствовалъ себя одинокимъ. Его фантазія находила себѣ пищу въ своеобразной этой средѣ, но любящее, до болѣзненности нѣжное и чувствительное сердце не находило отклика. Ему нужна была мать, которая вся бы ему отдалась,—всей своей лаской и любовью обняла бы его слишкомъ воспріимчивую и чуткую душу, пока она не окрѣпнетъ, мать,—которая духовно его выносила бы и вскормила. Это нравственное удвоенное материнство, какого онъ требовалъ, почти невозможно тамъ,—гдѣ мать заботится о громадной семьѣ, и гдѣ она сама еще не доросла до понятія объ этомъ духовномъ материнствѣ. Братья и сестры его, красивые, здоровые, живые дѣти, больше нравились родителямъ чѣмъ онъ, блѣдный, худощавый, часто хворавшій мальчикъ. Съ его выразительнымъ но не совсѣмъ правильнымъ лицомъ, между маленькими красавцами его считали дурнушкой, и это очень нехорошо повліяло на него. Сперва онъ почувствовалъ какую-то грусть, стыдливость проявлять свои чувства, потомъ робость, а далѣе развилась въ немъ скрытность и замкнутость въ себѣ самомъ, которая, къ сожалѣнію вошла въ сознательный принципъ и въ привычку.

Жизнь въ Полтавѣ текла шумно. Еще до сихъ поръ существуетъ на Соборной площади тотъ длинный одноэтажный деревянный домъ[1]), въ которомъ жила семья Ивана Васильевича, вмѣстѣ съ семьей его покойнаго старшаго брата. Съ дѣтьми воспитывались еще покро-

---

1) Возлѣ дома поэта Котляревскаго.

вительствуемые Иваномъ Васильевичемъ дѣти одного бѣднаго помѣщика, такъ что въ общемъ, домъ представлялъ собой не одну семью, а цѣлый кланъ. Въ то время въ Полтавѣ собиралось очень милое общество, изъ окрестныхъ помѣщиковъ. Два раза въ недѣлю Иванъ Васильевичъ давалъ званые обѣды, на которыхъ часто держалъ рѣчи, и обсуждалъ съ дворянами разные вопросы. Разъ въ недѣлю всѣ собирались къ нему на балъ, и веселились, какъ умѣли веселиться наши беззаботные дѣды и бабушки, безъ затѣй и безъ чванства. О простота тогдашнихъ нравовъ! Въ дождливую осень случалось, что по невымощенной Соборной площади нельзя было ни проѣхать, ни пройдти,—экипажи вязли, лошади не въ силахъ были ихъ вывезти. И что же? Въ кареты впрягали воловъ, которые и протаскивали благополучно гостей черезъ лужи на балъ къ предводителю дворянства.—На той же Соборной площади помѣщались псарни Ивана Васильевича; у него были своры гончихъ, и часто онъ охотился съ компаніей веселыхъ сосѣдей. Хорошо—мѣстоположеніе этой площади, гдѣ стоитъ старинный соборъ. За домами и флигелями—сады, а оттуда идетъ внизъ крутой склонъ той высокой горы, гдѣ построена живописная Полтава, съ ея невысокими домами, старыми церквами, и памятниками прошлаго,—вся утопающая въ садахъ. Внизу разстилается широкій кругозоръ на предмѣстіе, такъ называемый подолъ, на вьющуюся межъ полей и рощей рѣку Ворсклу и на далекую степь съ песками, сливающуюся на горизонтѣ съ небомъ. Эта ширь дышетъ и привольемъ, и грустью. Но эта равнина наводитъ еще на историческія воспоминанія, и юный сынъ Ивана Васильевича, увлекавшійся чтеніемъ русской исторіи, часто мечталъ, сидя на камнѣ, о томъ, какъ по этой равнинѣ шли полки Петра Великаго, какъ здѣсь въ Полтавѣ была рѣшена участь Россіи, какъ Петръ отдыхалъ послѣ битвы на этомъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ его памятникъ, какъ онъ благодарилъ Бога за побѣду въ этой старинной деревянной церкви, куда самъ ребенокъ не разъ заходилъ молиться объ

упокоѣ души того, кто основалъ силу Россіи, кто отстоялъ ея существованіе.

Случилось, что въ Полтаву пріѣхалъ Императоръ Николай I. Эти царскія посѣщенія были весьма благотворны. Августѣйшіе гости знакомились съ нуждами края, съ духомъ русскаго общества; они имѣли случай встрѣтить болѣе широкій кругъ лицъ, чѣмъ въ столицѣ, гдѣ они окружены все однимъ и тѣмъ же, довольно тѣснымъ кругомъ. Личное знакомство съ провинціей давало имъ возможность дѣйствовать непосредственно, выбирая для службы и для правительства тѣхъ, кто имъ подходилъ, а не только тѣхъ, которыхъ къ нимъ допускали окружавшіе ихъ особу люди. Съ другой стороны, — пріѣздъ высокопоставленнаго дорогого гостя освѣжалъ жизнь провинціи. Все подтягивалось, во всѣхъ являлось соревнованіе; любовь къ монарху оживлялась обаяніемъ его близости, и между нимъ и подданными крѣпла та связь, которая должна существовать въ монархическомъ государствѣ.

Какъ предводитель дворянства,—Иванъ Васильевичъ понятно былъ на виду; но Государь обратилъ на него особенное вниманіе на обѣдѣ у князя Репнина, когда Ивану Васильевичу пришлось держать рѣчь. Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво, дѣльно, интересно, что Государь велѣлъ пріостановить смѣну и подаваніе блюдъ и долго благосклонно его слушалъ. Уѣзжая изъ Полтавы, онъ взялъ его съ собой въ коляску, и часа два съ нимъ ѣхалъ, разсуждая все время объ интересовавшихъ его мѣстныхъ вопросахъ. Такое внимательное и ласковое обращеніе было пріятно Ивану Васильевичу, тѣмъ болѣе, что труды его оказались оцѣненными. Въ 1835-мъ году онъ былъ пожалованъ въ камергеры; въ 1841-мъ—выбранъ полтавскими дворянами губернскимъ предводителемъ дворянства на пятое трехлѣтіе; въ 1842-мъ году, — назначенъ Государемъ въ Смоленскъ,—губернаторомъ; а оттуда, черезъ два года переведенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Москву, съ окладомъ въ двѣнадцать тысячъ жалованія.

XXXVIII

И такъ, Петръ Капнистъ выѣхалъ въ первый разъ изъ своей родимой Малороссіи тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Весь кланъ поднялся изъ Полтавы,—семья, родня, дворовые люди съ ихъ семьями, воспитанники и приживальщики. Иванъ Васильевичъ и слышать не хотѣлъ, чтобъ разлучать своихъ служителей—крѣпостныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми.

Въ Смоленскѣ Петръ Ивановичъ продолжалъ учиться въ гимназіи, но тутъ, впервые предстояло ему удовольствіе, которое онъ всю свою жизнь страстно любилъ, и которое повліяло на его поэтическое развитіе.

До того времени, изъ театральныхъ представленій ему приходилось только видѣть коляды, да маріонетки, такъ называемые „вертепы“, еще процвѣтавшіе тогда въ Малороссіи,—теперь же въ распоряженіе губернатора была предоставлена ложа, и мальчикъ могъ каждый вечеръ наслаждаться театромъ. Онъ пересмотрѣлъ всѣ піесы, какія давались, и впервые познакомился съ Шекспиромъ, Шиллеромъ и Грибоѣдовымъ. Разъ, ему пришлось быть свидѣтелемъ забавнаго случая. Давали Гамлета; все прошло благополучно, тѣнь появлялась съ надлежащимъ эффектомъ и актеры играли порядочно. Сцена объясненія Гамлета съ матерью. За занавѣсой спрятанъ Полоній. Гамлетъ его замѣчаетъ: „мышь! мышь!“ вскрикиваетъ онъ, бросаясь къ занавѣси и убиваетъ Полонія, который, какъ слѣдуетъ, шатается и падаетъ мертвымъ. Гамлетъ тащитъ мертваго Полонія черезъ сцену, но тутъ, у бѣдняги актера—Полонія выпали изъ кармана мѣдные гроши и покатились по сценѣ. Не долго думая, Полоній воскресаетъ, вскакиваетъ, собираетъ свои деньги и вновь ложится въ прежнюю позу мертвеца, какъ ни въ чемъ не бывало.

Не долго пробыли Капнисты въ Смоленскѣ. Черезъ два года они ужъ переѣхали въ Москву, съ которой вскорѣ сроднилась вся ихъ семья. Петру было лѣтъ пятнадцать. Москва стала для него alma mater. Тамъ онъ кончилъ гимназію и поступилъ потомъ въ университетъ. Въ то время онъ по-дѣтски влюбился въ свою взрослую

кузину, имѣвшую на него отличное вліяніе. Умная и хорошо образованная дѣвушка подстрекала его честолюбіе въ дѣлѣ ученія, тѣмъ болѣе, что она предпочитала ему его старшаго брата, красавца. Онъ хотѣлъ щеголять умомъ, если не красотою, и сталъ прекрасно учиться. — Въ немъ заговорилъ поэтическій талантъ; шестнадцати лѣтъ написалъ онъ свои первые стихи; дѣдъ его, Василій Василіевичъ, въ томъ же возрастѣ началъ свою поэтическую дѣятельность. Вообще въ этомъ возрастѣ развивается новый міръ чувства и сердца; человѣкъ становится поэтомъ; въ немъ созрѣваетъ необходимость переливать свое существо во внѣшнюю форму, — въ любовь, или въ искуство. Творчество—та же любовь, направленная на отвлеченную область красоты. До конца жизни нашъ поэтъ былъ страстнымъ поклонникомъ красоты, но возвышеннымъ поклонникомъ, какъ настоящій художникъ; и даже мимолетныя впечатлѣнія, встрѣчи съ красавицей или миловидной женщиной не оставались для него безслѣдными, но облекались въ прелестную форму лирическихъ стиховъ. Въ первой юности онъ принималъ этотъ жаръ души и пылкій восторгъ передъ лучшимъ воплощеніемъ красоты, — какимъ онъ считалъ женщину, — за любовь. Понятно, онъ бывалъ часто влюбленъ; онъ увѣрялъ, что въ первый разъ влюбился въ одну взрослую красавицу, когда ему было лѣтъ семь[1]). Такая сильная впечатлительность въ ребенкѣ, и такое очарованіе красотой, свидѣтельствуютъ о художественности его естества.

Предметами зажегшими молодое воображеніе, были и впрямь прелестныя дѣвушки, сперва его кузина, Е. С. К. потомъ другая,—подруга его сестеръ С. А. Ч. Свѣтская жизнь, которую онъ велъ предрасполагала къ такимъ чувствамъ. Балы и обѣды чередовались въ гостепріимномъ домѣ его отца, который держался мнѣнія, что

---

[1]) Онъ намекаетъ объ этомъ раннемъ чувствѣ въ стихахъ Н. А. О. стр. 94.

Я вашу бабушку любилъ
Когда еще я былъ ребенкомъ...

видное общественное положеніе обязываетъ вести открытый образъ жизни, принимать и веселить общество. И такъ на этихъ балахъ онъ часто встрѣчалъ привлекательную дѣвушку, которая такъ ему нравилась. Любовь укрѣпила элементъ замкнутости въ его характерѣ. Нашъ поэтъ не былъ счастливъ; сперва его затмѣвалъ, какъ мы видѣли, старшій братъ, а въ другой разъ, какой-то лихой гусаръ, которому и досталось же въ стихахъ[1]). Къ этому раннему времени принадлежатъ написанные въ 1846-мъ году: **„*Я помню тихій разговоръ*"**, **„*Когда при шумѣ бальной рѣчи*"**, **„*въ альбомъ С.*"**[2]), ***Передо мной зеленая равнина*** и ***Росинка***[3]). Черезъ годъ, лѣтъ восемнадцати, онъ, подъ иниціалами, печатаетъ въ Современникѣ 1847-го года двѣ піесы: **„*Тобой приличья завладѣли*"** и „Кокетка",—пишетъ ***Наяду***, ***Осень***. Нѣкоторые его юныя стихотворенія, въ которыхъ даже нѣтъ особенной содержательности или новизны мысли, интересны однако тѣмъ, что въ нихъ—сліяніе вполнѣ зрѣлаго, прекраснаго стиха съ той неподдѣльной живостью и свѣжестью, которая дается только первой юности. Это младенческій лепетъ переложенный въ вполнѣ округленную форму гибкаго и яснаго стиха. Вотъ чѣмъ выдѣляются эти стихи изъ молодыхъ твореній другихъ поэтовъ, у которыхъ обыкновенно и форма и содержаніе развиваются заразъ. Тутъ,—форма сложилась раньше чѣмъ молодой складъ ума,—она готова для будущаго воспринятія мыслей; говорить стихомъ ему присуще, это его наслѣдіе отъ дѣда, наслѣдіе идущее изъ далекаго іоническаго острова,—древней колыбели его предковъ. И вотъ какъ граціозно описываетъ онъ ту, передъ которой преклоняется въ восемнадцать лѣтъ:

Завидно утро вашихъ дней,
Оно,—какъ свѣтлый Май прекрасно;

---

[1]) Стр. 15.
[2]) Утренняя заря. Стр. 14 и 13.
[3]) III-й Отдѣлъ.

XLI

Заря горитъ тепло и ясно,
И все горитъ на встрѣчу ей.

И вы, какъ птичка на свободѣ,
Мечтою вольной, золотой,
Рѣзвясь въ далекомъ небосводѣ
Слегка знакомитесь съ землей.

Легко вамъ плакать и смѣяться,
Легко молиться и шутить,
Разубѣждаться, убѣждаться,
И полюбить, и разлюбить.

И безъ тревогъ, безъ испытанья,
Надъ вами пролетятъ года,
Души возвышенной страданья
Васъ не постигнутъ никогда.

И слава Богу! вѣдь мученья
Любви глубокой не дадутъ
Вамъ въ этой жизни утѣшенья,
А только сердце изомнутъ;

За то безъ горя и потери
Вы проживете какъ дитя,
И безъ экзамена, шутя,
Пропустятъ въ райскія васъ двери.

Ей же отвѣчаетъ онъ, съ большимъ достоинствомъ, когда она обидѣла его, назвавъ его мальчикомъ:

Пускай не больше буду я
Какъ только мальчикъ, но душою
Знакомъ я съ моремъ бытія,
Боролся я съ моей судьбою.

Положимъ, я не такъ богатъ
На гордость глупую и лѣта,

XLII

Какъ взрослые питомцы свѣта
Или иной аристократъ.

Зато я мальчикъ до сихъ поръ
Въ развратѣ, въ подлости,—и право
Я ненавижу хитрый взоръ,
И не ищу я свѣтской славы.

Въ собакахъ, въ лошадяхъ, въ винѣ,
Мнѣ трудно толку доискаться,—
И за границей промотаться,
Клянусь вамъ,—нѣтъ охоты мнѣ.

Зато, на старости моей,
Авось жену не проиграю,—
И честь мою не промѣняю
На экипажъ и лошадей.

И эти слова мальчика сдержалъ мужчина.

Къ тому времени, т.-е. къ 1848-му году, нашъ поэтъ поступилъ въ университетъ. Старшій братъ его, тоже студентъ, предавался всѣмъ развлеченіямъ молодости, кутилъ и тратилъ много денегъ, которыми щедро надѣлялъ его, любившій баловать дѣтей своихъ Иванъ Васильевичъ. Почти вездѣ въ свѣтѣ, сложилось понятіе, что молодой человѣкъ долженъ пожить. И эта жизнь въ томъ заключается, что происходитъ непроизводительная всеобщая растрата нравственныхъ и физическихъ силъ, и швыряніе денегъ направо и налѣво,—родительскихъ или взятыхъ въ долгъ. Такой примѣръ стоялъ передъ глазами Петра Ивановича. У его братьевъ были свои экипажи, свои лошади, свои слуги, у него же ничего этого небыло, потому что чувство гордости не позволяло ему просить лишнихъ денегъ у отца своего, видя что у него и безъ того много тратъ. Старшій братъ сошелся въ университетѣ со всей московской знатью и золотой молодежью, а также съ кутилами. Петръ Ивановичъ держалъ себя немного въ сторонѣ,

независимо, сходился трудно, и то съ людьми умными и дѣльными, не взирая на ихъ общественное положеніе. Въ своихъ тогдашнихъ стихахъ онъ описываетъ себя угрюмымъ, хотя трудно ему въ этомъ повѣрить; всѣ знавшіе его молодымъ человѣкомъ говорятъ, что онъ былъ душой общества, острякомъ, и безпрестанно сочинялъ экспромпты и стихи. Умственный міръ всегда поглощалъ его и это тѣмъ болѣе удивительно, что несмотря на гувернантокъ и гувернеровъ, никто изъ молодежи въ его семьѣ не любилъ серьозныхъ занятій, не увлекался чтеніемъ,—тогда какъ его, братья и сестры не помнили безъ книги. Къ своему поэтическому таланту, подъ вліяніемъ семейныхъ традицій, онъ относится серіозно, какъ къ дару Божьему; и вотъ какъ изливается это чувство въ стихахъ, писанныхъ въ родственный альбомъ:

Гляжу безмолвно на альбомъ,
Невольно я благоговѣю
И ничего писать не смѣю
Моимъ неопытнымъ перомъ;
Тамъ, гдѣ Державинъ величавый,
Пѣвецъ небесъ, любимецъ славы,
Рукой божественной писалъ,—
Нѣтъ, никогда-бъ я не дерзалъ
Съ моею музою смиренной
Простыя пѣсни распѣвать
Гдѣ пѣсни генія звучатъ,
Гдѣ пѣлъ и дѣдъ мой вдохновенный.
Ты помнишь блескъ родныхъ ночей,—
Скажи,—когда пѣвецъ полей,
Въ кустахъ акацій, соловей
Порою въ звукахъ разливался,
Скажи,—тогда кто восхищался
Свистаньемъ бѣднаго дрозда?...
Не угасай, моя звѣзда!
И я, быть можетъ, до разсвѣта
Съ наукой доживу, тогда

Я имя славное поэта
Въ восторгѣ сладостномъ моемъ
Въ альбомѣ запишу твоемъ.
Но если,—грустное мечтанье!—
Мои надежды лучшихъ дней,
Мои завѣтныя желанья,
Все, все судьба рукой своей
Разрушитъ злобно, невозвратно,
И буду жалкій я поэтъ,—
Какъ будетъ грустно, непріятно,
Черезъ десятокъ грозныхъ лѣтъ,
Мой другъ, въ твоемъ альбомѣ встрѣтить
Мою борьбу съ моей судьбой!...
Какъ горько будетъ мнѣ замѣтить
Насмѣшку надъ самимъ собой!

Университетская жизнь такъ и охватила страстно жаждавшій знанія юный умъ. Въ то время каѳедру исторіи занималъ Грановскій, который оставилъ на немъ неизгладимое вліяніе. Этотъ мудрецъ-педагогъ на подобіе древнихъ, умѣлъ будить въ душѣ молодежи цѣлую внутреннюю жизнь мысли и свѣта, и не одной наукѣ училъ онъ, а искуству быть человѣкомъ. Встрѣчая въ жизни учениковъ Грановскаго, мнѣ пришлось замѣтить, что при одномъ напоминаніи о немъ человѣкъ преображался. Какъ бы онъ ни зачерствѣлъ, какъ бы ни былъ испорченъ средой, затертъ свѣтской суетой,— онъ вдругъ молодѣлъ, въ немъ просыпалось что-то порядочное, будто съ него стряхнули всю житейскую пыль. И мы, не знавшіе Грановскаго, находимъ его индивидуальность не только въ его историческихъ трудахъ, и записанныхъ его учениками лекціяхъ, но и въ томъ особенномъ отпечаткѣ, который онъ наложилъ на своихъ слушателей. Слово его всегда было свободно, но вмѣстѣ съ тѣмъ уравновѣшено и незлобно. Каѳедру русской словесности занималъ Шевыревъ. На первомъ курсѣ, какъ нарочно, нашъ поэтъ вовсе не учился этому предмету, и не подготовился къ экзамену. На его

счастіе ему выпалъ билетъ: о народныхъ обычаяхъ и легендахъ. Не долго думая, онъ вспомнилъ разсказы своей старой няни, и началъ ихъ излагать профессору. Говорилъ онъ живописно и краснорѣчиво. Шевыревъ пришелъ въ восторгъ, поставилъ ему пятерку съ крестомъ и прибавилъ: „Все, что вы разсказываете, молодой человѣкъ, замѣчательно интересно. Видно, какъ вы глубоко изучили нашу родную поэзію, какъ вы знаете нашъ народный бытъ. Продолжайте такъ заниматься. Я васъ просилъ бы записать для меня нѣсколько преданій. Пожалуйста, когда опять будете въ Малороссіи, изучайте и впредь такъ же добросовѣстно разныя народныя повѣрія“.

Между студентами Петръ Ивановичъ встрѣтилъ въ университетѣ С. А. Рачинскаго, Благово, братьевъ Чичериныхъ.

Лѣто дѣти Ивана Васильевича проводили въ Сокольникахъ, гдѣ молодой поэтъ вдохновлялся природой, которую страстно любилъ. Ей повѣрялъ онъ чувства и думы, и ему казалось, что въ ней находилъ онъ откликъ на все, что скрывалъ въ душѣ своей отъ окружавшихъ.

О чемъ какъ другъ, какъ свѣтлый геній,
Іюльскій вечеръ золотой
Съ моей бесѣдуетъ мечтой?...

Понятно о поэзіи, о томъ, что слишкомъ нѣжно, слишкомъ свѣтло, что грубое прикосновеніе внѣшняго міра попрало бы, какъ крылья бабочки мнетъ и ломаетъ рука рѣзваго ребенка. И всѣ эти мимолетныя впечатлѣнія природы и чувства изливались въ стихахъ.

Умчался громъ и вихорь бури,
Недугъ природы миновалъ,
И на землѣ, и на лазури
Лучъ солнца вновь затрепеталъ.
Настало дивное молчанье
За мимолетною борьбой...

Свѣжей природы одѣянье;
Звенитъ живое лепетанье
Ручья, рожденнаго грозой.

Вскорѣ новыя картины природы открылись передъ нимъ. Лѣтомъ 1849-го года онъ поѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ семьей младшаго брата его отца,—его любимаго дяди Алексѣя Васильевича. Во время этой поѣздки онъ сочинилъ маленькую драматическую поэму о морѣ, которую дѣти,—его двоюродные сестры и братья,—представляли въ костюмахъ изъ живыхъ цвѣтовъ.—Тамъ, гдѣ являлся поэтъ нашъ, всегда вносилось оживленіе и притомъ съ эстетическимъ оттѣнкомъ. Въ Москвѣ онъ описывалъ въ стихахъ все общество, всѣхъ знакомыхъ, и эти стихи повторялись его друзьями какъ шутки и мадригалы. Къ этому времени однако относятся и болѣе серіозныя піесы, напримѣръ: огненные стихи „*По полученію извѣстія о возстаніи въ Венгріи*“ и „*Графинѣ Растопчиной*“, гдѣ уже проглядываетъ мнѣніе автора о правахъ и достоинствѣ женщины.

Онъ задумываетъ и болѣе длинныя піесы: приводимъ поэму „*Юліанъ Отступникъ*“, какъ примѣръ яркихъ, сильныхъ стиховъ, которые легко летятъ, точно стрѣлы:

„Нѣтъ, не увянетъ, не падетъ
„Олимпа блескъ первоначальный,
„Олтарь боговъ не порастетъ
„Травой забвенія печальной!
„Героямъ древнимъ и богамъ
„Опять надъ Римскими холмами
„Великолѣпный будетъ храмъ
„И задымятся ѳиміамы;
„Возстанутъ въ золотѣ жрецы;
„Возникнутъ вновь весталокъ хоры;
„Падутъ закланные тельцы,
„Польется возліяній море;
„Проснутся звуки славныхъ лиръ,
„Стихи Гомера и Платона...

XLVII

„И онѣмѣетъ новый міръ
„Предъ новымъ блескомъ Пантеона“.
— На боевомъ своемъ конѣ
Такъ Юліанъ мечталъ свободно
Въ пустынѣ, дальней сторонѣ
Мессопотаміи безводной.
Багряный вьется плащъ на немъ
Блеститъ оружіе дорогое
И дышетъ мужества огнемъ
Лицо отступника-героя.
Падетъ изнѣженный Востокъ
Передъ лучемъ его короны,
Падетъ, и день ужъ не далекъ...
Какъ необузданный потокъ
За нимъ толпятся легіоны;
Они идутъ, щиты гремятъ,
На шлемахъ солнца лучь играетъ;
Надеждой взоры ихъ горятъ,
Орлы ряды ихъ осѣняютъ.
Напрасно жажда ихъ томитъ,
Напрасно степь, какъ привидѣнье
Голодной смерти имъ грозитъ,
Страшна не смерть,—а униженье.
Пускай полдневный солнца зной
Кругомъ пустыню раскаляетъ
И безобразною толпой
Утесовъ желтыхъ длинный строй
Пути имъ часто заграждаетъ,
Пускай жестокій ураганъ
Своей удушливой грозою
Песковъ подыметъ океанъ,—
Не поблѣднѣетъ Юліанъ
И не падетъ передъ бѣдою.
„Не мнѣ“, спокойно мыслитъ онъ,
„Бояться злобы урогана,—
„Аидъ не узритъ Юліана,
„Пока Олимпъ не отомщенъ“.
— Вдругъ всадники вдали бѣлѣютъ,

Какъ туча бурной быстроты,
Блестятъ ихъ копья и щиты,
Мечи сверкая пламенѣютъ.
Стрѣла нежданная взвилась
И прямо въ грудь ему впилась.
И Юліанъ главой поникнулъ,
Стрѣлу онъ судорожно схватилъ.
„О Галилеянинъ!“ воскликнулъ,
„Ты побѣдилъ! Ты побѣдилъ!“

Въ Крыму написалъ онъ поэму: „*Разбойникъ*“. Мы отмѣчаемъ ее потому, что интересно прослѣдить, какъ складывался мало-по-малу въ поэтѣ, образъ воплощающій въ себѣ протестъ противъ общества. Этотъ образъ всю жизнь, не переставая, смущалъ его душу,—сперва въ юной поэмѣ „Разбойникъ“, гдѣ описывается крымская природа, гдѣ царитъ псевдобайроновскій колоритъ,—позже въ „Преступникѣ“, гдѣ звучитъ протестъ во имя родины,—наконецъ въ трагедіи „Стенька Разинъ“, гдѣ протестъ во имя безправнаго и неимущаго человѣчества.

Въ „Разбойникѣ“ встрѣчаемъ мы протестъ во имя любви, который лучше всего понимается въ юные годы, когда человѣкъ сталкивается съ правилами общепринятой рутины, нельзя сказать, чтобы нравственной, или сколько нибудь отвѣчающей возвышеннымъ началамъ. Тамъ, гдѣ навстрѣчу лучшимъ порывамъ сердца идетъ грубая и жалкая дѣйствительность, тамъ чистое и сильное молодое существо всегда подыметъ протестъ личной свободы, стремящейся къ свѣтлой, естественной любви, къ поэзіи жизни; оно не захочетъ мириться съ сухимъ и мелкимъ развратомъ, а потребуетъ глубокаго, изящнаго и полнаго чувства.

У нашего молодого поэта протестъ душевной независимости выражался иногда и въ шуточныхъ вспышкахъ, которыя пришлись бы по сердцу не одному юному существу, готовому ринуться въ жизнь, дойдти до всего самому, хотя бы цѣной горькаго опыта:

Нѣтъ! на землѣ человѣка
Вѣчная душитъ опека!
Какъ ни живи, ни финти,—
А отъ нея не уйдти!

Чуть закричалъ изъ пеленокъ,
Чуть разцвѣтаетъ ребенокъ,
Только что глазъ молодой
Душу знакомитъ съ землей,

Ужъ очарованнымъ кругомъ
Явится къ вашимъ услугамъ
Куча друзей и родныхъ,
Съ хламомъ понятій своихъ:

Учитъ въ мученіи строгомъ
Что называется Богомъ,
Что называется страсть,
Что называется власть.

Прежде чѣмъ мысль встрепенется,—
Въ клѣтку она попадется;
И до скончанія дней
Воли не выстрадать ей...

Однако, у него былъ слишкомъ уравновѣшенный умъ, чтобы вдаваться въ крайности. Ненавидя насилье, онъ рано понялъ, что прогрессъ и благія идеи не могутъ вноситься насильемъ, и что все прочное создается не смутами, а преобразованіями. Вліяніе Грановскаго не мало способствовало,—чтобы положительное начало добра, серіозный, но ясный взглядъ, взялъ бы въ немъ верхъ надъ отрицательнымъ взглядомъ, входившимъ уже тогда въ моду и вскорѣ проявившимъ себя въ талантливомъ Герценѣ. Въ его природѣ замѣчалась двойственность: разумныя начала лежали въ свойствахъ его ума, склоннаго къ порядку, разсужденію и философствованію. Эти черты были унаслѣдованы имъ изъ Греціи. Греки, больше

чѣмъ какой народъ въ мірѣ, всегда любили порядокъ и разсудительность. Его же темпераментъ,—съ порывами сердечности, гнѣва, восторга, безпокойства,—этотъ горячій темпераментъ, который ему приходилось съ трудомъ обуздывать,—вполнѣ русскій, какъ вихрь, вѣющій по нашимъ безпредѣльнымъ степямъ. Какъ онъ самъ выражался, имъ овладѣвалъ демонъ фантазіи. Въ его душѣ происходила постоянная борьба. Для критика, для поэта,—такое состояніе духа неоцѣнимо, такъ какъ даетъ возможность одному и тому же лицу прочувствовать пылко и глубоко, а вмѣстѣ съ тѣмъ,—холодно разсудить. Но для человѣка такое свойство тяжело, особенно при крайней впечатлительности и нервности его характера. А нервность его происходила оттого, что инструментъ былъ слишкомъ чувствителенъ, и раздражался отъ внѣшнихъ прикосновеній.

Властно-примиряюще дѣйствовалъ на него съ малыхъ лѣтъ постоянный живой примѣръ его отца,—этого умнаго, добраго и самостоятельнаго въ добрѣ общественнаго дѣятеля. Иванъ Васильевичъ не отклонялся отъ своихъ убѣжденій, ни въ коемъ случаѣ не мѣнялъ ихъ. Преданный монарху и государству,—онъ дѣйствовалъ не какъ слѣпое орудіе, но старался заставить всѣхъ подвластныхъ ему полюбить тѣ принципы, которымъ онъ служилъ. Въ качествѣ московскаго губернатора ему не разъ приходилось сталкиваться съ полицейскими мѣрами противъ раскольниковъ. Онъ былъ увѣренъ, что гоненія не искореняютъ раскола, а только воспламеняютъ его, создавая новыхъ мучениковъ, примѣръ которыхъ соблазняетъ многихъ. Поэтому, онъ смягчалъ до крайности всѣ мѣры противъ нихъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно религіозный, чтобы не дѣйствовать насильемъ тамъ, гдѣ самъ Христосъ дѣйствовалъ увѣщеваніемъ.—О щедрости его знали всѣ бѣдные въ Москвѣ, всѣ нуждавшіеся въ помощи или въ участіи. Старики его помнящіе говорятъ о немъ, какъ о праведникѣ. И столько раздавалъ онъ во всѣ стороны, что ему едва-едва хватало на своихъ. Особенно запечатлѣлся

въ памяти его сына Петра слѣдующій случай, при которомъ самъ онъ присутствовалъ. Сговорились разъ купцы московскіе,—многіе изъ нихъ были раскольники,— и собрали между собой сто тысячъ рублей. Выбрали они депутацію и являются къ Ивану Васильевичу: „Вотъ", говорятъ они, „пришли мы къ тебѣ, Иванъ Васильевичъ, спасибо тебѣ сказать за твою доброту, за твою справедливость! Ты намъ какъ отецъ родной, а еслибъ ты хотѣлъ, ты могъ бы насъ обижать и денегъ съ насъ брать сколько хочешь. Мы знаемъ, что ты,—человѣкъ не богатый, а семья у тебя большая. Вотъ мы и разсудили между собой; рѣшили придти къ твоей милости, попросить тебя принять нашу благодарность и сто тысячъ серебромъ, а дѣтямъ твоимъ,—лакомства". Поклонившись въ поясъ они подносятъ ему деньги на серебряномъ блюдѣ, и громадные подносы съ разными сладостями. Иванъ Васильевичъ поблѣднѣлъ отъ волненія и слезы выступили у него на глазахъ. Онъ обнялъ и поцѣловалъ депутатовъ и отвѣтилъ имъ: „Спасибо, братцы, за вашу любовь, и заботу обо мнѣ. Но денегъ принять я не могу. То, что я для васъ дѣлаю,—долгъ честнаго человѣка. Но, чтобы не обидѣть васъ отказомъ, я приму сладости для моихъ дѣтей".—Однако молва разошлась по Москвѣ объ этомъ случаѣ. Другъ Ивана Васильевича, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, лучшій представитель русскаго боярина, всѣмъ и всегда говорившій правду, услышалъ объ этомъ и передалъ Императору Николаю I-му, который любилъ и уважалъ его. „Что же, Капнистъ отказалъ?" спросилъ Государь, не давъ Голицыну даже окончить разсказа. „Отказалъ, Ваше Величество".—„Я отъ него такъ и ожидалъ", продолжалъ Императоръ, „хорошо; онъ раскаиваться не будетъ".

На другой день послѣ этого разговора Иванъ Васильевичъ получилъ рескриптъ о благоволеніи Государя, написанный собственной рукой Его Величества,—черезъ день Анненскую звѣзду, и опять черезъ день, шестьдесятъ тысячъ рублей серебромъ.

IV.

Пріѣздъ Государя въ Москву былъ ознаменованъ въ высшемъ обществѣ особеннымъ оживленіемъ. Петръ Ивановичъ помнилъ два бала, у Корсакова, и у князя Голицына,—блескомъ и изяществомъ своимъ затмившіе всѣ балы, какіе ему пришлось видѣть позже. На одномъ изъ нихъ, костюмированномъ, танцовало 77 паръ, одѣтыхъ, каждая въ древній національный костюмъ одной изъ губерній Россіи. Что было бриллььянтовъ и жемчугу, что было красавицъ! Самъ онъ нарядился на этомъ балу въ греческій народный костюмъ, шитую золотомъ шапочку и куртку, бѣлую фустанеллу, длинныя гетры, и башмаки, загнутые кверху. Костюмъ этотъ шелъ ему съ его южнымъ типомъ и наслѣдственнымъ ново-греческимъ складомъ лица. Средняго роста, худощавый, смуглый, съ темными выразительными глазами, умнымъ высокимъ лбомъ, черными какъ вороніе крыло волосами, онъ выдѣлялся между сѣверянами. Съ нимъ произошелъ на этомъ балу любопытный случай. Онъ хорошо зналъ все московское общество, и тѣмъ болѣе всѣхъ красавицъ. Но вдругъ, онъ увидѣлъ издали незнакомую даму ослѣпительной красоты, одѣтую въ польскій костюмъ съ малиновой конфедераткой на головѣ. Вѣроятно, эта незнакомка недавно пріѣхала, подумалъ онъ. „Кто это?" спросилъ онъ у одного пріятеля. Тотъ вопросительно на него взглянулъ, „Какъ, кто? Ты развѣ не узнаешь, или шутишь?" сказалъ удивленный знакомый. „Нѣтъ", возразилъ Петръ Ивановичъ, „я право ее не знаю и никогда не видалъ".—„Что съ тобой! да вѣдь это твоя мать!" Петръ Ивановичъ расхохотался. Такъ хороша была на этомъ балу Пелагея Егоровна, такъ моложава въ своемъ костюмѣ, что взрослый сынъ, привыкшій ее видѣть днемъ въ модномъ платьѣ, не узналъ ее. На видъ ей можно было дать въ этотъ вечеръ осьмнадцать лѣтъ.

Отличаясь гостепріимствомъ, Иванъ Васильевичъ рас-

положилъ къ себѣ все московское общество и Петръ Ивановичъ привыкъ къ обширному кругу пріятныхъ свѣтскихъ знакомыхъ. Но и ближайшіе друзья семьи были людьми крайне интересными. Изъ стариковъ ихъ навѣщали: любимецъ Императора Павла, Котлубицкій и Де-Сангленъ; лучшимъ другомъ Ивана Васильевича былъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ. Гоголь, считался землякомъ и своимъ человѣкомъ; еще въ Полтавской губерніи коротко сошелся онъ съ семьей Капнистовъ. Петръ Ивановичъ помнилъ его милымъ, общительнымъ, слегка разсѣяннымъ. Онъ часто острилъ на счетъ литераторовъ и поэтовъ своей эпохи. Разъ, говоритъ онъ поэту Глинкѣ, вдохновлявшемуся библейскими сюжетами: „Перелагать псалмы въ стихи, это то же что варить яица". „Какъ такъ?" спрашиваетъ Глинка въ недоумѣніи. „А такъ;—переваришь яица,—станутъ крутыми, ѣсть можно; недоваришь,—будутъ всмятку, опять вкусно. Такъ точно и псалмы, какъ ихъ ни перекладывать, всегда выйдетъ хорошо".

Всѣ относились понятно съ глубокимъ восхищеніемъ къ таланту Гоголя, одинъ Иванъ Васильевичъ бранилъ его. „И охота же вамъ, Николай Васильевичъ", говорилъ онъ часто, „тратить вашъ талантъ, чтобы писать такіе пустяки о Малороссіи, а еще вы говорите, что любите ее! Конечно вы прекрасно пишете, но зачѣмъ вы не выбираете высокихъ сюжетовъ, а все изображаете малороссовъ въ смѣшномъ видѣ? Въ наше время писали возвышеннѣе. Никто теперь не можетъ возноситься и парить какъ Державинъ". Гоголь былъ особенно друженъ съ старшей дочерью Ивана Васильевича, съ Елисаветой Ивановной, хорошенькой шалуньей, заставлявшей его танцовать и которой онъ позволялъ съ собой разныя шутки. Не любя большаго общества, Гоголь бывалъ у Капнистовъ запросто, тяготясь вечерами и свѣтскими обѣдами. Онъ прямо не выносилъ служить предметомъ любопытства, какъ писатель. Разъ, пріѣзжія дамы, пріятельницы Елисаветы Ивановны, немилосердно къ ней пристали съ просьбой пригласить ихъ на вечеръ вмѣстѣ

съ Гоголемъ. Ужъ очень имъ хотѣлось увидѣть великаго писателя. Послѣ долгихъ просьбъ, чтобы не огорчить свою любимицу, Гоголь обѣщалъ явиться. Насталъ вечеръ; было довольно много гостей. Гоголь приходитъ. Его знакомятъ съ любопытными дамами,—его почитательницами, глядѣвшими на него, какъ на диковинку. Онъ имъ поклонился и потомъ, ничего не говоря, пошелъ, сѣлъ въ уголъ, облокотился на столъ и скорчилъ такое лицо, что, по его же выраженію,—хоть святыхъ вонъ выноси. За цѣлый вечеръ никто не добился отъ него ни слова.

Впослѣдствіи Петръ Ивановичъ опять увидѣлъ Гоголя. Но онъ произвелъ на него весьма тяжелое впечатлѣніе. Ясный умъ казалось помутился отъ какой-то внутренней невыносимой муки. Исчезли его веселость и остроты. Онъ больше не шутилъ, а говорилъ обо всемъ важно и поучительно. Напримѣръ его спросили какъ-то, что онъ дѣлалъ утромъ. „Я занимался", отвѣтилъ онъ. „Я занимаюсь каждый день отъ 10-ти часовъ утра до двѣнадцати,—два часа. Еслибъ каждый русскій ежедневно серьезно занимался два часа, тогда все въ Россіи измѣнилось бы къ лучшему". Окончивъ „Мертвыя души", онъ читалъ вторую часть Ивану Васильевичу, который былъ пораженъ красотой этой части, бывшей по его словамъ гораздо сильнѣе первой. За нѣсколько дней до смерти онъ еще пришелъ къ Капнистамъ, разстроенный, осунувшійся; становилось искренно жаль его. На дружественные вопросы о томъ, что съ нимъ,—онъ только отвѣчалъ, сдерживая слезы, навертывавшіяся на его глаза: „Вы не повѣрите, какъ мнѣ тяжело!" но причины скорби своей никому не говорилъ. Вскорѣ его не стало.

Въ салонѣ поэтессы графини Растопчиной, Петръ Ивановичъ встрѣтилъ молодого поэта Николая Федоровича Щербину, съ которымъ коротко сошелся. Щербина тогда ужъ былъ извѣстенъ превосходными лирическими стихотвореніями, подъ названіемъ „Греческихъ пѣсенъ". Нашъ поэтъ оцѣнилъ, какъ мало кто другой, пре-

лесть стиховъ Щербины—этого русскаго Андре Шенье,—сумѣвшаго воспроизвести въ звучныхъ русскихъ стихахъ эллинское вдохновеніе. Щербина, эллинъ по матери, перенесъ въ нашъ современный русскій міръ свѣжесть и непосредственность древне-греческой классической антологіи. Не подделку, не переводъ принесъ онъ въ русскую литературу, а свою собственную эллинскую душу; вотъ почему въ стихахъ его бьетъ жизнь и искренность, вотъ почему онѣ захватываютъ читателя, несмотря на древніе сюжеты, несмотря на чуждый колоритъ эллинской природы.—Теплыя отношенія между Щербиной и Капнистомъ впослѣдствіи продолжались. Еще пріятнымъ, и въ высшей степени оригинальнымъ элементомъ, въ близкомъ семейномъ кругу, былъ нѣкто Воробьевскій,—молодой человѣкъ крайне одаренный и притомъ самъ себѣ обязанный своимъ высокимъ образованіемъ. Не имѣя средствъ, и любя науку, онъ одинъ, безъ учителя выучился всѣмъ древнимъ и новымъ языкамъ, не исключая даже древне-еврейскаго, и на всѣхъ языкахъ читалъ поэтовъ и философовъ въ подлинникѣ. Онъ страстно любилъ поэзію. Петръ Ивановичъ могъ бесѣдовать съ нимъ по волѣ о своемъ любимомъ предметѣ. Воробьевскій заключалъ въ себѣ всѣ качества, которыя благодѣтельно дѣйствуютъ на развитіе таланта. Его всестороннее знаніе литературы,—своей и чужой,—его строгій и вѣрный вкусъ, служили положительнымъ руководствомъ въ искуствѣ, его огненная восторженность согрѣвала душу, его мистицизмъ окрылялъ фантазію. Съ нимъ понятны были разные порывы молодой восторженности, которые вызываютъ улыбку серьозныхъ людей, но которые такъ благотворны для поэзіи и для молодости. Такъ напримѣръ, декламируя съ нимъ поздно ночью стихи, нашъ поэтъ дошелъ до такого поэтическаго экстаза, что поклонялся звѣздамъ. И можетъ быть никогда въ жизни человѣкъ не бываетъ ближе къ Творцу, какъ въ такія минуты горячаго, чистаго, почти дѣтскаго восторга передъ красотой вселенной. Кромѣ поэзіи, Воробьевскій любилъ музыку, выучился самоучкой, пре-

восходно импровизировалъ, передавалъ Шопена особенно оригинально и хорошо.

Еще одинъ изъ частыхъ посѣтителей дома Ивана Васильевича былъ извѣстный филантропъ, докторъ Гаазъ [1]). Впечатлѣніе какое производилъ этотъ самоотверженный и доходящій до геройства въ добрѣ человѣкъ, не могло проходить даромъ для всѣхъ, знавшихъ его. Одѣтъ онъ былъ по своему, весь въ черномъ, въ короткихъ панталонахъ и длинныхъ шелковыхъ чулкахъ. Эти шелковые чулки были единственной роскошью отъ которой онъ никакъ не могъ отвыкнуть, но за то носилъ онъ ихъ изъ экономіи такъ долго, что часто въ нихъ замѣчались дырья. По безпрестаннымъ и многочисленнымъ дѣламъ благотворительности, и по громадной, большею частью, безплатной практикѣ, ему не хватало времени и силъ ходить пѣшкомъ и не возможно было обойтись безъ собственной кареты. Что-же придумалъ онъ, чтобы не тратить на нее денегъ, безъ доброй цѣли? Всѣхъ поражалъ фактъ, что каждый разъ докторъ пріѣзжалъ на новой парѣ лошадей, и что каждый разъ это были клячи на подборъ. Оказывалось, что докторъ покупалъ лошадей у живодеровъ, чтобы спасти ихъ отъ свирѣпой насильственной смерти, хорошо ихъ кормилъ и давалъ этимъ несчастнымъ животнымъ возможность провести въ довольствѣ у него послѣдніе дни ихъ трудовой жизни.

Таковы были ближайшія къ семьѣ лица въ Москвѣ. Но какъ говоритъ поэтъ: Нещадно время улетаетъ! Петръ Ивановичъ Капнистъ и не замѣтилъ какъ пролетѣли его университетскіе годы. Онъ окончилъ курсъ въ 1852-мъ году, съ степенью кандидата правъ.

Его привлекала военная служба, но его здоровіе не позволило ему слѣдовать этому призванію и ему пришлось идти по гражданскому пути. Онъ опредѣлился

---

[1]) Г. Кони такъ прекрасно охарактиризовалъ его въ своей лекціи и брошюркѣ, что всѣмъ стали извѣстны его подвиги, напр. его заступничество за ссыльныхъ каторжныхъ предъ Императоромъ Николаемъ I-мъ, который по его просьбѣ велѣлъ отмѣнить слишкомъ тяжелыя кандалы, и другія тому подобныя мѣры.

на службу въ Одессу, чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ новороссійскомъ и бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ Ѳедоровѣ. Жаль ему было покинуть Москву, родныхъ и знакомыхъ и всю симпатичную московскую обстановку. На первыхъ порахъ Одесса показалась ему пустынной и одинокой. Служба его не увлекала. Ему казалось скучнымъ не встрѣчать никого изъ знакомыхъ ему лицъ, „Выйдешь на улицу“ писалъ онъ роднымъ, „никому до тебя дѣла нѣтъ, всѣ равнодушны, всѣ чужды“. Вмѣсто интересныхъ, часто увлекательныхъ, университетскихъ лекцій, приходилось сидѣть въ канцеляріи за разными мелкими и скучными дѣлами; но и тутъ врожденный ему вкусъ къ литературѣ выступалъ на первый планъ, и правитель канцеляріи Нестеровъ, шутилъ съ нимъ, говоря, что вмѣсто канцелярскихъ дѣлъ онъ пишетъ литературные листки, въ особенности когда онъ составилъ записку о найденной имъ въ архивѣ канцеляріи цѣлой переписки по поводу высылки изъ Одессы Пушкина, служившаго тоже въ этой канцеляріи при ген. губернаторѣ князѣ Воронцовѣ, въ двадцатыхъ годахъ. Много лѣтъ спустя онъ сообщилъ этотъ документъ Леониду Николаевичу Майкову [1]). — Мало по малу Петръ Ивановичъ привыкъ къ своему новому мѣстопребыванію, этому способствовала его любовь къ музыкѣ и къ морю; въ то время въ Одессѣ была хорошая итальянская опера.

Однако, черезъ годъ ему захотѣлось увидѣть своихъ родныхъ. Онъ взялъ отпускъ на праздники и поѣхалъ въ Полтаву, гдѣ въ то время жилъ его дядя Алексѣй Васильевичъ Капнистъ. Тамъ нашъ поэтъ встрѣтилъ всѣхъ своихъ друзей дѣтства, которыхъ пріѣздъ его очень обрадовалъ. Это посѣщеніе родной Полтавы оставило въ немъ впечатлѣніе на всю жизнь. Здѣсь встрѣтилъ онъ свою первую, настоящую любовь.

До сихъ поръ сохранился дневникъ молодой дѣ-

---

1) Въ 1883-мъ году. Л. Н. Майковъ напечаталъ статью эту въ Русской Старинѣ 1899-го года; мы помѣщаемъ ее въ концѣ изданія.

вушки, которую онъ любилъ. Во многихъ отношеніяхъ это интересное произведеніе, ужъ не говоря о томъ, что оно имѣетъ цѣнность, какъ бытовой документъ той эпохи, какъ отраженіе того, чѣмъ были въ то время дѣвушки извѣстнаго круга въ нашей провинціи,—оно написано съ несомнѣннымъ талантомъ. Передать впечатлѣніе свѣжести, неподдѣльнаго чувства, какой-то ласковой святости, которое дышетъ отъ этихъ поблѣднѣвшихъ строкъ, также невозможно, какъ передать словами ароматъ ландыша. — Исторія этой любви самая простая. Н. С. П. восемнадцатилѣтняя дѣвушка, стройная, миловидная, съ большими темными глазами, серіозная, талантливая очень впечатлительная. Она много читала; переложила на нѣмецкій языкъ малороссійскую драму, „Наталку Полтавку", и такъ удачно, что эту піесу нѣсколько разъ давали въ Германіи. Судя по этому, и въ особенности по дневнику ея, легко убѣдиться, что у нея развился бы настоящій литературный талантъ.

Жила она зимой въ Полтавѣ, а лѣтомъ въ живописномъ имѣніи, которое несмотря на то, что находится въ Полтавской губерніи, носитъ отпечатокъ Тургеневскихъ уголковъ; и старинный домъ, и зала, немного низкая, съ фортепіаномъ въ углу, и гостинная съ уютнымъ каминомъ, и старый садъ съ развѣсистыми липами, тѣнистыми аллеями, и прудъ, который виднѣется вдали съ широкаго балкона, и тростникъ, и холмы,— все какъ въ повѣстяхъ Тургенева. Тутъ развивалась рѣзвая, веселая дѣвочка, взлелѣянная любовью и лаской родныхъ. „Я такъ счастлива!" восклицаетъ она, и это звучитъ какъ припѣвъ къ короткой поэмѣ ея жизни. Но особенная ласка и заботливость ее окружавшія, быть можетъ происходили оттого, что тяжелая дѣйствительность была извѣстна ея отцу и матери; дѣло въ томъ, что она была очень слаба здоровьемъ, у ней развивалась чахотка, о которой она не подозрѣвала, хотя приступы кашля и нездоровья иногда ее смущали. Съ другой стороны можно думать, что и родители ея обманывали себя надеждой, что въ ея положеніи не было

ничего серіознаго, что она болѣетъ, какъ многіе, которые тяжело ростутъ. Должно быть это послѣднее предположеніе—вѣрно, такъ какъ ей позволяли ѣздить верхомъ, а зимой выѣзжать и танцовать. Только иногда, на страницахъ ея дневника прорывается грусть, какъ какое-то далекое трепетаніе, но это мимолетное впечатлѣніе. И вотъ, встрѣчая у родныхъ своихъ новый и послѣдній для нея годъ, она знакомится съ только что пріѣхавшимъ молодымъ человѣкомъ. По обыкновенію, въ залѣ служатъ вечерню и заутреню, и бѣдная дѣвочка, чувствуя себя нездоровой и скрывая это отъ себя и отъ другихъ, плачетъ потихоньку, стоя у дверей гостинной.

Но изъ этого грустнаго, пророческаго настроенія выводятъ ее ласки родителей, обнимающихъ ее съ пожеланіями на новый годъ, и всѣхъ старшихъ, говорящихъ ей теплыя слова, восторгъ ея маленькихъ поклонниковъ, — дѣтей Алексѣя Васильевича, и нѣжность ея братьевъ. Она дружески жметъ руку молодому человѣку, съ которымъ ея знакомятъ, хотя и „не имѣетъ привычки, подавать руку молодымъ людямъ". На другой день она ужъ хорошо съ нимъ познакомилась и пишетъ: „онъ теперь оживляетъ нашъ кружокъ, онъ уменъ, веселъ, любезенъ, чудесный молодой человѣкъ; мы съ нимъ сошлись; онъ мнѣ очень нравится, мало похожъ на молодчиковъ нынѣшняго вѣка, простъ, откровененъ и любимъ всѣми, кто съ нимъ коротко знакомъ".

Вся жизнь принимаетъ для нея теперь новую заманчивость; и наряды ее занимаютъ, потому что онъ ихъ замѣчаетъ и хвалитъ, и успѣхъ въ обществѣ ее радуетъ. „Танцую больше другихъ, и залетные танцоры меня замѣчаютъ. Даже дамы съ вниманіемъ и лаской встрѣчаютъ меня, самыя страшныя ужъ не пугаютъ меня, и я слышу часто, что у меня такая сильная партія, что другихъ дѣвицъ, кромѣ моего друга Саши, не позволяютъ сравнивать со мной; а обѣ мы не хороши собой, смугленькія, худыя и совсѣмъ не стараемся играть роли; отчего-же такой успѣхъ? Здѣсь есть такія прелестныя

дѣвушки, Полтава изобилуетъ хорошенькими личиками".

Въ томъ именно и дѣло, что эта дѣвушка не была только хорошенькой куколкой, но дышала неопредѣленной прелестью, какая замѣчается у тѣхъ, которые умираютъ рано. Другъ ея Саша, тоже не долго пожила на бѣломъ свѣтѣ. Однако онѣ свѣтло и весело провели свою молодость. Въ Полтавѣ жило премилое общество, состоявшее изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, собиравшихся въ городъ на зиму. Молодежь много танцовала, много занималась музыкой, иногда играла комедію, и не тупѣла еще надъ картами. Общество стояло на несравненно высшемъ умственномъ уровнѣ, чѣмъ теперь въ губернскихъ городахъ.—Однако, эти выѣзды не прошли даромъ для бѣдной П. П.—„Возвратясь домой я раскашлялась сильнѣе прежняго и изъ горла пошла кровь. Жалкая я, бѣдная, по отношенію къ здоровью. Докторъ сказалъ, что это очень обыкновенно, и что я не должна такъ много танцовать; въ самомъ дѣлѣ у Н. П. я танцовала какъ олицетворенная вѣтренность и не отказывала никому изъ тщеславія, чтобы видѣли, какъ я много танцую. О пустота!" Но эти балы и вечера имѣли для нея такую прелесть, потому что на нихъ она встрѣчала „веселаго шалуна" Петра Ивановича, который сталъ душой общества, по словамъ тѣхъ, кто его тогда видѣлъ. Дни, проведенные безъ него, отмѣчаются въ дневникѣ, какъ грустные и скучные дни. Понятно, что тайна маленькаго сердечка не ускользнула отъ вѣрнаго друга Саши, и она съ увлеченіемъ начала помогать двумъ влюбленнымъ, передавая отъ одного другому ихъ взаимныя впечатлѣнія и стараясь устраивать имъ удобныя минуты для разговоровъ. „Саша передаетъ ему, а мнѣ стыдно! Саша ребенокъ, она плачетъ, когда говоритъ со мной или съ нимъ о нашей любви". Дѣти тоже замѣтили увлеченіе своего старшаго двоюроднаго брата, и вскорѣ П. П. наивно пишетъ: „всѣ мальчики разсказываютъ мнѣ, что я, я, я! что я лучше всѣхъ понравилась П. П. А если онъ, такой проницательный,

такой умница, также замѣтилъ что.... Какъ мнѣ неловко!“.

Но эта легкая стыдливость мало по малу исчезаетъ; молодые люди обмѣниваются стихами, читаютъ вмѣстѣ. Нашъ поэтъ читалъ выразительно, слушать его было настоящимъ наслажденіемъ. „Онъ читаетъ намъ иногда Гоголя, завтра привезетъ для меня Пушкина. Какъ онъ хорошо пишетъ стихи, какой умный и вмѣстѣ веселый! любитъ дѣтей, шалитъ, и его всѣ любятъ, и старики и дѣти!... Мнѣ и стыдно, и страшно, и по временамъ такъ хорошо!... Я вѣрю что не тщеславіе, не кокетство, не романическая мечтательность причины моей привязанности,—я уважаю и люблю этого благороднаго, чистаго молодого человѣка. Не я одна назвала его такимъ; всѣ старшіе говорятъ: дай Богъ всякому такого сына!“...

„А чудный, славный Петя! Такъ и хочется, и именно вчера хотѣлось сказать ему: говори со мной; я буду съ восторгомъ слушать твои умныя рѣчи, глядѣть въ твои прекрасные выразительные глаза, разсматривать твое блѣдное, маленькое, худощавое лицо, бѣлый широкій лобъ, шелковистые волосы, вслушиваться въ твой пріятный, мягкій голосъ, въ твой ясный дѣтскій смѣхъ, ловить твою добрую, кроткую улыбку, твой полный глубокаго чувства взглядъ; а если бы можно было взять и крѣпко сжать твою маленькую, бѣлую женскую ручку,— я была бы вполнѣ счастлива. — А какъ мнѣ пріятно, когда всѣ старшіе, умные, образованные, съ удовольствіемъ слушаютъ его здравыя сужденія! или когда всѣ, и дѣти, и большіе соберутся вокругъ него и хоромъ хохочутъ отъ его остроумныхъ разсказовъ и шутокъ! Что̀ за неистощимая веселость, что̀ за безподобный характеръ! Славный, добрый, благородный Pierre! А такой маленькій, блѣдный, худой, слабый здоровьемъ,—точно какъ я! Да подкрѣпитъ Господь его силы!“

Наконецъ наступило признаніе. Саша играла вальсъ Шопена и они сидѣли вдвоемъ у столика. Эти простыя дѣтскія слова любви говорились почти торжественно, съ робостью и волненіемъ. Скоро предстояла разлука

и они рѣшились ждать, никому не говоря покамѣсть о своей чудной тайнѣ. На другой день послѣ рѣшительнаго разговора у ней написано въ дневникѣ: „Да будетъ воля Твоя!..—Мои у В.. Я въ гостинной. Вчерашній день и вечеръ у меня въ памяти, въ сердцѣ, въ умѣ; я брежу, молюсь, начинаю читать Les Ombres et les Rayons, V. Hugo, нахожу тамъ многое по душѣ, но всетаки, оставляю книгу и мнѣ пріятнѣе употреблять свое воображеніе, думать о моемъ чувствѣ.“ И какъ хорошо было это чувство! Она была первой женщиной, которая его любила. „Я умѣю“, пишетъ она, „оцѣнить и его умъ, и прекрасную душу. Онъ говоритъ, что онъ испорченъ, что и страсти, и сомнѣнія, и много дурного перебывало въ немъ; но въ немъ столько еще душевной свѣжести, такая простота чувства!“

Онъ въ первый разъ въ жизни понимаетъ, что онъ не одинокъ и посвящаетъ ей стихи:

Блаженъ чью первую любовь
Любви привѣтствуютъ святыней! [1]).

и прелестные, прочувствованныя строки:

Когда ее какъ сердца лучшій сонъ... [2]).

Въ этой пьесѣ онъ возносится до самаго высокаго лирическаго порыва. Какое величье лирики, напримѣръ въ этихъ строкахъ, гдѣ онъ всю природу представляетъ себѣ храмомъ для нея, и говоритъ, что не здѣсь, среди свѣтской толпы, „въ чаду людскихъ приличій“, храмъ для ея „застѣнчивой и кроткой красоты“.

Но тамъ,—гдѣ все, сліясь въ гармоніи одной
Ея красу красой объемлетъ чистой:
Толпой лучей—дня пламень золотой,
Толпою звѣздъ—блескъ ночи серебристой;
Но тамъ, гдѣ вся она ясна какъ небеса,
Гдѣ цѣлый міръ, какъ храмъ ее объемлетъ,

[1]) Утренняя Заря стр. 22.
[2]) Стр. 21.

LXIII

Гдѣ весело шумятъ душистые лѣса
И нивы злачныя волнуются и дремлятъ...

По гармоніи и по мысли это стихотвореніе достойно пращура поэта,—Державина [1]). Мы можемъ заключить, судя по этимъ стихамъ, какъ благодатно повліяло-бы на вдохновеніе и на силу творчества сближеніе съ такой выдающейся дѣвушкой какъ Н. П. Его талантъ, какъ растеніе въ подходящей ему почвѣ, взлелѣянное солнцемъ, напитанное влагою,—окрѣпъ и развился-бы; и сохранились-бы тѣ силы, которыя истратились непроизводительно въ борьбѣ съ одиночествомъ, съ самимъ собой,—съ своими страстями и упадками духа. Сомнѣніе въ самомъ себѣ, столь пагубное для творчества, столь часто его смущавшее, не могло-бы овладѣть имъ въ той атмосферѣ любви и свѣта, которую создала-бы эта ласковая, умная и любящая женская душа. „Я и прозу сдѣлаю благородной прозой", писала она. Она была воплощеніемъ идеала жены поэта, который такъ граціозно описанъ у Сюлли Прюдома,—„*douce, infiniment douce*",—та именно, въ чьемъ молчаніи даже слышится ласка, а поэту—это необходимо. „Il lui faut un silence où voltige un baiser" [2]). — Еслибъ судьба не оторвала ее такъ жестоко, весь внутренній міръ нашего поэта былъ-бы цѣльнѣе и яснѣе. Удовольствія, легкія наслажденія, остроумныя изобрѣтенія нашего общества, чтобы придать жизни окраску веселья,— все это только средства, чтобы скрыть ея внутреннюю бѣдность; но всѣ эти напитки наслажденія не утоляютъ ту, поистинѣ, духовную сердечную жажду, которую могъ-бы утолить только свѣтлый источникъ любви.

Однако этой идилліи не суждено было совершиться. Болѣзнь шла своимъ чередомъ и подтачивала силы бѣдной молодой дѣвушки. Послѣ каждаго волненія у ней жаръ и лихорадка, причину которыхъ она видитъ въ одномъ своемъ нравственномъ состояніи, не отдавая себѣ

[1]) Шурина его бабушки.

[2]) Ему необходимо молчаніе, въ которомъ трепещетъ поцѣлуй.

отчета въ своемъ опасномъ недугѣ. Какъ только она чувствуетъ себя лучше, она ѣздитъ въ церковь Покрова, извѣстную въ Полтавѣ своей чудотворной иконой. Еще въ дѣтствѣ икона эта спасла Петра Ивановича, когда у него было воспаленіе въ легкихъ, и доктора ужъ отказались вылечить его. Какъ молилась она передъ ней о своемъ дорогомъ поэтѣ, о ихъ будущемъ счастіи,— и какъ близко ужъ казалось ей оно, несмотря на какія-то смутныя, мимолетныя предчувствія! Было рѣшено, что Петръ Ивановичъ будетъ часто писать Сашѣ, ея другу, и его кузинѣ, и что лѣтомъ пріѣдетъ въ деревню къ своей невѣстѣ. Они простились, думая что на нѣсколько мѣсяцевъ,—простились навсегда.

Послѣ его отъѣзда свѣтлое настроеніе не покидаетъ ее, поддерживаемое его частыми письменными увѣреніями „не сомнѣваться въ немъ, что онъ ее обожаетъ“. Весной, полная счастія, при мысли о скоромъ свиданіи, она торопится въ деревню, перебираетъ вещи для укладки, всѣ свои маленькія, дѣвичьи сокровища, и въ это время, внезапно, для всѣхъ нежданно, умираетъ. Когда пріѣхалъ въ Полтаву Петръ Ивановичъ, онъ ужъ не засталъ ее. Такъ исчезла его „Беатриче“, оставившая въ душѣ его неизгладимое воспоминаніе,—одно изъ тѣхъ воспоминаній, которыя живутъ въ самой глубинѣ человѣка, и какъ драгоцѣнныя и рѣдкія жемчужины всплываютъ наверхъ только въ минуты, когда вся душа взволнована до дна.— Онъ видѣлъ ея милый образъ, послѣ ея смерти.

Гораздо позже, будучи уже давно женатымъ и отцомъ семейства, мимолетная встрѣча на карлсбадскихъ водахъ съ одной незнакомкой, похожей на П. П. бросаетъ его въ такое волненіе, что онъ умоляетъ жену свою познакомиться съ этой дамой и попросить ея фотографію, такъ какъ у него не было портрета его первой невѣсты. И подъ впечатлѣніемъ этой встрѣчи, онъ пишетъ свои прелестные стихи: „Любовь Мертвеца“, столь оригинальные по ихъ неземному чувству отрѣшенія отъ ревности и всего бреннаго,—столь вдохновенные, дышущіе такой широкой, можно сказать, міровой любовью.

V.

Отъ глубокой личной скорби, Петру Ивановичу вскорѣ пришлось перейдти къ совершенно новой, общественной жизни. Въ Одессѣ, онъ находился на самомъ мѣстѣ событій. Темныя тучи сгущались надъ Россіей и подходила година Крымской войны, такъ тягостно отозвавшаяся не только на государственной, но и на частной жизни русскихъ. Теперь пришла расплата за политику священнаго союза, которая принесла Россіи такъ мало выгодъ и столько потерь. Вся ненависть, какую Европа питаетъ къ Россіи, вдругъ явно выступила наружу; и всѣ, кому Императоръ Николай I-й оказалъ рыцарскую помощь, стали противъ него. Чтобы вкратцѣ обрисовать настроеніе тогдашней дипломатіи, припомнимъ только слова Меттерниха. „*Мы удивимъ міръ своей неблагодарностью*“. Тогда эти слова всѣхъ поразили. Теперь они стали избитымъ пріемомъ въ политикѣ. Дипломатія незамѣтно пріучала общество не удивляться поступкамъ, которые прежде считались недостойными великаго человѣка или великой націи. Отношенія къ намъ Европы во время Крымской войны должны были бы остаться неизгладимымъ воспоминаніемъ въ душѣ каждаго русскаго. Буря разразилась внезапно Синопскимъ сраженіемъ. Мы были взяты почти что врасплохъ, и по всей Россіи шли лихорадочные сборы къ войнѣ. Даже на долю Ивана Васильевича выпали хлопоты о закупкахъ для интендантства, изъ за которыхъ онъ перешелъ черезъ крупную непріятность. Всѣми чтимый и уважаемый, онъ всетаки имѣлъ недоброжелателя въ лицѣ графа Закрѣвскаго, московскаго генералъ губернатора. Не всѣмъ на свѣтѣ пріятно видѣть передъ собой неподкупно честныхъ людей. И вотъ графъ Закрѣвскій задумалъ скомпрометировать репутацію Капниста. Ивану Васильевичу было поручено закупить у московскихъ фабрикантовъ партію сукна для солдатъ. Закрѣвскій самъ выбралъ матерію у одного фабриканта,

которому хотѣлъ угодить изъ за личнаго интереса, и далъ знать Ивану Васильевичу, что совѣтуетъ ему купить это сукно. Ничего не подозрѣвавшій и довѣрчивый, какъ многіе, неспособные на нечистое дѣло,— Иванъ Васильевичъ купилъ на порученныя ему казенныя деньги, 60000 рублей, выбранное Закрѣвскимъ сукно. Онъ тѣмъ болѣе довѣрился генералъ-губернатору въ выборѣ солдатскаго сукна, что послѣдній былъ военнымъ, а самъ онъ не имѣлъ понятія объ этомъ — Но какъ только партія сукна была получена въ интендантствѣ, оказалось, что вся ткань лѣзетъ и рвется; очевидно Ивану Васильевичу подсунули перегорѣвшій товаръ. Закрѣвскій торжествовалъ. Недоумѣніе было общее. Капнистъ не вынесъ этой непріятности. Онъ сейчасъ вынулъ 60000 рублей изъ своихъ собственныхъ денегъ и возвратилъ въ казну, вмѣсто тѣхъ, которыя истратилъ на горѣлое сукно. Послѣ этого случая, довѣріе къ нему возрасло еще болѣе, но и вражда Закрѣвскаго усилилась. Дѣла свои Иванъ Васильевичъ разстроилъ этой нежданной потерей денегъ.

Въ концѣ 1854-го года, въ самый разгаръ войны, вдругъ оказались большіе безпорядки въ интендантствѣ.

Армія вымирала отъ холеры и тифа. Заразѣ способствовало дурное питаніе. Хлѣбъ для солдатъ былъ нехорошаго качества, плохо испеченный, въ немъ заводились черви. Правительство рѣшилось устроить надзоръ надъ перевозомъ провіанта до мѣста, гдѣ находилась дѣйствующая армія. Для этой службы надобились особенно энергичные и честные молодые люди.

Опять было оказано особое довѣріе Ивану Васильевичу. Къ нему обратились съ просьбой рекомендовать лицо вполнѣ вѣрное и положительное.—Отъ Капниста не ускользнули нѣкоторыя черты въ характерѣ сына его, Петра Ивановича. Тогда какъ онъ, можетъ быть, и больше баловалъ своихъ другихъ дѣтей, но всетаки онъ любилъ и уважалъ своего сына Петра, цѣня въ душѣ ту неподкупную гордость его, которая не позволяла ему просить лишнихъ денегъ на удоволь-

ствія, даже у родного отца. По этому, Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ: „на такое дѣло я могу рекомендовать одного молодаго человѣка, за честность котораго я ручаюсь, какъ за свою собственную; это—сынъ мой Петръ. Онъ выкажетъ себя дѣльнымъ человѣкомъ“. И такъ, Петра Ивановича назначили, по рекомендаціи отца его, состоящимъ при Новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ Анненьковѣ, для исполненія административно-военныхъ порученій. Онъ съ радостью принялъ это порученіе. Бездѣйствіе томило его. Въ немъ всегда билась воинственная жилка и онъ жалѣлъ, болѣе чѣмъ когда либо, что военная карьера была ему закрыта. Его такъ и тянуло къ дѣйствующей арміи, и тяжко ему было сидѣть въ Одессѣ, не принимая личнаго участія въ опасностяхъ и бояхъ.

Когда англичане бомбардировали Одессу, онъ отправился на берегъ, и съ крутаго песчанаго обрыва глядѣлъ на бомбардировку; наши пушки не могли нанести вреда непріятелю, такъ какъ наши бомбы не долетали до его кораблей, безнаказанно осыпавшихъ наши берега бомбами. Внизу, у самаго моря столпились одесскіе мальчишки, и съ чисто дѣтской беззаботностью, въ восторгѣ отъ невиданнаго зрѣлища, придумали себѣ игру. Когда бомба не долетала до берега, а падала въ море,—они, съ веселыми взрывами смѣха, становились на руки, внизъ головой и махали ногами въ воздухѣ. Вдругъ, Петръ Ивановичъ услышалъ странный шумъ и почувствовалъ быстрое движеніе, будто прошелъ мгновенный вихрь. Онъ оглянулся. Въ пяти шагахъ отъ него стояла извощичья лошадь, и вмѣсто головы, у ней билъ фонтанъ крови. Секунду она такъ простояла, безъ головы, и вдругъ вздрогнула, и грузно упала.—А на англійскихъ корабляхъ все продолжали появляться зловѣщія бѣлыя облачка и густой гулъ сотрясалъ воздухъ.

Петръ Ивановичъ былъ еще въ Одессѣ, когда, въ ночь на четырнадцатое ноября, пронеслась страшная буря, и вдругъ, раздалась радостная вѣсть, что море разметало Англійскій флотъ. Въ городѣ произошло все-

общее ликованіе. Всѣмъ казалось, что высшая сила охраняетъ Россію и что даже сами стихіи возмущены неправымъ дѣломъ и борются за насъ. Тогда какъ вся Европа, за одно съ Турками, воевала противъ Россіи, одна бѣдная маленькая Греція, едва освобожденная, стояла, насколько могла, за Россію. Она съ негодованіемъ отказала перевозить провіантъ для французовъ и англичанъ, несмотря на ихъ выгодныя обѣщанія. Она мобилизировала свое маленькое войско, чтобы съ своей стороны напасть на Турокъ, и тѣмъ навлекла на себя такой гнѣвъ европейцевъ, что они блокировали ея берега. Французы высадились въ Пирей и пробыли тамъ четыре года, чтобы сдерживать грековъ. Несмотря на это, въ Россію прибыло много грековъ добровольцевъ, и Петръ Ивановичъ любилъ вспоминать, какъ въ то время, въ Одессѣ съ восторгомъ говорили о храбромъ капитанѣ Аристидѣ Хризовери [1]), пришедшемъ изъ Греціи на своемъ торговомъ вооруженномъ суднѣ, чтобы воевать за Россію.

Съ большой энергіей Петръ Ивановичъ взялся за порученное ему дѣло. Это была весьма трудная служба. Приходилось разъѣзжать между Перекопомъ, Одессою, Николаевымъ и Херсономъ, остонавливать обозы и накрывать мошенничества. Всю зиму, и въ снѣгъ, и въ дождь, и въ морозъ, и въ распутицу, сновалъ онъ по дорогамъ въ своемъ тарантасѣ, въ сопровожденіи прикомандированнаго къ нему донскаго казака. Онъ переловилъ нѣсколько обозовъ съ плохимъ, недопеченнымъ хлѣбомъ, и открылъ нѣсколько воровскихъ продѣлокъ. Нѣкоторыя изъ заинтересованныхъ лицъ злились на него и сильно желали его извести. Разъ, напалъ онъ на слѣдъ особенно сквернаго дѣла: одинъ изъ чиновниковъ интендантства былъ въ немъ замѣшанъ. Петръ Ивановичъ далъ знать генералу Анненькову, а самъ летѣлъ впередъ, чтобы застигнуть на постоялой станціи обозы и этаго подозрительнаго чиновника. Вдругъ, его казакъ

---

[1]) Онъ недавно скончался въ Аѳинахъ.

обращается къ нему: „Умоляю васъ, ваше благородіе, когда вы будете съ этими людьми, не извольте ничего у нихъ пить или кушать. До меня дошли слухи, что они намѣрены отравить васъ“. Капнистъ засмѣялся, но казакъ такъ убѣдительно продолжалъ его просить, что онъ рѣшился быть осторожнымъ.—Доѣхавъ до станціи, онъ такъ и накрылъ мошенниковъ. Хлѣбъ оказался таковымъ, что и отпираться нельзя было ни въ чемъ. Для того, чтобъ онъ казался больше и тяжелѣе его не допекали, и онъ прокисалъ и наполнялся плѣсенью и червями. А на количествѣ зерна наживались поставщики хлѣба.—Пойманный врасплохъ чиновникъ интендантства, понимая, что ему не сдобровать, и видя передъ собой совсѣмъ молодаго человѣка, рѣшился попробовать подкупить его. „Ради Бога, ваше благородіе, не выдавайте меня“, сказалъ онъ, „рѣшимъ это дѣло между собой. Вѣдь такъ будетъ для насъ обоихъ выгоднѣе“. „То есть какъ“? недоумѣвая спросилъ Капнистъ.—„Если вы хотите, вы сейчасъ получите тридцать тысячъ, и дадите знать начальству, что все насчетъ провіанта исправно“, сказалъ чиновникъ. Капнистъ ничего ему не отвѣтилъ, но позвавъ своего казака и смотрителя станціи, сказалъ имъ передъ чиновникомъ: „Прошу васъ быть свидѣтелями, что вотъ этотъ господинъ предлагаетъ мнѣ тридцать тысячъ“. Чиновникъ испугался, понялъ, что подкупъ не удался, и рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Въ то время царилъ такой тифъ, что люди мерли какъ мухи, ихъ едва успѣвали хоронить, и отравленіе могло легко пройдти незамѣченнымъ. Послѣ осмотра провіанта, чиновникъ, любезно и подобострастно засуетился. „Ахъ Господи! да что же я васъ задерживаю съ дѣлами. Вы вѣрно продрогли отъ холода, осматривая обозы, и проголодались съ дороги. Для васъ, ваше благородіе, все ужъ приготовлено. Сейчасъ можно позавтракать, пойдемъ въ комнаты“. Дѣйствительно Капнистъ продрогъ, вернулся въ станціонный домъ, но отъ завтрака отказался. Тогда чиновникъ велѣлъ слугѣ подать чаю и самъ

суетился съ угощеніемъ. Когда на подносѣ подали стаканъ, у чиновника что то странное промелькнуло на лицѣ. Петръ Ивановичъ взялъ стаканъ и любезно сказалъ: „Какъ хотите, но я пить не буду, если вы сами сперва не выпьете; возьмите этотъ стаканъ, я велю подать себѣ другой". Чиновникъ страшно замялся; его такъ и передернуло.—„Какъ это возможно, ваше благородіе, я подожду, я послѣ... извольте не безпокоиться". Но по его поблѣднѣвшему лицу и смущенію, Капнистъ догадался, что правъ былъ казакъ, предупреждавшій его. Глядя въ упоръ на растеряннаго чиновника, онъ сказалъ ему: „Нечего отговариваться; я знаю, почему вы не хотите пить изъ стакана приготовленнаго для меня; или сознайтесь, или я донесу на васъ". Тогда чиновникъ, видя что преступный замыселъ его открытъ, вскочилъ и бросился въ ноги Капнисту. „Ради Бога, простите меня, не губите. Я хотѣлъ заставить васъ молчать такъ или иначе. Но умоляю васъ, я человѣкъ семейный, хоть ради семьи моей, пожалѣйте меня!" Онъ еще валялся въ ногахъ Капниста, какъ вдругъ раздался шумъ подъѣхавшей кареты и въ комнату вошелъ самъ генералъ Анненьковъ, заранѣе предупрежденный объ открытомъ мошенничествѣ.

„Вотъ, этотъ господинъ", сказалъ Капнистъ, указывая на уничтоженнаго чиновника, „предлагалъ мнѣ взятку въ тридцать тысячъ, чтобы я молчалъ и не обнаружилъ его продѣлку съ хлѣбомъ". О покушеніи отравить его Петръ Ивановичъ ничего никому не сказалъ.—

Когда Капнистъ пріѣхалъ въ Одессу, онъ засталъ весь городъ въ смятеніи, — только что была получена вѣсть о смерти Императора Николая I. Нравственное настроеніе было самое мрачное, пораженіе за пораженіями, безпорядки въ администраціи, массы раненыхъ, холера, тифъ и вдругъ эта смерть въ ту минуту, когда Россія была въ опасности. Одно только поддерживало надежду,—неистощимая бодрость русской арміи и флота.

Петру Ивановичу пришлось разъѣзжать по мѣстамъ, гдѣ даже воздухъ былъ зараженъ. Его энергія поддер-

живала его физическія силы, но наконецъ усталость и зараза сломили его. У него сдѣлалась лихорадка и бредъ. Послѣднее, что онъ помнилъ, это страшный ознобъ, а послѣ него такой жаръ, что ему только и мерещилась свѣжая вода... и вотъ онъ видитъ ее передъ собой и хочетъ въ нее прыгнуть... Оказывается, что въ бреду, онъ соскочилъ съ тарантаса и чуть не бросился въ воду черезъ которую переправлялся. Но казакъ подхватилъ его и положилъ его въ тарантасъ обратно. Тамъ онъ лежалъ въ полномъ безпамятствѣ.

Какъ ужъ онъ доѣхалъ живымъ, трудно понять. Глубоко-преданный ему казакъ на фактахъ придерживался пословицы, что „веселье Руси—пити", и подкрѣплялъ себя на каждой станціи. Позже, онъ даже разсказывалъ своему барину, какъ во время этой поѣздки, за ними гнались повсюду черти, и какъ одинъ чертикъ пѣлъ и заливался, сидя на дугѣ верхомъ, тамъ гдѣ висѣлъ дорожный колокольчикъ, манилъ къ себѣ его,—Григорія, и все повторялъ: къ намъ, къ намъ, къ намъ иди!" А Григорій ему въ отвѣтъ: „Шалишь братъ! Не пойду я къ тебѣ, пока не довезу его благородіе до мѣста"! И довезъ. Очнулся Петръ Ивановичъ въ какой-то хатѣ въ городкѣ Очаковѣ. Казакъ Григорій ухаживалъ за нимъ какъ нянька и привелъ къ нему мѣстныхъ докторовъ. Капнистъ лежалъ и не могъ двинуться, каждое движеніе сопрягалось съ болью, особенно, горѣла голова. Онъ увидѣлъ надъ собой Григорія и сказалъ ему: „Мнѣ плохо, придется здѣсь умереть". Въ эту минуту взошелъ докторъ нѣмецъ, и другіе два, которыхъ тотъ привелъ съ собой для консиліума. Они взглянули на больного, пощупали его, и одинъ изъ пришедшихъ сказалъ другому по нѣмецки: „Что-жъ вы меня звали лѣчить трупъ? Онъ и теперь полумертвъ. Конечно, никакой надежды нѣтъ". Они еще поговорили между собой о безнадежномъ состояніи больного. Вдругъ самъ больной сказалъ имъ слабымъ голосомъ на ихъ языкѣ: „Почему вы думаете, господа, что я не понимаю по нѣмецки"?..

LXXII

Эффектъ былъ полный и, несмотря на всю свою слабость, Капнистъ насладился смущеніемъ докторовъ. Наконецъ тотъ, который его прежде лѣчилъ, сказалъ на ломанномъ русскомъ языкѣ: „Ахъ! ошень шаль! Ми думаль ви не понимать по нѣмецки. А разъ ви понялъ, штошь дѣлать! Ошень шаль"!—„А какъ думаете, проживу я до завтрашняго утра?" спросилъ Петръ Ивановичъ, „Я хотѣлъ-бы причаститься".—„И! то завтрашна утра прошивете!" ободрялъ его нѣмецъ, „я думай и то завтрашна вечеръ прошивете"!

„Плохо"! подумалъ про себя Капнистъ, и какъ только доктора ушли, распорядился, чтобы, какъ можно раньше утромъ, пришелъ священникъ со св. Дарами. Онъ сталъ готовиться къ смерти, насколько могъ, и вполнѣ предался Божіей волѣ. Утромъ, рано, деньщикъ привелъ священника, который его причастилъ и напутствовалъ. Послѣ этого Петръ Ивановичъ почувствовалъ совершенное онѣмѣніе отъ слабости и потерялъ сознаніе. Его послѣдняя мысль была, что онъ умираетъ. Такъ пролежалъ онъ сутки. Вдругъ сознаніе стало къ нему возвращаться; онъ открылъ глаза, оглядѣлся кругомъ, и удивился, что лежитъ все въ той же комнатѣ. Въ углу горитъ лампада передъ иконой, а Григорій стоитъ на колѣнахъ, и громко всхлипывая молится вслухъ: „Господи! Спаси и помилуй его благородіе! Царица Небесная, изцѣли его благородіе!" А слезы такъ и катятся градомъ по его щекамъ.—Капнистъ встрепенулся и понялъ, что еще живъ. Эта картина глубоко его тронула. Ему было какъ то особенно хорошо, свѣжо и голова не болѣла. Онъ потихоньку позвалъ Григорія. Тотъ кинулся къ его кровати. „Благодарю тебя", сказалъ Петръ Ивановичъ, „видно, Господь услышалъ твои молитвы, я чувствую, что мнѣ лучше, а я было думалъ, что умираю". Послѣ этихъ словъ онъ опять заснулъ; но ужъ это былъ здоровый укрѣпляющій сонъ; и мало по малу онъ сталъ укрѣпляться.

Генералъ Анненьковъ, узнавъ о его болѣзни, провѣдалъ его, проѣзжая черезъ Очаковъ, и поднялъ на ноги

всѣхъ докторовъ, чтобъ ему непремѣнно вылечили этого дѣльнаго и отличнаго молодаго человѣка. Однако Капнистъ долго чувствовалъ себя слабымъ и ему пришлось ѣхать домой къ роднымъ поправляться и отдохнуть.

Не смотря на свои разъѣзды, и ничего общаго съ поэзіей не имѣвшіе хлопоты,—онъ „живя среди заботъ сердцемъ вѣренъ былъ природѣ„ и написалъ *Жаворонокъ* [1]), *Утро* [2]), гдѣ опять высказывается его чувство одиночества, *Новороссійскія степи* [3]), картинное описаніе той бодрой вѣры, которая наполняла сердца во время Крымской кампаніи:

Воспрянетъ Сѣверъ подъ грозой!
И свѣтомъ новой жизни той
И югъ и западъ озарится.

Однако слова поэта не исполнились. Не только Сѣверъ не воспрянулъ, чтобъ озарить новымъ свѣтомъ югъ и западъ,—но послѣ паденія Севастополя, Россіи пришлось согласиться на условія Парижскаго трактата, —позорныя не по отношенію къ Россіи,—побѣжденной, и истощенной славнѣйшей обороной,—но по отношенію тѣхъ, кто ихъ требовалъ. А ихъ требовали, главнымъ образомъ, Австрія, покрывшаяся стыдомъ передъ исторіей за свое подозрительное и двуличное поведеніе во время войны, и Лордъ Пальмерстонъ, тупой ненавистникъ Россіи. Эта парижская конференція превратилась въ агентство международнаго шарлатанства и изъ всѣхъ сдѣлокъ пресловутыхъ дипломатовъ никто собственно ничего не выигралъ. Одинъ султанъ получилъ право поступать впредь со своими подданными христіанами, какъ ему заблагоразсудится, Европа обѣщала не вмѣшиваться и закрыла двери заступничеству Россіи. И такъ, западъ воскресилъ и возвысилъ Турцію, чтобы унизить Россію.

Между тѣмъ, несмотря на внѣшнія неудачи, для Рос-

1) Утренняя Заря. стр 31.
2) Стр. 27.
3) Стр. 24.

сіи начинался, съ царствованіемъ Александра II-го, періодъ новаго и блестящаго разцвѣта ея внутренней жизни.—Все стало мало по малу перемѣняться. Казалось, что всѣ границы, перегородки и прежнія раздѣленія куда-то исчезаютъ. Въ высшихъ слояхъ общества позволеніе безпрепятственно ѣздить въ чужія страны произвело цѣлый переворотъ. Русскіе такъ и потянулись заграницу.—Капнистъ поѣхалъ на западъ лѣтомъ, въ 1857-момъ году. Ему совѣтывали морскія купанія, для укрѣпленія его здоровья послѣ тифа, и онъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы взглянуть проѣздомъ на новыя страны. Можетъ быть, никогда человѣкъ не чувствуетъ себя болѣе воспріимчивымъ для впечатлѣній, какъ послѣ серіозной болѣзни, когда организмъ успѣлъ уже окрѣпнуть и оправиться. А тутъ еще путешествіе въ долго запертую для молодыхъ людей Европу! Его умъ—свѣжъ и любознателенъ. Даже въ коротенькихъ путевыхъ замѣткахъ, брошенныхъ наскоро карандашомъ,—онъ проявляетъ свою сильную индивидуальность. Все его интересуетъ, и мѣста и народы. Онъ нигдѣ не проѣзжаетъ, не постаравшись заглянуть въ жизнь всѣхъ сословій; разговариваетъ въ Германіи и Франціи съ извощиками, съ ремесленниками, съ крестьянами, распрашиваетъ рабочихъ о ихъ платѣ, о ихъ житьѣ-бытьѣ; невольно сравниваетъ все это съ жизнью русскаго народа, и сравненіе получается въ пользу послѣдняго. Его поражаютъ истощенныя лица крестьянскаго сословія и непомѣрныя работы нѣмецкихъ кнехтовъ. Эксплуатація бѣдняковъ въ западной Европѣ не ускользаетъ отъ его проницательности. — Но Германія увлекаетъ его тѣмъ, что̀ въ ней есть лучшаго,—музыкой. Онъ любуется частыми и общедоступными концертами, художественнымъ исполненіемъ, даже при ограниченныхъ средствахъ и въ отсутствіи знаменитостей.

„Добросовѣстность Нѣмцевъ въ исполненіи музыки „замѣчательна", — пишетъ онъ. „Нѣмецъ тщательно, „изо всѣхъ силъ своихъ старается во всей точности ис„полнить произведеніе композитора. Онъ не ищетъ слу-

„чая блеснуть своимъ искуствомъ. Стремленіе понять „произведеніе и исполнить его такъ, какъ желалъ-бы „этого авторъ,—такъ сильно развито въ немъ, что онъ „не можетъ скрыть своихъ собственныхъ недостатковъ „и, съ другой стороны, многое невольно хорошо испол-„няетъ. Вотъ почему здѣсь, почти на каждомъ шагу, „слышишь самую серьозную музыку, и часто случается „слышать очень изрядное исполненіе тамъ, гдѣ вовсе „этого не ожидаешь. Затô, какъ слушаетъ Нѣмецъ „музыку! Нѣмецъ исчезаетъ передъ вами,—вы видите „не человѣка, а олицетворенное вниманіе. Костюмы „женщинъ, (о мужчинахъ нечего и говорить), весьма „просты и даже плохи; но никто не обращаетъ на это „никакого вниманія, потому, что всѣ сошлись для од-„ной только цѣли — слушать музыку. Въ нашихъ-же „концертахъ часто, и почти всегда, эта цѣль затем-„няется стремленіемъ выказать себя, выставиться и „потому, обыкновенно, слушатель невольно самъ себѣ „мѣшаетъ слушать музыку или дѣлать какія либо дѣль-„ныя наблюденія надъ другими. Все занято само собой“...

Встрѣтивъ своего знакомаго, г. Капустина, онъ осматриваетъ съ нимъ университетъ и разузнаетъ бытъ студентовъ, видитъ знаменитыхъ въ то время профессоровъ, Миттермейера, Рау, Робберта Моля. Вообще Гейдельбергъ производитъ на него самое милое впечатлѣніе; на горѣ,—этотъ средневѣковой зȧмокъ, эта живописная природа, внизу,—этотъ просвѣщенный городокъ, который „съ семи часовъ утра начинаетъ уже „свою дѣятельность. Проходя по улицамъ все встрѣча-„ешь идущихъ въ университетъ и въ школы; вездѣ „слышны гаммы; разучиваемые мотивы Бетховена, „Моцарта; вездѣ, и въ особенности на рынкѣ, идетъ „суетливая покупка съѣстныхъ припасовъ; словомъ—въ „это время Гейдельбергъ заботится о насыщеніи себя „и тѣлесно и духовно“.

Послѣ Гейдельберга Капнистъ посѣтилъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, Висбаденъ, Рейнъ. Юная мысль все хочетъ обнять, во всемъ дать себѣ отчетъ. Особенно его при-

влекаетъ искуство; онъ смотритъ на статуи на картины, и вѣрное его чутье диктуетъ, ему краткія, но правдивыя замѣчанія, которыя онъ набрасываетъ въ двухъ, трехъ словахъ. Въ Парижъ пріѣхалъ онъ вечеромъ. Сойдя въ ресторанъ, онъ заказалъ себѣ ужинъ и, въ ожиданіи, сѣлъ у окна, выходящаго на бульваръ. Въ то время Парижъ былъ болѣе блестящимъ. Теперь сѣренькіе буржуа отправляются рано на покой. Тогда, всю ночь на бульварахъ толпились прохожіе, разъѣзжали кареты, всѣ магазины были открыты и переливали огнями, всѣ кофейни были полны, говоръ и смѣхъ стояли въ воздухѣ. Заинтересованный шумной и веселой толкотней на бульварѣ, Капнистъ вышелъ, не дождавшись заказаннаго ужина, да такъ и проходилъ до утра, развлеченный пестротой, блескомъ и живостью окружающаго человѣческаго водоворота. Невольно являлась мысль: какимъ образомъ эта толпа, вѣжливая веселая и добродушная, можетъ превратиться въ стадо разъяренныхъ звѣрей, какъ во время революціи?—Однако это первое увлеченіе, этотъ чадъ, первыхъ минутъ прошелъ, и Капнистъ отнесся критически къ „Ville lumière“. Своимъ яснымъ умомъ онъ сейчасъ же понялъ всю несостоятельность этого общества, на всѣхъ парàхъ несущагося куда-то, куда манило его тщеславіе развращеннаго и пустаго Наполеона. — „Нельзя не замѣтить во всемъ „напряженнаго состоянія“, пишетъ онъ. „Военные, „почти всѣ имѣютъ видъ надмѣнный; граждане смотрятъ „и молчатъ двусмысленно; народъ напоминаетъ Римлянъ „послѣднихъ временъ Республики, когда въ безконечной „праздности, онъ требовалъ только хлѣба и зрѣлищъ, „и когда этимъ средствомъ можно было держать сильно „власть въ рукахъ. У кого есть сегодня лишній су въ „карманѣ,—тотъ спѣшитъ веселиться, не думая о завтрашнемъ днѣ; у кого нѣтъ денегъ,—тотъ трудится „какъ скотъ изъ-за величайшей бездѣлицы. Картина „весьма оживленная, и на первомъ планѣ ея много „свѣта; но если всмотрѣться глубже, то въ темномъ „фонѣ картины смущенный взглядъ можетъ усмотрѣть

„какія-то страшилища... Во Франціи капиталы сплотились въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, клевретовъ правительства. Все остальное живетъ день за день. Деньги—рычагъ нашего времени и кормà этого рычага въ „рукахъ правительства. Весь настоящій порядокъ есть „варіація на эту тэму. Если накопленіе богатствъ не „составляетъ въ народѣ общаго правила, то становится „великимъ зломъ, какъ исключеніе,—составляетъ силу „въ рукахъ немногихъ, и отсюда *accaparement,* т. е. „спекуляція насчетъ общаго блага. Но такой порядокъ „можетъ быть только при упадкѣ нравственности, при „распространеніи лѣни и расточительности. Народу лѣнь „накоплять, всякому хочется наслаждаться.—

„У французовъ, на сценѣ, двѣ вещи бросаются въ „глаза: вкусъ къ эффектамъ и разсужденіе".

Эти послѣднія слова сказаны по поводу театра, такъ какъ онъ почти ежедневно посѣщаетъ театръ и оперу. Но больше всего привлекаетъ его чудесная Луврская галлерея картинъ и статуй; онъ по долго останавливается передъ произведеніями искуства, вникая въ ихъ красоту, въ ихъ мысль; изъ всего шумнаго Парижа, эти молчаливыя, громадныя залы, гдѣ живутъ воплощенія идей великихъ художниковъ,—больше всего, и чаще всего его привлекаютъ. Но онъ не забываетъ осмотрѣть и этнографическій музей, гдѣ замѣчаетъ, что китайская цивилизація—самая развитая. Объ издѣліяхъ дикарей онъ говоритъ: „Элементы работы дикихъ: земля, кора „древесная, дерево, кожа животныхъ, перья и, какъ „роскошь, желѣзо. Но чего человѣкъ ни умудрился „сдѣлать изъ этихъ скудныхъ матеріаловъ?" Онъ не забылъ взглянуть и на „Jardin des Plantes", побывалъ въ окрестностяхъ; справился и о томъ, что̀ сто̀итъ овесъ, хлѣбъ, сѣно. Тутъ же у него замѣтки объ игрѣ актеровъ. Однимъ словомъ, видно, что безъ отзвука ничто въ немъ не остается, что всѣ новыя впечатлѣнія будятъ въ немъ многосторонніе интересы. — Въ то̀-же время, онъ успѣваетъ читать серіозную и прекрасную книгу, которую рекомендовалъ ему Грановскій: „Histoire

de la Civilisation en Europe“, — *Гизо*, дѣлать изъ нея выписки и записывать свои мысли по поводу этого чтенія. Вообще Гизо былъ однимъ изъ его любимыхъ историковъ.

Изъ Парижа онъ поѣхалъ на берегъ моря въ Діеппъ. Тамъ онъ разговариваетъ съ рыбаками о ихъ житьѣ-бытьѣ, любуется величественной картиной сѣвернаго моря съ его отливами и приливами, съ его тонкими, едва уловимыми сѣрыми и зелеными оттѣнками. И ему думается: „Въ природѣ почти нѣтъ ничего рѣзкаго. „Приливъ моря восходитъ постепенно, и сидя на бе„регу, не замѣтишь мгновеннаго пребыванія воды. Та„ковъ долженъ быть образъ дѣйствій умнаго человѣка: „постепенный и могучій“.

Изъ Діеппа, онъ снова возвращается въ Парижъ, куда его такъ и манитъ чудесный Лувръ! Проѣзжая черезъ Гейдельбергъ, ему удается видѣть Наполеона II-го. „Онъ очень похожъ на свой портретъ, только старѣе „и поблеклѣе. Глаза весьма характерны. Онъ какъ-то „сдерживаетъ свой взглядъ. Во всѣхъ движеніяхъ — „округленность и какая-то осторожность. Волосы на „головѣ, усахъ и бородѣ тщательно прибраны“. Вотъ внѣшній видъ этого коронованнаго авантюриста, съ мелко-мѣщанской, холодной душой,—столь способствовавшаго къ растлѣнію французскаго общества своей эпохи.

Послѣ Франціи, производившей въ то время впечатлѣніе блестящее и эфемерное, точно воздушный столбъ быстро кружащихся бабочекъ и всякихъ нарядныхъ насѣкомыхъ, озалоченныхъ солнечнымъ лучемъ,—Капнистъ попадаетъ въ бѣдную Италію подъ австрійскимъ гнетомъ, сидящую въ лохмотьяхъ и цѣпяхъ. „Теперь крѣпости въ австрійскихъ владѣніяхъ не столько *для* городовъ, сколько *противъ* нихъ“, замѣчаетъ онъ и возмущается, до чего доходитъ пренебреженіе австрійцевъ къ ихъ подданнымъ; оно проявляется даже въ мелочахъ, напр. въ Миланѣ, въ театрѣ: „четыре первые ряда могутъ быть заняты только военными, австрійцами. Возмутительное дѣло!“—Но несмотря на тягостное чув-

ство; при видѣ бѣдности и притѣсненій,—Италія плѣняетъ Капниста своимъ святымъ искуствомъ. Любуясь картинами, онъ говоритъ, между прочимъ: „У Леонардо „Винчи особенно поражаетъ тонкость выраженія лицъ, „удивительная игра физіономій. Типъ его трудно уловить безъ привычки, но изучая его, увидишь, что его „прелесть особенно выражается словомъ: *physionomie „distinguée*. Драпировка превосходна". Онъ увлекается архитектурными произведеніями, особенно же останавливаетъ его вниманіе древне-византійская церковь Св. Амвросія въ Миланѣ.

Венеція мелькаетъ передъ нимъ точно живая сказка изъ тысячи и одной ночи, съ ея радужнымъ храмомъ Св. Марка, внутри переливающимъ всѣми оттѣнками драгоцѣннаго камня; съ ея кружевными мавританскими дворцами; съ ея школой живописи,—реальной, цвѣтущей, сочной, — этимъ праздникомъ для зрѣнія; съ ея оживленной, пѣвучей жизнью на гондолахъ и баркахъ; съ ея растрепанными, тонкими красотками, въ черныхъ шаляхъ, наброшенныхъ на голову и потоптанныхъ туфелькахъ, шлепающихъ по широкимъ плитамъ тѣсныхъ переулковъ; съ ея голубями и ночными гуляньями подъ аркадами пьяццы ди Санъ Марко,—гдѣ снуютъ всевозможные иностранцы: мавры въ бѣлыхъ плащахъ и греки въ короткихъ юбочкахъ;—гдѣ магазины горятъ зеркалами, стекломъ и разными позолоченными издѣліями.— И послѣ всей этой чудной фантазіи, Капнистъ очутился на пароходѣ, идущемъ въ Тріестъ въ бурную ночь, и пролежалъ нѣсколько часовъ въ самой непоэтичной морской болѣзни. Путешествіе завершилось Вѣной, съ ея оперой и музеями.

Эта поѣздка, этотъ калейдоскопъ имъ видѣнный въ три, четыре мѣсяца, открылъ ему многое интересное, многое,—что̀ требовало изученія. Прямымъ послѣдствіемъ путешествія — была покупка многочисленныхъ книгъ; тутъ и историческіе труды, и вопросы по искуству, по археологіи, по этнологіи, по зоологіи, а главное,— по политической экономіи. Искуство и политическая

экономія его больше всего интересовали, и онъ сталъ серіозно работать и изучать науку, которая, можно сказать, служитъ основой исторіи, и развиваетъ въ человѣкѣ практическое соображеніе и административныя способности. Такимъ образомъ онъ еще больше развилъ въ себѣ эти столь необходимыя для жизни качества,— задатки которыхъ были въ его душѣ, въ прирожденной любви его къ порядку и систематичности, — качества, прекрасныя для хозяина и для писателя. Даже въ внѣшности своей, въ привычкахъ и въ распредѣленіи своей ежедневной жизни, Капнистъ соблюдалъ образцовый порядокъ. Онъ любилъ порядокъ по чувству эстетики во всемъ. Почему-то нѣкоторые воображаютъ, что поэтъ или художникъ долженъ быть непремѣнно безпорядочнымъ и непрактичнымъ. Правда, случается, что по разсѣянности, иной поэтъ можетъ не соблюдать порядка въ мелочахъ;—но если у него нѣтъ понятія о порядкѣ, какъ о логической связи одного предмета съ другимъ, какъ о видимой красотѣ и гармоніи послѣдовательности представленій, — онъ никогда не будетъ въ состояніи что-нибудь сочинить. Вѣдь и поэтическое творчество подчиняется такимъ же строгимъ законамъ мѣры и сочетаній, какъ живопись подчиняется законамъ геометріи. Безъ хорошо составленнаго и по должному порядку развитаго плана, — ничего не напишешь. Всякое удачное стихотвореніе, всякая талантливо сочиненная повѣсть развивается по тому же всеобщему закону развитія, какъ растенія, міры, какъ все во вселенной.

VI.

Возвратившись въ Москву, все что Капнистъ видѣлъ заграницей дало ему богатый матеріалъ для мыслей о нашей русской жизни, вступавшей въ новыя рамки. Общественные вопросы, о которыхъ мало говорилось во времена императора Николая, стали теперь на очередь, и въ Москвѣ съ громаднымъ интересомъ отнеслись къ новымъ событіямъ. Всѣ чувствовали, что старые

устои внутренняго строя жизни колеблятся, и что великія перемѣны назрѣваютъ. Разговоры стали свободнѣе, въ цензурѣ предполагались большія измѣненія. Одни глядѣли съ радостью на зарю грядущихъ нововведеній, другіе, боялись, что онѣ разшатаютъ ихъ опредѣлившіяся условія существованія, ихъ взгляды и привычки. Вокругъ Петра Ивановича волновалось общественное мнѣніе, и онъ, свойственно порывамъ юныхъ лѣтъ, стоялъ на либеральной точкѣ зрѣнія. Въ своемъ либерализмѣ онъ находилъ себѣ опору въ почтенномъ своемъ дядѣ, Алексѣѣ Васильевичѣ, къ большому негодованію Ивана Васильевича, консерватора по убѣжденію, опасавшагося слишкомъ либеральныхъ увлеченій. Часто отецъ бранилъ своего сына за страсть къ стихотворству, „которая къ добру не поведетъ и только помѣшаетъ заниматься дѣломъ".—Человѣкъ Николаевскихъ временъ, Иванъ Васильевичъ, помня, что поэзія и философія были часто преддверіемъ Сибири, — боялся за своего сына, замѣтя въ немъ независимость мысли, пылкость и талантъ, и поэтому, останавливалъ его поэтическіе порывы и свободолюбивыя мечты; этимъ онъ обливалъ его холодной водой и строгость отца, — „его деспотизмъ надъ мыслью", какъ выражался молодой человѣкъ, — производила между ними нѣкоторыя недоразумѣнія. Но горячая любовь и взаимное уваженіе оставались всегда въ основѣ ихъ отношеній; случалось, что послѣ оживленныхъ споровъ, поэтъ по просьбѣ отца своего, уничтожалъ нѣкоторые стихи. Однако, если, въ теоріи, Иванъ Васильевичъ, мало вѣрилъ въ либерализмъ, зная по жизненному опыту, какъ рѣдокъ искренній и самоотверженный либерализмъ и какъ часто онъ служитъ маской для личныхъ происковъ,—на практикѣ онъ былъ рѣдкимъ примѣромъ передоваго, по своей гуманности, человѣка.

Вотъ какъ поступилъ этотъ „ретроградъ" въ слѣдующемъ случаѣ.

Въ Московской думѣ подняли вопросъ, что пора мостить московскія улицы. Въ этомъ вопросѣ Иванъ Ва-

сильевичъ столкнулся мнѣніемъ съ такой, въ то время, всемогущей особой, какъ графъ Адлербергъ. Адлербергъ предлагалъ мостить улицы по новому способу, очень дорогому. Московскій губернаторъ Капнистъ возражалъ, что этотъ новый способъ не пригоденъ, что мостовая будетъ плохая, и что издержки окажутся слишкомъ обременительными для города. Онъ предложилъ простой, дешевый и прочный способъ. Закрѣвскому, заклятому врагу Капниста, первое предложеніе было гораздо выгоднѣе, такъ какъ давало ему возможность изъ крупныхъ расходовъ и большихъ суммъ удѣлить нѣкоторый процентъ на свои собственные интересы,—да и притомъ онъ не осмѣливался перѣчить такому лицу, какъ графъ Адлербергъ. Что-же до города, ему было все равно, какъ мощены улицы и откуда берутся деньги. Изо всего этого вышла пренепріятная исторія. Адлербергъ разсердился, Закрѣвскій его еще болѣе раззадорилъ.

Москву стали мостить по способу, предложенному Адлербергомъ. Капниста постигла настоящая опала. Черезъ нѣсколько лѣтъ московская мостовая, незабвенная для тѣхъ, кто хоть разъ по ней тогда прокатился съ опасностью переломать кости или, въ лучшемъ случаѣ, рессоры экипажа,—доказала на дѣлѣ, какъ хорошъ былъ способъ графа Адлерберга, и какъ полезно были растрачены городскія деньги, согласно рѣшенію Закрѣвскаго.

Между тѣмъ, Иванъ Васильевичъ потерялъ мѣсто губернатора; его перевели въ Петербургъ въ сенаторы. Ему было крайне затруднительно и не выгодно переѣзжать со всей семьей, со всей прислугой, изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ жизнь гораздо дороже. Тяжело было переносить все это послѣ стольких лѣтъ честной и блестящей службы,—послѣ того, какъ вся Москва его знала и уважала.—Такъ какъ старшіе сыновья его были женаты, или въ отъѣздѣ,—онъ поручилъ всѣ свои домашнія дѣла сыну Петру, который въ то время былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при

попечителѣ московскаго учебнаго округа и исполнялъ должность секретаря въ московскомъ цензурномъ комитетѣ. Самъ-же Иванъ Васильевичъ отправился въ Петербургъ, хлопотать о позволенiи жить въ Москвѣ, въ званiи сенатора, или-же, въ противномъ случаѣ,—о выходѣ въ отставку. Когда онъ думалъ, что придется выѣхать изъ губернаторской казенной квартиры и нанимать домъ, его глубоко тревожилъ вопросъ: что дѣлать съ многочисленнымъ персоналомъ крѣпостныхъ своихъ людей? Куда дѣвать ихъ семьи? И не благоразумнѣе-ли отослать женъ и дѣтей въ деревню? Но на эту суровую мѣру Иванъ Васильевичъ не рѣшился; несмотря на трудныя издержки и на совѣты практичныхъ знакомыхъ, изумлявшихся его взглядамъ,—не захотѣлъ разрознить семьи тѣхъ людей, участь которыхъ отъ него зависила. Когда онъ прiѣхалъ въ Петербургъ, хорошо его знавшiй министръ, графъ Перовскiй, услыша о постигшей его опалѣ, вознегодовалъ и захотѣлъ помочь ему выйдти изъ непрiятнаго положенiя. Онъ предложилъ ему мѣсто товарища министра. Иванъ Васильевичъ подумалъ, подумалъ, и отказался. Онъ сказалъ позже своему сыну, почему онъ такъ поступилъ. Онъ расчиталъ, что даже съ жалованiемъ товарища министра ему не хватитъ денегъ, чтобы жить въ Петербургѣ со всѣмъ своимъ штатомъ, или придется помѣстить семьи крѣпостныхъ въ сырыхъ и гнилыхъ петербургскихъ подвалахъ. „Я все думалъ и самъ съ собой разсуждалъ“, говорилъ онъ сыну, „какъ поступить? Даже ночью эта мысль не давала мнѣ покоя; и вотъ мнѣ живо приснилось, какъ мы живемъ въ Петербургѣ, какъ изъ нашего дома все выносятъ гробики, одинъ за другимъ. И все это гробики дѣтей нашихъ слугъ, живущихъ въ подвалахъ. На другой день мнѣ все мерещились эти гробики, эта сырость... Я и отказалъ министру“.

Не надо забывать, что это происходило въ то время, когда крѣпостничество было еще общественнымъ явленiемъ, когда всѣ привыкли къ нему, какъ къ чему-то обыденному и нормальному.

Возвратясь домой въ Москву, Иванъ Васильевичъ былъ очень доволенъ отчетами по хозяйству, которые представилъ ему сынъ его, и теплыя отношенія между ними укрѣпились еще больше. Качая головой, Иванъ Васильевичъ, однако, любовался невольно стихами сына, и только просилъ своего брата Алексѣя не слишкомъ увлекать его. У дяди своего, Петръ Ивановичъ разцвѣталъ душою, но тутъ, его привлекала не одна любовь къ поэзіи и къ интереснымъ разговорамъ этого очаровательнаго и оригинально-умнаго старика, бывшаго когда-то въ близкихъ отношеніяхъ съ декабристами, имѣвшаго свои опредѣленные взгляды на политику и, на философію; у него встрѣчалъ нашъ поэтъ одну молодую дѣвушку, которая вдохновила ему не мало стиховъ. Онъ даже сознавался, что не будь ея присутствія, его вѣроятно менѣе увлекало-бы переписываніе цѣлаго трактата о философіи, заданное ему дядюшкой. Теперь-же онъ былъ радъ имѣть столь солидный предлогъ, чтобъ взглянуть на восхитительное созданіе. Свои стихи для нея онъ отмѣчалъ иниціалами: М. Л. Еще ребенкомъ она производила на него обаятельное впечатлѣніе. Любя статуи, картины, все изящное, онъ не могъ достаточно налюбоваться ея правильнымъ лицомъ, ея глазами, удивительнаго цвѣта, то зелеными какъ морская вода, то темносиними, то блестяще-сѣрыми,—смотря по настроенію ея души. Подростая, она съ каждымъ днемъ хорошѣла. И вотъ, мало по малу, онъ влюбился въ М. Л.

1858-й годъ не обозначенъ никакими стихами. Положительная сторона жизни, веденіе дѣлъ отца, матеріальныя заботы, отдалили его временно отъ поэзіи. Его-же гражданская дѣятельность ознаменовалась тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ для московскаго университета и округа, извѣстную минералогическую коллекцію бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго. Текущіе интересы того времени наводили его на мысли о соціальныхъ вопросахъ. Мы находимъ въ его записной книжкѣ слѣдующія замѣтки: „Россія уже доросла до „того, что въ ней можетъ быть образовано сословіе

„совѣщательное, составленное изо всѣхъ классовъ об-„щества, изъ депутатовъ отъ мѣстныхъ совѣщательныхъ „учрежденій. Это сословіе можетъ имѣть только право „мнѣнія, выставляемаго на Высочайшее воззрѣніе, ря-„домъ съ заключеньями о важныхъ предметахъ, выс-„шихъ учрежденій въ Государствѣ. Польза такого уч-„режденія выразится въ спокойномъ и мудромъ разрѣ-„шеніи самыхъ щекотливыхъ вопросовъ.—Духовенство „наше слишкомъ обособленно. Интересы его и интересы „общественные слишкомъ разъединены. Пора имъ сли-„ваться. Это можетъ быть достигнуто преобразованіемъ „системы воспитанія духовныхъ лицъ. Оставя осно-„ваніе образованія то-же самое, слѣдуетъ учредить при „университетѣ теологическіе факультеты, доступные всѣмъ „и каждому. Четырехлѣтнее пребываніе будущихъ слу-„жителей олтаря вмѣстѣ съ мірянами должно благодѣ-„тельно подѣйствовать на взаимныя отношенія обоихъ „сословій“.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ это все думалось, а вопросы эти еще не разрѣшены, и вполнѣ современны.—Очень плодотворнымъ для творчества нашего поэта былъ слѣдующій, 1859-й годъ, которымъ помѣчены между прочимъ стихотворенія: „*Когда насмѣшкой благородной Поэтъ толпу рабовъ клеймитъ*“, и „*Она раскинулась широко Задача жизни*“... [1]) въ нихъ выражается именно та задача, что стояла тогда передъ молодымъ поэтомъ: можетъ-ли человѣкъ призывать словомъ къ тѣмъ чувствамъ, которыхъ не исповѣдываетъ на дѣлѣ въ жизни своей?—Къ счастію поэта, сама жизнь и новое направленіе всего русскаго строя, разрѣшили эту задачу такъ свѣтло, что поэтъ могъ идти рука объ руку съ гуманнымъ и просвѣщеннымъ направленіемъ, руководившимъ Россіей, и даже найдти себѣ въ правительственной службѣ интересную дѣятельность, не противурѣчившую его убѣжденіямъ и вкусамъ.

По обыкновенію, онъ продолжаетъ писать свои за-

---

1) Стр. 120 и 124.

мѣтки, говоря: „Замѣтки свои необходимо писать, не „для того, чтобы ихъ издать когда нибудь; не для того, „чтобы ихъ читать кому либо; но затѣмъ, чтобъ не „теряться въ жизни, чтобъ имѣть всегда путеводную „нить, отдавать себѣ самому отчетъ въ прожитомъ, не „быть слишкомъ откровеннымъ тамъ, гдѣ это не нужно, „гдѣ это можетъ быть даже вредно; потому что, къ „прискорбію, нѣтъ для человѣка, въ мірѣ, болѣе близ„каго человѣка, болѣе близкаго друга, какъ онъ самъ „для себя...

„Бѣда, если мы развиваемъ въ себѣ сознаніе истинъ „слишкомъ рано путемъ теоритическимъ, не имѣя силъ „или возможности жить въ то-же время практической „жизнью. Теоритически состаришься, — жизнь придетъ „и задавитъ.

„Скрывай вовсе свои мысли и впечатлѣнія или го„вори громко, ясно и спокойно то, что по убѣжденію „твоему, ты можешь говорить.

„Сегодня, возвращаясь домой поздно вечеромъ, я по„чувствовалъ, что во всемъ мірѣ я одинокъ. Много „тому грустныхъ причинъ"...

Это тоскливое чувство одиночества проявляется у большей части людей молодыхъ. Именно въ молодости, несмотря на кругъ родныхъ и близкихъ, чувствуешь себя въ душѣ своей одинокимъ и безпомощнымъ, а по самолюбію стараешься скрыть это чувство.

У Петра Ивановича это одиночество проистекало и оттого, что трудно было ему разобраться въ самомъ себѣ съ тѣмъ наплывомъ мыслей, взглядовъ и чувствъ, который его прямо наводнялъ. Чѣмъ богаче натура, тѣмъ сильнѣе и многочисленнѣе всѣ эти впечатлѣнія и мысли. Какъ необходимо и какъ тяжело вмѣстѣ съ тѣмъ, привести ихъ къ единству, составить изъ нихъ цѣльность и гармонію. Идетъ борьба, кипучая работа; высказать все это низачто никому не рѣшаешься. Какая-то дѣвственная стыдливость души мѣшала поэту дать понять другимъ о томъ, что въ немъ происходило. Онъ понималъ умомъ, что если онъ дойдетъ до состо-

янія болѣе свѣтлаго, то и одиночества для него не будетъ:

Кто полонъ думою глубокой,
Въ комъ чувства не изсякъ потокъ,
Для міра тотъ не одинокій
И для себя не одинокъ! [1])

Но онъ еще не дошелъ до этого радостнаго состоянія. Онъ недоволенъ собой и задается задачей развить себя во всѣ умственныя и душевныя стороны. Онъ страстно жаждетъ самоусовершенствованія. Вотъ какъ онъ себя караетъ: „По прежнему — я одинъ. Въ по„ступкахъ и дѣйствіяхъ далекъ отъ спокойствія. Въ „занятіяхъ нѣтъ должной устойчивости“. Онъ задается глубокимъ изученіемъ всеобщей и русской исторіи, политической экономіи и эстетики.

Вь другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Я сталъ легче „владѣть собой, и во взглядѣ пріобрѣлъ больше прак„тичности. Сверхъ того, я занимаюсь, какъ школьникъ „и сдѣлалъ успѣхи. Если скажу, при какихъ обстоя„тельствахъ я такъ дѣйствовалъ и развивался, то право „нельзя не спросить себя съ изумленіемъ, откуда взялъ „я столько силъ?“

Но умственное развитіе не одно къ чему онъ стремится; такое-же вниманіе обращаетъ онъ и на образованіе своего сердца. Онъ честно относится къ душѣ своей. Онъ сохраняетъ замѣчательную свѣжесть и чистоту, и въ тридцать лѣтъ онъ еще совсѣмъ юноша по увлеченіямъ и по пылкости чувствъ. Такимъ остался онъ и до конца жизни. Его общіе интересы, его умъ, глубокомысленность и опытъ развивались,—а сердце все оставалось сердцемъ юноши.

Далѣе онъ пишетъ: „Полевой, въ письмѣ своемъ къ „Герцену, говоритъ между прочимъ: Кто изъ насъ пе„реходитъ путь жизни безъ страданій? Слава Богу если „они постигаютъ насъ тяжелымъ опытомъ *въ юности*.

---

[1]) Стр. 121.

LXXXVIII

„А какъ измѣняются потомъ въ глазахъ нашихъ взгляды „и отношенія на все насъ окружающее!—Это правда, „но для того, чтобъ вынесть изъ страданій юности „пользу,—нужны энергія, постоянная и свѣтлая дѣятель-„ность. Нужно непремѣнно вырабатывать для ума—„убѣжденія; для сердца—правила нравственности; для „того и другаго—образованіе; и ежедневно, постоянно „прилагать къ жизни и убѣжденія, и нравственность, „провѣряя то и другое опытомъ... Жизнь не должна „быть только на бумагѣ. Нужно и читать, и писать, и „смотрѣть внимательно вокругъ себя. Лучшая школа „въ жизни есть стремленіе каждый день приближаться „къ намѣченной цѣли. Такой ходъ, конечно, не допус-„каетъ моральнаго сна. Не слѣдовало-бы ложиться спать, „не сдѣлавъ все, до послѣдняго, что предположилъ сдѣ-„лать днемъ.—Если хочешь, чтобъ слова твои имѣли „надлежащій вѣсъ,—говори ихъ спокойно, безъ страсти. „Всякая минута потеряннаго спокойствія есть минута „нравственнаго пьянства, а въ пьянствѣ человѣкъ на-„носитъ вредъ другому и себя легко открываетъ злу. „Спокойное пользованіе своими нравственными и тѣлес-„ными способностями, есть труднѣйшая и прекраснѣйшая „задача въ жизни.

„Блаженъ кто вѣрно разрѣшитъ эту задачу“.

Но бываютъ минуты, когда онъ выбивается изъ силъ. „Болѣе трехъ мѣсяцевъ я не жилъ, а страдалъ, и какъ „страдалъ! Что-же изъ этого вышло?.. Я стою одинъ, „растерянъ мыслями; ничего я не ожидаю, ничего. И „если-бы, когда нибудь, случайно, упалъ-бы на эти строки „взглядъ отравившій мнѣ столько жизни, отравившій „такъ безсознательно, такъ невольно, о, и тогда эти „строки будутъ для нея такъ безмолвны, какъ безмолвно „и глубоко было страданіе во мнѣ... Что вынесъ я „изъ этого мученія?.. Есть грозы, которыя, гремя и „разрушая, освѣжаютъ; онѣ уравновѣшиваютъ атмос-„феру. Здѣсь было не то,—это было дуновеніе какого-„то сухаго, знойнаго, удушающаго вѣтра, онъ все су-„шитъ, все мертвитъ, и природа стоитъ въ глубокомъ

„оцѣпененіи, какъ будто въ какомъ-то тупомъ и без-„смысленномъ отчаяніи“.

Эти безнадежныя строки относятся къ его любви къ М. Л. Между нимъ и ей стояли большія припятствія; ни его, ни ея родители не желали ихъ соединенія,—но главное припятствіе лежало въ ней самой Ей было тогда всего шестнадцать лѣтъ. Еще ребенокъ въ душѣ, она стояла на порогѣ жизни, въ настоящемъ ореолѣ красоты, ослѣплявшей своими лучами нетолько другихъ, но и ее самую. Въ простотѣ сердца она радовалась этому дару, и пробовала свои силы. Ей льстило, что молодой человѣкъ, гораздо старше нея, поэтъ, умный, всѣми замѣченный въ ихъ кругу, такъ безпредѣльно влюбился въ нее. Когда она говорила, онъ слушалъ ее, какъ большую; правда, она умѣла говорить съ такой привлекательностью, что ею можно было всегда заслушаться съ наслажденіемъ,—что̀ въ сущности она ни говори. Хорошо образованная, добрая, она имѣла большую силу обаянія. По молодости своей, она не могла понять, не могла вдуматься въ то чувство беззавѣтной любви, которое испытывалъ къ ней поэтъ. Въ то время, она никого и ничего на свѣтѣ не любила больше своего прелестнаго личика. Ей нравилось поклоненіе, стихи, ѳиміамъ обожанія, и она,—то сама увлекалась дѣтской любовью,—и тогда поэтъ блаженствовалъ, и надѣялся на свѣтлое будущее,—то кокетничала съ нимъ, и подстрекала его ревность. Тогда онъ переживалъ мучительные дни,—удалялся отъ всѣхъ и писалъ. „Въ уединеніи, не стѣсняй выраженіе чувствъ „твоихъ: плакать хочешь—плачь; смѣяться—смѣйся; и „если хочешь эти истинныя впечатлѣнія сохранить—„пиши“. И для нея написаны въ 1859-мъ году: *Весной*, *Nocturno*, *Я люблю твой русый локонъ*, *Баркарола*, *Послѣ грозы*, [1]) *Да, вы прелестны, слова нѣтъ* [2]).

Въ послѣднемъ онъ живо описываетъ очаровательную

---

[1]) Въ отдѣлѣ Утр. заря. стр. 44, 28, 36, 41, 37 и 32.
[2]) Было напечатано въ Современникѣ, подписано иниціалами автора.

дѣвушку, но совѣтываетъ ей вглядѣться въ свое сердце и въ окружающую ее природу, чтобы научиться у нея правдѣ и святой простотѣ. Къ сожалѣнію, именно правдѣ жизни меньше всего учатъ дѣвушекъ. Знай онѣ жизнь,— чистыя и добрыя дѣвушки никогда не желали-бы вліять на мужчинъ своимъ кокетствомъ. Но чѣмъ невиннѣе дѣвушка, тѣмъ менѣе она понимаетъ, какія дурныя ощущенія она будитъ въ существѣ мужчины. На кокетство она смотритъ совершенно съ другой точки зрѣнія; это, своего рода,—удаль, пріятно волнующая ея самолюбіе. Близость страсти, близость чего-то невѣдомаго и могучаго, имѣетъ всю притягательность прогулки на краю бездны. А по природной кошачьей жестокости, коей люди такъ щедро одарены въ молодости, — упоительно чувствовать власть свою надъ другимъ,—такую безпредѣльную,—что власть царя надъ рабомъ ничтожна передъ этой властью; однимъ словомъ—повергать въ отчаяніе, однимъ ласковымъ взглядомъ — воскрешать. — Для нея это была опьяняющая игра, — а поэтъ переходилъ отъ минутъ упоенія къ порывамъ тоски. Онъ жилъ въ своемъ очарованномъ внутреннемъ мірѣ, гдѣ созрѣвало многое, гдѣ думы и чувства кипѣли точно въ горнилѣ. Погруженный самъ въ себя, онъ не придалъ никакого значенія случаю, который однако, въ будущемъ, долженъ былъ повліять на всю его судьбу.

Однажды, проводя лѣто въ Москвѣ, получилъ онъ изъ Сокольниковъ письмо отъ матери М. Л. которая его немедленно вызывала. У ея добрыхъ знакомыхъ и сосѣдей случилось неожиданное несчастіе. Недавно пріѣхавшая къ нимъ погостить родственница, ихъ общій другъ—умерла, оставя свою молодую дочь въ страшномъ горѣ. Послали въ Петербургъ дать знать мужу покойной; а въ Сокольникахъ, въ это время, не было никого изъ знакомыхъ мужчинъ, чтобы разпорядиться похоронными приготовленіями и хлопотами. — Растерявшіяся родственницы поручили все это Петру Ивановичу, всегда готовому, по добротѣ своей, помочь кому только могъ, а тѣмъ болѣе въ минуты такого неожиданнаго горя.—

Онъ познакомился, такимъ образомъ, съ семьей покойной, съ ея дочерью, и пріѣхавшими изъ Петербурга мужемъ ея, генераломъ Мандерштерномъ, и сыномъ, еще совсѣмъ молодымъ гусаромъ.—Иванъ Васильевичъ Капнистъ, смолоду знавшій покойную, тоже явился въ Сокольники. Во время похоронъ Петръ Ивановичъ все время велъ за гробомъ ея дочь—Екатерину Евгеніевну, и заботился о ней. Молодая дѣвушка, пораженная горемъ, двигалась какъ во снѣ, никого и ничего не замѣчала, не плакала, но ея молчаливое страданіе производило самое тяжелое впечатлѣніе. Въ церкви, въ минуту послѣдняго прощанія, передъ закрытіемъ гроба, когда она взошла на ступени и наклонилась надъ лицомъ своей матери, она вдругъ зашаталась и упала безъ чувствъ; не поддержи ее въ эту минуту Петръ Ивановичъ — она свалилась бы со ступеней. Только прійдя въ себя послѣ глубокаго обморока, она замѣтила его сострадательное и доброе лицо и поблагодарила его.

Послѣ этого онъ встрѣтилъ ее еще раза два, три, въ Сокольникахъ; но перемолвилъ съ нею едва нѣсколько словъ. Въ Сокольникахъ была М. Л. Окончивъ свои печальныя обязанности, Петръ Ивановичъ никого другаго и не замѣчалъ въ ея присутствіи. Тѣмъ болѣе удивился онъ, когда разъ вечеромъ, возвращаясь съ нимъ вмѣстѣ изъ Сокольниковъ, его отецъ сказалъ ему: „что за славная семья эти Мандерштернъ! Знаешь-ли, Екатерина Евгеніевна мнѣ особенно нравится. Какъ бы я хотѣлъ, чтобъ такая дѣвушка стала твоей женой! Она составила-бы твое счастіе".—Эти слова были совершенной неожиданностью для Петра Ивановича, всѣмъ сердцемъ и умомъ своимъ занятаго одной прелестной М. Л.,—и поэтому они прошли для него незамѣченными тогда, но остались не безслѣдными въ будущемъ.—Екатерина Евгеньевна, черезъ нѣсколько дней уѣхала съ отцомъ своимъ въ его малороссійское имѣніе, и весь этотъ печальный случай, казалось, прошелъ и позабылся.

Жизнь текла, повидимому, однообразно, однако вну-

тренняя дѣятельность не прерывалась. Капнистъ продолжалъ свои усидчивыя занятія. Философскія бесѣды съ дядей Алексѣемъ Васильевичемъ, а также собственное религіозное влеченіе души, приходившей въ столкновеніе съ начинавшимся уже тогда вѣяніемъ отрицанія и невѣрія,—навели его на желаніе записать свои мысли, чтобы уяснить себѣ свое собственное сознаніе. Онъ читалъ въ то время Карлейля, Огюста Конта, древнія библіи Индіи и Китая, и сочиненія нѣкоторыхъ отцовъ церкви. Какъ заключеніе изъ всего вычитаннаго и передуманнаго, онъ составилъ себѣ философски-религіозную систему [1]). По его словамъ, въ этомъ сочиненіи онъ былъ сторонникомъ эволюціи, и не только матеріальной,—какъ Дарвинъ, (въ то время ему еще неизвѣстный), но и ***духовной эволюціи.*** Нѣкоторое понятіе объ общей мысли даетъ намъ планъ его системы:

„Что есть религія? Какое различіе между религіей и „философіей? Познаніе и усовершенствованіе себя. „Познаніе всего окружающаго и усовершенствованіе „другихъ. Вѣчная цѣль—Богъ.

„Слѣдующіе афоризмы тоже относятся къ этому со„чиненію.

„I. Разные символы древнихъ указываютъ на одно „и то-же: Богъ единый, предвѣчный, Духъ всеобъем„люнцій, — выраженіемъ котораго служитъ солнце съ „миріадами небесныхъ тѣлъ,—который Своей силой ***далъ „жизнь*** и бытіе вселенной, и который, наконецъ, изъ „Своего Существа ниспослалъ хранителя или Спасителя „грѣшному міру.

„II. Понятіе объ этой основной идеѣ, которая су„ществуетъ, какъ единство въ многоразличіи, и которую „всегда человѣкъ, если не ***сознавалъ***, то непремѣнно „***чувствовалъ***, — это понятіе и почиталось человѣкомъ „всегда какъ истина, и потому, — какъ основаніе для

[1]) Это сочиненіе было имъ кому то подорено въ молодости и мы нашли только наброски и планъ, подъ названіемъ: Матеріалы для составленія религіозной системы.

„отношенія его къ себѣ самому и ко всему окружающему.

„Совѣсть есть невольное сознаніе того, что я поступаю согласно моимъ задушевнымъ убѣжденіямъ или „противно имъ.

„Фактъ есть матерія духа, его оболочка, не болѣе; „и потому, факты должны быть изучаемы, какъ проявленіе, какъ выраженіе, заключенной въ нихъ идеи.

„Вѣчность не мечта, — не мечта и жизнь, которая „служитъ къ ней ступенью".

И такъ, мы видимъ, что въ эту эпоху его жизни въ немъ слогались всѣ его нравственные устои. Онъ пишетъ для себя также: Разрѣшеніе разныхъ вопросовъ для уясненія себѣ нѣкоторыхъ понятій. Все это или выписки изъ читаемаго, или собственныя размышленія и замѣчанія о государствѣ, объ исторіи, и пр.

Нѣтъ во всей жизни человѣка болѣе важной минуты, какъ та, въ которую онъ займется вопросомъ: сознательно пересмотрѣть то, что подсказываетъ природная вѣра, или вліяніе воспитанія, — и составить себѣ свое собственное „Weltanschauung",—свой міровой взглядъ. Эта минута—точка отправленія всей сознательной жизни человѣка, основа его будущей дѣятельности и отношеній къ ближнимъ. Есть люди никогда этимъ не занимающіеся; но такіе люди до конца жизни остаются незрѣлыми. Они могутъ состариться, но не могутъ созрѣть. Капниста поражало, что множество людей способны задумываться надъ всевозможными случайностями,—богатствомъ, славой, полезными изобрѣтеніями, болѣзнями,—то-есть, такими фактами, которые могутъ съ ними случиться, но могутъ и не случиться; а мало кто останавливается надъ однимъ неизбѣжнымъ, вѣрнымъ фактомъ,—онъ подразумѣвалъ,—смерть и ея тайну. А вѣдь фактъ этотъ стоитъ для каждаго ближе всякаго другаго, можетъ случиться во всякую минуту,—неминуемъ. И какъ мало людей это сознаютъ! Капнисту же казалось, что вопросъ объ этой вѣчной тайнѣ, самый горячій вопросъ, и такой же логичный для человѣка, какъ для путеше-

ственника, садящагося въ вагонъ вопросъ: куда я ѣду? Но логичныхъ людей немного; и жизнь мчится, какъ поѣздъ пущенный на всѣхъ парахъ, пассажиры куда-то летятъ, и даже не интересуются знать—куда? Странные пассажиры!—Капнистъ часто говорилъ: „Будь вѣрующимъ, будь философомъ, будь хоть матеріалистомъ, — но составь себѣ добросовѣстно какое-нибудь убѣжденіе, планъ, изъ котораго исходили бы твои дѣйствія".

Въ его душѣ зрѣла горячая вѣра; его дѣтскій инстинктъ, его религіозный экстазъ, находилъ себѣ основу въ его ясномъ разумѣ, укрѣплялся имъ, а не разрушался,—какъ случается у людей духовно-слѣпыхъ, или демонически-гордыхъ. Онъ становился все болѣе и болѣе убѣжденнымъ христіаниномъ, съ любовью открытой для всего міра, но главное, для несчастныхъ. Вмѣстѣ съ религіей Христа, гармонично съ ней сочитаясь, и устраняя всякое влеченіе къ аскетизму, — въ немъ росло, какъ у древнихъ, поклоненіе прекрасному и потребность эстетики. Эта потребность была его внутреннимъ, прирожденнымъ закономъ.

Иногда его думы переходили въ яркіе образы, вдохновляли ему стихи. Созерцаніе современнаго міра служитъ ему предлогомъ глубоко-художественно изложить свой бодрый и свѣтлый взглядъ въ стихахъ: *„Всегда, во всѣ вѣка внимали поколѣнія"* [1]). Въ нихъ высказываетъ онъ свой завѣтъ нашему дѣятельному вѣку: „провозглашать дѣлами", подготовлять своей практичной и кипящей работой блаженство будущихъ поколѣній.

Стихотвореніе: *Жизнь* [2]), въ маленькомъ количествѣ строкъ заключаетъ такъ много содержательности, такъ много движенія въ мысли и въ размѣрѣ,—что производитъ впечатлѣніе большой поэмы. — Эпически хорошъ его *Днѣпръ*, которому онъ даетъ счастливый эпитетъ: *„широкобѣжный"* и зоветъ:

Отчизны лѣтопись живая,
Шуми священною волной.

---

1) Стр. 122.
2) Стр. 125.

Мощнымъ и гармоничнымъ стихомъ переливаются картины исторіи днѣпровскихъ побережій,—этой древней колыбели Россіи, и вся поэма такъ и дышетъ затаеннымъ восторгомъ и величавой грустью.

Къ этому времени относятся незабвенныя эстетическія впечатлѣнія, которыя вліяли на развитіе его таланта. Онъ видѣлъ игру Рашели и Щепкина. Вообще, всю жизнь свою, онъ не переставалъ посѣщать театръ, и видѣлъ всѣхъ лучшихъ актеровъ, начиная съ Мочалова; а для поэта, такое событіе, какъ игра геніальнаго актера,—настоящее откровеніе. Мочалова онъ видывалъ въ Москвѣ часто,—въ Гамлетѣ, въ Коварствѣ и Любви, почти во всѣхъ его лучшихъ роляхъ, и даже лично зналъ этого генія. Онъ часто вспоминалъ о томъ, какимъ образомъ Мочаловъ воспроизводилъ великія творенія трагиковъ, и сопоставлялъ его игру съ игрой другихъ актеровъ. По его словамъ, видно, что Мочаловъ не принадлежалъ къ тѣмъ актерамъ, которые только умственно воспринимаютъ роль, изучаютъ ее, вдумываются, и потомъ художественно и даже вдохновенно передаютъ ее. Мочаловъ игралъ иначе,—онъ весь воплощался въ свою роль, переживалъ ее вполнѣ, дѣлался самъ тѣмъ лицомъ, которое представлялъ, и только геніальный его инстинктъ внушалъ ему соблюденіе художественной мѣры, необходимой для сцены, чтобы произвести вѣрное впечатлѣніе на зрителя. Какъ доказательство этому, Капнистъ приводилъ слѣдующій анекдотъ, случившійся въ Москвѣ, въ его время съ великимъ актеромъ, съ этимъ единственнымъ Гамлетомъ. Московскіе купцы были въ такомъ восторгѣ отъ генія Мочалова, что не знали, какъ его ублажать; обѣды и ужины чередовались, и кончилось тѣмъ, что они споили его. Разъ, послѣ представленія Гамлета, восторженной оваціи и ужина съ неизбѣжной выпивкой въ кругу своихъ поклонниковъ, — онъ возвращался домой, ночью, пѣшкомъ. Голова его кружилась отъ вина и онъ упалъ. Его подняли городовые и спросили, какъ его зовутъ. Онъ отвѣчалъ: Я—Гамлетъ,—принцъ датскій. Городо-

вые немало удивились, однако онъ такъ увѣренно настаивалъ на своемъ, что они повели его въ участокъ, и не зная кто онъ, прописали его тамъ датскимъ принцомъ Гамлетомъ.

Кромѣ всѣхъ своихъ поэтическихъ впечатлѣній, кромѣ занятій и думъ,—свѣтская жизнь шла тоже своимъ чередомъ. Она принимала новый интересъ въ глазахъ Капниста; М. Л. начинала являться въ обществѣ, а съ этими выѣздами связывались волненія поэта. То она его очаровывала своей красотой на балу, то онъ ревновалъ и мучился, то любовался ея дѣтской веселостью, то велъ съ нею серіозные разговоры. Подъ ея вліяніемъ пишетъ онъ субъективно-лирическіе стихи: „*Когда твоихъ лазуревыхъ очей*“, „*Цвѣтокъ*“, „*Падучая звѣзда*“ [1]), но, говоритъ онъ, „мои стихи блѣднѣе моей любви. Моя любовь—оригиналъ, а стихи, только копія съ оригинала“.

1-е января 1860-го года провелъ Петръ Ивановичъ вмѣстѣ съ М. Л. въ большомъ кругу семьи и друзей.

„Загадочныя предзнаменованія сопровождали для меня „встрѣчу Новаго года“, писалъ онъ въ своихъ замѣткахъ. „Все заглушено во мнѣ чувствомъ любви, любви „безпредѣльной. Какъ она прелестна, М. Л.! Я живу „и дышу только ею. Давно уже не могу ни молиться „Богу, ни думать о дѣлахъ моихъ и обо всемъ, что „не касается М. Л. Я былъ вчера въ какомъ-то чаду „блаженства, потому что она любитъ меня! Какое-то „темное предчувствіе говоритъ мнѣ, что она разлюбитъ „меня, и можетъ быть скоро. Но теперь она меня любитъ, и я не могу быть грустнымъ. Я не могу назвать себя бѣднымъ, несмотря на то, что у меня нѣтъ „теперь въ виду ни денегъ, ни мѣста, ни сочувствія многихъ; но М. Л. любитъ меня, и если бы теперь застала меня смерть, я былъ бы счастливъ, лишь бы „умеръ съ убѣжденіемъ, что М. Л. любитъ меня, и что „ея жизнь будетъ счастлива.

---

[1]) Утр. Заря стр. 38, 43 и 39.

„Едва успѣли мы вчера ночью выпить поздравитель-„ный бокалъ, какъ отцу моему сдѣлалось дурно. Многіе „изъ бывшихъ на вечерѣ были грустны. Какое-то сму-„щеніе и принужденность чувствовались во всѣхъ. Здо-„ровіе брата моего сомнительно. Тетка была грустна и „плакала“.

Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ: „Кстати, муза моя! Бѣдная муза! Didona abandonata! Плохо,—писать и мечтать, когда дѣйствительность полна такихъ впечатлѣній.—Но какъ только буду въ состояніи—стану работать“.

Но этотъ пылкій порывъ увлеченія былъ внезапно прерванъ тяжкимъ ударомъ судьбы! Обморокъ Ивана Васильевича, въ ночь на Новый годъ, оказался предвѣстникомъ его смерти отъ разрыва сердца. Никто не подозрѣвалъ, что онъ боленъ. Однако всѣ страданія, постигшія его въ послѣдніе годы службы, всѣ непріятности изъ-за темныхъ интригъ, изъ которыхъ онъ такъ благородно вышелъ,—глубоко потрясли его здоровье. Болѣзнь сердца развивалась, но онъ не обращалъ на нее вниманія и почти никому не говорилъ о ней. 27-го сентября, того же 1860-го года, ему, цѣлый день, слегка не здоровилось, однако онъ даже въ постель не слегъ. Каковъ былъ ужасъ всей семьи, когда 28-го, рано утромъ, лакей нашелъ его лежащимъ безъ жизни, уже похолодѣвшимъ, на полу, въ дверяхъ его комнаты! Видно, онъ всталъ ночью, чтобы позвать слугу и упалъ около двери. Нельзя словами описать горе и смятеніе его дѣтей. Горячо любимый Петромъ Ивановичемъ и, за послѣднее время, часто хворавшій младшій братъ его,—Иванъ, внезапно, спросонья, узнавъ эту страшную вѣсть, наскоро набросилъ свое платье и безъ шапки побѣжалъ за докторомъ, въ надеждѣ помочь своему отцу. Утро было морозное и вѣтренное, онъ простудилъ голову и черезъ двѣ недѣли умеръ отъ воспаленія въ мозгу.

Извѣстіе о внезапной смерти Ивана Васильевича отъ

разрыва сердца, произвела большое впечатлѣніе въ Москвѣ, и многихъ поразила глубокимъ прискорбіемъ. Какъ всегда, въ такія минуты, совѣсть нѣкоторыхъ лицъ заговорила очень громко. Всѣ москвичи того времени любили и уважали Ивана Васильевича, и похороны его были чрезвычайно многолюдны и пышны. И вотъ на панихиду, гдѣ толпилось множество знакомыхъ, сослуживцевъ и народу, передъ тѣмъ, какъ закрыли гробъ, чтобъ отправить его въ дорогу, — явился графъ Закрѣвскій. Онъ неудержимо рыдалъ все время службы, и въ минуту послѣдняго прощанія съ покойнымъ, всѣхъ поразилъ. Онъ бросился на колѣни передъ гробомъ, и поклонившись ему земнымъ поклономъ, громко, при всѣхъ присутствовавшихъ, сказалъ: „Прости меня, Иванъ Васильевичъ,—я виноватъ передъ тобой!“

На долю Петра Ивановича выпала печальная обязанность повести въ Обуховку, въ родовое имѣніе Капнистовъ, принадлежавшее тогда дядѣ его Алексѣю Васильевичу, тѣло своего дорогаго отца. Вновь очутился онъ въ своей Малороссіи, и при тяжкихъ личныхъ обстоятельствахъ, какъ-то еще внятнѣе понялъ и прочувствовалъ безотрадность этого края, когда-то любившаго свободу и просвѣщеніе, а въ то время изнывавшаго въ оковахъ рабства. Это было за два года до освобожденія крѣпостныхъ. Но малороссы, не только не свыклись тогда съ своимъ крѣпостничествомъ, но даже до сихъ поръ, послѣ тридцатилѣтней свободы, не могутъ изгладить этого тяжкаго воспоминанія,—а изъ характера своего—черту горечи, скрытности и недовѣрія къ панамъ,—ихъ бывшей *старшинѣ*.—Сама украинская природа, въ осеннее ненастіе, эти сонныя, сѣрыя степи съ ихъ темнымъ, точно свинцовымъ горизонтомъ, не только не ободряютъ страдающую душу, не привлекаютъ ее красотой, но своей монотонностью и безграничностью наводятъ еще худшую тоску; подъ конецъ, кажется, что тонешь въ какомъ-то нѣмомъ и безбрежномъ морѣ печали.—По этимъ степямъ приходилось

ѣхать Петру Ивановичу съ гробомъ своего отца. Всѣ эти впечатлѣнія личнаго горя, угнетенности народа и любимаго имъ края, сливались въ его лирической душѣ, и въ немъ зрѣли образы и чувства, готовые вылиться въ стихи, подходящіе къ его настроенію, гармонично вторющіе его страданію.

Но по возвращенію въ Москву, ему поневолѣ пришлось погрузиться въ практичную сторону жизни, всегда выступающую послѣ кончины отца семейства. Живя широко и дѣлая много добра, Иванъ Васильевичъ никогда не копилъ и не откладывалъ; послѣдніе же годы, въ особенности когда онъ потерялъ мѣсто губернатора и жилъ въ Москвѣ, навѣщая изрѣдка Петербургъ для своихъ сенаторскихъ обязанностей,—легли тяжелымъ бременемъ на его матеріальныя средства. И такъ, понятно, что человѣкъ съ высокимъ и щедрымъ сердцемъ, какъ Иванъ Васильевичъ не оставилъ большаго количества благъ земныхъ своей семьѣ, но оставилъ ей въ наслѣдство то, что несравненно лучше: безупречно-честное и всѣми уважаемое имя, и свой примѣръ, который долженъ служить его потомкамъ маякомъ на жизненномъ пути, и живымъ укоромъ въ случаѣ паденія.

Сыновья Ивана Васильевича отказались отъ большей части наслѣдства своего въ пользу матери своей и сестеръ. Молодымъ людямъ, которыхъ считали въ Москвѣ за богатыхъ жениховъ, пришлось жить собственнымъ трудомъ. Петръ Ивановичъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ искать мѣста на службѣ. Съ горькимъ сожалѣніемъ покинулъ онъ Москву, гдѣ жила вся его родня, гдѣ осталась и привлекавшая его М. Л. На праздники, и при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ стремился въ Москву. При его ревнивомъ характерѣ, это невольное отдаленіе ложилось на его душу тяжелымъ гнетомъ, тѣмъ болѣе, что М. Л. производила въ свѣтѣ всеобщій восторгъ и была окружена поклонниками.

Петербургъ съ его холодной природой и чиновно-дѣловитымъ строемъ, кажется ему весьма непривлекательнымъ, и вдохновляетъ нѣсколько сатирическихъ

пьесъ, подъ названіемъ: „Петербургскія мелодіи“ [1]).— Одинъ, въ чужемъ и многолюдномъ городѣ, подъ вліяніемъ перенесенныхъ имъ утратъ, сердце его сжимается болѣзненнымъ сомнѣніемъ, отпечатокъ котораго встрѣчаемъ въ стихахъ:

Случалось ли тебѣ, вечернею порой,
Гуляя, посѣтить безмолвное кладбище?... [2])

и въ эти минуты духовнаго удрученія вспоминалъ онъ свое душевное настроеніе дѣтскихъ лѣтъ:

Въ святые дни,—дни дѣтства моего,
Улыбкой свѣтлой жизнь меня манила...
Вокругъ все было тихо и свѣтло,
Съ душой все сладко говорило.

Летѣлъ ли мимо вѣтерокъ,—
Онъ мнѣ шепталъ про край откуда мчится,
Гдѣ стройно лѣсъ шумитъ, гдѣ полевой цвѣтокъ
Съ любовью въ небеса глядится.

Шумѣла ли гроза, и бурная тревога
Стремилась небеса закрыть своимъ крыломъ,—
Вездѣ я слышалъ голосъ Бога
И чуялъ перстъ его на всемъ.

Я чувствовалъ душой, все то̀, что мыслью бренной
Мнѣ никогда не ощутить...
Такъ въ дѣтствѣ, говорилъ со всею я вселенной,—
А нынче, и съ собой мнѣ трудно говорить!

Однако одиночество и сосредоточенность хорошо вліяли на его поэзію. Полученныя имъ въ Малороссіи впечатлѣнія и мысли, смутно проносившіяся тогда въ его головѣ, нашли себѣ выраженіе въ поэмѣ „Преступникъ“.

---

1) Только одна изъ нихъ напечатана въ этомъ изданіи.

2) Стр. 127 III. Отдѣлъ.

Изъ угрюмаго Петербурга особенно заманчивой мерещится ему малороссійская природа, съ ея раздольемъ и пѣснями, и, сливаясь съ этой картиной, проходитъ чарующій образъ М. Л., придающій свои черты красавицамъ родной стороны. Огненно звучитъ протестъ души его противъ незаслуженныхъ и ненавистныхъ цѣпей, сковывавшихъ тогда украинскій народъ. Своей глубоко поэтичной печалью и лирическимъ движеніемъ, *„Преступникъ“* передаетъ въ стихахъ то же настроеніе, что въ музыкѣ—нѣкоторыя изъ лучшихъ пьесъ Шопена.

Пока жизнь Петра Ивановича отдаляла его отъ Москвы, М. Л. къ нему охладѣвала и онъ сознавался что:

Безумье ревности моей,
Несправедливыхъ подозрѣній,—
Источникъ долгій были ей
Не мукъ,--а чистыхъ наслажденій.
А время шло своимъ путемъ,
Любовь въ ней гасла и блѣднѣла...

Была ли это, и впрямь, минута охлажденія, послѣ новыхъ свѣтскихъ впечатлѣній, — была ли это, что весьма вѣроятно, уловка легкаго дѣвичьяго кокетства,— но разъ, когда Капнистъ пріѣхалъ въ Москву, она ему объявила, что разлюбила его.

Этотъ ударъ былъ слишкомъ тяжелъ для поэта. Онъ уѣхалъ совсѣмъ сокрушенный и въ припадкѣ отчаянія едва не лишилъ себя жизни. Онъ перешелъ тогда черезъ жестокій кризисъ, послѣ котораго, если человѣкъ переживетъ, то между прошлымъ и новымъ поворотомъ жизни возстаетъ непреодолимая преграда. Прежняя любовь становится какимъ-то угрожащимъ призракомъ, отъ котораго человѣкъ бѣжитъ безъ возврата, и въ этомъ состоитъ его спасеніе. Лучшія силы возмущались въ немъ противъ причины безнадежнаго и ни къ чему не ведущаго страданія. Энергія, достоинство, все что въ немъ было воли, шло къ нему на помощь, чтобы побороть сердце. Онъ жаждалъ забыть ее.

Дождусь-ли сладостнаго дня?
Пройдетъ-ли мгла нѣмая ночи?
Забуду-ль полныя огня
Ея лазоревыя очи?... [1]).

Какъ только онъ уѣхалъ изъ Москвы, въ М. Л. произошелъ опять переворотъ. Она сознала, что потеряла его, и вдругъ почувствовала приливъ сожалѣнія и любви. Но Капнистъ былъ слишкомъ разбитъ этой выходкой и страданіемъ, которое подорвало его вѣру въ нее. Онъ переломилъ себя и ужъ не захотѣлъ возвратиться.

Бѣги; не то—угаснетъ вѣры пламень,
Минувшей жизни скорбный видъ
Тебя отчаяньемъ смутитъ
И обратишься ты въ лишенный жизни камень!.. [2]).

VII.

Капниста назначили чиновникомъ особыхъ порученій у министра народнаго просвѣщенія,—Головнина. Министръ представлялъ Государю три раза въ недѣлю, обозрѣніе текущей литературы, и высказывавшихся въ ней мнѣній о реформахъ. Онъ поручилъ Капнисту составлять эти обозрѣнія. Работа эта нравилась ему. Теплая и восторженная душа поэта не могла не отозваться съ глубокимъ сочувствіемъ къ вводившимся реформамъ, не встрепенуться вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи. Ему казалось, что каждый русскій, любившій свою родину, долженъ былъ посвятить весь умъ свой и всѣ свои силы на преданное служеніе Правительству, помочь ему,—каждый въ своей сферѣ дѣйствій,—провести его великія и гуманныя идеи въ жизнь нашей страны. Всю энергію своей молодости, онъ направилъ на ра-

[1]) Утр. Заря стр. 40.
[2]) III Отдѣлъ стр. 128.

боту, стараясь поглотить въ бодромъ и неустанномъ служеніи общему дѣлу свои личныя невзгоды.

Живя въ Петербургѣ, Петръ Ивановичъ встрѣтилъ молодаго Мандерштерна, который пригласилъ его навѣстить его семью, упрекая что онъ еще ни разу у нихъ не былъ. Капнистъ, такимъ образомъ возобновилъ столь оригинально начавшееся знакомство. Генералъ Мандерштернъ нравился ему; это былъ симпатичный старикъ-инвалидъ, изъ воинственной семьи, принадлежавшей древнему шведскому роду; всѣ четыре брата Мандерштернъ были генералами и ранеными. Самъ онъ, на Бородинскомъ сраженіи, шестнадцати-лѣтнимъ юношей, лишился правой руки, при взятіи Раевскаго редута. Всю жизнь онъ страдалъ отъ раны, какъ ему предсказалъ врачъ Наполеона, баронъ Ларэ. Ему была сдѣлана неудачная операція на полѣ битвы, и его, больнаго, оставили въ Москвѣ. Когда пришли французы,— Наполеонъ посѣтилъ госпиталь. Видя между ранеными прелестнаго голубоглазаго и кудряваго мальчика, онъ изумился его храбрости и молодости, заинтересовался имъ и прислалъ къ нему своего доктора,—Ларэ, который предложилъ сдѣлать вторую операцію, но Мандерштернъ не согласился тогда. Однако ему пришлось перенести операцію, будучи уже шестидесятилѣтнимъ старикомъ. И его взрослая дочь ухаживала за нимъ какъ сестра милосердія.—Какъ человѣкъ бывалый, старый генералъ былъ пріятнымъ собесѣдникомъ; но вторая встрѣча Капниста съ нимъ произошла весной, и вскорѣ старикъ уѣхалъ съ своей дочерью въ деревню. -- Все лѣто провелъ Капнистъ въ уединеніи и работѣ; несмотря на служебныя занятія онъ чувствовалъ себя, болѣе чѣмъ когда-либо, одинокимъ и грустнымъ. Въ молодости люди не отличаются снисходительностью и не умѣютъ выяснять недоразумѣній; онъ слишкомъ серіозно отнесся къ капризу и кокетству М. Л. и слишкомъ круто съ ней порвалъ. Подчасъ сердце его щемило. Но нервный, пламенный темпераментъ Капниста высказывался въ бурныхъ порывахъ. Не въ его характерѣ было вянуть и

сохнуть отъ унынія. Даже въ минуты упадка духа, онъ боролся съ собой. Онъ пишетъ: „Читалъ я у Монтеня „главу о томъ, что нельзя судить о счастіи человѣка „прежде его смерти, — извѣстное изрѣченіе Солона. „Стало быть, люди которымъ плохо жить не должны „унывать, потому что и о несчастіи нельзя судить „прежде смерти. Только, многіе ли, во дни горя, работаютъ для будущаго счастія? Большею частью, съ „людьми въ несчастіи бываетъ то же, что съ домами, „оставленными ихъ хозяевами. Крыша валится, сырость „проникаетъ, виденъ мохъ, запустѣніе... Вдругъ хозяинъ возвращается, — и не можетъ въ немъ жить. „Приготовляй же въ несчастіи возможность принять „будущее счастіе“.

„Да, если смотрѣть на жизнь, какъ на обрядъ, какъ „на процессъ питанія и пищеваренія, какъ на вѣчную „стройку плотинъ, подобно бобрамъ, какъ на слѣпую „дѣятельность, — то оно, конечно, не трудно продышать „себѣ свой вѣкъ мертвой душой, умереть *съ ключемъ*, „*и сыну ключъ умѣть доставить*“...

„Мы проводимъ всю жизнь свою на приличьяхъ, и „какъ много людей убиваютъ ее на этомъ. Этикетъ со „всѣми долженъ быть соблюденъ. Это то̀, о чемъ Христосъ сказалъ: воздайте кесарево кесарю. Выполните „эти условія и оставайтесь свободнымъ дѣлать, какъ „считаете лучшимъ по своей обязанности. Ясное дѣло, „что излишне было бы слишкомъ усердно платить эту „дань кесарю, эдакъ и Богу ничего не останется“.

Къ службѣ своей Капнистъ относится также рьяно, какъ и ко всему, до чего его страстная и дѣятельная натура дотрогивается. Въ людяхъ, съ которыми приходится сталкиваться на служебномъ поприщѣ, онъ видитъ не только начальниковъ и подчиненныхъ, но именно,—людей, и съ грустью говоритъ: „Далеко еще то „время, когда всякое слово человѣка будетъ имѣть „значеніе, потому только, что оно слово человѣка, а „не какого-нибудь друга, благодѣтеля, генерала“... — Въ каждомъ человѣкѣ, на какой бы ступени человѣкъ

ни стоялъ,—онъ умѣлъ уважать человѣческое достоинство. Подчиненные обожали его. Никто не зналъ такъ деликатно обласкать маленькаго человѣка и, не унижая, облагодѣтельствовать. Съ людьми высокопоставленными онъ былъ сдержанъ, гордъ и независимъ, хотя чрезвычайно учтивъ. Такое поведеніе располагало къ нему лицъ, настоящимъ образомъ порядочныхъ и благородныхъ, но нѣкоторыя, менѣе развитыя, высокостоящія особы, напротивъ, не переносили въ немъ отсутствіе всякой лести и независимость его характера. Однако онъ не могъ измѣниться, и оставался вѣрнымъ себѣ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Осенью, по возвращеніи генерала Мандерштерна,— Капнистъ опять навѣстилъ его, и потомъ, въ теченіи зимы, сталъ бывать у него и днемъ и вечеромъ, все чаще и чаще. Иногда его охватывала жажда счастія, но не бурнаго,—а тихаго и свѣтлаго, гдѣ онъ могъ бы отдохнуть душой и отогрѣться послѣ долгихъ лѣтъ невзгодъ и нравственнаго одиночества. Есть минуты, послѣ душевныхъ мукъ, когда южная природа съ ея яркой красотой дѣйствуетъ раздражительно, когда особенно чарующей кажется природа сѣвера, Финляндіи или Швеціи, съ ея свѣжестью, тишиной, съ ея игрой свѣтлыхъ и нѣжныхъ полутѣней, съ ея пріятнымъ типомъ добродушныхъ, бѣлокурыхъ людей, искреннихъ и миловидныхъ. Ему стала приходить въ голову мысль о женитьбѣ. Ему представлялась жена въ образѣ друга утѣшителя, которому онъ могъ бы сердце свое излить, и который понялъ бы его, жалѣлъ и любилъ нѣжно, почти по матерински. И этотъ идеалъ, мало-по-малу, принималъ знакомыя черты.

Онъ часто и долго бесѣдовалъ съ Екатериной Евгеньевной Мандерштернъ. Ему вспоминались слова отца его, и ему казалось, что въ нихъ пророческое значеніе; они вліяли на него какъ завѣтъ дорогаго усопшаго, желавшаго ему добра. Наконецъ онъ увѣрился, что ни съ кѣмъ не можетъ такъ хорошо сойтись, какъ съ этой

молодой дѣвушкой, и что если она захочетъ,—то можетъ, какъ это говорилъ его отецъ, составить его счастіе.

Онъ рѣшился просить ея руки. Чтобы сдѣлать это какъ можно деликатнѣе и не испортить, ни въ какомъ случаѣ, своихъ, добрыхъ отношеній со старикомъ Мандерштерномъ,—онъ написалъ въ Москву своему дядѣ Алексѣю Васильевичу, прося его переговорить съ ея родственниками. Екатерина Евгеньевна, послѣ смерти своей матери, не хотѣла выходить замужъ, боясь разлуки съ своимъ отцомъ. Но доброта Капниста, его живой и оригинальный умъ перемогли всѣ ея сомнѣнія, и серьезно подумавъ, она согласилась. Но такъ какъ это произошло весной, а ея здоровіе требовало морскихъ купаній, было рѣшено, что свадьбу объявятъ послѣ ея возвращенія съ лѣтней поѣздки заграницу.

Молодые люди еще болѣе сблизились посредствомъ переписки. Нѣкоторыя письма даютъ понятіе о взглядахъ Капниста на семейныя отношенія. Въ этихъ отношеніяхъ, какъ и во всемъ, онъ ищетъ усовершенствованія себя и другихъ. Стремленіе къ совершенству было той нитью Аріадны, которая вела его сквозь запутанный лабиринтъ земной жизни, и въ этомъ стремленіи заключалась тайна его неувядаемой душевной юности.

„Какъ бы я желалъ“, пишетъ онъ своей невѣстѣ, „чтобы вы себѣ говорили: Я должна понять его, знать „его мысли, его чувства, его душу, и тогда, моя любовь можетъ придать ему столько энергіи, что онъ на „дѣлѣ дастъ мнѣ счастіе и будетъ полезенъ людямъ. „Тогда жизнь его не пройдетъ даромъ. Все это зависитъ теперь отъ меня, а я могу достигнуть этого „тогда только, когда моя мысль не будетъ спать сномъ „ничтожества, когда я полюблю трудъ, и матеріальный, „и умственный; когда, наконецъ, ложась спать, я буду „въ состояніи сказать себѣ, что въ теченіи дня я сдѣлала, или думала хоть что нибудь достойное имени „разумнаго существа. Бѣда, если много времени уходитъ безплодно; прежде всего является лѣнь, потомъ

„тупость, потомъ нравственная и матеріальная бѣдность, „которая есть источникъ всевозможныхъ несчастій се„мейной жизни... Но надо всегда помнить, что какъ бы „мы оба единодушно ни стремились къ нашему благу, „но безъ постоянной теплой и умной молитвы къ Богу, „мы никогда ни въ чемъ не успѣемъ"...

Въ своихъ письмахъ онъ то сомнѣвается, то надѣется, и умоляетъ ее вдуматься, и въ себя, и въ будущее. Видно, какъ ему дорого осуществить въ бракѣ свой завѣтный идеалъ союза по любви,—свѣтлой, осмысленной и вполнѣ гармоничной, — какую онъ уже разъ въ жизни встрѣтилъ и такъ скоро потерялъ въ лицѣ его рано умершей прежней невѣсты Н. П.,—какую искалъ и мечталъ найдти въ красавицѣ М. Л.

„Сердце", пишетъ онъ, „строгій, неподкупный судья „человѣка. Оно знаетъ насъ—лучше чѣмъ мы сами себя „знаемъ. Горе, если разумъ направляетъ жизнь нашу, „не спросясь сердца; оно встанетъ за права свои, оно „вышлетъ холодному разсчету на гибель толпу приви„дѣній. Все, что было свѣтлаго, высокаго, святаго, „воскреснетъ въ страшномъ блескѣ, сожжетъ душу от„чаяніемъ и осудитъ ее на смерть...

„Глубокое значеніе имѣло вѣрованіе древнихъ, что „міръ создала изъ безпорядка любовь.... Каждый изъ „насъ стремится создать себѣ свой маленькій семейный „міръ, безъ котораго нельзя быть счастливымъ въ боль„шемъ общемъ мірѣ; и потому, семейный міръ и дол„женъ, и можетъ быть созданъ только любовью: иначе „въ немъ не будетъ гармоніи и заведется такой страш„ный диссонансъ, что его можно будетъ разслышать „даже лѣтъ черезъ сто!...

„Видите-ли, какъ опасно дѣлать обладателемъ сокро„вища того, кто не привыкъ къ богатству! Первое чув„ство у него—недовѣріе къ своему счастью, второе— „страхъ, чтобы не потерять его!... Если въ прошед„шемъ было даже много у васъ горя, то все это сли„лось въ туманъ; а поэтъ сказалъ правду: Что прой„детъ, то̀ будетъ мило!" Не таково *будущее*. Темное,

„таинственное, оно похоже всегда на далекіе раскаты „грома, на подходящую грозу. Мы знаемъ, что гроза „ведетъ за собой свѣжесть, блескъ, и тишину, и ра„дость; но это будетъ дано тому, кто переможетъ „грозу...

„Ничего нѣтъ уродливѣе тѣхъ условій, подъ зако„нами которыхъ мы принуждены жить. Обыкновенно „слѣдуетъ прочесть книгу, и тогда взять ее, или отло„жить въ сторону; у насъ-же, напротивъ,—покупаютъ „книгу, и потомъ принимаются читать;—не пригодится-ли? „И этотъ обычай, рѣшающій судьбу нашу, не столько „тяготѣетъ надъ нами, сколько надъ бѣдными женщи„нами. Вы, какъ моя невѣста, должны стать въ такія „отношенія со мной, чтобы мы встрѣтили послѣ, какъ „можно менѣе въ насъ незнакомаго и неизвѣстнаго. „Нѣтъ ничего опаснѣе всякихъ неожиданностей и сюр„призовъ между мужемъ и женой.

„Имѣйте достаточно характера и воли, чтобы жить „всей силой ощущеній, всей правдой вашей жизни, не „прячась унизительно за свое собственное мелкое само„любье, или за вздорные законы внѣшнихъ пустыхъ „условій свѣта, которые близорукіе люди называютъ „приличьями.

„Вы очень ошибаетесь, если не ожидаете, что я буду „всегда и во всемъ совѣтываться съ вами, и давать „вамъ отчеты въ нашихъ житейскихъ ежедневныхъ дѣ„лахъ... Не хочу я быть, и никогда не буду ни рабомъ „вашимъ, ни вашимъ „seigneur et maître“. Я хочу быть „и буду вашимъ другомъ, а если вы скажете мнѣ: я тебя „люблю,—то я буду тогда для васъ, а вы для меня— „вторымъ *я*. Сладостнѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ... „Волю мою вы всегда будете знать, но эта воля ни„когда не будетъ для васъ обязательна, какъ могла-бы „быть воля властителя, чѣмъ я вовсе быть не желаю, „хотя иногда, мнѣ конечно очень пріятно будетъ знать, „что вамъ не противенъ мой авторитетъ, когда онъ васъ „ни къ чему не приневоливаетъ“.

Очень теплыя строки встрѣчаются въ этихъ письмахъ

о старикѣ-отцѣ Екатерины Евгеньевны. Такія почтительныя и сердечно-деликатныя отношенія къ старикамъ, къ сожалѣнію, почти что не современны, и права была его первая невѣста, замѣтившая, что Петръ Ивановичъ вообще былъ мало похожъ на молодыхъ людей нашего вѣка. Но съ другой стороны, его можно было назвать *передовымъ*, по его взглядамъ и мнѣніямъ о женщинахъ, и о такъ называемомъ „женскомъ вопросѣ". Но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе дальше.

Капнистъ, въ воображеніи, сопутствуетъ своей невѣстѣ, которая описываетъ ему живописный островъ Уайтъ, гдѣ она проживаетъ нѣсколько недѣль на берегу моря, въ коттэджѣ, обросшемъ плющемъ и вьющимися розами. Не безъ зависти читаетъ онъ тѣ ея письма, гдѣ она передаетъ ему свои художественныя впечатлѣнія о музеяхъ Парижа и Дрездена.

„Вы видите", отвѣчаетъ онъ ей, „вѣчно прелестныя, „вѣчно вдохновенныя произведенія геніальныхъ художниковъ. Серіозность нашего впечатлѣнія должна равняться и серіозности проявленія этого впечатлѣнія, „иначе выйдетъ каррикатура или разладъ. У жителей „Германіи именно въ этомъ и заключается смѣшная сторона. Они, напр. въ одномъ случаѣ, какъ Гольбейнъ, „окружаютъ вѣчную великую идею красоты и чистоты, „Мадонну, смѣшными фигурами въ бѣлыхъ колпакахъ, „которые просто кажутся пошлыми, коль скоро на нихъ „прошла мода. Хорошо-ли было-бы изобразить теперь „напр. Христа въ обществѣ господъ, одѣтыхъ во фраки „и бѣлыя галстухи, или въ халаты, что-ли? Въ другихъ-же случаяхъ, напротивъ, нѣмцы мелочную идею „обставляютъ возвышенными декораціями, на карлика „надѣваютъ панцырь великана. Такъ напр. иной князекъ, имѣющій $3^{1}/_{2}$ вершка земли, да $2^{1}/_{2}$ солдата, „корчитъ изъ себя великую персону, окружаетъ себя „дворомъ и считаетъ себя очень важнымъ предметомъ „для соображенія европейскихъ дипломатовъ".

Поэтому поводу, о нѣмцахъ онъ замѣчалъ еще: „Нѣмцы часто говорятъ о Наполеонѣ, какъ о цвѣточкѣ, а о цвѣ-

точкѣ,—съ высокопарностью, какъ о героѣ Наполеонѣ. Въ этомъ и состоитъ та ихъ сторона, которая намъ кажется столь смѣшной“.

„Вообще, во всемъ должно быть соотвѣтствіе. Если „мы развились такъ, что смотримъ на жизнь и ея явле-„нія здорово, то въ такомъ случаѣ, впечатлѣнія при-„ходятъ къ намъ раціонально, т. е. намъ становится „грустно или весело, тогда именно, когда есть разум-„ная причина грустить или радоваться. Таковы были „великіе люди, какъ Гоголь, Шекспиръ и другіе. Но „есть натуры преимущественно нервныя, къ какимъ „принадлежимъ и мы съ вами. Эти натуры развивались „неправильно. Судьба обыкновенно ставитъ ихъ въ та-„кое положеніе, что многія впечатлѣнія въ ихъ жизни „не могутъ найдти себѣ свободнаго выхода и остаются „въ нихъ самихъ, такъ напр.—одиночество, — не со-„отвѣтствующее ихъ развитію общество окружаю-„щихъ,—несчастная любовь, которая не можетъ быть „высказана и проч. Такія причины, à la longue, такъ „дѣйствуютъ на нервы, что они становятся наконецъ „слишкомъ чуткими; чувства раздражаются и не слу-„шаютъ разума, и кончается тѣмъ, что человѣкъ смо-„тритъ на явленія жизни неправильно, такъ, что не „можетъ плакать тамъ гдѣ есть отчего, и готовъ про-„ливать слезы безъ всякой иногда причины. Взглядъ „такихъ людей бываетъ часто полнъ самыхъ высокихъ „чувствъ, но не всегда уменъ и ясенъ, потому что не-„достаетъ имъ спокойствія, здоровія. Таковы были: „Байронъ, нашъ Лермонтовъ и даже отчасти Шиллеръ.— „Мнѣ кажется, что лучшее средство противъ всѣхъ „этихъ нервныхъ тревогъ заключается въ томъ, чтобы „не позволять себѣ чувствовать тоску или радость безот-„четно, а стараться понимать, почему именно намъ „грустно или весело“.

Эта переписка съ невѣстой, было единственное, что освѣжало душу Капниста. Все лѣто заваленъ работой,— онъ сидѣлъ въ городѣ. „Не пеняйте на меня“ пишетъ онъ ей, „за то, что не бесѣдую такъ часто,

„какъ прежде; вы отдыхаете на мирномъ островѣ Уайтъ; „я-же сижу по ночамъ какъ труженикъ, и работаю для „министра, который бомбардируетъ меня записочками и „торопитъ меня. Взгляните хоть на одинъ день моей „настоящей жизни, и замѣтьте, что всѣ мои дни между „собой похожи. Отъ 8-ми часовъ до двухъ, — читаю „глупые журналы, до 4-хъ,—составляю извлеченія, а „послѣ обѣда, черезъ день, сижу до восьми часовъ, а „иногда и до девяти надъ переписчикомъ, наблюдая за „исправностью его работы. Петербургскія впечатлѣнія, „хотя-бы и лѣтнія,—самыя мрачныя: скука, холодъ и „гранитъ...

— „Vous serez utile à la patrie!“ восклицаете вы, „милая насмѣшница. О, еслибы это дѣйствительно было „такъ! Я былъ-бы счастливъ вдвойнѣ: исполненіемъ „святаго долга и доказательствомъ, что любящее васъ „сердце принадлежитъ не какому-нибудь очаровательному „салонному акробату, или храброму на парадахъ скало-„зубу. Вы-бы сами гордились мной.

„Съ шести часовъ утра, сегодня, я почти не пере-„ставалъ работать. Мнѣ дано, независимо отъ обыкно-„венныхъ занятій моихъ, порученіе, по которому я дол-„женъ пересмотрѣть и перечитать рѣшительно все, что „было написано въ 24-хъ журналахъ и газетахъ на-„шихъ за первую половину этого года, что составитъ, „до двухъ тысячъ номеровъ. И я долженъ кончить все „это къ 15-му августу и написать большую статью „объ этомъ“.

Министръ Головнинъ поручилъ Капнисту составить обозрѣніе всего литературнаго года. Цѣль Головнина была представить Правительству общую картину направленія литературы и журнальныхъ отзывовъ по всѣмъ главнымъ правительственнымъ и общественнымъ вопросамъ за 1862-й годъ [1]). Усидчивая работа Капниста была оцѣнена. Въ концѣ августа онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, какъ вдругъ, пишетъ онъ: „Докладываютъ,

[1]) Мы перепечатываемъ эти статьи въ концѣ изданія. Онѣ интересны какъ откликъ тогдашней печати по вопросамъ о реформахъ.

„что отъ министра пришли ко мнѣ три курьера. Удив-„ляюсь, почему это они пришли въ такой компаніи. Велю „ихъ позвать. Они входятъ, подаютъ мнѣ пакетъ, и „поздравляютъ меня съ царской милостью. Распечатываю, „читаю,—письмо отъ министра, въ которомъ онъ, поз-„дравляя меня, увѣдомляетъ, что за усердную и полезную „службу, я пожалованъ кавалеромъ Св. Станислава 2 „степени. Первое, что мелькнуло у меня въ головѣ, это „мысль, что вѣроятно почтеннѣйшему Евгенію Егоро-„вичу [1]) будетъ очень пріятно узнать, что меня изукра-„сили. Вчера утромъ, надѣвши на шею полученный при „письмѣ орденъ, я ѣздилъ благодарить министра. Мнѣ „пріятно во всемъ этомъ то, что онъ доволенъ моими „работами.—Получивши крестъ, я немедленно навязалъ „его на шею, (дѣло было вечеромъ), и отправился къ „сестрамъ. Сначала онѣ не замѣтили, но вдругъ, увидя „такую декорацію, пришли въ такое изумленіе и вос-„торгъ, что я смѣялся отъ души ихъ дѣтству"...

Между тѣмъ, въ Петербургъ возвратился генералъ Мандерштернъ; вмѣстѣ съ нимъ Капнистъ приступилъ къ хлопотамъ о новомъ устройствѣ. Екатерина Евгеньевна вернулась въ концѣ сентября изъ заграницы, здоровая и оживленная. Послѣ радостной встрѣчи, недолго стали откладывать свадьбу, и одиннадцатаго ноября 1862 года, вечеромъ, въ церкви Правовѣденія, состоялось вѣнчаніе.

VIII [2]).

Несмотря на перемѣну въ жизни, Капнистъ продолжалъ свои занятія. Служба его, почти единственно вращаясь вокругъ литературы, не носила сухого бюрокра-

---

[1]) Его будущему тестю Мандерштерну.

[2]) Свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Капниста почерпнуты мной изъ дневника моей матери, которая живо интересовалась его литературной и служебной дѣятельностью, постоянно присутствуя при разговорахъ собиравшихся у него поэтовъ, или лицъ изъ служебнаго міра. Она была въ перепискѣ съ Гончаровымъ.

тическаго характера. Въ то время, ничего не было жизненнѣе текущей литературы, и, прислушиваясь столько лѣтъ къ выраженію мысли русскаго общества, Капнистъ пріобрѣлъ ясныя и вѣрныя понятія о различныхъ теченіяхъ тѣхъ годовъ.

Россія переходила тогда черезъ преобразованія и черезъ эпоху безконечныхъ колебаній. Великія реформы Александра II-го перемѣнили лицо русской земли. Капнистъ, еще вмѣстѣ со своимъ дядей Алексѣемъ Васильевичемъ, занимался крестьянскимъ вопросомъ, изучалъ его. Освобожденіе крѣпостныхъ было встрѣчено имъ съ восторгомъ. Въ тяжкія времена неволи, онъ стоялъ на либеральной точкѣ; его стихи, особенно поэма Преступникъ, были полны негодованія на существовавшій тогда порядокъ, и жаждой свободы. Однако, въ немъ преобладало чувство справедливости и мѣры. Послѣ необходимыхъ реформъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что направленіе общественной и государственной дѣятельности впадаетъ въ противоположную крайность, что нововведенія идутъ слишкомъ поспѣшно, не успѣвая создать себѣ прочной основы. Предоставленной во всемъ свободой, многіе пользовались не для общаго дѣла, а для развитія своихъ идей, для поддержки своихъ интересовъ. Кто, подъ вліяніемъ Герцена, проповѣдывалъ взгляды западныхъ радикаловъ,—кто мечталъ о возвращеніи къ вѣчевому началу. Капнистъ былъ увѣренъ, что рѣзкія перемѣны въ общественномъ строѣ, безъ соблюденія нѣкоторой постепенности, —весьма опасны для общаго продолжительнаго благосостоянія. Будучи до глубины души гуманнымъ и свободолюбивымъ, онъ видѣлъ, что его взгляды, не только не противорѣчатъ просвѣщеннымъ взглядамъ правительства,—но идутъ съ ними въ одномъ направленіи. Это побудило его примкнуть къ охранительнымъ началамъ, то есть, по убѣжденію, стоять за интересы правительства,—за постепенность противъ какихъ-бы то ни было крайностей. Но это было не легко. Тотъ кто не поддается тѣмъ или другимъ увлеченіямъ, а придерживается разумной умѣренности, почти

всегда остается одинокимъ. Даже между государственными людьми, встрѣчались лица съ противоположными направленіями и Капнисту пришлось скоро это почувствовать. Одна изъ главныхъ непослѣдовательностей этой эпохи заключалась въ томъ, что проэкты прилагались не тѣми, кто ихъ составлялъ, а тѣми, кто враждебно къ нимъ относился, и прилагались поэтому дурно, что и вело къ безпорядку. Нѣкоторые отличные проэкты оставались безъ примѣненія и, такимъ образомъ, охота трудиться охлаждались у ихъ составителей. Мало по малу, какъ послѣдствіе расшатанности общихъ началъ и насажденія матеріалистическихъ ученій, сталъ развиваться нигилизмъ. То благотворное теченіе, которое истекало свыше, знаменуя свой путь реформами, нигилисты старались замѣнить насильственными переворотами и возбужденіемъ темныхъ массъ и дикихъ страстей. Для положительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ, идеальной и вѣрующей натуры, для поэтической души Капниста, начинающій проявляться, во всемъ и вездѣ, духъ отрицанія и мертвящей пустоты, тягостно ложился на сердце и на думы.

Еще до женитьбы своей, въ сентябрѣ, онъ встрѣтилъ, на обѣдѣ у министра, товарища по лицею и близкаго друга Головнина,—предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, начальника всей цензуры въ Россіи,— В. А. Цее. Тогда въ цензурѣ, какъ и вездѣ, вводилось новое направленіе и необходимо было завербовать въ это учрежденіе людей съ либеральными взглядами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ охранительными началами, и главное,—съ тактомъ. Капнистъ долго бесѣдовалъ съ Цее о своихъ „извлеченіяхъ“ для Государя, и понравился ему.

Головнинъ, вскорѣ послѣ этого, разговаривая съ Капнистомъ о новомъ направленіи русскаго просвѣщенія, далъ ему прочесть программу, которую онъ составилъ для образованія молодежи въ Россіи. Капнистъ, прочитавъ ее у себя дома, удивился крайности этой программы. Головнинъ совершенно отстранялъ въ ней клас-

сическое религіозное образованіе и проводилъ ультрареальныя тенденціи. Когда нѣкоторое время спустя, Головнинъ испытующе спросилъ его, какого онъ мнѣнія объ этой программѣ,—Капнистъ отвѣтилъ, что находитъ ее совсѣмъ не сообразной съ монархическимъ строемъ нашего государства, и христіанскимъ воспитаніемъ. Это видимо не понравилось министру. Онъ сказалъ ему: „А вы показывали кому нибудь эту программу?“—„Никому“, отвѣчалъ Капнистъ, „она у меня спрятана и я даже никому не говорилъ о ней“. Онъ немедленно возвратилъ программу, но съ тѣхъ поръ отношенія Головнина перемѣнились къ нему. Въ обращеніи министра,—прежде благоволившаго къ нему,—теперь чувствовалась какая-то натянутость и неловкость. Нѣсколько недѣль послѣ этого случая,—Головнинъ призываетъ Капниста и объявляетъ ему, что необходимо послать его въ Томскъ для ревизіи тамошнихъ гимназій. Такая новость несказанно удивила Капниста. „Какъ могу я поѣхать теперь въ Сибирь на ревизію“, возразилъ онъ министру, „вѣдь я только что женился. Это мнѣ невозможно“. Но Головнинъ настаивалъ на своемъ и далъ ему понять, что его дальнѣйшая служба зависитъ отъ его согласія на эту поѣздку. Капнистъ догадался, что такой непредвиденный оборотъ—прямое послѣдствіе его откровенности насчетъ программы. Однако онъ отказался на отрѣзъ. Тогда Головнинъ, желая во что бы то ни стало удалить его, предложилъ ему перейдти въ вѣдомство цензуры. Это послѣднее предложеніе не нравилось Капнисту. Онъ высказалъ, что служба въ министерствѣ просвѣщенія гораздо ему пріятнѣе. Но министръ замѣтилъ ему, что разъ онъ отказывается отъ ревизіи, то ему остается только этотъ единственный исходъ. Капнистъ обѣщался подумать и вернулся къ себѣ разстроенный. Однако, въ то время, онъ не имѣлъ возможности бросить службу. Онъ поѣхалъ къ предсѣдателю цензурнаго комитета, у котораго онъ часто бывалъ. В. А. Цее встрѣтилъ его чрезвычайно ласково, и сталъ настоятельно просить его перейдти въ его вѣдомство. „Вы увидите, Петръ Ива-

новичъ, сказалъ онъ ему, „что я никогда не забываю оказанной мнѣ услуги; вы мнѣ будете очень полезны, у васъ тактъ и опытность; въ это переходное время въ цензурѣ надобны такіе дѣльные люди. Если вамъ не нравится быть цензоромъ, то даю вамъ слово, что при первомъ случаѣ я васъ пристрою на другое мѣсто. Но теперь, не откажите мнѣ“.

Головнинъ не долго оставался министромъ просвѣщенія послѣ удаленія Капниста. Правительство не одобрило его направленіе, какъ слишкомъ крайнее, и ему пришлось выйдти въ отставку.

Капниста назначили въ чиновники по особымъ порученіямъ у министра внутреннихъ дѣлъ,—П. А. Валуева. Желая быть пріятнымъ Капнисту, его начальникъ В. А. Цее, благороднѣйшій и добродушнѣйшій человѣкъ, переговорилъ съ Валуевымъ и вмѣсто цензурной службы, ему опять поручили редактировать обозрѣніе для Государя. Въ концѣ января, Валуевъ принялъ его, переговорилъ съ нимъ насчетъ извлеченій и объяснилъ свой образъ мысли. И такъ, онъ продолжалъ свою прежнюю живую, интересную работу. Цее сказалъ ему, что самъ просилъ Головнина уступить Капниста въ его вѣдомство, такъ какъ съ первой встрѣчи онъ ему понравился. Только разъ въ недѣлю Капнистъ ѣздилъ въ цензурный комитетъ, остальное время былъ занятъ извлеченіями. Но весною Цее уѣхалъ заграницу. Его мѣсто занялъ членъ комитета министровъ,—Т. Онъ обрадовался, что нашелъ въ Капнистѣ дѣльнаго человѣка и наложилъ на него много новыхъ обязанностей. Все лѣто онъ провелъ въ городѣ, въ постоянныхъ занятіяхъ. Зимой ему поручили писать обзоръ литературы за весь 1863 годъ. Къ Пасхѣ министръ благодарилъ его за отличныя извлеченія и пожаловалъ орденъ Св. Анны 2-й степени. Эта служба дала ему случай познакомиться со многими писателями, а съ нѣкоторыми и сойдтись. Онъ встрѣчалъ почти всѣхъ литераторовъ того времени, а ими много цѣнилось вліяніе въ цензурномъ вѣдомствѣ такого человѣка какимъ былъ Капнистъ. Такимъ образомъ составился интерес-

ный кружокъ литературныхъ знакомыхъ. У него часто обѣдали Гончаровъ, Некрасовъ, Жандръ, Полонскій, Маркевичь. Щербина, съ которымъ Капнистъ сошелся еще въ Москвѣ, бывалъ постоянно.—Съ однимъ Лавровымъ у Капниста было столкновеніе. Краевскій издавалъ Энциклопедическій словарь. Тогда умудрялись даже въ словарь втиснуть тенденціозныя понятія! Такъ, Лавровъ въ статьѣ о словѣ „Хлѣбъ“, воспользовался случаемъ, чтобы задѣть тайну Св. Причастія. „Хлѣбъ и вино, какъ вещество матеріальное“, говорилъ онъ въ непредвиденномъ оборотѣ рѣчи, „не можетъ внезапно превращаться въ другое вещество, напр. въ плоть, или кровь“. Капнистъ зачеркнулъ эту фразу. Дѣло было вечеромъ, на дачѣ въ Павловскѣ. Дверь его кабинета отворилась, ему доложили, что пріѣхалъ Лавровъ. Онъ велѣлъ принять его. „Что-же это значитъ?“ началъ Лавровъ, „вы не пропускаете моей статьи?“—„Не пропускаю“, отвѣтилъ Капнистъ — „Однако почему-же?“ спросилъ Лавровъ съ видимымъ неудовольствіемъ. — „Я понялъ, что ваша замѣтка о хлѣбѣ и винѣ касается тайны Причастья“, возразилъ Капнистъ. – „А еслибы и такъ“, сказалъ Лавровъ, „возможно ли, что вы это допускаете, вѣрите въ это?“ – „Очень даже допускаю и вѣрю“, отвѣтилъ Капнистъ. Лавровъ закусилъ губу и покраснѣлъ; ему стало неловко, и захотѣлось сказать колкость. „Я не предполагалъ, что имѣю дѣло съ лицомъ, принадлежащимъ къ старымъ понятіямъ; я напротивъ слышалъ, что вы рѣдко развитой и либеральный человѣкъ“.—„Жалѣю, что мнѣ пришлось васъ разочаровать“, сказалъ Капнистъ. „Впрочемъ, если желаете, я разрѣшу вашу замѣтку, съ условіемъ, что вы разрѣшите мой вопросъ“. Лавровъ обрадовался: „какой вопросъ?“—„Скажите мнѣ, изъ чего сотворенъ міръ?“—„Какъ изъ чего?.. изъ матеріи“.—„А матерія?“—„Изъ космической пыли“ — „А космическая пыль?“ — „Изъ атомовъ“.—„А атомы?“—„Изъ клѣточекъ“. — „А клѣточки?..“ Выведенный изъ терпѣнія Лавровъ воскликнулъ: „Господи! почемъ я знаю!“ „Такъ вотъ оно,

именно", возразилъ Капнистъ... Вы—естественникъ, и не знаете изъ чего сотворилась клѣточка; а вотъ, когда вы мнѣ скажете что такое Начало началъ,—я подпишу вашу замѣтку, до тѣхъ же поръ, я ее не пропущу, потому что я не вижу, какое вы имѣете право, сами не зная сущности науки, навязывать ваше ничѣмъ не доказанное мнѣніе, и глумиться надъ вѣрой, которая насъ больше просвѣтила, чѣмъ всѣ ваши разсужденія о неизвѣстномъ". Лавровъ, разбѣшенный этимъ разговоромъ, уѣхалъ, а Капнистъ долго смѣялся вмѣстѣ съ поэтомъ Щербиной, свидѣтелемъ этой сцены.

Поэтъ Николай Павловичъ Жандръ написалъ Капнисту очень милые стихи по поводу его цензорства:

Мы въ шестьдесятъ четвертомъ годѣ
Въ вѣкъ золотой перенеслись;
То было-ль видано въ народѣ,
Чтобъ авторъ съ цензоромъ сошлись?
А мы сошлись, сошлись какъ братья,
И будемъ ими навсегда;
Притворнаго руки пожатья
Не будемъ вѣдать никогда;
Затѣмъ, что братья по искуству
Равно мы дѣвственны душой, —
Равно мы вѣримъ только чувству,
И служимъ правдѣ лишь одной!

Полонскій писалъ ему, до своего пріѣзда въ Петербургъ:

„Примите въ память нашего послѣдняго свиданія въ Одессѣ, книжку моихъ стихотвореній, книжку, у которой мало поклонниковъ и много обвинителей, -- судьи до сихъ поръ нѣтъ, да и врядъ-ли будетъ.

Говорятъ вы служите въ цензурѣ, хоть-бы и такъ, зная васъ, я увѣренъ,—вы прочтете стихи мои съ прозорливостью критика, а не цензора. Адресъ мой узнаете отъ ***, если вздумаете написать мнѣ хоть строчку.

Прощайте. Отъ души любящій васъ

Я. Полонскій.

По своему пріѣзду въ Петербургъ, Полонскій часто читалъ Капнисту свои стихи. Прослушавъ однажды его Факира, Капнистъ долго восхищался прекрасной поэмой и сказалъ Полонскому: „Главная мысль вашего произведенія замѣчательна по глубинѣ и оригинальности! Да, это вѣрно подмѣчено! Человѣкъ, который, подобно вашему Факиру, впалъ въ созерцательную жизнь,—не годенъ ни для какого дѣйствія; малѣйшее активное проявленіе воли такъ тягостно для него, что отъ такого усилія онъ можетъ умереть". — „Петръ Ивановичъ!" воскликнулъ пораженный Полонскій, „вы правы! Какъ хороша эта мысль! А вѣдь я и не подозрѣвалъ о ней, когда писалъ Факира, скажу вамъ по правдѣ! Вотъ вы открыли мнѣ въ моей поэмѣ то, чего я самъ не зналъ, о чемъ и не предполагалъ!" —„Да вѣдь въ этой мысли суть вашей поэмы", отвѣтилъ Капнистъ, не менѣе удивленный.

Изъ этого мы видимъ, какъ иногда, даровитый поэтъ, подъ вліяніемъ вдохновенія и помимо сознанія, изливаетъ глубокія мысли. Дѣло чуткаго критика — понять и оцѣнить то, что могло-бы ускользнуть отъ поверхностнаго читателя. Свои собственные стихи Капнистъ читалъ рѣдко, предпочитая слушать другихъ. Однако Полонскій зналъ нѣкоторыя изъ его лирическихъ пьесъ. Его любимымъ стихотвореніемъ было:

Въ волненьяхъ жизни повседневной [1])

замѣчательное тѣмъ, что оно навѣяно эпохой самой пагубной для поэтическаго вдохновенія,—эпохой матеріализма, когда „высшее начало" сжато „слѣпою властью вещества", эпохой отрицанія и „суеты тупой", — а между тѣмъ въ немъ такая сила вдохновенія, такая поэзія! Само по себѣ—это философичеекое размышленіе, но оно облеклось въ такую музыкальную форму, слухъ такъ очарованъ сочетаніемъ словъ, что, по одному размѣру и переливу звуковъ, можно было-бы догаться о смыслѣ стиховъ. Эло—чистѣйшая лирика, переходъ изъ

[1]) III отдѣлъ стр. 130.

поэзіи въ музыку, уже не простая рѣчь, и еще не пѣніе. Сильно и мощно гремитъ торжественный ритмъ въ строфѣ:

А надо мной, какъ надъ могилой,
Повсюду жизнь и свѣтъ лія,
Струится, блещетъ съ дивной силой
Святая тайна бытія!

Но эти сильные аккорды онъ не обрываетъ, а разрѣшаетъ ихъ въ плавную задумчивую и задушевную мелодію, которая замираетъ гдѣ-то далеко, но не кончается,—какъ послѣдняя музыкальная фраза въ извѣстной пьэсѣ Шумана: „Warum".

Любя страстно, и если можно такъ выразиться, „на дѣлѣ", чистую поэзію, Капнистъ въ своихъ критикахъ требовалъ и отъ другихъ поэтовъ искреннее отношеніе къ лирики, и не прощалъ имъ никакой тенденціи въ стихахъ. Особенно часто препирался онъ съ Некрасовымъ насчетъ направленія послѣдняго въ поэзіи. Несмотря на откровенность, даже иногда жестокую,—Некрасовъ глубоко цѣнилъ и любилъ его критику. Онъ чувствовалъ, что Капнистъ душевно жалѣлъ его за его несчастное дѣтство за ту дикую среду, которая наложила тяжелую печать на поэта, и не дала ему развиться. Некрасовъ говорилъ, что никто не понималъ его лучше и не судилъ справедливѣе. Что можетъ быть болѣе лестно для поэта, какъ то горячее, жизненное участіе, съ которымъ Капнистъ относился къ каждому новому его произведенію, та страсть, съ которой онъ говорилъ съ нимъ о поэзіи, искренно, художественно любуясь или строго порицая. Когда въ печати появились „Русскія Женщины", несмотря на утомительную дневную работу, Капнистъ поздно вечеромъ прочелъ женѣ своей эти прекрасныя поэмы. Послѣ чтенія онъ долго волновался, говорилъ. Вся ночь пролетѣла въ восторженномъ наслажденіи поэзіей; а на другой день онъ написалъ Некрасову о захватившемъ его всего впечатлѣніи. Кап-

нистъ никогда не скрывалъ, ни своего восторга, ни своего негодованія.

Разъ, возмущенный стихами Некрасова:

Такъ, служба! самъ ты на войнѣ
Дрался,—тебѣ и карты въ руки [1]);

онъ прямо и съ гнѣвомъ сказалъ ему: „Я не ожидалъ отъ васъ, что вы, который мните быть пѣвцомъ народа,—оклевещете съ такой злобой этотъ самый русскій народъ". Негодованіе его было такъ непритворно, высказано съ такимъ жаромъ, съ такой искренностью,—доводы, которые онъ сталъ приводить, такъ вѣрны, такъ вѣсски, что обидиться было немыслимо. Его слова убѣдили автора, и Некрасовъ глубоко смутился. „Вы правы, Петръ Ивановичъ", сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумія. „Я жалѣю, что это написалъ". Но Капнистъ никогда не могъ простить ему этихъ стиховъ, и обличилъ ихъ въ своемъ отзывѣ о Некрасовѣ въ новой работѣ, порученной ему Валуевымъ въ декабрѣ 1864 года. Составлялось характеристичное обозрѣніе направленія различныхъ отраслей русской словесности за десять лѣтъ. Обозрѣніе романовъ и сочиненій въ прозѣ поручили князю Вяземскому,—обозрѣніе драматическихъ произведеній Маркевичу,—а лирической поэзіи Капнисту. За эту работу Капнистъ принялся съ особеннымъ удовольствіемъ, и въ апрѣлѣ 1865 года уже окончилъ ее. Часто навѣщавшій его Щербина, приходилъ въ восторгъ по мѣрѣ того, какъ слышалъ отрывки изъ сочиненія Капниста и говорилъ: „Прочитай это министръ,—онъ увидитъ въ васъ человѣка глубоко понимающаго не только поэзію, но и политическое ея значеніе. Эта работа должна непремѣнно дойдти до Государя" [2]).

---

[1]) Критика этого стихотворенія приводится въ Очеркѣ о русской литературѣ, во II томѣ этого изданія.

[2]) Напечатанное въ министерскомъ секретномъ, весьма ограниченномъ изданіи, безъ подписи авторовъ, это обозрѣніе осталось невѣдомымъ для публики, не выходя изъ правительственныхъ сферъ.

Главное, что бросается въ глаза въ этомъ очеркѣ,— это сильный протестъ Капниста противъ всякой примѣси, затемняющей чистую поэзію. Онъ не допускаетъ, чтобы поэзія служила постороннимъ цѣлямъ, проводникомъ идей утилитарныхъ или политическихъ. Поэтому онъ строго порицаетъ какъ славянофиловъ, (кромѣ Хомякова, который въ своихъ стихахъ прежде всего поэтъ), такъ и отрицателей и обличителей соціальныхъ недостатковъ того времени. Онъ обвиняетъ ихъ въ неискренности по отношенію къ искуству, которое они заставляютъ служить побочнымъ цѣлямъ, самимъ по себѣ полезнымъ, съ педагогической точки зрѣнія, но никакъ не входящимъ въ область поэзіи. Не признавая „злободневной поэзіи", Капнистъ доказывалъ, что онъ никъ въ самые законы искуства. Цѣль поэзіи—извлечь изъ данной темы одно вѣчное, одну суть, опростить, обобщить, отбросивъ случайное и преходящее. Звучалъ ли когда-либо сильнѣе и смѣлѣе протестъ противъ рабства и эксплуатаціи человѣка человѣкомъ какъ въ „Анчарѣ" Пушкина, написанномъ въ самую антилиберальную эпоху? Если-бъ вмѣсто обобщеннаго чувства протеста и поэтичнаго образа, поэтъ подробно описалъ тѣ золы и стѣсненія его годовъ, которыя могли породить въ немъ такой порывъ негодованія на угнетеніе и порабощеніе,— вѣроятно его стихи устарѣли бы и потеряли бы всякій интересъ въ наши дни. Между тѣмъ, и теперь, и вѣроятно всегда, протестъ въ Анчарѣ будетъ насъ глубоко потрясать, пока порабощеніе и эксплуатація существуютъ на землѣ, какъ бы ни измѣнялись формы этого зла и какимъ именемъ не прикрывались бы.

„Должно замѣтить", говоритъ Капнистъ въ очеркѣ своемъ, „что если крайне обличительное и отрицатель- „ное направленіе могло быть сколько-нибудь полезно „для литературы вообще, то для поэзіи и особенно для

Мы представляемъ въ первый разъ читателямъ Очеркъ Капниста, входившій въ составъ обозрѣнія, какъ краткую характеристику русскихъ лирическихъ поэтовъ 60-тыхъ годовъ. Напечатано было въ 1865 году.

„лирики, совращеніе на эту колею было положительно „вредно“.

Въ продолженіи цѣлой своей жизни, Капнистъ могъ слѣдить, какъ сбывались эти слова его. Натуральное направленіе привело наконецъ къ возможности отрицанія всякой поэзіи. Нѣкоторые писатели вѣдь заявляютъ, что къ чему стихи, когда все можно сказать прозой.— „Въ томъ-то и дѣло“, отвѣчалъ на это Капнистъ, „что не слѣдуетъ излагать въ стихахъ того, что *можно* сказать въ прозѣ. Ни благонамѣренныхъ разсужденій, ни пропаганды, ни публицистики, ни подробныхъ ультра реалистическихъ разсказовъ, нельзя вливать въ форму лирическаго стихотворенія. Все это должно предоставить прозѣ. Но есть совсѣмъ другая сторона, открытая лирической поэзіи, и въ эту сферу, ей одной принадлежащую, вторженіе прозы всегда оставалось неудачной попыткой. Есть цѣлый міръ мыслей, чувствъ и ощущеній, не поддающихся выраженію въ прозѣ, и художникъ, отдающій себѣ полный отчетъ въ многосторонности человѣческой души и ея проявленій, не можетъ отрицать его существованія“.

Позже, когда появились „Стихотворенія въ Прозѣ“ Тургенева, Капнистъ еще болѣе утвердился въ своемъ мнѣніи. „Несмотря на весь талантъ Тургенева, эти сочиненія ярко доказываютъ ошибку вторженія прозы въ область поэзіи. Одни изъ *стихотвореній*, просто мастерски разсказанные анекдоты, напр.: „Кореспондентъ“, „Житейское правило“,—но причемъ тутъ стихи? Другія, какъ: „Лазурное царство“, „Два брата“, и проч. разплываются, слащавы, туманны, именно изъ-за прозаическаго изложенія. Законченность стихотворной формы даетъ, одна, ясность и краткость такимъ неопредѣленнымъ и отвлеченнымъ мыслямъ и ощущеніямъ, и выпукло воплощаетъ ихъ глубокую суть. Лирическое настроеніе есть движеніе души; размѣръ стиха придаетъ этому внутреннему ритму, ту музыкальность, которую онъ требуетъ,—чего проза не въ состояніи передать.

Одна поэзія изъ сухаго афоризма создаетъ яркую картину, которая запечатлѣвается въ умѣ и сердцѣ".

Въ своемъ Очеркѣ, Капнистъ распредѣлилъ современныхъ ему поэтовъ по разнымъ школамъ, или скорѣе направленіямъ, ими представляемымъ. Сперва, у него характеристика направленія, затѣмъ перечисляются главные его представители, и каждый поэтъ мѣтко и ясно очерченъ въ краткомъ обозрѣніи его трудовъ. Особенно удались очертанія Фета, Хомякова, Шевченко, Некрасова. Такъ ярко, въ короткихъ набросках, обозначить внутреннюю суть лирическихъ поэтовъ, ихъ особенности, ихъ прелесть, ихъ недостатки,—доказываетъ какой критической чуткостью обладалъ Капнистъ, какъ онъ зналъ литературу, какъ сразу схватывалъ характеръ произведеній, и глубоко вникалъ въ нихъ.— Мало кто раздѣлялъ его взглядъ на неприкосновенность поэзіи, на ея отчужденіе отъ всякихъ „вопросовъ". Всѣ были заняты посторонней дѣятельностью, которая силилась проникнуть даже въ область отвлеченной науки и поэзіи: Но Капнистъ говорилъ: „Если мы живемъ въ эпоху анализа, когда міръ лиризма далекъ отъ насъ, это еще не значитъ, что онъ *не долженъ* существовать и что къ нему вновь не вернется человѣкъ. Общество имѣетъ привычку впадать изъ одной крайности въ другую, но человѣчество не переноситъ, чтобы его на долго лишали той или другой изъ его духовныхъ сторонъ;—а лирическое чувство также ему присуще, какъ и всѣ другія области его умственной и душевной жизни.

Я вѣрю, чистое искуство
Необходимо на землѣ,
Какъ отраженье мысли, чувства —
На человѣческомъ челѣ.

Некрасовъ, прочитавъ очеркъ Капниста пришелъ въ восторгъ отъ посвященной ему статьи. Онъ подарилъ ему, въ знакъ признательности, всѣ свои сочиненія и сказалъ ему: „И вѣдь никто не говорилъ мнѣ такой

горькой правды! Но вы меня видите насквозь; я чувствую, что никто меня не понимаетъ такъ, какъ вы; и это для меня лучшая оцѣнка".

Когда Капнистъ представилъ свою работу министру, въ разговорѣ онъ изложилъ сущность этой записки; Валуевъ предложилъ ему мѣсто правителя дѣлъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. У знакомыхъ, Капнистъ встрѣтилъ своего будущаго начальника, главнаго управляющаго по дѣламъ печати, Михаила Павловича Щербинина, пріѣхавшаго изъ Москвы; Щербининъ видѣлъ его еще въ домѣ его отца, и потому, протянулъ ему объятія, съ радостью привѣтствуя его, и говоря ему много лестнаго. Служба при начальникѣ, столь дружески настроенномъ, улыбалась Капнисту. Поощренія и пріятные отзывы, которые долетали до него со всѣхъ сторонъ укрѣпляли въ немъ сознаніе новыхъ свѣжихъ силъ.

Въ августѣ 1865 года, его Очеркъ направленія русской лирики за послѣднее десятилѣтіе, былъ отданъ въ печать [1]).

Въ свободныя отъ занятій минуты, Капнистъ написалъ біографію, скончавшагося въ іюлѣ 1865 года, стараго своего друга,—Семена Алексѣевича Юрьевича, бывшаго воспитателя Императора Александра II. Онъ передалъ ее сыну покойнаго, который представилъ ее Государю. Взявъ рукопись, Государь сказалъ, что самъ прочитаетъ ее, такъ какъ онъ горячо любилъ своего наставника. Черезъ нѣсколько дней Государь возвратилъ біографію молодому Юрьевичу, сказавъ ему: „Статья Капниста мнѣ очень понравилась, вѣрно и живо написано. Я тамъ сдѣлалъ еще нѣсколько прибавокъ". Въ скоромъ времени статья была напечатана въ „Русскомъ

---

[1]) Князь Вяземскій не представилъ заданной ему записки о русской прозѣ. Изданіе готовилось къ 1-му сентябрю. Вновь обратились къ Капнисту съ просьбой, чтобъ онъ написалъ также и эту часть. Времени оставалось слишкомъ мало, чтобы успѣть написать подробный критическій очеркъ. Въ краткой статьѣ онъ изложилъ направленіе русской прозы въ переходное время нашей литературы.

Инвалидѣ", и въ „Сѣверной Почтѣ". Нѣкоторые удивлялись, какъ цензура пропустила ее? Капнистъ смѣялся и отвѣчалъ: „очень просто, цензоромъ этой статьи былъ самъ Государь, онъ даже прибавилъ къ ней нѣкоторыя замѣчанія".

Наконецъ наступило 1-е сентября,—день открытія новаго управленія по дѣламъ печати. Съ этого дня работа закипѣла. Ежедневно, съ девяти часовъ вечера до двухъ часовъ ночи, Капнистъ бывалъ съ докладомъ у Щербинина. Постоянныя бесѣды сближали его еще больше съ его прямымъ начальникомъ, и укрѣпляли ихъ взаимную дружбу. Разъ Щербининъ спросилъ его: „Не знаете ли, кто писалъ очеркъ лирики? Какъ я началъ читать его, то не могъ бросить не окончивъ. Превосходно, мастерски написано! давно не помню ничего лучшаго". Капнистъ отвѣтилъ, что авторъ очерка передъ его глазами. „Такъ это вы! мой несравненный Петръ Ивановичъ"! воскликнулъ Щербининъ, обнимая и цѣлуя его, „да вы, я вижу на всѣ руки"!

Черезъ нѣсколько дней, приходитъ къ Капнисту одинъ товарищъ по службѣ и передаетъ ему, что писатель Гончаровъ его встрѣтилъ и сказалъ объ очеркѣ: „Со временъ Бѣлинскаго я не читалъ ничего подобнаго, и притомъ, въ этомъ трудѣ еще больше безпристрастія, чѣмъ у Бѣлинскаго, потому что послѣдній нерѣдко увлекался"!

Занимаясь усидчивой работой, требовавшей сосредоточія, Капнистъ не могъ писать стиховъ. Съ 1862 года до 1867, нѣсколько лѣтъ не помѣчены ни однимъ стихотвореніемъ. Для поэзіи необходима та сладкая лѣнь, о которой такъ прелестно говоритъ Пушкинъ. Собственно это не лѣнь, но пріятная душевная свобода отъ слишкомъ сильныхъ ощущеній или отъ поглощающихъ занятій. Иногда, вмѣстѣ съ поэтомъ Щербиной, Капнистъ сочинялъ веселыя эпиграммы на разныя злобы дня, которыя тутъ же набрасывались на клочкахъ бумаги и были сохранены женой Капниста. Щербина былъ рѣд-

кимъ, замѣчательнымъ и милѣйшимъ собесѣдникомъ, несмотря на его собственныя увѣренія о себѣ. Всю свою колкость и злость выливалъ онъ въ мѣткія эпиграммы; въ сердцѣ, такимъ образомъ, не оставалось ни капли желчи, и его сборникъ эпиграммъ и шутокъ — смѣсь аттической соли и малороссійскаго юмора. У Капниста написалъ онъ про тогдашнюю газету Молву:

Молвѣ названье не пристало,
У ней читателей такъ мало,
Что хоть зови ее отнынѣ:
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

и еще эпиграмму: *Мы*.

У насъ чужая голова,
А убѣжденья сердца хрупки;
Мы—европейскія слова
И азіатскіе поступки.

Слѣдующія эпиграммы Щербины, сохранившіяся у Капниста, нигдѣ еще не были напечатаны:

I.

Чернышевскій.

Значенье недорослямъ придалъ
И дѣтскимъ мыслямъ торжество
Онъ—офицеровъ всякихъ идолъ
И гимназистовъ божество.
Всей глубиною отрицаній
Онъ даже „Искру“ превзошелъ,
И желчью доблестной писаній
Доходъ и славу пріобрѣлъ.
Излишне съ эпиграммой дерзкой
Идти гиганту на задоръ,
Вѣдь что кумиръ онъ офицерскій
Ему послѣдній приговоръ.

II.

Загадка. (Подражаніе Пушкину).

Кто у насъ умеръ женатымъ, по смерти вдовы не оставивъ:
Эту загадку,—прошу я—мнѣ, хитрый Эдипъ разрѣши.

III.

Русская Современность.

Шутовства не мудрый бѣсъ
Намъ разставилъ сѣти;
Въ свистѣ слышимъ мы прогрессъ, —
Мы сурки и дѣти.
Какъ сурковъ насъ тѣшитъ свистъ,
Какъ малокососовъ,
Чернышевскій—публицистъ
И Лавровъ—философъ.

Все это говорилось экспромптомъ, ради краснаго словца, и потому не удивительно, что Щербина даже забывалъ записывать это между своими стихами [1]).

Когда Щербина составилъ свой прекрасный сборникъ „Пчелу", подаренный имъ впослѣдствіи народнымъ школамъ, онъ писалъ Капнисту:

„Будьте такъ благосклонны къ труду моему, многоуважаемый Петръ Ивановичъ, не оставьте сами процензировать эту рукопись: „Пчелу". Вамъ это легко сдѣлать, какъ никому другому, потому что вы знаете всѣ данныя русской литературы и отъ молодыхъ ногтей за нею слѣдили. Ваше-то и цензированіе, въ этомъ случаѣ будетъ не болѣе, какъ скорѣе полистомъ, ибо вы содержаніе-то напередъ знаете, не читавши. Это та книга русской пропаганды, о которой я вамъ говорилъ,

[1]) Черновыя хранятся у вдовы поэта Капниста. Иногда оба поэта искали разныя фантастическія рифмы, и даже мнѣ, едва я начала говорить, объясняли что такое рифма, заставляли подыскиватъ рифмы, и если я какую нибудь находила, смѣялись и награждали меня лакомствами.

ввидѣ хрестоматіи, или антологіи, литературнаго сборника, учебнаго пособія въ народныхъ школахъ, и книга для народнаго чтенія вообще. Видите-ли тутъ дѣло общественно-русское, патріотическое, и я убѣжденъ, что вы не замедлите исполнить надъ моею „Пчелой“ весь законный цензурный обрядъ: скрѣпу по листамъ, печать цензурную приложите, подъ № запишите и т. п. Словомъ, въ самоскорѣйшемъ времени приготовьте ее, чтобъ я могъ отправить эту рукопись, уже готовую, куда нужно. Мнѣ только остается, въ заключеніе, какъ діакону, возгласить къ вамъ, яко къ іерею: Благослови, владыко, благословителя...—„Отъ Россійскихъ писателей чтеніе...“—„Вонмемъ“.—Для того, чтобъ впослѣдствіи вышло: „Миръ всѣмъ“.

Весь вашъ Щербина [1]).

---

[1]) Этотъ сборникъ прекрасно составленъ. Щербина такъ хорошо понялъ народный духъ, что это всегда была любимая книга всѣхъ лицъ изъ народа, кому Капнистъ ее давалъ читать. Кромѣ того, это превосходная русская книга для Славянъ, въ ней много интересныхъ общеславянскихъ документовъ. Читается легко, а почерпываются свѣдѣнія о нашей исторіи, преданіяхъ, о церковной русской литературѣ, что не мѣшаетъ знать каждому русскому. Однако изданіе этой полезной, отличной, можно сказать, книги, теперь исчерпано. Она составляетъ рѣдкость, и странно, что о ней забыли тѣ, кто занимается изданіями книгъ для народа. Слѣдовало-бы извлечь ее изъ забытія и распространить во всѣхъ нашихъ народныхъ читальняхъ. Щербина не могъ похвастаться богатствомъ, иногда онъ бѣдствовалъ, какъ самъ онъ о себѣ признается:

Не дивлюсь, Косьмѣ, Демьяну;
Я, какъ русскій, не дивлюсь:
Хоть сейчасъ святымъ я стану,
Съ ними въ доблести сравнюсь.
Какъ съ своей N. N. кликой
Намъ очистилъ всѣмъ карманъ,—
На Руси святой, но дикой
Всякъ безсребренникъ великій,
Всякъ Косьма или Демьянъ.

Однако, онъ непремѣнно хотѣлъ принести свою лепту на общую пользу и роздалъ на бѣдныя сельскія школы экземпляры Пчелы на 2000 рублей. Кромѣ того пожертвовалъ этотъ сборникъ на воскресныя школы при духовныхъ семинаріяхъ и на Славянъ.

Щербина не переносилъ тѣхъ, кто въ лицемѣрныхъ заботахъ о народѣ искалъ собственныхъ выгодъ. По этому поводу онъ писалъ Капнисту:

„Я очень нездоровъ и лежу въ постелѣ,—лихорадка и сильная боль въ лѣвомъ боку при кашлѣ, и потому-то я не хожу на должность, а черезъ силу отправляю ее на дому. Меня что-то требовали къ главному начальнику, а я нездоровъ, и не могу выйдти. Употребите, если найдете подходящимъ въ вашемъ фельетонѣ, присылаемую эпиграмму, написанную вслѣдствіе прочитаннаго въ газетѣ „Москва", что на личный составъ и ***канцелярію Земскихъ управъ*** употреблено ***болѣе 2 милльоновъ руб.*** Я эту эпиграмму послалъ В. Д. Скарятину,—ошибся: такъ какъ она должна быть у васъ, и потому вы сами распорядитесь съ нею, а то, чтобъ онъ еще не вздумалъ ее напечатать безъ васъ, не въ вашемъ фельетонѣ. Вы, вѣдь... „Музы вѣтренной моей
Наперстникъ, пѣстунъ и хранитель.

Весь Вашъ Щербина, или по древнему, по русски: Государевъ книгочій, по курантному дѣлу и подъячишка печатнаго приказа, твой сирота Микулка.—Человѣченко скудный, что опроче Государева жалованія никакихъ другихъ въ печатномъ приказѣ посуловъ и поманокъ не получаетъ".

14 февр. 1867 года.

Упомянутая эпиграмма была дѣйствительно у Капниста.

Земская Реторика.

Наши земскія собранья
Классъ реторики открыли
И ему на содержанье
Два милльона положили.
Тяжесть хрій, фигуръ и троповъ
Вся ложится на народѣ;
Онъ содержитъ филантроповъ,

Платитъ фразамъ о свободѣ,
О сокровищахъ грядущихъ
Передъ сущими сумами,
О рѣкахъ млекомъ текущихъ
Межъ кисельными брегами.

(Подписано:) Г. Зломраковъ.

Это было за два года до его смерти.

Капнистъ успѣшно работалъ, какъ правитель дѣлъ канцеляріи по дѣламъ печати, но сильно утомился и желалъ отдохнуть. Весной 1867 года, онъ взялъ двухъ мѣсячный отпускъ по семейнымъ дѣламъ, и поѣхалъ въ Малороссію въ имѣніе жены. Во время этой поѣздки онъ встрѣтилъ, у родныхъ своихъ, столь любимую имъ въ прежніе годы М. Л. Въ немъ прошло мучительно горькое чувство прежней пылкой любви, но засвѣтило другое чувство, теплое, тихое, доброе, какое можетъ питать старшій братъ къ молоденькой сестрѣ, которою онъ нѣжно любуется. Такое чувство не покидало его до конца жизни, и всегда, при встрѣчахъ съ М. Л. онъ восторгался ею, вспоминая свою молодость, слегка подшучивалъ надъ нею, или писалъ ей стихи.—И тогда, во время этой встрѣчи, муза его проснулась послѣ долгаго молчанія и онъ писалъ:

„На васъ, Психея нашихъ дней,
Смотрю, невольно пламенѣя, —
Душой и прелестью своей —
Вы настоящая Психея.
Бездушный вѣкъ одушевлять,
Будить въ немъ красоты сознанье,
Земное съ небомъ примирять,
Какое славное призванье!

Страдальцу радостно блеснуть,
Или обиженному счастьемъ
Съ прелестнымъ, ангельскимъ участьемъ,
Какъ брату, — руку протянуть, —

CXXXII

О, будьте только правдѣ близки, —
Для васъ все это такъ легко!
Не улетайте высоко́
И не спускайтесь слишкомъ низко.

Но кто-же будетъ вашъ Амуръ?
Куда умчитъ онъ васъ съ собою?
Не на далекій-ли Амуръ,
Въ глушь, за китайскою стѣною?
Или въ суровый Петроградъ,
Гдѣ, трепеща воинскимъ жаромъ,
Онъ,—лейбъ-стрѣлкомъ, иль лейбъ-гусаромъ—
Летаетъ гордо на парадъ?

Куликъ родимаго болота, —
Быть можетъ, сей Амуръ—Москвичъ,
Прямой наслѣдникъ Донъ-Кихота,
Произносящій въ клубахъ спичь,
И спящій спячкой патріота.

Или, — о горе бѣднымъ намъ! —
Онъ будетъ милый иностранецъ,
Сынъ Альбіона, иль Германецъ, —
Иль къ чуднымъ Тибра берегамъ
Умчитъ Психею итальянецъ.
Но нѣтъ, куда-бы не увлекъ
Амуръ Психею дивной силой,
Тотъ будетъ счастливъ уголокъ,
Тамъ будетъ жить тепло и мило.

И пусть, по благости своей,
Судьба пошлетъ вамъ благъ не мало.
Хотя-бъ отъ этого увяло
Воспоминаніе тѣхъ дней,
Когда въ лучахъ любви и свѣта,
Какъ сонъ о счастьѣ золотой,
Всѣ лучшія мечты поэта
Одушевляли вы собой.

CXXXIII

Во время этой поѣздки, онъ также написалъ: *„Гонимы скорбію великой* [1]). И такъ, мы видимъ, что какъ только онъ успѣваетъ дышать свободнѣе, стихи снова поются въ его головѣ. Откуда идетъ этотъ размѣръ, который ясно слышится, когда утихаетъ временный житейскій шумъ, и переливается въ стихи?. Это такая-же тайна какъ и тà:

Зачѣмъ лучи свѣтилъ небесныхъ
Стремятся радостно къ землѣ?
О чемъ листы вѣтвей древесныхъ
Тихонько шепчутъ въ полумглѣ?
Куда безсонною толпою
Летятъ ночные облака?
Къ кому возносится весною
Благоуханіе цвѣтка?...

Возвратясь изъ Малороссіи онъ снова принялся за работу по дѣламъ печати, но въ немъ сказывалось утомленіе и здоровіе его отзывалось отъ усидчивыхъ занятій и отъ волненій, присущихъ его безпокойному и пылкому нраву. Его начальникъ—Щербининъ получилъ другое назначеніе и былъ замѣненъ г. Похвистневымъ. Къ этому времени, 14 октября 1867 года произошло засѣданіе совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, на которомъ присутствовалъ и поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, бывшій тогда однимъ изъ членовъ совѣта. Отъ вниманія Капниста не ушло, что Тютчевъ, во время засѣданія, былъ весьма разсѣянъ и что-то рисовалъ или писалъ карандашемъ на листѣ бумаги, лежавшемъ передъ нимъ на столѣ. Послѣ засѣданія, онъ ушелъ въ раздуміи, оставивъ бумагу. Капнистъ бросилъ на нее взглядъ и замѣтилъ, что вмѣсто канцелярскихъ дѣлъ, тамъ написано нѣсколько стиховъ. Онъ конечно взялъ и сохранилъ, на память о любимомъ имъ поэтѣ, слѣдующія строки:

---

[1]) Стр. 47.

CXXXIV

Какъ ни тяжелъ послѣдній часъ, —
Та непонятная для насъ
Истома смертнаго страданья, —
Но для души еще страшнѣй
Слѣдить, какъ вымираютъ въ ней
Всѣ лучшія воспоминанья......

IX.

За три года службы въ Управленіи печати, Капнистъ исполнилъ въ точности все, что было на него возложено. Онъ былъ представленъ къ чину статскаго совѣтника, и по его просьбѣ, Валуевъ далъ ему отпускъ и зачислилъ его въ сверхъ-штатные чиновники по особымъ порученіямъ,—что дало ему возможность поѣхать лѣтомъ въ деревню, въ Малороссію, — въ этотъ разъ со всей своей семьей. Въ то время такое путешествіе было цѣлымъ предпріятіемъ. Тогда желѣзная дорога шла только до Москвы; оттуда наша семья воспользовалась предложеніемъ желѣзнодорожнаго начальства проѣхать до Орла въ первый разъ, по только что выстроенному, и еще не открытому для публики, пути.

Изъ Орла пришлось ѣхать лошадьми. У насъ былъ *дормезъ* съ придѣланной сзади колясочкой, почему-то называемой „кукушкой",—съ разными приспособленіями для укладки вещей, съ сѣтками противъ комаровъ въ рамахъ оконъ, и всякими ухищреніями „во вкусѣ хитрой старины". Однако переѣзды по Россіи тогда не отличались комфортомъ. Приходилось сидѣть часами въ тѣсной каретѣ, не имѣя возможности расправить члены, — проводить ночи въ дорогѣ или на станціяхъ, столь неприглядныхъ, что мы предпочитали спать въ нашемъ ноевомъ ковчегѣ, опасаясь набрать съ собой не одну, и не семь паръ, — а безграничное число всякихъ звѣрюкъ, которыя нельзя сказать, чтобъ украшали своимъ присутствіемъ путевыя впечатлѣнія. За нашей каретой слѣдовала перекладная съ мужской прислугой и сунду-

ками. Насъ —дѣтей, очень забавляла вся эта необычайная обстановка.

Теперь мѣста гдѣ мы ѣхали,—неузнаваемы. Природа очень измѣнилась, вездѣ поля, луга, равнины, тогда стояли почти сплошные лѣса, да березовыя рощи. Подъ Харьковымъ, около мѣстечка Валокъ, произошелъ съ нами довольно опасный случай, въ густомъ сосновомъ бору, дикомъ и безлюдномъ, о которомъ теперь и помину нѣтъ. Дѣло было поздней ночью. Дорога шла песками, съ двухъ сторонъ темнѣлъ лѣсъ. Лошадямъ было грузно тащиться. Шестерикъ подвигался медленно. Нашъ казачекъ, сидѣвшій на козлахъ, замѣтилъ, что какія-то тѣни, то появлялись за нами, то исчезали въ лѣсу. Вдругъ ямщикъ свистнулъ; свистъ откликнулся гдѣ-то вдали. Лошади пошли еще тише. На дорогу вышли два человѣка съ дубинами и стали двигаться по направленію къ намъ. Испуганный казачекъ говоритъ ямщику: „Поѣзжай скорѣй, это опасное мѣсто. Баринъ дастъ тебѣ на чай, подгоняй!“ Ямщикъ ухмыляясь отвѣчаетъ: „Стану я изъ за твоего барина лошадей рѣзать; вишь, какой тутъ песокъ“. Въ лѣсу, съ другой стороны раздается пронзительный свистъ. Лошади остановились. Двое подозрительныхъ лицъ подходили все ближе. Казачекъ, въ ужасѣ, видя что дѣло плохо, сталъ отчаянно колотить сверху въ окно кареты, въ которой мы всѣ спали. Отецъ мой, проснувшись, и быстро сообразивъ опасность, вынулъ свой пистолетъ, направилъ въ затылокъ ямщика въ упоръ, и крикнулъ: Трогай мерзавецъ! хлещи лошадей, чтобъ онѣ летѣли! не то я убью тебя на мѣстѣ“. Ямщикъ, видя дуло пистолета у своей головы, стегнулъ лошадей, такъ что мы помчались, несмотря на дурную дорогу. Четыре человѣка съ дубинами гнались за нами, но догнать насъ имъ не удалось. Выѣхавъ на поляну, вблизи станціи, нашъ шестерикъ былъ въ пѣнѣ, и едва передвигалъ ноги. Станціонный смотритель строго бранилъ ямщика, отговаривавшагося плохой дорогой и сказалъ: „Слава Богу, что въ этотъ разъ сошло благополучно! вчера тутъ

ѣхали купцы, — разбойники убили четырехъ человѣкъ, и ограбили ихъ. Тутъ въ лѣсу пошаливаютъ".

Если на пути встрѣчались опасности, не мало происходило и комичныхъ сценъ. Въ одномъ городкѣ мой отецъ едва не сыгралъ невольно роли Ревизора Гоголя. Невѣдомо почему исправникъ задалъ ему обѣдъ съ шампанскимъ и музыкой, и вечеромъ, къ удивленію всѣхъ насъ, вокругъ дома, гдѣ мы остановились была устроена иллюминація. На изумленные вопросы, почему насъ такъ встрѣчали, исправникъ только терялся въ выраженіяхъ благодарности, „помилуйте благодарю васъ, благодарю васъ за себя и за свое семейство!" Такъ этотъ случай и остался для насъ загадкой. Въ другой разъ на станціи, разсматривая развѣшенныя по стѣнѣ картины, мой отецъ напалъ на слѣдующее открытіе: въ синемъ мундирѣ, желтыхъ панталонахъ и треугольной шляпѣ, стоитъ на колѣняхъ, жалобно протянувъ руки, — Наполеонъ I, а изо рта у него идетъ бѣлая полоска съ надписью: „Пардонъ, пардонъ! Больше никогда не буду!" Около него, въ грозной позѣ, отвернувъ голову и непреклонно вытянувъ руку, точно мечъ, — стоитъ Александръ I и надпись выходящая изъ его устъ гласитъ: „Не прощу. Ни за сто рублевъ!" — Въ восторгѣ отъ этой диковинки, отецъ мой умолялъ начальника станціи продать ему эту раскрашенную литографію; тотъ не согласился, говоря что эта картина ему необходима, такъ какъ развлекаетъ и занимаетъ всѣхъ проѣзжихъ, а безъ нея на станціи будетъ гораздо скучнѣе.

Возвратясь осенью въ Петербургъ, Капнистъ не засталъ уже Петра Александровича Валуева, который по слабости здоровья, уѣхалъ на зиму въ Римъ. Вмѣсто него, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ ген. адъютантъ Тимашевъ. Уѣзжая, Валуевъ говорилъ ему о Капнистѣ, и Тимашевъ принялъ его чрезвычайно любезно. Однако въ эту зиму, служба въ департаментѣ занимала Капниста только по утрамъ. Вечера оставались свободными, и онъ воспользовался ими, чтобы вдоволь наслаждаться театромъ и музыкой. Въ то время,

въ Петербургѣ процвѣталъ михайловскій французскій театръ и итальянская опера. Лучшей артисткой на французской сценѣ блистала Наптадь Арно; въ итальянской оперѣ пѣли Патти, Лукка, появлялся еще старикъ Маріо; въ русской оперѣ всѣхъ очаровывала Лавровская.

Имѣя обыкновеніе записывать то, что его интересовало, эти впечатлѣнія не проходили для Капниста безслѣдно. Онъ не позволялъ себѣ развлекаться, не вынося новыхъ и полезныхъ для своего эстетическаго развитія выводовъ. Эта привычка обдумывать, изчерпывать свои впечатлѣнія помогла Капнисту свѣжо сохранить въ памяти все, что было имъ видено и слышано съ малыхъ лѣтъ. Какъ онъ начиналъ ярко и живо разсказывать давно минувшія событія, - только, бывало, спрашиваешь себя, откуда все это берется?

Нѣкоторыя изъ своихъ замѣтокъ о театрѣ, объ актерахъ и пѣвцахъ, посылалъ онъ въ тогдашнюю газету „Вѣсть“.

Онъ особенно серьезно относился къ театру, къ *этой эстетической школѣ общества*, какъ онъ его называлъ. Его приводило въ негодованіе, распространявшееся тогда направленіе, враждебное всему изящному, подъ предлогомъ, что изящное искуство — безполезно. „Возвращаясь „къ итальянской оперѣ, нельзя не вспомнить“, пишетъ „онъ, „что еще такъ недавно, и въ журналистикѣ на„шей, и даже въ высшихъ слояхъ общества, были толки „о прекращеніи для насъ этого вполнѣ эстетическаго на„слажденія, изъ какихъ-то псевдо-національныхъ и близо„рукихъ экономическихъ соображеній; а теперь, мы имѣемъ „въ виду насладиться пѣніемъ двухъ первоклассныхъ, „въ современномъ мірѣ искуствъ, художницъ, каковы „г-жи Лукка и Патти... Вотъ факты, доказывающіе, „что дирекція театровъ правильно смотритъ на то благо„творное значеніе, которое имѣетъ изящное искуство „для общества, и на тѣ средства, которыми распола„гаетъ общество, и совершенно въ правѣ распологать, „для нравственнаго усовершенствованія своего, посред„ствомъ высокаго наслажденія прекраснымъ; не во гнѣвъ

„узкимъ и желчнымъ рефлекторамъ худосочной школы „Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и *tutti quanti*...

„Недавно намъ случилось прочесть въ фельетонѣ одной „изъ нашихъ газетъ, довольно рѣзкій отзывъ по поводу „пріобрѣтенія для нашего эрмитажа произведеній иску„ства, изъ распродававшагося въ Италіи музеума Мар„киза Кампана, и по случаю ожидаемой въ публикѣ „постановки на нашей сценѣ новой оперы композитора „Верди, называемой „Сила Судьбы", которая еще нигдѣ „поставлена не была.

„Въ этомъ отзывѣ, изъ подъ легкой драпировки фелье„тонныхъ сарказмовъ, довольно цинически выставляется „взорамъ читателя, досада автора на непроизводительную, „по его мнѣнію, издержку. Этрусская ваза, фреска, „приписываемая Рафаэлю, выгодное предпріятіе способ„ствующее къ улучшенію средствъ нашей оперы, измѣ„ряется мѣрою непосредственной матеріальной полез„ности, вводится въ категорію ингредіентовъ рынка „разныхъ хозяйственныхъ припасовъ. Пріемъ не новый. „Давно уже александрійскія бани весьма удачно нагрѣ„вались сокровищами вѣковаго книгохранилища...

„Но не въ этомъ дѣло. Приведенный нами отзывъ „о пріобрѣтеніяхъ въ мірѣ искуствъ, самъ по себѣ, „въ настоящемъ случаѣ, есть ничто иное, какъ блѣдный, „легкій фактъ, скользившій по плоскости журнальной „страницы въ р ку забвенія, одинъ изъ тѣхъ литера„турныхъ эфемеридовъ, раждающихся, живущихъ и уми„рающихъ въ теченіи одной минуты, которымъ имя ле„гіонъ.... Мы упомянули объ этомъ потому только, что

„Господа, забавный случай сей
„На памятъ намъ другой примѣръ приводитъ,

„примѣръ болѣе достойный вниманія и серьезнаго раз„сужденія. Намъ приходилось нѣсколько разъ слышать, „въ кружкахъ людей достойныхъ всякаго уваженія, „мнѣніе объ экономической безполезности, если ужъ не „о вредѣ, затраты капиталовъ для пріобрѣтеній и по„ощреній по предметамъ изящныхъ искуствъ. Замѣча-

„тельно, что тѣ же люди не чужды даже нѣкотораго „увлеченія, когда рѣчь, хотя какъ-нибудь, коснется „средствъ къ распространенію образованія въ народѣ. „Подумаешь, что услуги ученаго и художника, въ этомъ „случаѣ, состоятъ во взаимной оппозиціи. Такое противо-„рѣчіе, конечно можетъ быть объяснено духомъ вре-„мени, esprit du siècle; но въ этомъ противорѣчіи — „полное торжество односторонности, и если хотите, „даже нѣкоторая прелесть пристрастія, къ тому, что „пріятнѣе ласкаетъ наше зрѣніе въ данный моментъ. „И въ самомъ дѣлѣ, міровая жизнь мчится на всѣхъ „парахъ, къ разрѣшенію міровыхъ соціальныхъ проб-„лемъ, статистика собираетъ цѣлыя міріады фактовъ, „группируетъ ихъ въ правильныя, колоссальныя ко-„лонны, на которыхъ политическая экономія утверждаетъ „основаніе громаднаго зданія общественной пользы, все, „съ какимъ-то страстнымъ нетерпѣніемъ ждетъ открытія „того философскаго камня, силою котораго возникнетъ „правильное разпредѣленіе благъ земныхъ между сынами „земли,—мало-ли тутъ поэзіи и безъ парѳеноновъ, безъ „милосскихъ Афродитъ, безъ фресокъ, безъ симфоній! „Давно уже сказано, что

„. . . . польза, польза мой кумиръ,
„И вотъ на чемъ вертится міръ!...

„Все такъ, польза была и будетъ благороднѣйшимъ „девизомъ человѣческой дѣятельности; но дѣйствительно-„ли сила пользы присуща только матеріальному міру? „Признавая неотъемлемую пользу въ изысканіи средствъ „къ удешевленію дровъ, къ большей удобности сооб-„щеній,—отымемъ-ли это чудесное качество у дѣятель-„ности ученаго, художника, артиста, у поощрителя „изящныхъ искуствъ? Не думаемъ!...“

Иногда, въ своихъ замѣткахъ, онъ нѣсколькими словами характеризуетъ игру актера и подчеркиваетъ его особенности. Г-жа Наптал Арно была такъ довольна его критикой о ней въ „Dame au Camélia“, что при-

слала ему свой портретъ въ этой роли и очень милое письмо. О г-жѣ Делапортъ онъ говоритъ: „Кто видѣлъ „ея игру, пойметъ сколько глубины, сколько силы и „священнаго огня заключается въ томъ, что назы„вается въ жизни и въ искуствѣ *sancta simplicitas*. „Въ Les idées de M-me Aubray,—развѣ Жанина—г-жа „Делапортъ, разсказывающая свою горькую судьбу и „сознающая всю глубину порока, въ который она упала „безсознательно,—Жанина, глубоко любящая своего не„законнаго ребенка,—развѣ она наивна въ томъ лег„комъ смыслѣ, въ которомъ обыкновенно привыкли по„нимать наивность? Нѣтъ, это та возвышенная наив„ность, или, еще вѣрнѣе, то граціозное прямодушіе „или чистосердечіе, которое иногда замѣчается въ на„турахъ геніальныхъ; а съ другой стороны, – та есте„ственность, которою проникнута творческая природа „въ своихъ феноменахъ".

Такая близость къ театру, вниканіе въ роли и характеры, а также въ композицію театральныхъ пьесъ,— очень были выгодны для будущаго развитія въ немъ драматическаго творчества. О пьесѣ Сарду онъ дѣлаетъ слѣдующую вѣрную замѣтку: „Критикъ Revue des deux „Mondes замѣчаетъ, что новая комедія Сарду supportera „difficilement la lecture, т. е. неудобная для чтенія. „Это замѣчаніе, конечно, злѣе, чѣмъ сознавалъ самъ, „высказавшій это критикъ. Пьеса можетъ быть *неудобна „для сцены*, какъ напр.: Борисъ Годуновъ нашего Пуш„кина и нѣкоторыя хроники Шекспира (изъ-за слиш„комъ частыхъ перемѣнъ декорацій, что раздробляетъ „дѣйствіе;) но *неудобство пьесы для чтенія* есть при„знакъ значительной ея безцвѣтности, не полноты, блѣд„ности, или пустоты, требующихъ непремѣннаго вос„полненія игры актеровъ. Правда, дѣло актера – усло„віе весьма серіозное, но еще не роковое для достоин„ства дѣйствительнаго талантливаго произведенія. Какъ бы „дурно не съиграли Гамлета, или Горе отъ Ума, каждый „легко пойметъ, что тутъ дурно исполнили нѣчто хо-

„рошее. Не то бываетъ съ посредственной или без-„дарной пьесой“.

Концерты онъ также посѣщаетъ, и пишетъ свое мнѣніе въ статьѣ озаглавленной: ***музыкальный матеріализмъ***. Его взглядъ сводится въ музыкѣ къ тому же, что и въ поэзіи, и въ другихъ искуствахъ: онъ требуетъ и отъ нея прежде всего ***искренности вдохновенія***, такъ какъ одна ученая, и даже безукоризненная форма,— мертва безъ внутренняго содержанія; онъ возстаетъ противъ тѣхъ ***„дѣлателей*** музыки, которые знаютъ хорошо „всѣ жилы, нервы, мускулы, въ организмѣ музыки, но „коснѣютъ въ ослѣпленіи матеріализма, – не видятъ и „не знаютъ ни духа, ни жизни этого великаго искуства. „Не имѣя поэтому въ себѣ ни зги творчества, они „сплотились въ тѣсный кружокъ знатоковъ дѣла; они „гнутъ музыку исключительно подъ иго внѣшнихъ ма-„тематическихъ выкладокъ и дѣлаютъ изъ нея ремесло, „подчиняя ее рабскому звукоподражанію“. Онъ особенно не любилъ Берліоза.

Эстетическія увлеченія Капниста не мѣшали ему слѣдить однако и за другими вопросами, за внѣшней и внутренной политикой.

Послѣ первыхъ, свѣтлыхъ годовъ царствованія императора Александра II, въ самый разгаръ благихъ реформъ, внутреннее состояніе нашего государства омрачилось польскимъ возстаніемъ. Сперва, мягкость режима въ Царствѣ Польскомъ, послѣ прежняго гнета, казалась полной свободой. Во главѣ края былъ назначенъ князь Велепольскій и поляки губернаторы. Польша пользовалась почти что автономнымъ управленіемъ. Вдругъ, въ 1863-мъ году былъ назначенъ рекрутскій наборъ, съ приказаніемъ щадить сельское населеніе, а вербовать городскихъ жителей. Этой мѣрой былъ возмущенъ тотъ классъ, къ которому принадлежали тогдашніе противники Россіи, что повело къ возстанію, прискорбному и для самой Польши и для Россіи, такъ какъ поневолѣ отвлекло ея вниманіе отъ дѣлъ реформы. Долго послѣ грознаго укрощенія мятежа графомъ Муравьевымъ, наша

печать не могла еще успокоиться. Даже въ 1869 году, Катковъ, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, сильно нападалъ на западный край и на балтійскія провинціи, видя вездѣ призракъ возстанія противъ Россіи. Къ тому-же времени появилась брошюра Юрія Самарина: „Окрайны Россіи“, надѣлавшая столько шуму.

По поводу всѣхъ этихъ статей и тѣхъ направленій, которыя выяснились въ политическихъ и соціальныхъ мнѣніяхъ, Капнистъ написалъ, въ газетѣ Вѣсть, рядъ статей о „западникахъ-радикалахъ и о славянофилахъ“, и о вышедшихъ тогда ученыхъ сочиненіяхъ, Б. Н. Чичерина [1]), прекрасные труды котораго были въ то время не въ руку модному газетному направленію. Въ статьяхъ своихъ, Капнистъ стоялъ за охранительныя начала, которыя терпѣли нападенія со всѣхъ сторонъ. Въ служеніи правительству, въ преслѣдованіи цѣлей усовершенствованія общественнаго быта, рука объ руку съ дѣйствіями правительства, онъ видѣлъ добросовѣстное доказательство любви къ родинѣ. Эта гражданственность его была отликомъ его образованія, вліянія Грановскаго, историка Гизо, и семейныхъ традицій, а съ другой стороны, — врожденнаго въ немъ классическаго понятія о стройности и порядкѣ. „Дѣло въ томъ“, говоритъ онъ въ статьѣ о французскомъ легитимистѣ, юристѣ П. А. Беррье [2]), „что служеніе „охранительнымъ началамъ не исключаетъ нисколько „приверженности къ мудрой и трезвой свободѣ. Существуютъ эпохи, когда гораздо труднѣе быть другомъ „охранительныхъ началъ, чѣмъ ревностнымъ сторонникомъ революціонныхъ тенденцій и агитацій. Въ такія „эпохи много мужества и политической честности надо „имѣть дѣятелямъ охранительныхъ началъ. Ретроград„ство, своекорыстье,—а у насъ—крѣпостничество, вотъ „клички, которыя бросаютъ въ нихъ люди, раболѣп„ствующіе передъ массами, или стремящіеся изъ своихъ

[1]) *О народномъ представительствѣ* и *Исторія политическихъ ученій.*

[2]) Газета Вѣсть № 132 годъ 1868.

„видовъ подорвать власть, лишивъ ее законной охра-„нительной опоры. Въ такое время, лучшей путеводной „нитью для охранительной партіи, служитъ принципъ „любви къ правдѣ и законности, внѣ которыхъ нѣтъ и „не можетъ быть прочной благонамѣренной политичес-„кой организаціи. Этотъ принципъ былъ принципомъ и „Беррье, на основаніи котораго этотъ человѣкъ могъ „принять своимъ девизомъ слова: Amicus Plato, sed „magis amica veritas. На основаніи этаго принципа,— „Беррье, будучи во Франціи на сторонѣ Бурбоновъ, „могъ въ Америкѣ весьма естественно быть тѣхъ же „убѣжденій, которыя питалъ и блистательно реализиро-„валъ другъ правды и человѣчества, великій Вашинг-„тонъ. Считаемъ излишнимъ разпространяться о томъ, „чѣмъ могъ бы быть Беррье у насъ, еслибъ онъ могъ „занять мѣсто въ ряду русскихъ современныхъ дѣя-„телей".

Нѣкоторыя лица поняли всю искренность этихъ идей, въ особенности, Капнистъ нашелъ откликъ въ недавно пріѣхавшемъ въ Петербургъ, старомъ знакомомъ своемъ Б. П. Обуховѣ, бывшемъ губ. дворянскимъ предводителѣ въ Самарѣ [1]). Они во многомъ сходились во мнѣніяхъ. Ихъ обоихъ, главнымъ образомъ интересовалъ крестьянскій вопросъ. О положеніи дворянства они тоже часто обмѣнивались мыслями.

Капнистъ любилъ народъ, однако былъ убѣжденъ, что для самодержавія, идея о „демократизаціи царизма", къ которой пришли тогда славянофилы,—понятіе неподходящее. Онъ замѣчалъ, согласно историческимъ примѣрамъ, что тамъ гдѣ два начала: монархія и народъ,—стояли лицомъ къ лицу, какъ при послѣднихъ короляхъ дореволюціонной Франціи, тамъ монархическая власть становилась шаткой. Эта политическая аксіома вела за собой идею о необходимости для монархіи найдти себѣ опору въ охранительныхъ началахъ, и такой опорой Капнистъ считалъ традиціонное дворянство. Онъ

---

[1]) Впослѣдствіи—товарищъ министра внут. дѣлъ.

недоумѣвалъ, почему происходило отчужденіе правительства отъ дворянства, когда это сословіе такъ благонадежно заявило себя во время реформы крѣпостнаго права. Не смотря на денежный убытокъ оно было готово служить новому направленію; въ немъ таилось не мало силъ, могущихъ безкорыстно и преданно приносить пользу государству. Наконецъ, онъ вѣрилъ, что какъ сословіе, имѣвшее раньше всѣхъ возможность умственно развиться, образовать свои устои,—какъ матеріально обезпеченное,—дворянство составляло болѣе прочный элементъ опоры верховной власти, чѣмъ люди новые, не установившіеся, не составившіе собственныхъ взглядовъ, но успѣвшіе нахватать поверхностные клочки идей, и во всѣхъ отношеніяхъ болѣе доступные искусу.

Онъ понималъ, что дворянство, систематично отстраненное отъ общественныхъ интерссовъ, повлечетъ уронъ въ общемъ равновѣсіи государства, и само падетъ отъ лишенія жизненной дѣятельности. Между тѣмъ, именно тогда чувствовалась необходимость въ элементѣ положительномъ, сдерживающемъ, уравновѣшанномъ. Наступала тяжелая эра разъѣдающаго отрицанія, вѣялъ духъ нигилизма, задавшійся „во имя общаго блага“ стереть всѣ идеалы, а на ихъ мѣстѣ поставить правду — голый остовъ и гниль. Это направленіе проникало множество умовъ; подъ названіемъ *ненавистныхъ авторитетовъ* развѣнчивались религія, исторія, искуство и даже внѣшнее изящество. Понятно, какъ болѣзненно отзывался такой духъ времени на поэтѣ. Тогда Капнистъ рѣшилъ, что печатать стихи нѣкчему, что никто не интересуется безпристрастнымъ чистымъ искуствомъ, и съ ироніей сказалъ:

Теперь стиховъ не надо
Почти что никому,
Бывало—въ нихъ отрада,—
Теперь-же—никчему,
— Намъ важенъ міръ науки,
— Намъ комфортъ подавай,

А рифмы, строфы, звуки,
Хоть вовсе пропадай!...

Вообще элементъ ироніи былъ присущъ Капнисту, это не горечь желчнаго раздраженія, и не веселость шутки, это странное свойство его ума, отрѣшаться отъ своего личнаго чувства и, въ особенномъ критическомъ свѣтѣ, глядѣть на предметъ, подмѣчая его несообразности, отъ которыхъ и происходитъ невольный комизмъ. Онъ могъ глубоко любить человѣка и вмѣстѣ съ этимъ ясно видѣть его слабости, и надъ нимъ-же безпощадно мѣтко иронизировать. Но такъ какъ въ его ироніи нѣтъ и тѣни личной злости, она никогда не переходитъ въ гнѣвъ и негодованіе; она не обижаетъ, оставаясь утонченной и художественной.

Лѣто 1869 года, провелъ Капнистъ въ своемъ имѣніи, занятый, по порученію Валуева, составленіемъ записки о положеніи крестьянъ на Югѣ Россіи. Къ этому времени относятся нѣсколько сатирическихъ пьесокъ, „Земскія Мелодіи“ [1]).

Въ сентябрѣ онъ былъ пріятно удивленъ письмомъ отъ одного товарища по службѣ, въ которомъ говорилось, что напечатанныя имъ статьи были замѣчены, что всѣ интересовались имъ. „Скоро-ли пріѣдетъ Капнистъ? спрашивалъ Тимашевъ; Валуевъ, возвратившійся изъ за границы тоже говорилъ, что не можетъ обойтись безъ него для новаго дѣла, которое затѣевалъ. По пріѣзду его къ первому октябрю въ столицу, ему доложили что Тимашевъ три раза присылалъ курьеровъ узнать, не вернулся-ли онъ? Принятъ онъ былъ весьма любезно. „Мы должны цѣнить такихъ людей, какъ вы“, сказалъ ему А. Е. Тимашевъ, „Ne m'en voulez pas, но я уже распорядился вами, и на дняхъ представлю васъ на утвержденіе Его Величества. Государь назначилъ особую комиссію для пересмотра и кодификаціи

---

[1]) Многія изъ его сатирическихъ стихотвореній не входятъ въ это изданіе.

дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати. Предсѣдатель—князь Урусовъ, членовъ десять; а васъ, по моему докладу, назначутъ въ дѣлопроизводители; я увѣренъ что ваше знаніе будетъ весьма полезно для этой трудной должности".

„Благодарю васъ за довѣріе", отвѣтилъ Капнистъ, „я буду стараться заслужить вашъ лестный отзывъ. На службу не навязываюсь, и отъ нея не отказываюсь. Если находятъ, что я могу быть полезнымъ,—я готовъ работать. За эти два послѣдніе года я не терялъ времени, и занимался дѣлами имѣнія, которые важны для меня, такъ какъ онѣ даютъ мнѣ возможность быть самостоятельнымъ и обезпеченнымъ отъ всѣхъ служебныхъ кризисовъ". Тимашевъ крѣпко пожалъ ему руку; этотъ вполнѣ откровенный отвѣтъ понравился ему. Расположеніе Тимашева усиливалось вліяніемъ Обухова, который, еще наканунѣ отъѣзда Капниста въ деревню, говорилъ ему: „Вами слѣдуетъ дорожить; ваши побужденія высоки, чисты и умны; дайте мнѣ войти въ силу, и я буду горячо рекомендовать васъ Тимашеву".

Сношенія съ княземъ Урусовымъ, человѣкомъ умнымъ, тонкимъ и любезнымъ, были самыя пріятныя. Капнистъ къ веснѣ получилъ крестъ св. Владиміра II степени. Вскорѣ началась опять усидчивая работа: еженедѣльныя засѣданія и составленіе огромныхъ журналовъ, изъ за которыхъ ему приходилось сидѣть по днямъ и по ночамъ. Все лѣто провелъ онъ за этимъ дѣломъ, едва успѣвъ отдохнуть пять недѣль въ Малороссіи. Для насъ,—дѣтей, отсутствіе его было весьма чувствительно. Онъ не только баловалъ насъ, входилъ во всѣ наши дѣтскія радости и печали, училъ насъ любить природу, животныхъ, гулялъ съ нами въ полѣ,—но своими чудесными сказками, стихами, разъясненіями о звѣздахъ, вносилъ въ нашу жизнь поэзію и оживленіе. Нѣкоторыя изъ его импровизацій мнѣ и до сихъ поръ памятны. О смерти онъ намъ также говорилъ; по его мнѣнію дѣти не должны чуждаться мысли о томъ, что всегда такъ близко къ каждому изъ насъ. Нѣкоторые упрекали

его, что онъ балуетъ насъ и развиваетъ наше воображеніе въ ущербъ положительной стороны нашихъ характеровъ. На это онъ отвѣчалъ, что „міръ фантазіи полонъ такихъ живыхъ и прелестныхъ ощущеній для дѣтей, какихъ имъ не испытать позже. Пусть онѣ наслаждаются пока дѣти, пусть я балую ихъ! потомъ,— мало-ли жизнь принесетъ страданій!“ Вообще Капнистъ, имѣя свои весьма опредѣленныя идеи, рѣдко слушалъ чьи либо совѣты.

Въ эти годы, послѣ погашенія возстанія въ Польшѣ, производились частыя конфискаціи польскихъ имѣній въ западномъ краѣ. Въ министерствѣ предлагали Капнисту пріобрѣсть себѣ такое имѣніе, такъ какъ это было очень выгодно [1]). Но несмотря на то, что онъ не питалъ никакой симпатіи къ этому возстанію, онъ и слышать не хотѣлъ о такихъ выгодахъ. Онъ говорилъ, что правительство можетъ принимать суровыя мѣры, если находитъ это для себя необходимымъ; но, чтобы частныя лица пользовались несчастіемъ семій, изгнанныхъ изъ ихъ родимыхъ помѣстій,—онъ этого не понималъ. „Мнѣ всегда-бы казалось“, прибавлялъ онъ, „что я въ раззоренномъ гнѣздѣ, и что прежній хозяинъ меня проклинаетъ. Богъ съ нимъ, съ такимъ богатствомъ, оно намъ счастія не принесетъ!“ Въ этой тонкой и рѣдкой чертѣ сказался сынъ Ивана Васильевича, отказавшагося отъ должности товарища министра, разсчитавъ, что у него не хватитъ средствъ на порядочное содержаніе своихъ крѣпостныхъ людей. Такъ блеску и знатности, которые приноситъ богатство, Петръ Ивановичъ предпочиталъ твердое внутреннее сознаніе, что онъ вполнѣ безукоризненный человѣкъ.

Въ сентябрѣ, еженедѣльныя засѣданія снова начались. Князь Урусовъ благодарилъ его за каждый журналъ, находя его редактированіе превосходнымъ. Однако, отъ усиленныхъ работъ здоровіе Капниста истощалось. Тре-

[1]) Продавались эти имѣнія русскимъ почти безъ наличныхъ денегъ, съ тѣмъ, чтобы изъ дохода имѣнія выплачивать ежегодно правительству очень незначительныя суммы.

тій годъ онъ служилъ безъ жалованія и казалось,—никто не обращалъ вниманія на этотъ фактъ. По неизвѣстнымъ обстоятельствамъ надежда на скорое окончаніе комиссіи рушилась. Предвидя цѣлую зиму утомительнаго труда, Капнистъ сталъ жаловаться Б. П. Обухову.

Начальникомъ по дѣламъ печати былъ назначенъ свиты генералъ Шидловскій. Въ концѣ октября Капнистъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ. Докладываютъ Шидловскаго, который предлагаетъ ему мѣсто главнаго редактора Правительственнаго Вѣстника. Этотъ органъ печати, появившійся въ 1869 году шелъ плохо; изъ всѣхъ названныхъ ему лицъ для исполненія должности главнаго редактора, Тимашевъ выбралъ Капниста. „Намъ надо молодаго энергичнаго человѣка, чтобы поставить дѣло на хорошую дорогу. Мѣсто это важное; говорилъ Шидловскій, „сдѣлайте милость не откажитесь. Да и жалованіе хорошее, — 7000 рублей въ годъ“. —„Однако, какъ же быть съ комиссіей“? возразилъ Капнистъ, „надо переговорить съ княземъ Урусовымъ, чтобъ онъ не обидился“. Общій знакомый взялся за эту деликатную услугу. Черезъ два дня принесли записку отъ Урусова съ просьбой пожаловать къ нему. „Вы хотѣли спросить меня“, сказалъ князь, „соглашусь-ли я уступить васъ?.. Я ни за что не хочу мѣшать вамъ принять удобную должность, но отпустить васъ изъ комиссіи не намѣренъ; я слишкомъ дорожу вашимъ сотрудничествомъ. Вы удивляетесь?—дѣло въ томъ, что я положительно нахожу возможнымъ это сдѣлать. Возьмите себѣ хорошаго помощника, который работалъ-бы подъ вашимъ руководствомъ, а сами, не оставляйте насъ безъ вашихъ дѣльныхъ совѣтовъ. И такъ, напишите Тимашеву, что вы и должность принимаете, и дѣлопроизводителемъ остаетесь... впрочемъ нѣтъ! Вы не скажете по скромности того, что̀ я хочу сказать. Я самъ напишу“. И князь начертилъ Тимашеву такой отзывъ о Капнистѣ, что тотъ былъ душевно тронутъ, и сердечно благодарилъ его.

24 ноября 1871 года Капнистъ началъ свои занятія

на новой должности. Эта служба сблизила его со всѣми вліятельными людьми въ министерствѣ. Ни одинъ вопросъ, ни одно важное событіе не миновали его. Ему не разъ приходилось бесѣдовать съ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ; когда пришла вѣсть о развязкѣ лондонской конференціи послѣ франкопрусской войны, онъ вмѣстѣ съ княземъ, рѣшалъ какія статьи печатать по этому поводу.—Но хотя интереса было много, понятно что такая дѣятельная бюрократическая работа не давала ему возможности придаваться своему любимому занятію,—поэзіи. И всетаки, ему случалось сочинять эпиграммы, басни, экспромты ради шутки, во время оживленной бесѣды, или мадригалы, какъ напр. слѣдующій:

Въ пустыняхъ жизни, скучныхъ, трудныхъ,
Гдѣ намъ скитаться суждено,—
Такихъ какъ вы оазовъ чудныхъ
Судьбой не много намъ дано.
Нескромной рѣчи трепетъ внятный,
Какъ солнца лучь привѣтный взглядъ,
И сердцу смутный, но понятный
Миражъ несбыточныхъ отрадъ...

Бывали минуты, среди его дѣятельной жизни, когда внезапно все казалось ему суетой, и онъ чувствовалъ себя отторгнутымъ отъ своего внутренняго призванія. Ему было не по себѣ безъ поэзіи.

Я такъ гонюсь за этимъ свѣтомъ,
За этой истиной святой!
За всѣмъ, что въ грѣшномъ мірѣ этомъ
Зовутъ безплодною мечтой!
Душа болитъ и изнываетъ,
А сердце въ ужасѣ дрожитъ...

И тѣмъ понятнѣе бывали такія настроенія, что слѣдя за ходомъ тогдашней внѣшней жизни, за направленіемъ умовъ, онъ понималъ какъ все это ему чуждо.—Не

смотря на свои занятія, онъ всегда былъ радъ поговорить о поэзіи съ поэтомъ Жандромъ, который въ то время сочинялъ свою трагедію „Неронъ“. Каждую сцену онъ приносилъ читать Капнисту, обсуждалъ съ нимъ характеры и дѣйствія. „Надо отдать Жандру честь и славу“, говорилъ часто Капнистъ, „его „Неронъ“, одно изъ лучшихъ драматическихъ сочиненій нашей литературы послѣ Бориса Годунова. Съ какой плавностью, съ какимъ истиннымъ величіемъ и правдивостью съумѣлъ онъ изъ хроники Тацита развить трагедію, въ которой яркія и сценичныя картины смѣняютъ одна другую“.— Сѣровъ сочинилъ музыку для хоровъ; пьеса была принята для постановки на сценѣ. Жандръ писалъ Капнисту: „Я увѣренъ, что вы одинъ изъ тѣхъ, кого послѣ меня это больше всего порадуетъ“. Но публикой и актерами пьеса была принята съ возмутительнымъ пренебреженіемъ. Кромѣ исполнявшей роль Агриппины Жулевой,—актеры, долго игравшіе въ драмахъ Островскаго, гдѣ изображается исключительно купеческая, мѣщанская среда, совершенно отвыкли отъ историческихъ ролей, да еще отъ изображенія древняго міра,—были уморительны въ тогахъ. Самъ Неронъ не умѣлъ ни стать, ни повернуться, и Жандръ жаловался, что все время, возлежа на пирѣ, онъ показывалъ подошвы публикѣ. Публика-же всей душой презирала классицизмъ. Капнистъ писалъ про то злосчастное время: „со временъ Бѣлинскаго, критика наша, установляя у насъ законы литературы, изящныхъ искуствъ и вкуса, а еще болѣе „подводя эти законы подъ условія возбужденія въ обществѣ политическихъ, гражданскихъ, и наконецъ, „практическихъ стремленій,—критика эта дошла до того, „что г. Писаревъ на нашей памяти повѣдалъ міру въ „Русскомъ Словѣ, что каждый сапожникъ настолько „выше Шекспира, насколько каждая данная величина „выше нуля. (sic!) Досталось тогда и не одному „Шекспиру, досталось и Гете, и нашему Пушкину,— „превыше котораго превозносимы были г. Курочкинъ, „а тѣмъ паче Некрасовъ, воспѣвшій огородника въ

„объятіяхъ барской дочки, извощика повѣсившагося на „возжахъ не понятно зачѣмъ... Замѣчательно однако, „что все это происходило именно послѣ того, и почти „въ то самое время, когда Рашель и Ристори потря-„сали до глубины души твореньями старыхъ псевдо-„классиковъ, не только нашихъ отцовъ, (воспитанныхъ „на этихъ бездѣлицахъ), но даже наше юношество. „Можетъ быть тогда и произошла-бы нѣкоторая рэакція „въ пользу истиннаго направленія искуства, но тутъ „воздвигнулась, - и не въ одной общественной средѣ,— „агитація *противъ классицизма вообще за реализмъ*, и „тогда ужъ, разумѣется о Корнеляхъ, и Расинахъ не „могло быть и рѣчи. Греція, латынь, весь античный „міръ, должны были, въ глазахъ юношества, уступить „мѣсто ботаническимъ пестикамъ и тычинкамъ, геоло-„гическимъ формаціямъ и анатомическимъ мозговымъ „рефлексамъ, болѣе-де могучимъ къ утвержденію ло-„гическихъ пріемовъ въ юныхъ головахъ, чѣмъ анализъ „древнихъ языковъ и изученіе въ строгія формы от-„литыхъ, произведеній древняго искуства. Такимъ-то „образомъ подготовлялось къ жизни тогдашнее молодое „поколѣніе, иначе,—значительное число нынѣшнихъ по-„сѣтителей нашихъ театровъ, цѣнителей и судей нашихъ „по части поэзіи и вообще изящныхъ искуствъ". По этимъ словамъ, понятно почему трагедія Жандра прошла неоцѣненной, несмотря на отличныя похвальныя статьи, появившіяся въ серьозныхъ журналахъ, несмотря и на то, что такой авторитетъ какъ Анненьковъ,—издатель Пушкина, оказавшій въ то неблагодарное время такую великую услугу русской литературѣ, — заступился за новую трагедію, какъ за прекрасное и крупное поэтическое явленіе. Ничто не помогло. Повторяемъ, такимъ образомъ исчезаютъ литературныя богатства Россіи. Эта трагедія составляла бы гордость и славу другой страны [1]), не сходила бы со сцены въ Германіи, Фран-

[1]) Талантливый романъ на древній сюжетъ: Quo vadis Domine г. Сенкевича облетѣлъ весь міръ. Трагедія Жандра, Неронъ, силь-

ціи или Италіи, а у насъ—вскорѣ она совсѣмъ затеряется и пропадетъ, оттого только, что имѣла несчастіе появиться въ эпоху, когда классическіе сюжеты были не *въ модѣ*,—если случайно не попадетъ на глаза искреннему и безкорыстному цѣнителю, который съумѣетъ воскресить ее изъ постыднаго забытья.

Горько было Капнисту смотрѣть на всю эту злостную несправедливость. Чувство, что поэзія отжила свой вѣкъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, все больше имъ овладѣвало.

Поэзія теперь не въ модѣ,—
Въ реалистическій нашъ вѣкъ.
И въ наши дни, поэтъ въ народѣ
Какъ и всѣ люди человѣкъ...
И даже, я повѣрить склоненъ,
Что онъ далеко не таковъ,
Какъ славный генералъ Губонинъ
И генералъ-же Поляковъ.

У Жандра Капнистъ познакомился съ однимъ изъ частыхъ посѣтителей литературнаго кружка Анненькова,—съ А. Мейснеромъ. Человѣкъ не молодой, но съ восторженной и теплой душой, Мейснеръ понималъ поэзію и прекрасно переводилъ лирическіе стихи Байрона, Уланда и другихъ. Такіе любители и знатоки безцѣнны для поэтовъ, они отогрѣваютъ ихъ отъ внѣшняго равнодушія, они вызываютъ дремлящія силы вдохновенія.

Однако, могъ-ли Капнистъ приняться за поэтическій трудъ, когда цѣлый день, съ десяти до пяти часовъ, онъ проводилъ въ редакціи, а потомъ, еще съ десяти часовъ вечера до двухъ, трехъ, ночи,—опять въ той-же редакціи? Обѣдалъ онъ въ пять часовъ, послѣ чего отдыхалъ часъ, другой, чтобы со свѣжими силами отправиться на ночныя занятія. Пробуждаясь въ девятомъ

нѣе и глубже,—неоцѣнена и забыта. Поляки умѣютъ цѣнить свою литературу.

часу вечера онъ звалъ меня и сестру мою на маленькую бесѣду. Лежа еще, онъ намъ читалъ или разсказывалъ „житіе святыхъ". Это было для насъ настоящимъ источникомъ наслажденія. Его вѣра, горячая, дѣтски-простая, благотворно дѣйствовала на наши души, передавая намъ свѣжесть и силу духовную. Его религіозное настроеніе имѣло что-то родственное съ душевнымъ настроеніемъ Гоголя,—было замѣтно, что они сыны одной родины. Помолившись съ нимъ передъ иконами, мы шли на покой, а онъ уѣзжалъ въ редакцію. Утомительныя ночныя работы не прошли даромъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Правительственный Вѣстникъ, сталъ неузнаваемъ. Вмѣсто скучнаго оффиціальнаго органа, мертваго и безсодержательнаго, онъ умудрился сдѣлать его довольно полнымъ источникомъ разныхъ извѣстій, съ прибавленіемъ интересныхъ статей о внѣшней и внутренней политикѣ и о разныхъ вопросахъ. Нѣсколько разъ устно и письменно Тимашевъ благодарилъ его; наконецъ, въ запискѣ, поданной Государю, просилъ „за особенныя заслуги" назначить Капниста каммергеромъ. Шидловскій, въ любезномъ письмѣ, поздравилъ его въ день Пасхи, съ новымъ званіемъ, послѣ чего Капнистъ представлялся Государю.

Въ маѣ, онъ въ первый разъ присутствовалъ на парадномъ выходѣ въ Царскомъ Селѣ, по случаю крещенія Вел. Князя Георгія Александровича. Возвращаясь изъ Царскаго, вмѣстѣ со своимъ родственникомъ, свиты генераломъ А. К. Мандерштерномъ, Капнистъ познакомился въ вагонѣ съ однимъ высокопоставленнымъ духовнымъ лицомъ. Между ними завязался разговоръ. Вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи волновалъ умы; онъ проходилъ тогда въ государственномъ совѣтѣ. Ученый священникъ стоялъ за реализмъ, Капнистъ—за классицизмъ. Оба говорили краснорѣчиво и горячо. Капнистъ доказывалъ, что съ той узкой, тенденціозной точки зрѣнія, съ какой понимали у насъ реализмъ,—его послѣдствіе аѳеизмъ, который быстро развивался. Даже самое понятіе о *реализмѣ* низводили

до смысла ограниченной утилитарности и самой грубой и низкой дѣйствительности. „И больше всего, страдаетъ отъ этого направленія молодежь“, продолжалъ онъ, зная, что его собесѣдникъ во главѣ духовныхъ учебныхъ заведеній, „такое направленіе ее сушитъ и мертвитъ какъ вѣтеръ пустыни, убивая въ ней всѣ творческія силы. Современный взглядъ на реализмъ, въ смыслѣ поклоненія голой пользѣ и безобразію, встрѣчаетъ противорѣчіе въ природѣ, полной красоты, самой *безполезной красоты*. Какую матеріальную пользу, или выгоду, извлекаемъ изъ той красоты, которая постоянно сопутствуетъ феномену зари? Между тѣмъ природа тратитъ на это явленіе такое обиліе красокъ и формъ, что ни единый художникъ въ мірѣ не похвастается такой неистощимой фантазіей. Передъ этимъ простымъ ежедневнымъ явленіемъ разбивается во прахъ этотъ условный реализмъ! Съ другой стороны, что̀ за односторонность—нелѣпая борьба между исторіей и естественными науками? Будто одно знаніе не пополняетъ другаго! Будто человѣчество можетъ отрѣчься отъ своей вѣковой опытности, которая и составляетъ цѣль исторіи! Или вы думаете, что тотъ недалекій, поверхностный умъ, который не съумѣетъ сдѣлать полезнаго философскаго общаго вывода изъ историческихъ событій, будетъ въ силѣ вывести какую бы то ни было полезную для себя систему изъ изученія естественныхъ наукъ, законы которыхъ еще мудренѣе, а тайны—не разгаданы? Чтобы извлечь великія истины изъ такъ называемыхъ реальныхъ наукъ, надо быть еще глубокомысленнѣе, чѣмъ для историческихъ занятій, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, то есть съ самымъ понятнымъ и близкимъ для насъ фактомъ необъятной, непостижимой природы. Можно ли, наконецъ, распредѣлять науку на полезную и на безполезную? будто бы совокупность всѣхъ знаній не даетъ единственный вѣрный взглядъ, мѣшающій впадать въ ту или другую крайность? Всякая исключительность въ дѣлѣ науки ведетъ къ оскуденію духовнаго свѣта“.

— „Значитъ“, возражалъ священникъ, „вы допускаете, во имя классическаго образованія, трату времени и силъ за мертвымъ долбленіемъ мертвыхъ языковъ?“ — „Здѣсь дѣло иное“, отвѣчалъ Капнистъ. Я не стою *за методу*, съ которой въ нашихъ гимназіяхъ учителя изъ чеховъ и нѣмцевъ, искажая греческій языкъ до неузнаваемости, душатъ сухой грамматикой и латинскими правилами нашихъ гимназистовъ. Методу и можно, и слѣдуетъ измѣнить. Изученіе древнихъ языковъ не представляетъ болѣе мудренаго труда, чѣмъ всякое другое изученіе, если хорошо преподается. Въ Англіи, въ колледжахъ, каждый бѣгло читаетъ по латыни и по гречески; нельзя сомнѣваться, что знаніе классиковъ подготовило тамъ почву богатѣйшей литературѣ и высокому развитію умственному и даже духовному. Я стою за то̀ классическое образованіе, которое по традиціямъ древности воспитываетъ и въ наши дни гражданъ подобныхъ Кэннингу, Глэдстону, а у насъ,—Грановскому. А реализмъ, не принимается теперь въ широкомъ, научномъ смыслѣ, оттого я и говорю противъ него. Вамъ извѣстно, что естествознаніе выдвигаютъ какъ знамя противъ вѣры въ Бога и въ безсмертіе“.

Всѣ сопутствовавшіе со вниманіемъ слушали противниковъ. Капнистъ завоевалъ ихъ симпатіи, приводилъ наизусть тексты изъ Св. писанія, и окончательно оставилъ побѣду за собой. Въ вагонѣ сидѣлъ графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ, котораго Капнистъ не зналъ въ лицо. Наклонившись къ генералу Мандерштерну, Шуваловъ спросилъ: кто этотъ каммергеръ? и прибавилъ съ улыбкой: А вѣдь умный человѣкъ, какого! разбилъ попа!“ „Да, и не странно-ли“, отвѣтилъ Мандерштернъ, „свѣтскій человѣкъ стоитъ за религію, а священникъ— за нигилизмъ“!

Въ концѣ декабря, Капнистъ встрѣтился съ графомъ Шуваловымъ у Тимашева, гдѣ министры собрались на совѣщаніе о комиссіи [1]). Представивъ его Шувалову,

[1]) Ихъ было пять членовъ: графъ П. А. Шуваловъ, Александръ Егоровичъ Тимашевъ, графъ Паленъ, князь Урусовъ и Петръ Александровичъ Валуевъ.

Тимашевъ горячо хвалилъ дѣятельность Капниста въ редакціи Правительственнаго Вѣстника. А князь Урусовъ прибавилъ съ своей стороны, что „признателенъ министру за безцѣннаго сотрудника, благодаря которому мы вамъ представляемъ вотъ эти in foglio!“ Говоря это, онъ показывалъ графу Шувалову тяжелые томы, привезенные Капнистомъ. Тутъ Шуваловъ подошелъ къ послѣднему, низко ему поклонился и сказалъ, крѣпко пожимая его руку: „Очень радъ, Петръ Ивановичь, лично поблагодарить васъ за ваши труды; смотря на эту махину, писанную вами, меня, главное, поражаетъ ваша скромность! Какъ такое громадное дѣло писалось, работалось, приводилось къ концу, а между тѣмъ, въ городѣ никто о немъ не говоритъ; ни толковъ ни пересудовъ! А вѣдь я знаю, какъ обыкновенно кричатъ о малѣйшей бюрократической работѣ! Спасибо вамъ, большое спасибо!“.

Послѣ этихъ ласковыхъ словъ, завязался оживленный разговоръ, и Капнистъ краснорѣчиво изложилъ свое мнѣніе о дѣлѣ. Министры слушали его съ видимымъ удовольствіемъ.

Каждый разъ, когда Капнистъ послѣ того встрѣчалъ Шувалова, любезность графа была замѣчена бюрократическимъ міромъ.

31 декабря вечеромъ, у Капниста обѣдала родня. Вдругъ звонокъ. Приносятъ письмо отъ Тимашева, любезно поздравлявшаго „его превосходительство съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника“. Эта награда была неожиданностью. „Вы пріѣхали меня благодарить“, сказалъ ему министръ, 2-го января, „а я вамъ скажу, что такихъ людей какъ вы, мы начальники, обязаны отличать. При послѣднемъ докладѣ моемъ Государю, я имѣлъ удовольствіе лично говорить ему о васъ, о трудѣ и о способностяхъ вашихъ, и просилъ повышенія для васъ“. Сказано это было очень задушевно; Капнистъ, тронутый такимъ отношеніемъ Тимашева, тутъ же, при случаѣ, напомнилъ ему, что расчитываетъ на его доброе вниманіе къ утвержденію де-

нежныхъ наградъ нѣкоторымъ изъ его подчинненыхъ въ редакціи, — людямъ бѣднымъ и семейнымъ, добросовѣстный трудъ которыхъ онъ цѣнилъ. Черезъ мѣсяцъ было роздано тремъ чиновникамъ три тысячи рублей. Восторгу и благодарности Капнисту не было конца. Подчиненные по службѣ носили его на рукахъ. Строго требуя исполненія ихъ обязанностей, онъ вмѣстѣ съ этимъ былъ къ нимъ полонъ вниманія; лаской и обходительностью облегчалъ ихъ труды. А къ бѣднымъ курьерамъ и служащимъ относился, можно сказать, по отцовски.

Въ февралѣ его назначили дѣлопроизводителемъ той-же комиссіи, поступившей въ высшее совѣщаніе министровъ, для пересмотра, выработаннаго за эти два года, проэкта.

Въ маѣ, взявъ отпускъ, онъ поѣхалъ съ семьей въ полтавское имѣніе. Эти поѣздки всегда особенно интересовали его. Онъ изучалъ хлѣбопашество, сельскій бытъ крестьянъ, — всѣ условія края. Кромѣ того, въ этотъ разъ онъ радовался, что еще зимой переслалъ часть своей библіотеки въ деревню гдѣ, на досугѣ, говорилъ онъ:

Читаю Шиллера, Шекспира,
За новымъ направленіемъ слѣжу,
И на развалинахъ дряхлѣющаго міра
Суровымъ Маріемъ сижу.

Однако отпускъ его кончался уже въ концѣ августа, и это было тѣмъ досаднѣе, что здоровіе его не успѣло поправиться. Онъ переутомился отъ постоянныхъ ночныхъ занятій. И вновь началась въ Петербургѣ, тà-же жизнь, что за послѣдніе два года. Онъ выѣзжалъ съ женой своей довольно часто и въ свѣтъ и ко двору. Любя изящество, Капнистъ любовался блестящими пріемами при дворѣ Александра II. Онъ помнилъ, поистинѣ волшебное зрѣлище праздниковъ въ честь бракосочетанія Вел. Княг. Маріи Александровны. Во время обѣда раздавалось съ хоровъ восхитительное пѣніе

Патти и Нильсонъ; Государь, нѣсколько разъ дѣлалъ знакъ, чтобы пріостановить подаваніе блюдъ, и все замирало среди цвѣтовъ, блеска драгоцѣнныхъ камней и красавицъ въ придворныхъ русскихъ платьяхъ; все прислушивалось къ дивной музыкѣ, а Патти, воодушевленная прелестной картиной царскаго пира, никогда не пѣла такъ поразительно хорошо.

Однако въ эту зиму комиссія по дѣламъ печати спала непробуднымъ сномъ. Самъ предсѣдатель, князь Урусовъ, никогда болѣе о ней не говорилъ. Она, что называется, канула въ вѣчность. И такъ, работа, стоившая Капнисту столько трудовыхъ мѣсяцевъ и тяжелыхъ ночей безъ сна, пропала даромъ; изъ нея онъ извлекъ только сознаніе, что не боится труда. Въ 1873 году, Валуевъ, ставшій министромъ государственныхъ имуществъ, составилъ новую комиссію, имѣвшую цѣлью поддержать сельское хозяйство въ Россіи. Онъ призывалъ всѣхъ, кто могъ дать ему практичныя свѣденія. Капнистъ, которому было знакомо крестьянское сельское хозяйство, условія поземельной собственности и быта населенія въ Южной Россіи, приготовилъ не мало свѣдѣній по этому вопросу. Валуевъ слушалъ его съ интересомъ. Наконецъ онъ сказалъ ему, что ничего дѣльнѣе не слыхалъ, что свѣдѣнія эти ему помогутъ составить заключеніе. „Comme on voit un homme qui pense et qui travaille“, прибавилъ онъ послѣ многихъ любезностей. Работалъ Капнистъ черезъ чуръ и эта зима совсѣмъ подточила его здоровье. Жена его серьозно озаботилась на его счетъ. Отдыхъ и леченіе становились для него безотлагательными. Нервы его разстроились отъ безсонныхъ ночей, печень болѣла и докторъ совѣтывалъ ему ѣхать въ Карльсбадъ. Внутреннее сознаніе говорило ему, что онъ добросовѣстно исполнилъ наложенную на него обязанность. Правительственный Вѣстникъ былъ поставленъ на ноги, редакція приведена въ образцовый порядокъ. Капнисту приходилось считаться съ разшатанными силами, и онъ рѣшился отказаться отъ редакторства и взять продолжительный

отпускъ. Жалѣя объ этомъ рѣшеніи, Тимашевъ написалъ на поданномъ рапортѣ: „разрѣшаю съ прискорбіемъ". Во время личнаго свиданія, онъ изъявилъ надежду, что поправившись, Капнистъ будетъ снова служить.

Весной 1874 года отправился Капнистъ съ семьей своей заграницу, въ Карльсбадъ на воды, въ Швейцарію, и на берегъ моря во Францію. Послѣ душной сферы редакціи, природа неизъяснимо радовала его, и опять проснулось вдохновеніе.

Тоской измученный и горемъ утомленный,
Улыбку свѣтлую природы встрѣтилъ я,
И сладко зарыдалъ я, сердцемъ облегченный,
И понялъ счастіе и радость бытія.

Въ октябрѣ, по возвращенію въ Петербургъ, при первомъ свиданіи, Тимашевъ дружески спросилъ его, не согласится-ли онъ быть предсѣдателемъ комиссіи по вопросу объ уменьшеніи числа нерабочихъ дней и разгуловъ во время праздниковъ, въ средѣ рабочаго населенія. Этотъ животрепещущій вопросъ, гдѣ можно было, казалось, поработать на пользу народа, понравился Капнисту. Со свойственнымъ ему жаромъ онъ принялся за это занятіе, и прежде чѣмъ составилась комиссія изъ шести членовъ, написалъ проэктъ въ сто страницъ; а вначалѣ апрѣля, послѣ нѣсколькихъ засѣданій, проэктъ мѣропріятій былъ уже готовъ и съ объяснительной къ оному запиской представленъ министру. Тимашевъ, изумленный этимъ трудомъ, поздравилъ Капниста на Пасху со станиславской звѣздой и лентой.

Его служба пришла къ тому повороту, когда ему надо было перейти изъ канцелярскихъ занятій въ административную часть. Тимашевъ говорилъ ему, что прочитъ его въ губернаторы и предлагалъ мѣсто въ Ригѣ. Капнистъ отвѣтилъ ему по своей добросовѣстности, что не имѣетъ никакой возможности принять

это мѣсто, потому что плохо говоритъ по нѣмецки и знаетъ этотъ языкъ только для чтенія. Министръ засмѣялся. „Что-же? тѣмъ лучше, милый Петръ Ивановичъ! намъ надо обрусить прибалтійскій край“. — „По моему глубокому убѣжденію“, отвѣтилъ Капнистъ „чтобы нѣмца обрусить, надо знать понѣмецки лучше его самаго!“.

Лѣтомъ Капнистъ уѣхалъ въ деревню. Онъ былъ не здоровъ. Онъ чувствовалъ, что въ немъ замираетъ его лучшее и сокровенное, — его талантъ. Для впечатлительнаго характера жизнь въ Петербургѣ, въ тѣ времена, становилась невыносимой. Какое-то удушіе царило надъ русскимъ обществомъ. Развитіе нигилизма, разныя темныя, подпольныя дѣянія, полицейская настороженность, какая-то глухая борьба, злоба и подавленность,—не та сфера, которой требовала душа поэта. Въ службѣ своей, несмотря на благосклонность начальства, на пріятныя отношенія со всѣми, онъ чувствовалъ неудовлетвореніе. Онъ не былъ тщеславнымъ человѣкомъ; ни чины, ни звѣзды, ни личный успѣхъ не составляли его цѣли въ жизни. Въ сорокъ два года онъ заслужилъ общее уваженіе, передъ нимъ открывалась прекрасная карьера. Но могъ ли онъ принести гражданскую пользу, о которой мечталъ? Многое въ тогдашнемъ общественномъ и служебномъ быту шло противъ его убѣжденій. Онъ чуялъ всю опасность тѣхъ теченій, которымъ предалась тогда Россія. Служба для однѣхъ личныхъ выгодъ была ему безполезна; онъ понималъ, что лучшія усилія пропадали даромъ. Между тѣмъ служебныя занятія отвлекали его всецѣло отъ поэзіи. Слишкомъ цѣльный характеръ и впечатлительный темпераментъ мѣшалъ ему дѣлать два дѣла за разъ. Онъ чувствовалъ призваніе къ безкорыстному, свободному служенію искуству. Въ этомъ жена его поняла и поддержала его, тѣмъ болѣе, что дорожила его здоровіемъ, больше чѣмъ карьерой. Къ тому-же младшая дочь ихъ заболѣла. Врачи убѣдительно совѣтывали послать ее на зиму въ теплый климатъ. И такъ, Капнистъ рѣ-

шился; взялъ одиннадцати мѣсячный отпускъ и поѣхалъ на зиму заграницу, въ теплый и тогда еще безлюдный и тихій уголокъ—Montreux. Тамъ, въ горахъ, на берегу Женевскаго озера, онъ дышалъ привольно, чувствуя, что силы возвращаются, и что вскорѣ онъ начнетъ другую работу, литературную, творческую.

Ужъ призракъ осени суровой
Меня въ смущенье приводилъ,
И отъ судьбы улыбки новой
Я и не ждалъ, и не просилъ...

Дремота въ сонъ меня клонила,
Ничто не грезилось во снѣ,
И только скука да могила
Возможными казались мнѣ...

Но вновь на свѣтъ и на дорогу
Мнѣ изъ глуши пришлось попасть,
Узнать живой души тревогу
И сердца сладостную страсть.

Опять повѣяло привѣтно
Дыханье жизни надо мной
И полонъ я опять завѣтной,
Неизъяснимою мечтой...

X.

Четыре зимы Капнистъ провелъ въ Montreux. Подъ впечатлѣніемъ величественной природы, которая вдохновляла Байрона и Руссо, онъ написалъ „*Швейцарскій* альбомъ“ и другія лирическія пьесы, началъ поэму, *Голоса Любви*, гдѣ перемѣна размѣра придаетъ особенную жизнь и звучность стихамъ. Главная мысль всей поэмы была вдохновлена тѣмъ тяжкимъ впечатлѣніемъ, которое подавляло поэта за послѣдніе годы жизни въ

Петербургѣ. Въ его поэмѣ—Люциферъ, духъ отрицанія, царитъ надъ землей. Тогда какъ вся природа зиждится на законѣ любви и гармоніи,—духъ тьмы отрицаетъ эту любовь. Все соціальное зло, по мнѣнію поэта, происходитъ отъ оскуденія любви на землѣ. Мысль эта вполнѣ высказана въ отрывкѣ, хотя поэма не доведена до конца. Вообще, мало-по-малу въ немъ совершался внутренній переворотъ; изъ лирики онъ переходилъ въ драматизмъ. Какъ случаются эти психическія перемѣны въ художникѣ,—весьма трудно уловить, но часто было замѣчено, что для драматическаго элемента человѣкъ долженъ созрѣть. Требуется больше художественной силы для воплощенія въ себѣ характеровъ объективныхъ, для созданія героевъ, чѣмъ для выраженія личныхъ чувствъ, восторга, любви, горя или ненависти. Освобожденіе человѣка отъ поглощающей его субъективности, и есть переломъ изъ юности въ зрѣлый возрастъ. Человѣкъ переросъ свой узкій личный кругозоръ; онъ вступаетъ въ болѣе тѣсную связь съ міровой жизнью и вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуетъ, что его индивидуальность уже сложилась въ главныхъ чертахъ, уже закончена и не потерпитъ отъ спокойнаго отрѣшенія, отъ направленія воли и мышленія на окружающій міръ; иначе, — отъ перенесенія центра тяжести изъ самаго себя на все окружающее. При переходѣ изъ одного возраста въ другой, человѣку важно сохранить навсегда тѣ особенныя качества, которыя вырабатываются въ каждомъ возрастѣ. Отъ дѣтства своего, поэтъ сохранилъ простоту и чистосердечіе, — то духовное зрѣніе, которое ему открывало весь міръ души, непроницаемый для нашихъ физическихъ глазъ, и даже для умственныхъ глазъ—туманный. Это свойство духовнаго зрѣнія, если важно для каждаго человѣка, то для поэта необходимо, какъ неотъемлимая часть вдохновенія и творчества. Мало кто могъ подозрѣвать въ немъ эту способность, такъ какъ онъ никогда о себѣ не говорилъ, и скрывалъ свои впечатлѣнія, но для близко стоящихъ къ нему людей, она не могла пройти незамѣчен-

ной. Отъ юности его остались въ немъ отличительныя качества юности: непосредственность чувствъ и пылкость. Никто не умѣлъ съ такимъ жаромъ разсказывать, спорить; замѣчательная его память все обогащалась новыми фактами, впечатлѣніями, чтеніемъ. Читалъ онъ не скоро, записывая, дѣлая свои возраженія, замѣчанія. Тихо живя въ Montreux и въ деревнѣ, онъ могъ придаться семейной жизни, заниматься воспитаніемъ меня и сестры моей. Онъ давалъ намъ одно время уроки. Желая самъ ознакомить насъ съ русской словесностью онъ читалъ намъ переводъ Илліады Гнѣдича, всего Жуковскаго, всего Пушкина. Его высоко-художественное чтеніе придавало еще болѣе красоты этимъ безсмертнымъ твореніямъ; кромѣ русскихъ поэтовъ давалъ онъ намъ Шекспира, Байрона, французскихъ и нѣмецкихъ классиковъ. Такъ подготовлялъ насъ къ жизни нашъ поэтъ, по своему, устремляя наши первые душевные и умственные порывы на самыя высокія творенія человѣческаго поэтичнаго генія, а глаза наши на окружающее величіе горной природы. Посторонній взоръ, конечно, никогда не увидитъ сколько силы, свѣта и добра заронило въ дѣтскія души такое воспитаніе и вліяніе.

Мои лучшія воспоминанія того времени относятся къ весеннимъ прогулкамъ съ отцомъ нашимъ по горнымъ окрестностямъ. Подъ впечатлѣніемъ природы, мнѣ приходили разныя мысли, и я передавала ихъ моему отцу. Онъ любилъ слушать мои фантазіи, но всегда останавливалъ меня, послѣ какого-нибудь разсказа: „А въ чемъ же главная мысль?“ спрашивалъ онъ. Я должна была вывести изъ разсказа какое-нибудь поучительное заключеніе. Иногда онъ задавалъ мнѣ сочиненія на выдуманныя мною темы, но никогда не позволялъ сочинять разсказъ, состоящій исключительно изъ описаній, безъ главной мысли; такія сочиненія онъ называлъ пустымъ наборомъ словъ. Этимъ путемъ, развивалъ онъ во мнѣ способность отвлеченнаго мышленія и умозаключеній.

Живя заграницей Капнистъ не порвалъ связей съ Петербургомъ. Въ министерствѣ искренно жалѣли о его отсутствіи и всѣми силами старались заманить опять на службу. Ему предлагали четыре раза мѣсто губернатора, сперва въ Минскѣ; потомъ А. Е. Тимашевъ писалъ ему о Черниговѣ, о Воронежѣ, о Новгородѣ, но несмотря на телеграммы, любезнѣйшія письма, блестящія обѣщанія, Капнистъ не соглашался. Онъ числился чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Ему говорили: „Вѣдь вамъ не мѣшаетъ, что вы числитесь на службѣ, а мы все надѣемся, что вы къ намъ вернетесь“.

Изъ литературныхъ его друзей особенно часто писалъ ему А. Мейснеръ. Они передавали другъ другу мысли о равнодушіи современниковъ къ поэзіи. „Человѣчество“, писалъ Мейснеръ, „такъ старо и такъ долговѣчно, что оно уже перенесло множество невзгодъ, и множество подобныхъ будетъ переживать въ будущемъ. Какая же надобность поэту до временнаго охлажденія другихъ людей къ поэзіи. Его движетъ невѣдомая сила,— такъ пусть же онъ идетъ своей дорогой. Я не вѣрю въ такія времена, въ которыя вовсе не было поэтовъ, по крайней мѣрѣ поэтовъ хоть безсловной мысли, безмолвнаго чувства; а вѣдь и такіе, вѣрно, сдѣлали свое дѣло, и какъ бы тѣсна ни была среда, въ которой они вращались, но жизнь ихъ всетаки, безъ сомнѣнія, прошла не безслѣдно. Вы спрашиваете, кто нынче любитъ и читаетъ стихи?—отвѣчаю вамъ: мы оба. А развѣ подобные намъ сочтены? Другой вопросъ предложили вы самому себѣ: что же такое мои стихи? — Правдивый цѣнитель, тонкій критикъ,—вы оцѣните и свое, стольже вѣрно, какъ и чужое“.

Въ этомъ послѣднемъ Мейснеръ ошибался. Съ чрезмѣрной строгостью относился Капнистъ къ своимъ сочиненіямъ, всегда былъ недоволенъ написаннымъ, сомнѣвался въ себѣ. Можетъ быть это происходило оттого, что художникъ видитъ передъ собой первообразъ того, что воплощается въ его произведеніи, такъ что само произведеніе — копія съ невидимаго образца, какъ это

сказалъ Капнистъ и прежде. Ослѣпленному красотой картины своего воображенія, ему казалась блѣдной та форма, въ которую онъ вливалъ ее и онъ терялъ способность оцѣнивать самого себя.

„Вообразите“, пишетъ ему Мейснеръ, въ другой разъ, въ отвѣтъ на посылку нѣсколькихъ пьесъ изъ Швейцарскаго альбома, „мнѣ хочется вамъ сказать: не принимайтесь за критику, отсрочьте ее; для нея наступитъ другое время. Въ нынѣшнюю сферу вашихъ чувствъ и мыслей не приходится вносить, хотя и освѣщающую, но всегда полумрачную работу критики, требующую умственныхъ усилій,—ей нужно что-нибудь болѣе легкое, болѣе свѣтлое. Сердце у васъ такое впечатлительное, мечты и воспоминанія ваши такъ перелетисты и многообъемчивы, что было бы жаль все это направить къ какой-нибудь единичной цѣли, или запереть въ какую-нибудь стѣснительную рамку. Короче сказать, зачѣмъ тому предпринимать что́-либо другое, кто пишетъ такіе стихи какъ: *Еще на твой закатъ блестящій.* Восхитительно. Да бросьте на время, или по крайней мѣрѣ, отстраните все иное, и передавайте бумагѣ, а черезъ нее и людямъ, разнообразныя, живыя впечатлѣнія вашей ежедневной теперешней жизни. Краткія изложенія ихъ въ стихахъ и прозѣ у васъ очаровательны, сжатость, вѣрность, свѣжесть и гармонія!“

И опять въ другомъ письмѣ: „Съ Н. П. Жандромъ, мы не разъ вспоминали, до отъѣзда нашего въ свои деревни, о заключительномъ свиданіи съ вами, при которомъ вы такъ увлекательно, на словахъ, передавали намъ нѣкоторые біографическіе очерки разныхъ своихъ знакомыхъ. Тогда мнѣ приходило на мысль, что хорошая устная рѣчь еще лучше писанной“...

„При еженедѣльныхъ свиданіяхъ нашихъ съ Н. П. Жандромъ намъ постоянно васъ не достаетъ, и всегда хотѣлось бы слышать вашъ отзывъ и сужденіе о томъ или другомъ предметѣ, какимъ мы заняты“.

Въ январѣ 1876-го года Мейснеръ писалъ о семейномъ дѣлѣ Капниста, которое оторвало его отъ поэзіи

и заставило посвятить нѣсколько мѣсяцевъ разъѣздамъ по Италіи и въ Петербургъ. „Вчера Н. П. Жандръ вздумалъ пріятно удивить меня неожиданною новостью и прочелъ статейку, кажется изъ Новаго Времени, объ утвержденіи Капнистовъ въ графскомъ достоинствѣ, но не замѣтилъ прежде, что это касается не прямо васъ, а вѣроятно однако вашихъ близкихъ родственниковъ, происходящихъ съ вами отъ одного предка. Надѣюсь, и увѣренъ, что при желаніи съ вашей стороны, тѣ-же самое будетъ сдѣлано и въ отношеніи къ вамъ, совершенно безпрепятственно, и когда это состоится, я буду сердечно радъ отъ всей души поздравить васъ самихъ, вашу достойнѣйшую супругу и маленькихъ графинь съ новымъ почетнымъ титуломъ. Собственно *человѣку* онъ не нуженъ, *а члену общества*, по крайней мѣрѣ въ наше время, не зачѣмъ имъ пренебрегать“.

Капнистъ былъ того же мнѣнія, тѣмъ болѣе, что этотъ титулъ неотъемлимо принадлежалъ нашему роду, исходящему по прямой линіи отъ пращура Стамателло Каписси, получившаго греческое достоинство за отличіе въ войнахъ съ турками, во времена Морозини. Въ Россіи предки наши не носили своего титула, кромѣ пріѣхавшаго изъ Занте графа Діонисія Марковича, который, ставъ русскимъ подданнымъ былъ утвержденъ въ своемъ титулѣ и въ Россіи, Императоромъ Александромъ I въ 1819-томъ году [1]). Поэтъ Василій Васильевичъ Капнистъ, съ своими братьями, отказались хлопотать съ Діонисіемъ Марковичемъ объ утвержденіи за ними титула, говоря что они и безъ титула всѣмъ извѣстны. Позже Иванъ Васильевичъ, московскій губернаторъ, и его братья, подняли вопросъ объ утвержденіи титула. Въ 1855 году Государственный Совѣтъ предоставилъ Капнистамъ включить въ гербъ ихъ графскую корону и мантію, такъ какъ происхожденіе ихъ,

---

1) Графъ Діонисій происходилъ отъ графа Стамателло Каписси по боковой линіи, бригадиръ же Василій Петровичъ по прямой: отецъ его — Петръ Христофоровичъ, а Христофоръ — сынъ Стамателло.

какъ старшей линіи, отъ венеціанскаго графа Стамателло Капнисси несомнѣнно доказано актами. Когда же Венеція, освободившись отъ австрійскаго гнета, была присоединена къ итальянскому королевству,—легко стало получить копію съ родословныхъ документовъ нашей фамиліи, которые хранятся въ Венеціи, въ архивахъ монастыря dei Frari, гдѣ находятся всѣ бумаги древнихъ венеціанскихъ патриціевъ, и греческихъ подданныхъ венеціанской Республики, записанныхъ въ Золотую Книгу. Петръ Ивановичъ и его сверстники Капнисты, получили сперва утвержденіе ихъ венеціанскаго титула итальянскимъ парламентомъ, потомъ въ 1876-мъ году Императоръ Александръ II утвердилъ за всѣми членами семьи Капнистовъ право носить въ Россіи родовой титулъ, который, не переставая, носили на Занте и въ Венеціи члены нашего рода, жившіе тамъ, послѣ перехода нашей вѣтви въ Россію.

И такъ, эти хлопоты и переѣзды прервали тихую жизнь, которую Капнистъ велъ лѣтомъ въ Малороссіи, гдѣ постоянно занимался хозяйствомъ, а зимой въ Montreux, за чтеніемъ поэзій и прогулками. Живя въ hôtel Suisse ему случалось проводить иногда вечера въ общемъ салонѣ, гдѣ онъ встрѣтилъ стараго англичанина, Лорда Д. Вскорѣ они хорошо познакомились и безконечно спорили о политикѣ. Тогда была весьма оживленная пора; на Востокѣ происходило столкновеніе русскаго и англійскаго вліянія, послучаю болгарской рѣзни и сербскаго возстанія. Лордъ Д., сперва съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ англичанина и съ олимпійскимъ спокойствіемъ, начиналъ рѣчь, изподтишка задѣвая моего отца; но мало-по-малу, доводы русскаго противника, учтивое, но непреклонное уличеніе въ безнравственности и эгоизмѣ англійскихъ цѣлей въ политикѣ Востока, приводили Д. въ невольное смущеніе. Онъ краснѣлъ, пыхтѣлъ, возражалъ, наконецъ, что называется, доходилъ до бѣлаго каленія. Капнистъ тоже спорилъ громко и съ жаромъ. Но тутъ, обыкновенно Лэди Д. прибѣгала и умоляла прекратить споръ, такъ

какъ мужу ея было очень опасно волноваться. Онъ страдалъ печенью, послѣ долгихъ лѣтъ, проведенныхъ имъ на службѣ въ Индіи. И не смотря на эти препирательства, старикъ очень любилъ Капниста и уважалъ его. Уѣзжая, онъ его приглашалъ посѣтить его въ Англіи. Через нѣсколько лѣтъ", говорилъ онъ, у меня будетъ помѣстіе, которое теперь у старшаго моего брата. Онъ много старше меня, и я—наслѣдникъ. Я буду радъ принять васъ въ моемъ родовомъ имѣніи". Его зависть къ старшему брату насъ всегда весьма удивляла. Для русскихъ людей такія семейныя отношенія кажутся довольно дикими. Прощаясь съ моимъ отцомъ онъ сказалъ ему самую большую любезность, на какую способенъ англичанинъ, говоря съ иностранцемъ: „Мы всегда съ вами спорили, и я глубоко уважаю васъ. Я былъ-бы счастливъ встрѣтить васъ въ нашемъ парламентѣ".

Надвигался 1877 годъ, и настала русско-турецкая война. Всѣ русскіе переживали самыя тревожныя чувства. Нельзя было не увлечься величественной красотой этого безкорыстнаго подвига Россіи; нельзя было не относиться съ глубокимъ отвращеніемъ къ поведенію германскихъ и англійскихъ политическихъ вождей, между которыми выдѣлялся одинъ только великій Глэдстонъ, помнившій о нравственномъ достоинствѣ человѣчества. Война вдохновила Капнисту славную оду на *Переходъ черезъ Дунай*. Въ одѣ поэтъ относится къ своему сюжету сперва съ точки зрѣнія человѣка, неувлеченнаго общимъ настроеніемъ. Обнимая за разъ всѣ стороны своимъ яснымъ разумомъ, онъ предвидѣлъ, что великодушный порывъ тяжело отзовется на любимомъ имъ русскомъ народѣ и разобьется о каменную, мертвую глыбу дипломатическаго эгоизма. Съ нѣкоторой горечью сатиры, обращается онъ даже къ тѣмъ, кто проповѣдовалъ походъ, не вникая въ сущность тогдашняго положенія вещей. Тутъ опять сказывается его свойство во всемъ замѣчать несообразности, что и порождаетъ у него ироническій элементъ. Однако, природное чув-

ство сожалѣнія къ своимъ, умолкаетъ у поэта передъ тѣмъ восторгомъ, какимъ охватываетъ душу идея жертвовать собой для освобожденія слабаго. Тогда какъ изъ-за торгашескихъ узкихъ расчетовъ Іуда,—первообразъ корыстныхъ и жадныхъ дѣятелей, продаетъ Христа,—Россія, вся подымается съ смиреннымъ трепетомъ, внимая Божьему призванію готовая на всѣ жертвы за своихъ слабыхъ братьевъ христіанъ. Въ стихахъ блещетъ высокій лиризмъ, когда поэтъ переходитъ къ пѣсни волнъ Дуная. Въ этомъ обращеніи къ Славянамъ есть та задушевность, и высокая простота, которая звучитъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Переходы въ душевномъ настроеніи автора, отъ сатиры къ умиленію, отъ негодованія къ восторгу, даютъ этому произведенію оригинальность и живое движеніе, котораго не было-бы, еслибъ поэтъ съ самаго начала придерживался ровнаго восторжаннаго тона,—даютъ характеръ современности, подчеркнутый умышленно-стариннымъ названіемъ Оды.

Всѣ политическіе факты, всѣ міровыя событія находили откликъ въ душѣ поэта; къ тому-же времени, написалъ онъ другую пьесу: *На смерть Папы Пія IX*,— въ которой слышется тò чувство, съ какимъ русскій православный могъ относиться къ христіанскому первосвященнику, благословившему турецкое оружіе для борьбы съ Россіей. Въ балладѣ о воинской повинности „*Сонъ матери*“, онъ выразилъ свою ненависть къ бисмарковскому милитаризму, который по его мнѣнію, пагубенъ для человѣчества, такъ какъ истощаетъ его нравственно и физически, втаптывая его въ грубую матеріальную жизнь, въ конкуренцію изъ-за оружья, и денегъ, и отрываетъ отъ задачъ духовнаго развитія. Поэтъ былъ убѣжденъ, что чѣмъ ниже опустится человѣкъ въ матерію, чѣмъ болѣе придастся животнымъ порокамъ жадности и непотребности,—тѣмъ война станетъ неизбѣжнѣе. Одна мудрая умѣренность и экономическая разсчетливость во всѣхъ проявленіяхъ внѣшняго существованія, можетъ освободить людей отъ войнъ;

но главнымъ началомъ мира, всетаки, останется чувство единства и любви. И въ этомъ направленіи громадное вліяніе имѣетъ искуство; оно самое прочное международное звено. Въ стихахъ: *„Передо мною годъ отъ года* [1]), онъ высказываетъ мысль, что въ высшихъ своихъ проявленіяхъ человѣчество не раздѣлено на враждебные лагери и подчеркиваетъ примиряющее вліяніе искуства:

Нашъ Пушкинъ, Шиллеръ и Шекспиръ
Всегда другъ другу будутъ братья.

Но только поэтъ, своимъ пророческимъ провидѣніемъ, можетъ приближаться къ желаннымъ вѣкамъ, грядущей эры „широкой любви,“ — можетъ вѣрить въ свой идеалъ,—въ такіе годы, когда общественная жизнь представляетъ смутный водоворотъ. Даже въ такой тихій, защищенный отъ всѣхъ бурь уголокъ, какъ Montreux, врывались страшные слухи о томъ, что происходило въ Россіи.

Нѣсколько разъ все русское, и даже иностранное, общество, было встревожено внезапными вѣстями о покушеніи на жизнь Императора Александра II. Всѣ собирались нѣсколько разъ въ Веве, въ русскую церковь на молебны. Было сумно жить въ постоянномъ напряженіи. Мы радовались, что нашъ впечатлительный поэтъ—вдали отъ Петербурга.

Между тѣмъ, мы съ сестрой моей подростали и ро-

---

[1]) Стран. 113 Изъ этаго стихотворенія выключены были слѣдующія строки.

Великій Байронъ жилъ давно-ли?
Онъ презиралъ свой Альбіонъ,
Любилъ авзонку Гвикчіолли
И за Элладу умеръ онъ.
Но онъ для насъ примѣръ не новый
Любви широкой; - ужъ давно
Христосъ пріялъ вѣнецъ терновый
И пострадалъ за всѣхъ равно.

дители наши рѣшили ѣхать на зиму въ центръ, гдѣ можно было успѣшнѣе, чѣмъ въ въ Montreux' закончить наше образованіе. Мы поѣхали въ Дрезденъ. Мой отецъ любилъ этотъ прелестный городъ, гдѣ все дышало еще традаціими доброй, старой Германіи, ученой и музыкальной. Тамъ все есть; и прекрасные курсы, и хорошіе профессора, и музеи статуй цѣлесообразно обстановленные, чтобъ помочь посѣтителю изучать археологію, и знаменитая галлерея картинъ, и драматическій театръ, гдѣ представляютъ, съ особенной исто-нѣмецкой тщательностью и добросовѣстностью, всѣ лучшія драматическія произведенія, начиная отъ индійскихъ и древне-греческихъ,—кончая Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гете и нѣкоторыми современниками. Кажется нигдѣ не услышешь столько музыки. По воскресеніямъ Капнистъ часто ходилъ слушать церковную музыку, исполняемую въ католическомъ мѣстномъ соборѣ, или цѣлые концерты Генделя, Баха и другихъ,—въ протестантскихъ церквахъ. Онъ также заслушивался оперой, гдѣ лучшіе пѣвцы,—извѣстный во всей Германіи Шейдемантель, Марчелла Зембрихъ, величественная Мальтенъ, единственная въ роли Елисаветы въ Тангейзерѣ, Эльзы въ Лоэнгринѣ,—исполняли и Глюка, и Моцарта, и Вагнера. Всѣ эти праздники искуства посѣщали мы вмѣстѣ съ нашимъ отцомъ. Особенно интересно было всегда возвращеніе домой,—его мѣткія замѣчанія, его восторгъ, который онъ такъ краснорѣчиво умѣлъ выражать; а иногда,—его тонкая и полная юмора иронія надъ тѣмъ, что по его мнѣнію выходило слабо, или въ произведеніи, или въ передачѣ исполнителей. Ходить съ нимъ въ концертъ или театръ было двойнымъ наслажденіемъ; онъ какъ-то умѣлъ передавать окружающимъ свою чуткую воспріимчивость. Эти двѣ зимы, когда ему такъ часто пришлось бывать въ театрѣ, не могли не повліять на его поворотъ къ трагической дѣятельности.

Можетъ быть ничто лучше не очеркиваетъ человѣка, какъ то, въ чемъ онъ находитъ забаву. Капнистъ смѣ-

ялся рѣдко; его могла развлечь только тонкая иронія, или остроумная шутка. Вульгарность и скабрезность, которыя многимъ кажутся элементомъ смѣха, его не забавляли, но бѣсили. Онъ клеймилъ такія вещи словами, брошенными раздраженнымъ голосомъ: „Пошло! глупо!“ и хоть-бы улыбнулся! Иногда, но изрѣдка его могли разсмѣшить какія нибудь ловкія штуки въ циркѣ; но оперетки онъ просто невыносилъ, и сумѣлъ даже въ насъ вселить это отвращеніе. Онъ ихъ никогда не посѣщалъ. Глубокое и неистощимое наслажденіе находилъ онъ въ серіозномъ искуствѣ; оно такъ захватывало его душу, что другихъ удовлетвореній и забавъ ему не требовалось. Нашъ отецъ въ это время былъ для насъ какъ товарищъ. Мы вездѣ бывали вмѣстѣ, гуляли съ нимъ, ѣздили въ окрестности окружающія Дрезденъ; онъ чувствовалъ себя привольно и описывалъ такимъ образомъ свое пребываніе:

Я въ Дрезденѣ, въ Саксоніи прелестной,—
Искуствами и пивомъ столь извѣстной!
Гдѣ добродушіе вездѣ, во всемъ,
И во дворцѣ, и въ домикѣ простомъ,
Гдѣ Эльба мчится мутными струями,
Цвѣтущими одѣвшись берегами,—
Причудливой, зеленой цѣпью горъ...
Гдѣ путника увеселяетъ взоръ
Саксонская Швейцарія. Природа
Живой портретъ саксонскаго народа:
Привѣтливо и мило все на видъ
Игрушкой дѣтской весело глядитъ...
Я въ Дрезденѣ, въ Саксоніи прелестной,
Гдѣ міръ картинъ Мадонною небесной
Блистаетъ, какъ безсмертія лучемъ,
Гдѣ сладостнымъ, немолчнымъ бьетъ ключемъ
Гармонія...

И вдругъ, въ эту свѣтлую жизнь искуства и красоты, ворвалось страшнымъ дизсонансомъ извѣстіе о

кончинѣ Императора Александра II-го. Вся русская колонія въ Дрезденѣ была глубоко потрясена. Даже между иностранцами замѣчалось искреннее огорченіе. Въ то время жило въ Дрезденѣ много русскихъ. Въ русской церкви на панихидахъ присутствовали и нѣмцы; нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе въ Петербургѣ, плакали. Безпокойство о томъ, что происходитъ въ Россіи, опасенія всякаго рода, наполняли сердце Капниста; между прочимъ онъ пишетъ:

„На-дняхъ, вечеромъ, сошелся я съ нѣкоторыми изъ „здѣшнихъ русскихъ въ ресторанѣ за кружкой пива. „Горячо толковали о томъ, что несмотря на страшную „катастрофу съ покойнымъ Государемъ, новый Императоръ подвергаетъ себя опасности; такъ, немедленно „послѣ кончины его отца въ Зимнемъ дворцѣ, онъ одинъ „съ цесаревной, въ саняхъ, безъ свиты ѣхалъ среди „многотысячной толпы въ Аничкинъ дворецъ. Въ самомъ дѣлѣ, не дай Богъ, убіенія его злодѣями, — въ „какомъ ужасномъ положеніи очутилась бы Россія съ „12-ти лѣтнимъ наслѣдникомъ! Въ виду этого я пред„ложилъ моимъ компатріотамъ послать адресъ Государю, „умоляя его не рисковать и, подвергая себя опасности, „не подвергать гибели и анархіи всю будущность Рос„сіи. Какъ водится, день, другой, потолковали объ „адресѣ, который былъ уже мною проектированъ, — „да на томъ и покончили. Послать не согласились“.

Около этого времени Капнистъ познакомился съ проживавшимъ въ Дрезденѣ барономъ Н. Н. Торнау. Это былъ рѣдко сердечный, умный и симпатичный человѣкъ. Капнистъ очень скоро сошелся съ барономъ. Онъ составлялъ исключеніе, такъ какъ, на моей памяти, отецъ мой рѣдко дружился съ мужчинами и предпочиталъ женское общество. Но личность барона была глубоко привлекательная, и не удивительно, что притягивала поэта. Свѣтлый умъ, обширная и многосторонняя образованность, соединялась въ немъ съ отличной памятью и отзывчивой, горячей душой. Онъ былъ знатокомъ всемірной литературы и правовѣденія, спеціалистомъ по

восточнымъ языкамъ и по мусульманскому праву. Часто, по вечерамъ, Капнистъ велъ длинные разговоры съ этимъ интереснѣйшимъ собесѣдникомъ.—Баронъ очень напоминалъ типъ древнихъ римскихъ гражданъ; его спокойное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, умное лицо, носило отпечатокъ древней жизни, болѣе цѣльной и законченной въ своихъ устояхъ, чѣмъ наша, и Капнистъ вдохновился имъ для стихотворенія о послѣднихъ римскихъ временахъ, которое ему и посвятилъ [1]). Такъ, иногда, поэтъ видитъ личность и, соотвѣтственно ея характеру, окружаетъ ее подходящей обстановкой. Къ сожалѣнію, эти дружескія отношенія продолжались не долго. На слѣдующій 1882-й годъ, Капнистъ поѣхалъ зимой во Флоренцію, а въ апрѣлѣ, по возвращеніи въ Дрезденъ, его постигло глубокое горе. Баронъ Торнау внезапно умеръ отъ разрыва сердца, нѣсколько минутъ послѣ того, какъ весело и оживленно разговаривалъ и прощался съ Капнистомъ, проведшимъ вмѣстѣ съ нимъ вечеръ.

Во многихъ отношеніяхъ эта смерть была несчастіемъ для Капниста. Дружба съ человѣкомъ старше его, опытнымъ и сочувствующимъ, дѣйствовала благотворно на него; его сомнѣвавшійся въ себѣ, сосредоточенный характеръ имѣлъ потребность теплаго участія, искренней поддержки. Въ наше время жизнь стала шире, чѣмъ прежде; при легкости передвиженія легко завязывается множество поверхностныхъ знакомствъ и сношеній, но тѣмъ рѣже становятся задушевныя, прочныя связи. А между тѣмъ, элементъ дружбы, почти ужъ отошедшій въ сѣдую древность, игралъ не малую роль въ жизни поэтовъ и въ исторіи литературы.

Еще въ Монтрё, Капнистъ началъ тотъ отдѣлъ лирическихъ стиховъ, которые мы печатаемъ подъ заглавіемъ Вечерней зари. Мнѣ помнится, какъ возникли нѣкоторые внѣшніе образы въ его душѣ. У насъ, въ Малороссіи, стояли очень жаркія лѣта, — мѣсяцы без-

---

[1]) Барону Т. стр. 135.

дождія, солнечныхъ дней, горячаго вѣтра, дувшаго съ утра до вечера. Даже заграницей не изглаживалось у отца моего это впечатлѣніе жары и палящаго вѣтра, который можно сравнить развѣ съ итальянскимъ сирокко.

И это знойное сирокко
Напоминаетъ живо мнѣ,
Какъ тамъ, у насъ, въ степи широкой,
Живешь и дышешь, какъ въ огнѣ.

Разъ, въ іюлѣ, намѣреваясь отправиться за сорокъ верстъ, къ сосѣдямъ, мы встали и выѣхали съ нимъ въ два часа ночи, чтобы не устать отъ невыносимой жары и не заморить лошадей. И вотъ, въ безбрежной степи любовались мы разсвѣтомъ. Велѣли остановить лошадей и пошли пѣшкомъ по полю, слушая первыя пѣсни проснувшихся жаворонковъ, и любуясь прозрачностью воздуха. Солнце встало ясно, плавно подымаясь надъ степнымъ горизонтомъ. Эта спокойная, величественная картина глубоко запала въ воображеніе отца моего. „Какое различіе“, сказалъ онъ мнѣ, „между утренней и вечерней зарей! какой тутъ покой, а тамъ, какая страсть!“ Черезъ нѣсколько дней онъ позвалъ меня и прочиталъ стихи: *Вечернюю зарю*. Такъ обыкновенно слагались его стихотворенія. Являлся какой-нибудь внѣшній образъ; въ эту картину заключалъ онъ мысль или чувство, которое жило въ его душѣ и только ждало видимой формы, чтобы проявить себя въ стихахъ. По его мнѣнію, образность—сущность поэзіи и отличительное качество отъ прозы. Образъ придаетъ осязательность мысли. При чтеніи, стихи должны вызвать картину въ умѣ читателя, и чѣмъ ярче эта картина рисуется, тѣмъ, значитъ, сильнѣе и лучше поэзія.

Весь второй отдѣлъ его стиховъ отличается отъ перваго тѣмъ, что составляетъ какъ бы переходъ къ трагическому творчеству. Въ первомъ, — поэтъ придается весь своимъ лирическимъ порывамъ, не оставляя мѣста

ни ироніи, ни сомнѣнію; во-второмъ,—проявляется около самыхъ восторженныхъ и горячихъ строкъ, какая-то горькая задумчивость, неудовлетворенность. Борьба между пылкимъ природнымъ воображеніемъ, жаждой воплотить въ живыхъ созданіяхъ свой идеалъ и убѣжденіемъ, что все земное—прахъ и суета, составляетъ трагизмъ этихъ стиховъ. Не легко человѣку перегорѣть въ земномъ горнилѣ, которое зовутъ жизнью, чтобы воспарить выше; и чѣмъ больше въ немъ сердца, чѣмъ богаче, даровитѣе и привязчивѣе его натура, тѣмъ ему труднѣе. — Сказать, какія именно обстоятельства въ жизни и сердцѣ поэта вызываютъ тѣ или другіе образы и чувства, врываться въ его личный міръ, — не составляетъ обязанности ни критика, ни біографа. Тѣмъ и велико художество, что оно отбрасываетъ все личное, все случайное; ему принадлежитъ одно общечеловѣческое и вѣчное. Ему дѣла нѣтъ до того, *какимъ образомъ* художникъ прочувствовалъ, но достояніемъ искуства становится то, *что* онъ прочувствовалъ. Названіе Вечерней зари, данное Капнистомъ одной піесѣ, подходитъ къ цѣлому отдѣлу, взятому вмѣстѣ, такъ какъ всѣ эти стихи льются огненными разливами, точно горячая лава, точно яркій блескъ вечерней зари, осенью, на южныхъ небесахъ.

XI.

Зима 1882 года, проведенная во Флоренціи, составляетъ въ жизни Капниста новую эру. Тутъ, впервые созрѣлъ планъ трагедіи Сен-Марсъ. Давно уже сложился въ немъ соціальный взглядъ, на которомъ основано это произведеніе. Но сюжетъ Сен-Марса представился ему совершенно случайно. Сестра моя читала историческій романъ, Сен-Марсъ Альфреда Виньи. Бьющій на эффектъ и даже не совсѣмъ вѣрный съ исторической точки зрѣнія, романъ этотъ, однако, увлекательно и талантливо написанъ, и воспроизводя потрясающую быль, хватаетъ за душу читателя. Надъ послѣдними страницами дѣвочка неудержимо и горько

расплакалась. Въ эту минуту отецъ нашъ вошелъ въ комнату и, удивленный этими слезами, спросилъ, что съ ней случилось. „Ахъ! Папа“, воскликнула она, „ты вообразить не можешь, что это за ужасъ! Прочитай этотъ романъ“. — „А! такъ вотъ изъ-за чего ты такъ разливаешься!“ сказалъ мой отецъ съ улыбкой, „давай сюда книгу. Что тамъ такое? Видно это тебя очень потрясло“. Онъ взялъ романъ и пробѣжалъ его. Сюжетъ захватилъ его. Онъ понялъ, что тутъ представлялся богатый источникъ вдохновенія, и затрагивалось много историческихъ вопросовъ. Вся эпоха Сен-Марса озарилась для поэта современными, живыми событіями, совпаденіями. Что такое исторія, если не опытъ, если не указаніе, иногда—не предостереженіе? Съ этой точки зрѣнія, прошлаго — нѣтъ, все современно, все повторяется при разныхъ обстановкахъ.—Онъ почувствовалъ внутреннее, жгучее содраганіе, проявляющееся въ поэтѣ въ минуту творческаго зачатья, и неодолимое влеченіе къ новому зародившемуся міру, который требовалъ воплощенія въ видимой формѣ поэзіи.

Къ счастію, Флоренція была самой благодарной почвой въ виду той научной работы, какую слѣдовало предпринять для историческаго изслѣдованія. Тамъ находится знаменитая въ Европѣ библіотека Vieusseux,—гдѣ собраны всевозможныя историческія сочиненія и архивы. Кромѣ того, Vieusseux всегда былъ готовъ выписывать изъ Парижа всѣ книги, какія требовалось. И такъ, началась подготовительная работа къ драмѣ,—изученіе до мелочей эпохи Сен-Марса, характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ,—Ришелье, Людовика XIII, Марьоны Делормъ, Королевы Анны, Маріи де-Гонзаго, самого Сен-Марса;—выписки, замѣчанія, и наконецъ былъ составленъ планъ трагедіи по актамъ. Съ любовью, той безкорыстной и глубокой любовью, какую знаютъ одни художники, предался онъ своей новой мечтѣ.

....Впередъ меня влекло
Какое-то неясное сознанье,

CLXXVIII

Что впереди, въ туманѣ, можетъ быть,
Увижу я звѣзды моей блистанье,
Чтобъ жизнь мою согрѣть и озарить...

Да, непонятнымъ, для непосвященныхъ въ искуство, счастіемъ, наполняется сердце поэта, когда онъ вдругъ остановится, какъ передъ откровеніемъ, передъ тѣмъ образомъ, который ему ниспосылается свыше.

Самое подходящее настроеніе, какое требовалось для художественной работы, поддерживалось всѣмъ окружающимъ. Эти утреннія впечатлѣнія на залитомъ солнцемъ Лунгарно,—на вѣки освѣщенномъ воспоминаніями о Данте, о Беатриче, о Джіотто, о Челини, о всѣхъ геніальныхъ флорентинцахъ, которые тутъ гуляли, мечтали, сочиняли,—эти прогулки по направленію къ Vieusseux, по узкимъ улицамъ среди тяжелыхъ, угрюмыхъ, средневѣковыхъ зданій,—эта живая флорентинская толпа съ корзинами цвѣтовъ, которыхъ тамъ изобиліе,—вся внѣшняя жизнь Флоренціи,—какъ нельзя лучше гармонировала съ душевнымъ состояніемъ поэта. Вдохновеніе лилось свѣтло и спокойно, какъ по широкой, цвѣтущей долинѣ льется Арно, которымъ поэтъ любовался, бродя одинъ со своими думами по флорентинскимъ холмамъ.

Какъ величаво, какъ спокойно,
Какъ граціозно вьешься ты,
Какъ будто бы лелеютъ стройно
Тебя о счастіи мечты.
Твоя струя свѣтлѣй кристалла
И шепчетъ въ нѣгѣ полу-сна,
Благоуханная объяла
Тебя съ любовью тишина...

Не то было въ деревнѣ. Хотя онъ и старался начитывать, захвативъ съ собой много историческихъ книгъ, но занятія по хозяйству имѣнія не давали ему возможности предаться своему произведенію такъ, какъ онъ желалъ бы. Жаркій и сухой климатъ часто раздражалъ его нервы. Казалось, всѣ обстоятельства сошлись на-

рочно, чтобы помѣшать ему идти по избранному имъ пути. Бываетъ для человѣка, какъ и для природы, пора нравственной засухи, томленія и неутоленной жажды. Для Капниста, такой порой были эти годы колебаній и мучительной, внутренней борьбы. Судьба, казалось, изощрялась, чтобы оторвать его отъ намѣченной имъ самому себѣ цѣли. Между тѣмъ, онъ снова получилъ изъ министерства нѣсколько лестныхъ предложеній насчетъ службы. — Все, что онъ видѣлъ вокругъ себя, было такъ противуположно его взглядамъ на жизнь, что иногда, въ минуты усталости и упадка силъ, онъ задумывался: благоразумно ли отворачиваться отъ явныхъ выгодъ? По своей скромности и взыскательности къ себѣ самому, у него проявлялось сомнѣніе въ своемъ талантѣ. Онъ спрашивалъ себя, стоитъ ли изъ-за него отказываться отъ всего другого? Его давило чувство отчужденности отъ современной жизни, которая вся ушла въ одну практическую сторону. Не удивительно, что подобныя мысли тревожатъ поэтовъ въ наше время, столь равнодушное ко всему отвлеченному и духовно-изящному. Тяжело понимать, что кругомъ нѣтъ отклика на то, чѣмъ живетъ ваша душа. Иногда глубокая тоска сжимала его сердце.

Или болѣзнь меня изсушитъ,
Или убьетъ моя-жъ рука,
Или тоска меня задушитъ, —
Невыносимая тоска!

А все душа не сознается,
Что нѣтъ блаженства для меня!
Мятежная—полна огня
И страшной правдѣ не сдается.

Упрямой вѣрою горитъ
Она къ потерянному раю
И о любви мнѣ говоритъ...
Но безнадежно я рыдаю.

Впечатлительный, отзывчивый характеръ его казался измѣнчивымъ; иногда проявлялось въ немъ даже противорѣчіе. Но поддавшись сперва настроенію минуты, онъ внезапно останавливался, и передумавъ, оставался вѣрнымъ себѣ.

Осенью 1882-го года, онъ проводилъ насъ заграницу, а самъ, ничего еще не рѣшивъ, поѣхалъ въ Петербургъ. „Я былъ доволенъ", писалъ онъ намъ, „что „мнѣ пришлось ночью проѣзжать всѣ эти скучныя, без-„жизненныя мѣста отъ Берлина до Вержболова. Но эти „мѣста могутъ назваться красивыми, въ сравненіи съ „этой болотно-глинистой равниной, покрытой кое-гдѣ „кустарникомъ березъ да сосенъ, которая тянется отъ „Вержболова до Петербурга. Погода была самая осен-„няя, дождь, слякоть, сырой и холодный вѣтеръ. Я „сидѣлъ въ вагонѣ, какъ ласточка, застигнутая врас-„плохъ мятелью. Холодно и тяжело мнѣ было, и тѣ-„лесно и душевно. За собой я оставилъ въ мрачномъ „настроеніи три самыхъ близкихъ мнѣ существа; впе-„реди,—заботы, затрудненія, одиночество вродѣ ссылки „и рѣшительно никакихъ свѣтлыхъ ожиданій... Все это „окончательно сводилось къ вопросу: какъ поступить „въ Петербургѣ!... Среди всѣхъ моихъ соображеній, „погода становилась мрачнѣе, небо пасмурнѣе, воздухъ „холоднѣе; потомъ, тамъ-сямъ по канавамъ, въ поляхъ, „и по окраинамъ лѣсовъ забѣлѣли пласты снѣгу; ко-„личество этихъ бѣлыхъ пятенъ все увеличивалось по „мѣрѣ приближенія къ Петербургу. Около Гатчины снѣ-„говые оазисы стали чаще сплетаться въ печальные „узоры и притомъ все охватилъ холодный туманъ, такъ „что мы очутились словно въ колоссальномъ простран-„ствѣ мутной воды. И въ этой атмосферѣ холода, мглы „и гнетущихъ элементовъ чернѣла резиденція могучаго „Царя!... Наконецъ влетаемъ въ вокзалъ Петербургско-„Варшавской дороги; зову артельщика, является № 13. „Вотъ подъ какими впечатлѣніями въѣхалъ я въ Пе-„тербургъ".

И эти примѣты оказались вѣрными. Въ Дрезденѣ

наша мать опасно заболѣла; мы были съ ней однѣ, и намъ сейчасъ пришлось дать знать отцу, чтобъ онъ пріѣхалъ. Понятно, онъ бросилъ Петербургъ; и какъ только она немного поправилась,—повезъ ее въ Римъ, въ теплый климатъ. Однако, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Л. Маковъ, знавшій по службѣ отца моего съ давнихъ лѣтъ, не хотѣлъ мириться съ его отъѣздомъ, и обращалъ всѣ старанія, чтобы вернуть его въ министерство. Онъ писалъ: „Если цѣль моего настоящаго письма, къ крайнему моему прискорбію, и не будетъ достигнута, то пусть мое къ вамъ обращеніе послужитъ доказательствомъ, что я васъ не забываю, и чистосердечно уважаю. Вамъ извѣстно, что еврейскій вопросъ въ Россіи давно заботитъ правительство, и что были предпринимаемы неоднократныя попытки, чтобы урегулировать его. Недавнія побоища вновь выдвинули еврейскій вопросъ на первый планъ“.

Далѣе онъ объявлялъ, что рѣшено составить новую комиссію для пересмотра существующихъ, и начертанія новыхъ узаконеній о евреяхъ,—что нежданно для него его выбрали въ предсѣдатели. „Я думалъ о подборѣ такихъ членовъ“, продолжалъ министръ, „которые былибы дѣйствительно полезны въ разработкѣ такого серьезнаго и сложнаго дѣла. Говорю вамъ совершенную истину, что прежде всего, я пожалѣлъ о вашемъ отсутствіи, положившимъ преграду къ немедленному съ вами личному объясненію. Я рѣшился предложить вамъ, не угодно ли будетъ вамъ принять участіе въ работахъ учреждаемой комиссіи, въ качествѣ члена оной?“

Письмо заключается словами: Заканчиваю глубочайшей просьбой не отвергнуть моего предложенія. Предстоящая работа не легка, но затð интересна. Для меня же лично ваше участіе и содѣйствіе будутъ неоцѣнимы, точно также, какъ неоцѣнимы онѣ будутъ и для дѣла.“ Дѣйствительно, вопросъ заинтересовалъ Капниста. Онъ разсчиталъ, что по словамъ Макова, его присутствіе въ Петербургѣ будетъ необходимо только съ будущей

осени, такъ что зима въ Римѣ и лѣто въ деревнѣ останутся для него еще свободными. Ему казалось, что въ этомъ дѣлѣ онъ можетъ принести долю пользы, и рѣшился принять это предложеніе. Однако, мало времени послѣ вышеупомянутаго письма, скоропостижно скончался Маковъ и комиссія разстроилась. Такимъ образомъ, сама судьба вернула Капниста безповоротно на избранный имъ путь, и помогла безпрепятственно отдаться поэзіи.

Въ эту зиму онъ нѣсколько разъ ѣздилъ во Флоренцію, выписывалъ черезъ Vieusseux книги и упорно продолжалъ свой трудъ. Онъ читалъ все, что касалось эпохи Людовика XIII, цѣлыя кипы мемуаровъ, документовъ, главные историческіе труды, относящіеся къ этому времени.

Обладая, какъ мы и прежде видѣли, слишкомъ уравновѣшеннымъ и критическимъ умомъ, чтобы стать человѣкомъ какой нибудь партіи,—онъ видѣлъ недостатки каждой системы, не впадалъ въ крайности, не становился защитникомъ той или другой политической и соціальной формы правленія, но свысока своего невозмутимаго взгляда судилъ о различныхъ системахъ и строго-логически выводилъ послѣдствія каждой изъ нихъ.

Французская исторія представляетъ общечеловѣческій интересъ тѣмъ, что въ ней мы наблюдаемъ относительно быструю смѣну соціальныхъ системъ: Сперва,—феодализмъ и общины; затѣмъ—традиціонная монархія.

Это послѣднее правленіе чрезвычайно интересно. Власть сосредоточивалась въ рукахъ короля; но для разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ, онъ созывалъ *grand Conseil*, Верховный Совѣтъ, состоявшій изъ самыхъ доблестныхъ и умныхъ людей, избранныхъ самимъ монархомъ. Эти обсужденія имѣли характеръ разъясненія, облегчали управленіе государствомъ, но неограниченная воля монарха оставалась неприкосновенной, такъ какъ онъ одинъ рѣшалъ обсуждаемые вопросы, изложенные и разносторонне-разсмотренные Совѣтомъ. Кромѣ Вер-

ховнаго Совѣта собирались Etats généraux [1]). Званіе члена Совѣта, или гласнаго собранія государственныхъ чиновъ, было почетное, безплатное званіе [2]).

Существовало еще третье учрежденіе, совершенно независимое отъ другихъ,—Парижскій Парламентъ, занимавшійся законовѣденіемъ, и служившій высшей инстанціей по судебнымъ дѣламъ [3]).

Провинціи Франціи, Штаты, пользовались почти автономной свободой въ своемъ внутреннемъ строѣ, въ своихъ законахъ.

Такъ, правитель провинціи считалъ себя въ правѣ входить въ сношенія и договоры съ иностранными державами. Чувство гражданственности, выработанное классическимъ, древнимъ міромъ, не управляло средневѣковымъ феодальнымъ обществомъ. Понятно, что дворяне XVII вѣка не могли сразу покориться системѣ Ришелье.

При Генрихѣ IV началось объединеніе всей Франціи, но онъ сознавалъ превосходство традиціонной монархіи. Человѣколюбивый король умѣлъ примирить католиковъ и гугенотовъ, а главное,—привлечь къ себѣ весь французскій народъ своимъ попеченіемъ о его благодѣнствіи [4]).

Вотъ каково было положеніе Франціи, когда явился Ришелье. Эту минуту можно считать поворотнымъ пунк-

---

1) Государственные Чины. Смотр. Примѣч.

2) Въ этомъ состояло преимущество этихъ двухъ собраній надъ современными парламентами, и ихъ членовъ надъ депутатами, получающими содержаніе. Вопросъ о денежномъ вознагражденіи будучи устраненъ, — не существовало подкуповъ,—этой систематичной язвы парламентскихъ правленій.

3) Такимъ образомъ, судья не зависѣли отъ депутатовъ, какъ они зависятъ нынѣ въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ имъ приходится считаться съ партіей, которая ихъ назначаетъ или лишаетъ мѣста.

4) При немъ крестьяне платили мало налоговъ. Главные налоги выпадали на долю владѣльцевъ замковъ, которые десятую часть своего годоваго дохода выплачивали въ казну и содержали на свой счетъ поставляемое ими королю войско.

томъ. Ришелье понялъ, что слѣдуетъ сплотить всю Францію. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Но въ своей дѣятельности, онъ не умѣлъ удержать равновѣсія. Желая усилить абсолютизмъ, онъ закрылъ собраніе государственныхъ чиновъ; а Людовикъ XIII пересталъ созывать Верховный Совѣтъ. Король лишилъ себя независимыхъ и неподкупныхъ сотрудниковъ. Ришелье считалъ дворянъ элементомъ протеста противъ единодержавія, но не понялъ, что этотъ узкій и односторонній взглядъ подорвалъ прочность монархіи, лишивъ ее доблестной, и преданной охранительнымъ началамъ, опоры. Онъ не съумѣлъ воспользоваться дворянствомъ какъ сословіемъ связующимъ монархію съ народомъ,— вырубилъ его, вмѣсто того, чтобы направить эти силы на честное и безкорыстное руководство темными массами для веденія ихъ къ благоденствію и развитію.

Съ другой стороны, простой народъ не составлялъ заботы Ришелье. Онъ, ранѣе Наполеона, считалъ его: chair à canon [1]). Понятно, что будущность угрожала столкновеніемъ королевской власти съ недовольной, грубой и голодной толпой. Если ему и удалось внѣшнимъ образомъ сплотить Францію, достигшую высшей степени величія при Людовикѣ XIV,—однако величіе это не имѣло прочнаго основанія. Система Ришелье подготовила вѣка соціальныхъ раздоровъ.

Прижавъ всѣхъ другихъ, онъ выдвинулъ третье, среднее сословіе. Оно захватило власть въ свои руки, создало переворотъ и опрокинуло престолъ, къ которому не было привязано прежней близостью и традиціями. Не народъ, не крестьяне, а оно,—среднее со-

---

[1]) Онъ раззорялъ его налогами и заставлялъ содержать и прокармливать войска, что было тяжко, въ виду постоянныхъ войнъ. Онъ обложилъ податью самые необходимые предметы, какъ напр: соль Это повело въ Нормандіи къ возстанію: révolution des va nupieds. Когда-же голодающіе взбунтовались, собравшись въ толпу, armée de la souffrance, (армію страждущихъ), — кардиналъ послалъ противъ нихъ Сегье съ войскомъ и велѣлъ вѣшать народныхъ вождей, безъ суда, не видя ихъ и не выслушавъ.

словіе сдѣлало революцію, пользуясь силою и отчаяніемъ оборвышей и послѣднихъ отбросовъ общества.

Народъ едва-ли выигралъ; онъ сталъ рабочей силой у буржуазіи, забравшей себѣ права, землю и капиталы[1].

Капнистъ ставилъ выше традиціонную монархію, чѣмъ конституціонную систему, потому что при этомъ первомъ рэжимѣ, можетъ нормально развиваться народъ въ матеріальномъ отношеніи, а дворянство — въ нравственномъ; тогда какъ плузіократія и капитализмъ, столь вредные государству, не могутъ процвѣтать.

Сен-Марсъ—типичный представитель стариннаго традиціоннаго дворянства. Поэтъ изобразилъ его до точности вѣрно, но предалъ ему немного больше зрѣлости. Онъ умеръ 22 лѣтнимъ юношей; въ трагедіи характеръ его развитъ до возмужалости и ярче обрисованъ,—

---

[1]) Прекрасныя фразы о правахъ человѣка, съ исто-буржуазнымъ лицемѣріемъ, служили прикрытіемъ къ болѣе искреннему принципу: ôte toi de là pour que je m y mette". (Убирайся, чтобъ я могъ занять твое мѣсто). По свидѣтельству Летрóна, когда Тюрго сталъ министромъ, (при Людовикѣ XVI) цѣлая четверть земель французскаго государства принадлежала крестьянамъ. По недавнимъ-же статистикамъ, оказывается, что изъ 49 милліоновъ *гектаръ* французской земли, — мелкіе владѣльцы имѣютъ всего 4 милліона *гектаръ*; остальные 45 милліоновъ принадлежатъ крупнымъ владѣльцамъ и обработаны наемными руками. Во время революціи, буржуазія, завладѣла землями вырубленныхъ и бѣжавшихъ изъ Франціи дворянъ, не брезгая также имуществомъ крестьянъ. Изъ 12000 приговоренныхъ къ смерти революціоннымъ трибуналомъ.—7545 лицъ принадлежало къ крестьянскому сословію: земледѣльцы, рабочіе и прислуга. Революціонный соціальный строй палъ тяжелымъ бременемъ на простонародіе. Избирательнымъ голосомъ пользуются только лица съ имуществомъ, а налоги взыскиваются со всѣхъ, даже съ безземельныхъ и неимущихъ,—тогда какъ до революціи. одни земельные собственники платили десятую часть, *la dime*. Наконецъ, революціонеры: мэръ Байльи и Шарпантье, запретили корпораціи рабочихъ, и Національное Собраніе узаконило это запрещеніе декретомъ. Но едва буржуазія утвердила свое владычество, какъ установила всевозможныя монополіи крупныхъ капиталистовъ.—О положеніи французскихъ крестьянъ и рабочихъ смотр: Ширàка, Малòна, Лафàрга и Мориса въ журналѣ: La terre aux paysans.

чего требовало драматическое творчество. Трагизмъ Сен-Марса въ томъ, что онъ ясно понялъ, къ чему ведетъ Ришелье, но, по своей молодости и неопытности, былъ доведенъ кознями, которыя строилъ противъ него кардиналъ, до трактата съ Испаніей. А Ришелье съумѣлъ бросить такую тѣнь на попытку Сен-Марса, что его вполнѣ вѣрная идея была выказана измѣной.

И такъ, каждое изъ трехъ главныхъ лицъ, въ самомъ себѣ заключаетъ трагическій элементъ исторіи. Трагизмъ дворянства, павшаго на плахѣ въ борьбѣ съ деспотизмомъ, олицетворенъ Сен-Марсомъ. Трагизмъ Ришелье въ томъ,— что желая создать величье Франціи на шаткихъ началахъ внѣшней, грубой силы и на эгоизмѣ буржуазныхъ интересовъ, онъ, не сознавая что̀ дѣлаетъ, — погубилъ монархію, которой служилъ. Людовикъ XIII своей нерѣшительностью, безхарактерностью, подозрительностью къ дворянамъ и эгоистичной, трусливой привязанностью къ Ришелье, — собственными руками роетъ могилу своимъ наслѣдникамъ.

Но кромѣ этой политической трагедіи,—сюжетъ Сен-Марса заключаетъ глубокую трагедію чувства. Тутъ невыносимое положеніе довѣрчиваго, прямодушнаго человѣка, среди шпіоновъ и завистниковъ, которые, какъ вообще посредственность, не прощали ему его блеска. Тутъ беззавѣтная любовь юноши къ тщеславной, всѣхъ обворожавшей Маріи де Гонзаго,—своимъ честолюбіемъ толкавшей его къ гибели. Тутъ ревность и страсть пламенной Марьоны, невольно предавшей того, кого хотѣла спасти. Тутъ святая дружба де-Ту, понимавшаго съ самаго начала опасность положенія, несогласнаго съ дѣйствіями другихъ заговорщиковъ, но не захотѣвшаго измѣнить своему другу, даже на пути ко плахѣ.

Чѣмъ болѣе поэтъ изучалъ своихъ героевъ, тѣмъ глубже хватала за душу реальная историческая подкладка. Всегда и ко всему относясь добросовѣстно, онъ преданно работалъ для своей, столь любимой, поэзіи. Его выписки, его характеристики, его изученія, сви-

дѣтельствуютъ о тщательности его работъ [1]). Отъ такой разработки сюжета по архивамъ и по историкамъ, поэтъ не впадалъ въ научную сухость, напротивъ, вдохновенiе въ немъ росло. Сперва, какъ только мысль трагедiи запала въ его голову, поэтъ набросалъ планъ, разбивая фабулу на дѣйствiя и сцены; потомъ принялся за чтенiе и подробное изученiе предмета. Затѣмъ онъ писалъ каждое дѣйствiе прозой, чередуя иногда прозу подвертывавшимися подъ перо, и прямо выливавшимися, готовыми стихами. Наконецъ онъ перекладывалъ всю прозу въ стихи.

Духовное завѣщанiе Ришелье, почти цѣликомъ вложено въ уста кардинала въ четвертомъ дѣйствiи, въ его рѣчи къ Людовику.

„Мнѣ кажется“, говорилъ Капнистъ о своихъ герояхъ, „что вотъ я ихъ всѣхъ такъ и вижу, что я съ ними живу“. Иногда онъ былъ глубоко разстроенъ; онъ относился къ нимъ съ истинной любовью. Напримѣръ, за книгой *Basserie,* гдѣ съ неутомимымъ трудолюбiемъ собраны всѣ документы о Сен-Марсѣ, до мельчайшихъ подробностей,—онъ душевно страдалъ. „Когда я это читаю“, говорилъ онъ, „я испытываю впечатлѣнiе, будто кто-то мучитъ моего собственнаго ребенка.“ Переискавъ всѣ документы, Капнистъ былъ внезапно пораженъ мыслью, что напалъ на ошибку историковъ. Многiе изъ нихъ, особенно современные,—повторяютъ, будто Сен-Марсъ подписалъ трактатъ съ Испанiей. Оказывается, что это — не вѣрно. Трактатъ ни имъ, ни кѣмъ другимъ, не былъ подписанъ, такъ какъ это — тайный документъ [2]). О Сен-Марсѣ упомянуто герцо-

[1]) Эти выписки, составляютъ какъ бы историческiй очеркъ эпохи Сен-Марса и сами по себѣ цѣнный, интересный трудъ. Мы ихъ прилагаемъ къ трагедiи, какъ необходимыя примѣчанiя и документы. Онѣ способствуютъ къ пониманiю характеровъ главныхъ лицъ. Въ первый разъ эти историческiе документы собраны изъ разныхъ источниковъ и переведены по-русски. Нѣкоторыя изданiя, изъ которыхъ они выписаны, не находятся больше въ продажѣ и весьма рѣдки.

[2]) См. примѣч. Трактатъ съ Испанiей. Копiя трактата подписана

гомъ Орлеанскимъ только въ его тайномъ повелѣніи, *contre lettre*; тамъ названъ и герцогъ Бульонскій, котораго однако Ришелье не казнилъ. Трактатъ — могъ служить обвинительнымъ актомъ только для герцога Орлеанскаго, и для Фонтраля, какъ его представителя. Другихъ обличительныхъ документовъ не существуетъ. Съ точки зрѣнія судебной,—копія трактата, выданная герцогомъ Орлеанскимъ и служившая уликой противъ Сен-Марса на процессѣ—безъ подписи Сен-Марса, недостаточно достовѣрна, чтобы стать основаніемъ обвиненія. Нравственное же право участвовать въ трактатѣ съ Испаніей ему далъ король, который поручилъ ему и де-Ту, тайно отъ кардинала, написать въ Мадридъ, чтобы поторопить переговоры о мирѣ. И такъ, эта трагедія является, во многомъ, оправданіемъ историческаго лица. Память де-Ту была обѣлена отъ обвиненій кардинала его родственникомъ Дюпюй, собравшимъ всѣ документы о его невинности, хотя много бумагъ объ этомъ дѣлѣ Ришелье велѣлъ истребить. Но никто до сихъ поръ не заботился о памяти Сен-Марса [1]). Семья его, угнетенная кардиналомъ дрожала и молчала въ изгнаніи. Даже родовой замокъ былъ срытъ до основанія. Поселяне мѣстечка Сен-Марсъ влачили жалкое существованіе [2]). Имя благороднаго и великодушнаго человѣка было до нашихъ дней заклеймено незаслуженнымъ позорнымъ пятномъ измѣны.

Однако исторія имѣетъ свои законы, а искуство — свои. Тогда какъ исторія требуетъ строжайшей вѣрности въ подробностяхъ и мелочахъ, не смѣя отступать отъ дѣйствительности въ изложеніи малѣйшихъ обстоятельствъ,—искуство должно изображать правду,

---

испанскимъ министромъ дономъ Гаспаромъ де Гузманомъ и вымышленнымъ именемъ „Клермонъ" вмѣсто Фонтраль.

[1]) Кромѣ Бассери. Этотъ историческій трудъ — собраніе документовъ о Сен-Марсѣ вышелъ въ 1896 г.

[2]) Нынѣшній аббатъ мѣстечка Сен-Марса, — отецъ Шиверъ, съ трогательной заботой разъискивалъ и сохранилъ мѣстныя воспоминанія о Генрихѣ де Сен-Марсѣ.

не какъ фотографія, а имѣя цѣлью возбудить наиживѣйшее впечатлѣніе. Оно не копія съ жизни, а воспроизведеніе. Печально было бы вмѣсто трагедіи читать, просто переложенные на стихи и сшитые въ одно, отрывки мемуаровъ. Гдѣ осталось-бы творчество? Поэту предстоитъ на подлинной исторической основѣ провести стройный, цѣльный и художественный рисунокъ. Въ драматическомъ произведеніи необходимо придать событіямъ простоту и придерживаться отчасти возможному единству времени и мѣста, для полноты общаго впечатлѣнія. На характеры слѣдуетъ взглянуть съ вѣчной точки зрѣнія, а не съ временной, частной, односторонней. Напримѣръ, извѣстно, что Марія де-Гонзаго была просватана за Владислава два года послѣ смерти Сен-Марса. Но поэту, для художественнаго изображенія ея характера, слѣдовало собрать самые главные и яркіе эпизоды ея жизни, чтобы выставить ее въ наиболѣе типичныхъ чертахъ, придать ей цѣльность и выпуклость изваянія. Въ томъ и состоитъ разница между исторіей и драмой; исторія представляетъ анализъ, а художественное изображеніе—совокупность и простоту. Безконечно перепутанныя и жестокія интриги тогдашней придворной жизни пришлось сократить, всю эпоху—изобразить широкими, главными чертами.

Въ особенности, поэтъ долженъ былъ сжать и объединить событія послѣдняго періода жизни Сен-Марса, въ четвертомъ и пятомъ актѣ. Было бы ошибкой передъ искуствомъ раздробить дѣйствія на множество мелкихъ сценокъ, ослабить впечатлѣніе подробностями, превратить драму въ судебное слѣдствіе. Капнистъ, зная что дѣлаетъ, допустилъ нѣсколько легкихъ уклоненій отъ дѣйствительности. Такъ напримѣръ, разговоръ Сен-Марса съ королемъ, по исторіи, произошелъ въ королевской спальнѣ, наканунѣ ареста. Сен-Марсъ и де-Ту прожили нѣкоторое время въ лагерѣ близь Перпиньяна, но были арестованы въ другомъ мѣстѣ. Арестъ Сен-Марса былъ опубликованъ нѣсколько дней въ городѣ Нарбонѣ, куда онъ пріѣхалъ изъ лагеря.

Арестованъ Сен-Марсъ въ домѣ скрывавшаго его офицера Сьюжака, когда усталый и больной онъ отдыхалъ на постели. Де-Ту былъ арестованъ отдѣльно генераломъ Шаро, въ замкѣ Нарбоны; кардиналъ повезъ его съ собой, сперва въ Тарасконъ, потомъ въ Ліонъ. Сен-Марсъ, послѣ заключенія въ замкѣ, былъ переведенъ въ тюрьму Монпеллье, а потомъ потребованъ на судъ въ Ліонъ. Такое раздробленіе дѣйствія невозможно для сцены. Поэтъ нашелъ болѣе удобнымъ изобразить арестъ обоихъ героевъ въ одно время и въ одномъ мѣстѣ. По исторіи, заговорщики имѣли намѣреніе, собравъ войска близь Перпиньяна, напасть на стражу Ришелье, перевязать его солдатъ и взять въ плѣнъ кардинала. И такъ, сцена въ лагерѣ близка исторіи и объединяетъ впечатлѣніе.

По исторіи, между Сен-Марсомъ и Ришелье не было свиданія въ Ліонѣ; кардиналъ видѣлъ одного де-Ту въ Тарасконѣ. Слова, высказанныя въ трагедіи де-Ту и Сен-Марсомъ кардиналу,—*въ дѣйствительности* были ими сказаны судьямъ на засѣданіяхъ и въ тюрьмѣ. Но для сцены, ярче вывести Ришелье и поставить его лицомъ къ лицу съ его противниками по убѣжденію, чѣмъ выставлять новыхъ лицъ,—судей. Впечатлѣніе,—и вѣрнѣе, и сильнѣе, когда главная мысль трагедіи высказывается главными лицами. И такъ, авторъ избѣжалъ въ своей пьесѣ мелкихъ сценъ: двухъ арестовъ,—однаго у Сьюжака, другаго въ замкѣ,—путешествій героевъ изъ Перпиньяна въ Нарбону, черезъ Монпеллье и Тарасконъ въ Ліонъ,—ихъ мытарствъ въ судебномъ присутствіи, на очныхъ ставкахъ, и въ застѣнкѣ у палача. Было-бы нелѣпо вести на сценѣ процесъ только для того, чтобы дать имъ возможность произнести ихъ историческія слова. Наконецъ, такъ какъ это трагедія, а не слѣдствіе,—существеннѣе и проще высказать въ разговорѣ обвиненныхъ съ Ришелье внутренній смыслъ историческаго событія, чѣмъ выводить неправильности и беззаконности суда, не имѣвшаго права разбирать дѣло, подлежавшее Парижскому Парламенту, устранен-

ному произволомъ Ришелье, или описывать уловки судей,—обманъ, въ который запуталъ Сен-Марса судья Лобардемонъ,—приготовленія къ пыткѣ и т. д. Задача художника въ томъ и состоитъ, чтобы, вызывая сильное впечатлѣніе страданія или ужаса, обращаться къ уму, сердцу и мыслямъ зрителя,—но щадить его нервы.

По исторіи, до сихъ поръ невозможно распутать темной интриги съ трактатомъ. Какимъ образомъ попалъ онъ въ руки Ришелье? Всѣ подозрѣнія историковъ падаютъ на королеву Анну. Но какъ очутилась у ней копія трактата и куда дѣвался подлинникъ,—опять неизвѣстно. Существуетъ множество различныхъ предположеній, но ничего достовѣрнаго нѣтъ. Поэтъ былъ, поэтому, воленъ выставить въ трагедіи свое личное предположеніе.

Замѣтимъ еще, какъ ярко очерчены второстепенныя лица: тонкій ораторъ, ловкій и мягкій царедворецъ — Мазарини,—расчетливая, себялюбивая королева Анна,—трусливый, грубый и низменно-эгоистичный герцогъ Орлеанскій,—желчный Фонтраль; Фаберъ,— прямолинейный и недалекій солдатъ, Гонди;—дуэллистъ, страстный заговорщикъ, аббатъ поневолѣ, будущій кардиналъ де-Рецъ;—пошлый, свѣтскій, безчестный де-Гаркуръ. Каждое лицо живетъ и дышетъ; какъ въ Мейнингенской труппѣ—нѣтъ статистовъ. Въ двухъ, трехъ словахъ, мѣтко схваченъ цѣлый характеръ, и ужъ его не смѣшаешь съ другимъ лицомъ[1]).

Народныя сцены въ Сен-Марсѣ мастерски выведены; въ нихъ движеніе, живость. Народъ говоритъ простымъ, яркимъ нарѣчіемъ. Говоръ народа вполнѣ русскій, несмотря на то, что вложенъ въ уста иностранной толпы. Но и во Франціи толпа имѣетъ свой жаргонъ,—живо-

---

[1]) Шведскимъ посланникомъ во времена Ришелье былъ Гуго Гротіусъ. Авторъ нашелъ излишнимъ выставлять его въ второстепенной роли. Литературное произведеніе подчиняется тоже правиламъ перспективы; главные герои должны останавливать вниманіе зрителя; поэтому художникъ правъ, если избѣгаетъ выводить знаменитостей и великихъ людей въ незначительныхъ роляхъ.

писное нарѣчье, которое перевести нѣтъ никакой возможности. Поэтому, въ цѣломъ, получается то-же впечатлѣніе, какъ если переложить французскій народный говоръ на наше простонарѣчіе. Безъ этого, народныя сцены напоминали-бы переводъ, потеряли-бы свою жизненность и правду. Не надо забывать еще, что передъ нами—не нынѣшняя французская, республиканская толпа, а прежній, до революціонный народъ, психическія движенія котораго, до нѣкоторой степени, были ближе къ русскому народному духу. Въ простолюдинахъ того времени сказывалось религіозное настроеніе, котораго теперь гораздо меньше во Франціи, а съ другой стороны, кипѣлъ элементъ недовольства и безпокойства, приведшій впослѣдствіи къ революціи.

Поэтъ изъясняетъ въ драмѣ свои послѣдовательные выводы изъ исторіи. Его забота служить чистому искуству и высшимъ законамъ логики, а не какому нибудь временному и сословному интересу. Трагедія Сен-Марсъ не есть апоѳеозъ дворянства. Еслибъ поэтъ былъ человѣкомъ партіи, онъ восхвалялъ-бы свою партію;—стоя на сторонѣ дворянъ, онъ не писалъ-бы горькихъ для дворянъ истинъ въ разговорѣ мушкетеровъ на балу у Маріоны. Но, по его-же словамъ, онъ просто стоялъ за *послѣдовательность* развитія дѣйствія, стараясь остаться какъ можно вѣрнѣе исторіи, и безпристрастнѣе. Въ драматическомъ произведеніи, не должны просвѣчивать собственныя симпатіи и антипатіи автора. Тогда какъ въ лирическихъ стихахъ поэтъ выражаетъ свой внутренній міръ,—въ драмахъ онъ становится творцомъ посторонняго міра, стараясь ясно выразить данную историческую эпоху,—вдохнуть какъ можно больше правды и жизни въ лица имъ воскресаемыя изъ прошлаго. Притомъ, говорилъ онъ, пока такъ много дикости и тупаго эгоизма въ людяхъ, никакая общественная система не можетъ быть совершенной, и потому — важнѣе служить добру и правдѣ, гдѣ бы онѣ не встрѣчались, чѣмъ преходящей и условной формѣ такого или иного общественнаго прав-

ленія. Однако, характеръ де-Ту представляетъ самый близкій къ личности автора типъ, и въ его идеальной рѣчи къ Ришелье поэтъ высказалъ тѣ завѣтныя убѣжденія а надежды, которыя носилъ въ душѣ своей.

XII.

Въ теченіи первой зимы въ Римѣ, Капнистъ кончилъ прологъ и первый актъ трагедіи.

Въ то время, тамъ жила княгиня Каролина Витгенштейнъ [1]) писательница, и въ высшей степени умная и пріятная женщина. У ней составился крайне интересный *салонъ*. Вся папистская знать носила ее на рукахъ, оттого что она была въ большой дружбѣ съ покойнымъ папой Піемъ IX. Но кромѣ этихъ представителей среднихъ вѣковъ и римскаго духовенства, у ней собирались артисты и ученые. Листъ пріѣзжалъ каждый годъ на нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы навѣстить своего стараго друга—княгиню. Семирадскій, Ленбахъ присылали на ея судъ свои картины. Поэты читали ей стихи. Ученый Грегоровіусъ самъ прочелъ ей свои историческіе труды. Всѣ люди, которые жили умственной жизнью, стремились къ ней, и всѣ находили въ ней рѣдкаго цѣнителя и знатока искуства. Ея одобреніе или порицаніе для многихъ служило приговоромъ. Эта ученая женщина отличалась замѣчательнымъ сердцемъ, проявлявшимся даже въ ея простой и задушевной любезности.

Она скоро замѣтила блестящій умъ Капниста и его даръ слова. Разъ, она ему сказала: „Судя по вашей рѣчи, я убѣждена, что вы--поэтъ“. Капнистъ признался, что она отгадала, и что онъ даже принялся за трагедію. — „Возможно-ли, что вы откажете мнѣ ее прочесть. Онъ не любилъ читать постороннимъ лицамъ, однако не отказалъ ей; онъ зналъ, что найдетъ не-

---

[1]) Урожденная Ивановска. Въ сотрудничествѣ съ нею Листъ написалъ біографію Шопена.

поддѣльный интересъ и тонкую критику. И такъ онъ прочелъ ей что было тогда окончено. Княгиня пришла въ восторгъ; она сейчасъ-же поняла, что это произведеніе обѣщаетъ быть замѣчательнымъ. Потомъ она всегда съ большимъ участіемъ относилась къ поэту, ободряя его на продолженіе труда. Онъ читалъ у ней нѣсколько разъ свои лирическія стихотворенія. Ей посвятилъ онъ стихи въ отвѣтъ на поздравительную карточку (Xmas card) которую она ему прислала съ граціозной игрой словъ. На темномъ фонѣ были нарисованны свѣтлыя Иванъ-да-Маріи,—*pensées* [1]) и написанно: „поэту, съумѣвшему возрастить свѣтлыя и великія мысли на самомъ мрачномъ историческомъ фонѣ“.

Но этотъ, можно сказать, историческій салонъ, исчезъ въ его бытность въ Римѣ. Когда умеръ Листъ, княгиня писала одному нашему общему другу: „à mon age on ne pleure pas, on prie et on meurt“, и слегла въ постель. Шесть мѣсяцевъ она пробыла безвыходно дома, не принимая къ себѣ ни души. Собираясь выѣхать въ церковь, Santa Maria dell'anima, въ день Св. Франциска,—день ангела Листа, она заказала его чудную мессу и ораторіо „Святую Елисавету“. Но наканунѣ этого дня, она тихо скончалась. На заказанной ею мессѣ, на которой и Капнистъ присутствовалъ, молились объ упокоеніи ея души. Эта возвышенная, трогательная любовь, соединявшая двухъ избранниковъ до глубокой старости, — рѣдкій въ мірѣ случай, какъ по нравственной красотѣ своей, такъ и по уваженію, какое она внушала даже столь злоязычному и лицемѣрно-строгому обществу.

Кромѣ Сен-Марса, Капнистъ продолжалъ писать лирическія пьесы, и переводы изъ Гейне; нѣкоторые изъ этихъ переводовъ напр: „*На крыльяхъ пѣснопѣнія*“, и „*Тысячалѣтья звѣзды*“, [2]) — по звучности и силѣ не хуже самаго оригинала.

---

[1]) „Pensée“—по французски, и названіе Иванъ-да-Марія, и значитъ: мысль.

[2]) Стр. 227 и 225.

Римъ имѣетъ какое-то удивительное свойство пробуждать вдохновеніе. Сюда, столько вѣковъ, какъ въ очагъ, стекались художественныя силы,—что эта мѣстность какъ-то магически пропитана искуствомъ, легендой, воспоминаніями, и возбуждаетъ дѣятельность поэтовъ.

Иногда мы ходили съ нашимъ отцомъ на далекія прогулки. Одна изъ нихъ, по дорогѣ за Сан-Лоренцо, осталась у него въ памяти. Было чудное ноябрское утро, праздникъ Всѣхъ Святыхъ,—поминальный день у католиковъ. Свѣтило осеннее солнце на чистомъ небѣ, а кладбище, мимо котораго мы шли, было усѣяно маленькими зажженными лампадками, точно огненными цвѣтами. Вѣялъ теплый вѣтерокъ, передъ нами лежали вспаханныя или покрытыя зеленой травою поля. Было мирно и хорошо въ этихъ равнинахъ за шумнымъ городомъ. Возвратившись съ прогулки, Капнистъ написалъ стихи: „*Тишина*„, гдѣ столько простоты и прелести [1]).

Онѣ провелъ въ Римѣ шесть зимъ. Жилъ онъ на солнечной сторонѣ площади около храма Св. Маріи („Magiore)“. Изъ его оконъ, въ то время, былъ виденъ храмъ, древній обелискъ, и широкій горизонтъ, идущихъ внизъ съ холма крышъ, и даже нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ башенъ, а вдали, на вечернемъ небѣ, точно въ прозрачной золотистой дымкѣ, вызвышался куполъ Св. Петра. Иногда, съ двухъ, трехъ часовъ ночи, слышалъ онъ минорный звукъ мѣдныхъ колоколовъ собора Св. Маріи. Начинались перезвоны о покойникахъ, такіе заунывные, что невольно наводили тоску. Впечатлительный поэтъ нашъ написалъ подъ ихъ звуки: „*Memento mori*“, *Danse macabre*“ и въ путь за могилу“ [2]). Вообще, Римъ—городъ, располагавшій его къ меланхоліи, или, покрайнѣй мѣрѣ, къ глубокимъ думамъ. Одинъ колоритъ римскаго освѣщенія,—

[1]) Стр. 149.

[2]) Стр. 144, 145 147.

виллъ и памятниковъ, навѣваетъ грусть:—темныя, темныя тѣни, темная зелень кипарисовъ и каменнаго дуба, съ лоснящимися листьями, золотой отблескъ неба, какъ на картинахъ Сальватора Розы,—жгучій, скорѣе чѣмъ сіяющій.

Общество, въ которомъ вращался Капнистъ, переживало свои послѣдніе дни; это былъ блестящій закатъ; теперь уже ничего подобнаго не существуетъ. Дворцы проданы, знать обѣднѣла, [1]) и вмѣсто прежнихъ историческихъ именъ, на празднествахъ все чаще раздаются имена американскихъ фабрикантовъ, и космополитовъ. Мы много выѣзжали съ нашей матерью. Отецъ-же нашъ не принималъ участія въ нашей свѣтской жизни, по цѣлымъ днямъ и вечерамъ онъ запирался у себя, читалъ и писалъ. Однако онъ посѣтилъ съ нами нѣсколько балловъ, которые, точно живыя картины, имѣли для него свою прелесть. Такъ, былъ онъ въ палаццо Габріели, въ залѣ расписанной гербами Борджіа,—сохранившейся со временъ этихъ властелиновъ въ томъ же видѣ, въ какомъ въ ней пировала ехидная красавица Лукреція, угощавшая враговъ своихъ ядовитыми конфектами. Теперь эта зала сгорѣла съ башней Борджіа, а палаццо—проданъ.

Онъ бывалъ и въ палаццо Фарнезе, гдѣ только во время бальнаго освѣщенія можно хорошо разсмотрѣть подъ самымъ потолкомъ знаменитыя фрески Джуліо Романо,—и на вечерахъ у княгини Альтіери, гдѣ, пройдя черезъ амфиладу залъ, у входа въ гостинную стояли напудренные лакеи, чтобъ отворять розовыя, прозрачныя мраморныя двери, сквозь которыя просвѣчивалъ блескъ многочисленныхъ восковыхъ свѣчей. Теперь эти аппартаменты наглухо заперты по случаю смерти хозяйки. Онъ любилъ бывать на балахъ у князя Барберини, гдѣ освѣщались ряды комнатъ съ прекрасными картинами, и статуями, обыкновенно закрытые для публики,—проходить по громадной salle d'arme, построенной по

[1]) Многіе разорились совершенно послѣ краха Римскаго банка.

плану Микель Анжело, и годящейся для смотра войскъ, какъ добрая площадь. Нѣтъ радушныхъ хозяевъ, и празднества давно прекратились въ осиротѣломъ дворцѣ.

У французскаго посла Лефевръ-де-Бегеннъ видѣлъ онъ вечерніе пріемы кардиналовъ, по случаю пріѣзда въ Римъ сѣдого красавца, знаменитаго кардинала Lavigeгіе, возстановившаго городъ Карѳагенъ на развалинахъ древняго. Хозяева провожали кардиналовъ до подъѣзда; уѣзжали они въ старинныхъ золоченыхъ каретахъ, сопровождаемые верховыми съ зажжеными факелами.—Онъ присутствевалъ также на сказочномъ балу князя Орсини. На немъ можно было прослѣдить въ лицахъ почти всю средневѣковую исторію Рима, и любоваться вѣковымъ блескомъ фамильныхъ драгоцѣнностей и бриллъянтовъ на изящныхъ представительницахъ римскихъ старинныхъ домовъ. Это празднество, невиданной роскоши, было послѣднимъ у князя Орсини. Теперь дворецъ его съ историческими семейными портретами,—проданъ неизвѣстному лица.

Знакомства съ кардиналами не даромъ прошли для Капниста. Въ это время, между ними были такіе типическіе люди, какъ Якобини, любезнѣйшій, милѣйшій и хитрѣйшій итальянецъ,—Чацкій, умный изящный полякъ, Говардъ, англичанинъ изъ вѣрной католицизму съ незапамятныхъ временъ семьи герцоговъ Норфолькскихъ. Кардиналъ этотъ, мечтавшій стать нунціемъ въ въ Россіи, знавшій по русски, ученый, начитанный, въ торжественныхъ случаяхъ справлялъ службу въ Св. Петрѣ.

Эта обязанность выпала ему на долю по эстетическому соображенію. Красивый, рослый, (бывшій гвардеецъ,—horse guard), въ своей кардинальской порфирѣ онъ казался по размѣру своему единственнымъ подходящимъ служителемъ храма Петра. Руки его бѣлыя, тонкія, во время богослуженія, такъ и сверкали бриллiантами.

Со всѣми ними Капнистъ часто бесѣдовалъ, и знакомство съ высшимъ католическимъ духовенствомъ, невольно для него самого, дало ему возможность прав-

диво и тонко понять историческіе характеры духовныхъ лицъ въ своей трагедіи: Мазарини, Арно, Ла-Ривьера. Но ему пришлось замѣтить и нѣкоторыя отрицательныя стороны этого міра, блестящаго, ученаго и любезнаго [1]).

Понятно, что Капнистъ представлялся Папѣ Льву XIII, который въ первый разъ удостоилъ его совсѣмъ особенной аудіенціей весной, когда онъ никого не принималъ, кромѣ приходившихъ на поклоненіе обществъ пилигримовъ. И вотъ, между двумя пріемами такихъ богомольцевъ, аббатъ-камергеръ провелъ его на частную ауденцію къ папѣ. Въ громадной залѣ, salle Mathilde, гдѣ принималъ онъ депутаціи, сидя на престолѣ, весь въ бѣломъ въ парчевой мантіи, съ тройнымъ вѣнцомъ на бѣлой тіарѣ, и окруженный цѣлымъ синклитомъ пурпурныхъ кардиналовъ, фіолетовыхъ монсиньоровъ, и пестрой гвардіей въ средневѣковыхъ одеждахъ,—предсталъ, предъ его удивленными и восхищенными очами, Левъ XIII. Зрѣлище было прямо поразительное, трудно вообразить себѣ болѣе изящный эффектъ. Величественный, обаятельный, съ оживленными, свѣтящимися умомъ глазами, старикъ папа далъ ему поцаловать свой перстень, съ иконой Христа, послѣ чего начался интересный разговоръ на чистомъ французскомъ языкѣ. Когда отвѣты Капниста особенно нравились Папѣ, стоявшіе кругомъ монсиньоры, съ итальянской живостью хлопали въ ладоши и восклицали скороговоркой: браво! браво! браво!

---

[1]) Такъ, напримѣръ, покойный монсиньоръ Катальди, съ добродушьемъ и наивностью, разсказывалъ Капнисту, какъ будучи капелланомъ Льва XIII, во время восшествія его на престолъ,—онъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ носилъ Папѣ провизію, скрытую въ широкихъ своихъ рукавахъ,—единственную пищу, какую Папа осмѣливался принимать, такъ какъ Іезуитамъ всѣ средства казались допустимыми, чтобы удалить Льва XIII отъ его всемірной дѣятельности. И бѣдный „узникъ Ватикана“, только тогда сталъ ѣсть горячую пищу, когда Катальди удалось передать ему своего повара, — человѣка, вполнѣ надежнаго.

На слѣдующій день Капнистъ, какъ принято по этикету, отправился къ церемонимейстеру папы, (теперь кардиналу Л. Маки). Прелатъ открылъ ему объятія и цаловалъ его. „Знаете-ли, графъ, что говорилъ намъ святой отецъ, послѣ вашего удаленія? — Вотъ, сказалъ онъ, - овцы не моего стада. Однако никто изъ вѣрныхъ моей церкви пилигримовъ, принятыхъ мною сегодня, не обрадовалъ меня, какъ это русское семейство“. Эти любезныя слова Льва XIII, увы! стали для насъ приговоромъ. Духовныя лица начали прилагать всѣ старанія, чтобы загнать чужихъ овецъ въ свою овчарню. Сначала, Маки обратился прямо къ Капнисту: „Какъ жаль мнѣ видѣть, что такой умный и прекрасный человѣкъ далеко стоитъ отъ свѣта, и пребываетъ въ тѣни, въ схизмѣ“, говорилъ онъ съ соболѣзнованіемъ, и потомъ, понижая тонъ: „Вы не думайте, графъ, что наша святая церковь не заботится о земныхъ благахъ своихъ дѣтей. По материнской добротѣ своей, она входитъ въ ихъ интересы. Мы всѣ отлично понимаемъ, что вамъ, напримѣръ, было-бы невозможно открыто перейдти въ лоно католичества, изъ за вашего придворнаго званія въ Россіи, изъ за вашего имѣнія. Церковь предвидѣла подобные случаи; она не требуетъ огласки; и вы спокойно можете исповѣдывать ее втайнѣ, быть тайнымъ католикомъ„. Эти слова взорвали Капниста, онъ съ твердостью и негодованіемъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, монсиньоръ, вы ошибаетесь. Я никогда, ничего въ жизни не дѣлалъ тайно. Еслибъ я могъ убѣдиться въ томъ, что для спасенія души моей необходима католическая религія,—то я принялъ и исповѣдывалъ бы ее открыто, не стыдясь моего убѣжденія. Спасеніе души моей я ставлю выше моего положеія и матеріальныхъ благъ. Но дѣло въ томъ, что я нетолько не убѣжденъ въ необходимости перемѣнить религію, но напротивъ, - я глубоко преданъ греческой православной церкви и никогда не измѣню вѣрѣ отцовъ моихъ“.

Маки такъ всего и передернуло. Онъ перемѣнилъ

тактику и сталъ убѣждать меня перейдти въ католитество. Однако и это ему не удалось.

Мы съ беспечностью молодости предавались увлекательнымъ и блестящимъ впечатлѣніямъ римскаго свѣта, то присутствуя на церковныхъ торжественныхъ службахъ, то катаясь по живописнымъ вилламъ Доріа и Боргезе, то веселясь на раутахъ и балахъ или принимая у себя на такъ называемыхъ five o'clock. И на эти пріемы Римъ клалъ свой отпечатокъ, оживляя ихъ пріѣздомъ кого нибудь изъ кардиналовъ, монсиньоровъ или знаменитыхъ художниковъ, стекавшихся въ вѣчный городъ изъ разныхъ странъ. Но отецъ мой не любилъ свѣтскихъ собраній, съ ихъ пустотой и тщеславіемъ.

Даже на наши пріемы являлся онъ рѣдко и не на долго. Мы не умѣли еще заглядывать глубже поверхностнаго блеска и красоты этого свѣта, онъ-же смотрѣлъ на свѣтскую толпу съ глубокой думой поэта и съ нѣкоторой грустной ироніей. Сосредоточенный и одинокій,—ему было виднѣе чѣмъ намъ, вся ея тщета и бренность.

Куда, какъ потокъ непрерывный и скорый
Стремятся немолчные стоны людей?—
Ихъ жалобы, вздохи,—ихъ вопли, укоры, —
Ихъ слёзы, въ мерцаніи дней и ночей!
Куда, и какой подчиняяся власти,
Стремится злодѣйство, несется любовь,
Зоветъ наслажденье,—безумныя страсти
Людей увлекаютъ, волнуютъ имъ кровь?
И все это жаждетъ, и все это мчится,
Надѣется гдѣ-то, чего-то достичь,
Пока, наконецъ, неизбѣжно случится
То,—*что при жизни не можемъ постичь.*

Лѣтомъ 1887 года трагедія Сен-Марсъ была окончена. Мы всѣ находились въ имѣніи, въ Малороссіи. Въ сосѣдствѣ, на берегу Псла, въ старинной усадьбѣ,—Мануйловкѣ, гостилъ тогда у нашей родственницы Ни-

колай Филиппович Христiановичъ, человѣкъ выдающiйся по своему уму и музыкальному таланту, — ученикъ Листа, прелестно сочинявшiй и импровизировавшiй. Память его, какъ свѣтлаго художественнаго дѣятеля, еще жива въ Полтавѣ, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ теперь похороненъ,—и вѣчно останется въ благодарныхъ сердцахъ его многочисленныхъ учениковъ, которыхъ онъ училъ даромъ, по любви къ искуству [1]) Остроумный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, задушевный, онъ былъ лучемъ солнца въ нашей глуши.

Было рѣшено, что нашъ поэтъ прочтетъ намъ трагедiю въ присутствiи, всѣми нами любимаго, Н. Ф. Христiановича. Съ утра мы собрались въ Мануйловку.

Цѣлый день былъ посвященъ чтенiю, съ перерывами для чаю, прогулокъ и бесѣды. Послѣ каждаго чтенiя, вниманiе навострялось и наслажденiе росло. Когда вечеромъ онъ окончилъ пятый актъ, всѣ мы, глубоко потрясенные, молчали нѣсколько минутъ. Взволнованный авторъ могъ быть доволенъ произведеннымъ впечатлѣнiемъ. Потомъ восторгъ сталъ вдругъ изливаться. Начались восклицанiя, распросы, замѣчанiя, обсужденiя, и опять восторгъ.

Замѣчательно, что Капнистъ не думалъ о печатаньѣ, о славѣ. Онъ просто былъ доволенъ, что исполнилъ свой долгъ передъ искуствомъ, передъ своимъ дарованiемъ и совѣстью, а также, что способствовалъ къ оправданiю передъ исторiей своего незаслуженно-оклеветаннаго героя. Какая-то неодолимая антипатiя наполняла его сердце къ печатанью своихъ творенiй. Онъ, можетъ быть, слишкомъ любилъ ихъ, чтобъ отдавать постороннимъ людямъ этихъ дѣтищъ души своей. Эта черта была въ его характерѣ.

Наконецъ, послѣ прогулки, чтобы немного успокоиться и прiйдти въ себя отъ всей этой новой, развернувшейся передъ нимъ, исторической картины, — Христiановичъ

---

[1]) Имъ написаны талантливыя Письма о Шуманѣ, Шубертѣ и Шопенѣ, и послѣ него осталось много неизданныхъ прекрасныхъ музыкальныхъ сочиненiй.

сѣлъ за рояль, и звуками, лучше еще чѣмъ словами, передалъ то, что наполняло его артистическую душу. Среди чуткой тишины деревенской ночи, поэтъ, долго имъ заслушивался, сидя на старинномъ балконѣ и глядя, какъ сквозь вѣтви липъ и каштановъ далеко мерцали звѣзды.

XIII.

Ялта, въ 1889 году, оказалась особенно оживленной. Зимовало тамъ случайно нѣсколько семействъ, любившихъ музыку, театръ, жившихъ умственной жизнью.

Присутствіе Сербской Королевы Наталіи,—женщины въ высшей степени любезной, оживляло русскій „лазурный берегъ“.

Не успѣлъ Капнистъ туда пріѣхать, какъ узналъ, что тамъ проводятъ зиму двѣ его старыя знакомыя: плѣнительная С. А. Ч.—его первая любовь,—превратившаяся въ очаровательную старушку, и незабвенная М. Л., все еще прелестная и краснорѣчивая. Эти встрѣчи радостно напомнили ему его молодые годы. Все, что разъ искренно прочувствовано, не должно и не можетъ исчезнуть. Подъ старость, воспоминанія юности принимаютъ особенную обаятельность, какъ запахъ осеннихъ цвѣтовъ, которыхъ слегка уже коснулся морозъ.

Есть для меня минуты золотыя,
Когда вокругъ сіяетъ пышный день,
Когда спокойны волны голубыя,
Когда тиха прибрежныхъ рощей сѣнь,

Когда тепломъ окрестный воздухъ дышетъ,
Когда на всемъ святая тишина,—
И жизни цѣль отрадна и ясна;
И такъ легко любовью сердце дышетъ!

Въ то время Капнисту шелъ уже 61-й годъ, но онъ казался гораздо моложе своихъ лѣтъ.

Жаръ душевный, свѣжесть воспріимчивости такъ были въ немъ сильны, что умъ и тѣло охранялись этими свойствами отъ старческаго разрушенія; умъ не только не слабѣлъ, но какъ то расширялся; лицо не теряло бодраго выраженія, глаза свѣтились.

Тогда въ Ялтѣ зимовали родственницы Капниста и давній знакомый, женившійся на одной изъ нихъ, извѣстный ученый—Б. Н. Чичеринъ. Этотъ близкій кружокъ заинтересовался поэтической дѣятельностью Капниста; онъ имъ читалъ свою трагедію. Мало по малу и другіе знакомые узнали о трагедіи. Князь Б. читалъ ему интересные мемуары свои о Севастопольской войнѣ и о синопскомъ сраженіи, въ которомъ участвовалъ, а Капниста просилъ прочесть у него Сен-Марса. Княгиня Б. пригласила на это чтеніе королеву Наталію. Такъ какъ въ одинъ вечеръ поэту было слишкомъ утомительно прочесть всю трагедію цѣликомъ,—королева пригласила его и всѣхъ присутствовавшихъ у князя Б. къ себѣ, для продолженія чтенія. Между слушателями находился молодой человѣкъ, который особенно заинтересовался трагедіей, это былъ графъ Петръ Дмитріевичъ Бутурлинъ, тоже поэтъ. Послѣ чтенія, когда Капнистъ возвращался домой въ гостинницу Россію,—онъ замѣтилъ, что при входѣ въ залу, около колоннъ, молодой человѣкъ ожидалъ его. Послѣ минуты колебанія, Бутурлинъ перемогъ нерѣшительность, быстро подошелъ къ нему и сказалъ взволнованнымъ голосомъ: „Графъ я не могъ уйдти, не увидавъ васъ еще разъ сегодня, не передавъ вамъ то сильное впечатлѣніе, которое произвело на меня ваше чтеніе. Я еще весь имъ проникнутъ. Мнѣ хотѣлось выразить вамъ мой восторгъ!“ И онъ съумѣлъ это сдѣлать въ такихъ теплыхъ словахъ, что съ первой этой встрѣчи завязалась дружба между поэтами. Серіозный, замкнутый въ себѣ Капнистъ былъ чрезвычайно чувствителенъ въ глубинѣ души своей ко всѣмъ проявленіямъ искреннаго вниманія.

А молодой поэтъ, — пылкій, нѣжный, полный энту-

зіазма, и такъ сердечно проявлявшій свои впечатлѣнія,—обладалъ лучшимъ даромъ, чтобы разсѣять эту сдержанность. Привлекательная личность его соединяла въ себѣ всю живость и фантазію южанина, съ задушевностью и ширью русскаго духа.

Русскій по отцу своему, и по страстной любви къ Россіи, по матери онъ былъ португалецъ, а родился онъ „на родинѣ сонета“, въ цвѣтущей Флоренціи. Онъ всѣхъ оживлялъ своей неистощимой отзывчивостью ко всему, начиная съ крымской природы, кончая всѣми событьями жизни нашего общества. Маленькій, худощавый, замѣчательно изящный, живой въ своихъ движеніяхъ, онъ былъ настоящимъ воплощеніемъ поэта, казался весь какимъ-то воздушнымъ, фантастическимъ, и только прекрасные темные глаза, въ которыхъ такъ и играло выраженіе, такъ и переливались оттѣнки его часто мѣнявшагося настроенія,—заключали въ себѣ какую-то мощь, какую-то глубокую думу. Лобъ его, открытый, высокій, и превосходная, благородная форма головы напоминали Торквато Тассо. Бѣдная наша Россія! Сколько суждено ей было потерять поэтовъ, умершихъ или въ молодыя лѣта, или неуспѣвъ окончить свои труды. Между много обѣщавшими прекрасными талантами былъ и графъ Бутурлинъ. Тогда въ Ялтѣ, онъ почти совсѣмъ окончилъ первый сборникъ своихъ стихотвореній. Всѣ эти пьесы приходилъ онъ читать Капнисту въ рукописи. Знатокъ всей европейской литературы, замѣчательно тонко изучившій русскій стихъ и всѣ оттѣнки русскаго языка, молодой поэтъ внесъ въ нашу литературу совсѣмъ оригинальный вкладъ. Въ его стихахъ преобладаетъ яркость и пластичность; каждый эпитетъ, каждое слово такъ точно выражаетъ мысль или описаніе, что западаетъ невольно въ память; и со времени появленія его книги, Капнистъ нерѣдко замѣчалъ въ нашей современной поэзіи, печатавшейся въ текущихъ изданіяхъ, не одинъ оборотъ рѣчи, не одну картину, не одинъ эпитетъ, имѣющіе видимое отношеніе къ стихамъ Бутурлина; и такъ онъ положилъ свой

отпечатокъ на современную поэзію. Всей душой Капнистъ наслаждался его изящнымъ талантомъ. Его искуство можно сравнить съ искуствомъ Бенвенуто Челини, который въ небольшомъ размѣрѣ изваевалъ свои произведенія изъ драгоцѣннаго матеріала. Такъ и Бутурлинъ, хотя ему удались поэмы, какъ напримѣръ Донна Пазъ,—Иласъ,—достойный стать наравнѣ съ Иласамъ Андрея Шенье,—предпочелъ заключить свое вдохновеніе въ сжатую и законченную рамку сонета.

Бутурлинъ проводилъ почти каждый вечеръ у Капниста. Мнѣ помнятся еще ихъ долгія пренія о поэзіи, ихъ обсужденія спеціальныхъ вопросовъ стиха и формы,—столь дорогихъ для художниковъ,—ихъ оживленные разговоры, которые иногда продолжались до разсвѣта.

Капнистъ съ нимъ молодѣлъ, и его вдохновеніе стало вновь искать себѣ, помимо мелкихъ, лирическихъ впечатлѣній,—драматическій сюжетъ. Симпатія, духовная общность окрыляютъ поэтовъ. Не ихъ слѣдуетъ упрекать въ наше время за тô, что они почти умолкли, или не могутъ развернуть свой талантъ во весь ростъ, а—бездушную современную толпу, которая точно гнетъ своей многочисленностью и тупымъ равнодушіемъ придавливаетъ все нѣжное, все чуткое, и поэтому, такъ пагубно дѣйствуетъ на вдохновеніе. Въ борьбѣ съ этимъ гнетомъ, съ этимъ нравственнымъ удушіемъ, теряется та часть нервныхъ и духовныхъ силъ, которая, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, пошла-бы на творчество.

Изъ матеріальнаго, лихорадочно-дѣятельнаго XIX вѣка, они все позабывъ, перенеслись въ созерцательный, художественный вѣкъ древне-греческаго разцвѣта. Роскошная природа южнаго побережія Крыма также щедро дарила обоихъ поэтовъ своими чарами, какъ и въ тѣ далекія времена. Она все такъ же полна откровеній и чудесъ для тѣхъ, кто хочетъ къ ней прислушаться. Бутурлинъ былъ страстнымъ любителемъ цвѣтовъ. Каждый день, возвращаясь съ прогулокъ съ цѣлыми снопами крымскихъ роскошныхъ фіалокъ, тюльпановъ, жи-

молости, онъ украшалъ ими обѣденный столъ и особенно изящно группировалъ ихъ. Сочетанія красокъ и ароматовъ приводили его въ восторгъ. Выдумали, ради шутки, своего рода „jeu floraux“, состоявшіе изъ сравненій, короткихъ стиховъ. Его общительность, его живое восхищеніе передавалось Капнисту, который, глядя на эти цвѣты, и любуясь ими сочинялъ экспромты вродѣ слѣдующаго:

Надъ узорчатымъ тюльпаномъ
Грустно лилія склонилась,
И ему блѣднѣе шепчетъ,
Что она въ него влюбилась.

Отъ стыда и страсти нѣжной
Тихо въ чашечку тюльпана
Слезка лилія скатилась,
Словно жемчугъ Индустана.

За обѣдомъ царило всегда оживленіе, веселость изящество и остроуміе. Оба поэта любили мѣтко, но добродушно развлекаться тѣми кого видѣли, часто придумывали шутки и все сопровождалось стихами. Каждый день Бутурлинъ былъ подъ какимъ нибудь новымъ впечатлѣніемъ,—то восхищался Японіей, откуда выписывалъ себѣ художественный журналъ съ воспроизведеніями японской живописи, то увлекался древней Элладой. Онъ посвятилъ Капнисту мастерски переведенную имъ идиллію Теокрита: „Жнецы“, гдѣ онъ съумѣлъ изумительно вѣрно передать всю первобытную свѣжесть, правду, и грацію греческаго оригинала [1]).

[1]) Разъ онъ заговорилъ о древне-іоническихъ поэтахъ, носившихъ длинныя одежды, заплетенные волосы, лавровые вѣнки, и какъ эмблему пѣнія—золотую цикаду на головѣ. Невольно мнѣ пришла мысль, что такой костюмъ былъ-бы ему самому къ лицу. Возвратясь къ себѣ, я какъ нарочно внезапно замѣтила, сквозь открытую дверь, на бѣлыхъ перилахъ балкона трепещущую отъ холода живую цикаду, (большую стрекозу). Поймать ее, посадить въ ящикъ, было

CCVII

Такъ проходило это пребываніе въ Крыму, оставившее въ душѣ поэтовъ и тѣхъ, кто дѣлилъ ихъ досуги, неизгладимую прелесть. Все сливалось въ одно впечат-

---

дѣломъ одного мгновенія. Это было наканунѣ 1-го апрѣля. Нарвавъ лавра я съ сестрой моей сплела вѣнокъ, пришпилила къ нему золотой цвѣтокъ, посадили въ него цикаду, положила все это въ картонку и послала утромъ Бутурлину съ слѣдующими шуточными строками, будто-бы отъ имени нашего отца.

(Поэтъ, что въ „первомъ“ обитаетъ
Шлетъ стрекозу и свой привѣтъ
Тому, кто выше тамъ витаетъ,
Какъ мотылекъ, иль какъ поэтъ.
Вѣнчай главу вѣнкомъ лавровымъ,
Любимецъ музъ! спорхни къ нему,
И принеси съ твореньемъ новымъ
Отраду дивную уму).

Ничего не подозрѣвавшій отецъ нашъ сошелъ къ завтраку и вдругъ, человѣкъ Бутурлина, улыбаясь приноситъ ему записку:

„Парнасскій лавръ! Спартанская цикада!
Какая прелесть въ вѣкъ практическихъ умовъ!
И аттицизму дорогихъ даровъ
Бѣдняжка Муза безконечно рада:
Надеждой встали призраки боговъ.
Но чѣмъ отвѣтитъ ей суровость свѣта?
О, страшно думать робкою душой!
Она боится грезы золотой,
Что въ милой шуткѣ милаго поэта
Блеснула прошлою и будущей красой“.

Озадаченный отецъ нашъ показываетъ намъ эти строки. „Прелестные, сами по себѣ, стихи, однако, понять не могу, почему именно онъ ихъ мнѣ прислалъ?“ Недоумѣвалъ онъ. Вдругъ самъ Бутурлинъ поспѣшно входитъ, и подлетаетъ къ нему, восклицая: „Cher Comte! merci! c'est charmant! Elle m'a sautè au nez comme cela“! жестомъ показываетъ какъ цикада прыгнула ему въ лицо, и быстро направляется къ столу съ закуской. Нашъ отецъ, совершенно пораженный, сказалъ: „что съ нимъ? Что случилось“? И бросился къ нему за объясненіемъ. Бутурлинъ съ хохотомъ разсказалъ о стихахъ, вѣнкѣ и цикадѣ. „Никакихъ цикадъ я не ловилъ“, возражалъ смѣясь нашъ отецъ.—„Не отпирайтесь, я увѣренъ, что это вы“, отвѣчалъ Бутурлинъ, „стихи написаны похожей на вашу рукой“. Долго смѣялись, гадали кто изъ знакомыхъ придумалъ эту шутку. Послѣ завтрака оба поэта пошли въ садъ и выпустили на свободу виновницу стиховъ—цикаду.

лѣніе теплыхъ лучей, цвѣтущихъ миндальныхъ деревьевъ, поэзіи и вѣчно-поющаго, немолчнаго моря. И оба поэта посвятили ему стихи, весьма различные по характеру. Оба они спрашиваютъ, о какой тайнѣ шепчетъ море? Но юную душу Бутурлина эта непонятная музыка радостно ласкаетъ, намекая на какія-то свѣтлыя тайны, и онъ сравниваетъ эти лучезарные морскіе приливы съ приливами вдохновенія. Кто-же невѣдомый царь, каковъ непостижимый законъ,—повелѣвающій этимъ чуднымъ волненіемъ!

Пѣсни, волны и лучи,
Чтȯ свободнѣй васъ на свѣтѣ?
Кто вамъ царь и что законъ?
Нѣтъ вамъ граней, нѣтъ препонъ...
Пѣсни, волны и лучи!

Тайны сердца и небесъ,
Васъ никто не постигаетъ,
Ни философъ ни поэтъ,—
Но безъ васъ и міра нѣтъ!
Пѣсни, волны и лучи...

Другую думу вызвало море у Капниста [1]). Онъ любилъ ходить по берегу, въ лунныя ночи, когда бушевалъ прибой, и волны съ грохотомъ метались о скалы и отпрядывали, разбиваясь въ серебристую пыль. Оно ему роптало о безконечномъ стихійномъ страданіи и о вѣчномъ возмущеніи,—о страстной борьбѣ, наполняющей и внѣшній и психическій міръ, — о той борьбѣ, которую драматизируетъ поэтъ въ своихъ твореніяхъ.

Нѣсколько мыслей для трагедій приходило ему на умъ. Онъ часто задумывался надъ исторіей французской революціи, надъ судьбой Маріи Антуанеты. Но съ другой стороны, ему казался заманчивымъ сюжетъ изъ русской исторіи и его издавна привлекала личность

---

[1]) Стихотвореніе *У моря* стр. 91.

Петра Великаго. Выборъ такого сюжета остановилъ Капниста не потому, чтобы онъ задавался цѣлью выражать въ литературѣ національный духъ. Онъ находилъ, что не слѣдуетъ воображать, будто вдохновеніе можетъ сковать себя „географической границей". Искуство великая религія любви и общности всего міра. Не разъ возвращался онъ къ этой вѣрѣ въ объединеніе и въ примиреніе всѣхъ людей, посредствомъ высшихъ проявленій художественной, творческой силы. Онъ приводилъ въ доказательство фактъ, что нашей душѣ говорятъ до сихъ поръ памятники искуства давно исчезнувшихъ народовъ. Бытовая, національная сторона остается интересной въ историческомъ, и археологическомъ отношеніи; но чистое, свободное вдохновеніе будетъ всегда вліять непосредственно. Искуство, воплощающее въ себѣ общечеловѣческую идею, останется вѣчно живымъ, какъ вѣчно жива, напримѣръ, Антигона Софокла, олицетвореніе трагической борьбы между совѣстью,—закономъ писаннымъ въ сердцѣ нашемъ,—и внѣшней законностью, созданной обычаемъ и общественной властью. Одна узкая исключительность можетъ ставить въ укоръ автору выборъ сюжета изъ иностранной исторіи или дальней эпохи. Ничто, кромѣ внутренней логики развитія сюжета, не имѣетъ права сковывать свободу вдохновенія, ибо, по писанію, духъ вѣетъ откуда хочетъ. Но если поэтъ воленъ въ выборѣ сюжета, личность его, помимо его вѣдома, накладываетъ на его твореніе свой отпечатокъ. Русскій въ душѣ, русскій поэтъ передастъ иностранный сюжетъ по своему, съ своей русской точки зрѣнія, и тѣмъ обогатитъ русскую литературу чужимъ сокровищемъ, освоеннымъ русской душой.

Въ такомъ присвоеніи и пополненіи,—прелесть экзотическаго вѣянія, столь хорошо понятаго французами. Это далеко не банальный и пустой космополитизмъ,—это любящее проникновеніе чуждой и далекой жизни, съ такой силой и сострастіемъ, что она становится близкой и родной.

Капнистъ говорилъ Бутурлину о своемъ планѣ, насчетъ трагедіи, въ которую входила-бы личность Петра Великаго. Пламенно-впечатлительный Бутурлинъ увлекся этой мыслью и сталъ его ободрять. Капнистъ хотѣлъ выставить сына Петра, – Алексѣя, воплотить въ немъ всѣ начала, которыми жила до реформенная Русь и сосредоточить трагическое положеніе въ борьбѣ между гражданской идеей Петра, требующей увѣковѣченія въ Россіи своихъ реформъ,—и его отцовскимъ чувствомъ, которое онъ долженъ былъ принести въ жертву своей реформаторской дѣятельности. Подготовляясь къ этому труду, Капнистъ сталъ читать исторію Соловьева, документы о царствованіи Петра Великаго, и о царевичѣ Алексѣѣ.

Такъ прошло лѣто, и слѣдующая зима, которую онъ провелъ въ Петербургѣ. Сѣверъ, поздняя снѣжная осень въ деревни, отпечатались въ нѣсколькихъ лирическихъ пьесахъ: „*Зима пришла*,“ „*Зимой*“, „*Средь зимы*“ [1]). Въ „Южномъ Краѣ“ явилось къ этому времени два стихотворенія, напечатанныхъ имъ съ его подписью,—единственныхъ при жизни его [2]). Одно изъ нихъ посвящено Королевѣ Наталіи, другое, вызвано мыслью архіепископа Харьковскаго, — Амвросія, который предложилъ воздвигнуть серебряный колоколъ въ память спасенія царской семьи въ Боркахъ 17 октября. Въ Петербургѣ Капнистъ опять бывалъ при дворѣ и каждый разъ свѣтлая личность Александра III-го его очаровывала. Послѣ своего представленія Императору, онъ долго былъ подъ впечатлѣніемъ его лучистыхъ глазъ и привлекательной доброты. Онъ восхищался его открытой, прямой русской натурой, его независимой политикой и преданной любовью къ Россіи, высказавшей себя въ смиренномъ служеніи отечеству до полнаго забвенія себя самаго, что и поставило его, въ концѣ

---

1) Стр. 103, 104, 106.
2) Стр. 150 и 188.

жизни, на такую нравственную высоту и дало ему такой престижъ въ глазахъ всего міра.

Однако, главная задача Капниста,—работа надъ задуманной трагедіей: „Царевичь Алексѣй,“ не подвигалась. Напротивъ, чѣмъ больше онъ начитывалъ и углублялся въ исторію, тѣмъ меньше находилъ онъ настоящей почвы для трагедіи. Ужъ одно, совсѣмъ внѣшнее обстоятельство представляло большое затрудненіе,—это невозможный русскій языкъ петровской эпохи, это множество употреблявшихся тогда иностранныхъ словъ и оборотовъ рѣчи. Вторая причина, болѣе глубокая и еще болѣе непреодолимая, лежала въ самой личности Петра Великаго. Во первыхъ, въ чемъ состоитъ трагизмъ, и что такое трагедія?—спрашивалъ себя поэтъ. У древнихъ, у которыхъ человѣческій типъ и характеръ былъ проще и сильнѣе,—трагедія состояла въ борьбѣ даннаго лица съ преслѣдующимъ его *фатумомъ*, то есть, въ борьбѣ человѣческой воли съ непреклонной, непонятной намъ, *необходимостью*. У современниковъ,—трагедія зиждится на чувствѣ раздвоенія самаго человѣка, менѣе цѣльнаго и болѣе сложнаго, чѣмъ древніе. Трагизмъ современнаго человѣка состоитъ въ сознаніи своей собственной слабости, и въ борьбѣ,—раздѣляющихъ его въ самомъ себѣ,—двухъ теченій, двухъ силъ, какъ напримѣръ: въ борьбѣ разума и желанія, увлеченія и долга и проч. Онъ не умѣетъ выбрать между двумя противоположными теченіями, отдаться всецѣло одному изъ нихъ, не умѣетъ и примирить ихъ. Въ немъ происходитъ постоянное колебаніе воли, что порождаетъ много психическихъ движеній и нелогичныхъ дѣйствій. На этой-то внутренней борьбѣ и построена современная трагедія. Тамъ, гдѣ глубокая философія или сила характера ставятъ человѣка выше обстоятельствъ и примиряютъ въ немъ внутреннюю борьбу,—не можетъ быть трагедіи. Всѣ эти соображенія останавливали Капниста. Онъ увидѣлъ, что нѣтъ ни малѣйшаго трагизма въ твердой, ни минуты не колебавшейся, спокойной личности Петра Ве-

ликаго, который весь перешелъ въ свою мысль и жилъ своимъ убѣжденіемъ, безжалостно попирая все, что могло-бы служить преградой его направленію. По исторіи, послѣ смерти сына своего, у Петра не проглядываетъ ни малѣйшаго сожалѣнія. Петръ—олицетвореніе идеи и непреклонной, безстрастной воли. Какую же трагедію сочинить объ этомъ невозмутимомъ героѣ, всегда свѣтломъ и рѣшительномъ? — Нѣсколько разъ Капнистъ бросалъ свой планъ, снова передумывалъ, опять за него принимался. Но вдохновеніе отлетало все дальше. Между тѣмъ, Бутурлинъ воспользовался этой темой, которая ему сразу понравилась, чтобы посвятить ему три великолѣпныхъ историческихъ сонета, озаглавленныхъ: Царевичь Алексѣй въ Неаполѣ [1]). Въ нихъ онъ невольно, и самъ того не подозрѣвая, указалъ, почему именно Петръ Великій, вдохновляющій лирику и эпосъ,—неподходящее для трагедіи лицо.

Нещадный точно смерть, и грозный какъ стихія.
Онъ не отецъ,—онъ царь, онъ—Новая Россія.

Въ Петербургѣ Капнистъ опять видѣлся съ пріѣхавшимъ туда, чтобы издать свой первый сборникъ стиховъ, графомъ Бутурлинымъ. Стихи его были просмотрены ученымъ собраніемъ академиковъ и профессоровъ русской словесности и одобренными ими въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Всѣ волненія свои насчетъ перваго появленія въ свѣтъ своей книги, авторъ дѣлилъ съ Капнистомъ, столь искренно цѣнившимъ его. Они еще вмѣстѣ читали и восторгались, напечатанной тогда въ Вѣстникѣ Европы, „Кассандрой“ Полонскаго. Кто бы могъ подумать, что это было ихъ послѣднимъ свиданіемъ!

Лѣтомъ, Бутурлинъ писалъ изъ Парижа моей матери: Et le Comte? Quand aurons nous enfin son beau Cinq

---

[1]) Не приводимъ ихъ здѣсь, такъ какъ они напечатаны въ Сборникѣ Сонетовъ графа Бутурлина,—слишкомъ извѣстномъ всѣмъ цѣнителямъ нашей литературы, чтобы ихъ цѣликомъ цитировать. Капнистъ отвѣтилъ на нихъ стихами: „Къ графу Бутурлину“, III Отдѣлъ стр. 154, 155.

Mars? Je vois avec bonheur que le salon de la grande Duchesse Catherine l'a apprécié à sa juste valeur. Ce n'est que justice,—mais cela fait plaisir tout de même, car ce salon-là est notre Hôtel de Rambouillet; le goût y est sûr—et y règne en maître. Il me semble que ce dernier succès devrait vaincre les derniers scrupules du Comte et qu'à son retour à Pétersbourg, sa première visite devrait être à un éditeur. Je prie Apollon et les neuf Muses de l'inspirer en ce sens" [1]).

Въ этихъ строкахъ Бутурлинъ намекаетъ на чтенie Сен-Марса которое состоялось у княгини Елисаветы Павловны Витгенштейнъ (родственницы его римской знакомой), въ присутствiи Вел. княгини Екатерины Михайловны съ ея дочерью принцессою Еленой Георгiевной и—Ея Высочества Принцессы Евгенiи Максимилiановны Ольденбургской. —Однако авторъ и не думалъ объ издателѣ. Онъ намѣревался еще разъ пересмотрѣть свое сочиненie во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ по тѣмъ документамъ, которые хранятся въ Парижѣ.

Не одна поэзiя занимала Капниста. Всю жизнь свою, сперва изучая политическую экономiю, и крестьянскiй вопросъ, потомъ ставши самъ сельскимъ хозяиномъ,— онъ близко принималъ къ сердцу все, что касалось до администрацiи сельскаго хозяйства. Въ тѣ годы, онъ былъ очень заинтересованъ назрѣвавшимъ вопросомъ о возникновенiи министерства земледѣлiя, и написавъ цѣлый рядъ статей въ газетѣ Южный Край, онъ издалъ въ 1891 году брошюру: подъ названiемъ Министерство Земледѣлiя [2]). Она встрѣтила у многихъ со-

---

[1]) „А Графъ? Когда наконецъ будетъ у насъ его прекрасный Сен-Марсъ? Я счастливъ видѣть, что салонъ Вел. Княгини Екатерины Михайловны оцѣнилъ его. Этого требуетъ одна справедливость; но всетаки это радуетъ, такъ какъ салонъ этотъ нашъ „Отель Рамбуллье; вкусъ тамъ вѣрный, и царитъ всевластно. Мнѣ кажется, что этотъ послѣднiй успѣхъ долженъ побѣдить послѣднiя колебанiя графа, и что по возвращенiи въ Петербургъ, онъ первымъ дѣломъ посѣтитъ издателя. Я молю Аполлона и девять Музъ вдохновить его въ этомъ смыслѣ".

[2]) Смотр: II томъ, Статьи.

чувствіе; тогда-же онъ познакомился съ А. С. Ермоловымъ, нынѣшнимъ министромъ земледѣлія,—который подарилъ ему свою прекрасную книгу объ этомъ вопросѣ.—Въ бытность Капниста въ Петербургѣ его нѣсколько разъ навѣщалъ изъ Москвы старшій братъ его. Черезъ него, онъ вошелъ въ сношенія съ поэтомъ и тоже сельскимъ хозяиномъ, А. В. Шеншинымъ Фетомъ. Фетъ писалъ брату Капниста,—Василію Ивановичу.

„Многоуважаемый Графъ!

„Хотя я и заручился любезнымъ словомъ Вашимъ пожаловать къ намъ 27-го въ среду, въ 5 часовъ къ обѣду, но прочитавъ превосходную брошюру „Министерство земледѣлія", подаренную мнѣ братомъ вашимъ, черезъ ваше посредство,—я возгорѣлся желаніемъ выразить ему не только мою сердечную признательность, но живѣйшую симпатію, по случаю множества капитальныхъ, высказанныхъ имъ мыслей. Вслѣдствіи этого, рѣшаюсь безпокоить васъ покорнѣйшей просьбой снабдить меня по городской почтѣ полнымъ адресомъ Вашего брата.

Пользуюсь случаемъ выразить чувства симпатіи стараго однополчанина, съ какими имѣю честь быть Вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ

А. Шеншинымъ".

Получивъ адресъ, Фетъ писалъ:

„Многоуважаемый Графъ Петръ Ивановичъ!

Только вчера, обѣдавшій у насъ графъ Василій Ивановичъ снабдилъ меня окончательнымъ адресомъ вашимъ, давая тѣмъ возможность поблагодарить васъ за прекрасную брошюру министерства земледѣлія, врученную мнѣ моимъ однополчаниномъ Василіемъ Ивановичемъ. Привыкшій къ разнымъ и пестрымъ заплатамъ, нашиваемымъ на нашъ разваливающійся кафтанъ, я и на этотъ разъ полагалъ, что проэктируется новое министерство въ видахъ засѣванія высей чечевицей и доловъ сахарнымъ горошкомъ, хотя то и другое будетъ, не достигнувши зрѣлости, разворовано и разтоптано.

Но, прочитавъ вашу брошюру, съ восторгомъ убѣдился, что предполагаемое вами министерство должно быть присяжнымъ попечительствомъ его невозможныхъ, въ настоящее время, условій. Мы вчера съ Василіемъ Ивановичемъ сходились въ усердныхъ пожеланіяхъ, чтобы ваша брошюра достигла слуха, могущаго выразить свое сочувствіе и одобреніе явнымъ содѣйствіемъ. Но пока она только благая мысль, я въ состояніи только выразить живѣйшее мое къ ней сочувствіе и ту искреннюю признательность съ какою имѣю честь быть вашего Сіятельства покорнѣйшимъ

А. Шеншинымъ.

Переписка не остановилась на земледѣліи. Василій Ивановичъ, любитель стиховъ, передалъ Фету нѣсколько стихотвореній своего брата. Въ отвѣтъ на нихъ, авторъ получилъ слѣдующія строки:

„Многоуважаемый Графъ Петръ Ивановичъ!

Вчера, когда наша среда случайно была оживленнѣе обыкновеннаго, обрадовалъ насъ своимъ появленіемъ къ обѣду и графъ Василій Ивановичъ, передавшій мнѣ ваше любезное письмо. За обѣдомъ, между прочимъ, былъ тонкій цѣнитель поэзіи В. С. Соловьевъ, а послѣ обѣда подошелъ, рѣдко появляющійся въ гостяхъ, графъ Л. Н. Толстой. Вотъ почему я только улучилъ минуту прочесть любезное письмо Ваше и долженъ былъ отложить чтеніе стиховъ, до болѣе свободной минуты. Позволяю себѣ говорить объ этихъ подробностяхъ потому, что вошедшій ко мнѣ въ кабинетъ Соловьевъ, съ разрѣшенія моего, прочелъ вслухъ приложенныя при письмѣ стихотворенія, становя такимъ образомъ дѣло ихъ критики на нейтральную почву. Получая со всѣхъ концовъ Россіи произведенія поэтовъ, мало имѣющихъ право на одобрѣніе, я вынужденъ сказать, что мы оба съ Соловьевымъ были отрадно поражены достоинствами присланныхъ стихотвореній, носящихъ слѣды наилучшихъ нашихъ стихотворныхъ преданій временъ Пушкина и Тютчева. Владѣя дѣломъ въ той мѣрѣ, въ какой выставляетъ его фактура вашего стиха

и ходъ поэтическихъ мыслей, вы, графъ, безъ сомнѣнія избавите меня отъ излишнихъ объясненій моего одобренія, которые будучи умѣстны только въ критической статьѣ, въ краткомъ письмѣ невозможны.

Я еще вчера говорилъ графу Василію Ивановичу о томъ, въ какой мѣрѣ я сочувствую вашему проэкту независимаго министерства земледѣлія,—конечно если эта независимость не ограничится перенесеніемъ письменныхъ столовъ и мебели въ отдѣльное помѣщеніе. Не взирая на свое жестокое удушіе, воспользуюсь черезъ полчаса сегодняшней оттепелью, чтобы поѣхать поблагодарить Василія Ивановича за вчерашнее посѣщеніе. Пользуюсь случаемъ еще разъ выразить глубокое уваженіе съ какимъ имѣю честь быть вашего Сіятельства всепокорнѣйшимъ

А. Шеншинымъ.

Еще разъ перечитывая ваши стихи, я скажу, что всѣмъ помѣщаемымъ въ современныхъ журналахъ до нихъ „Какъ до звѣзды небесной далеко [1])“.

Судя по этимъ письмамъ, сношенія съ А. И. Фетомъ обѣщали быть самыми интересными и задушевными, тѣмъ болѣе, что Капнистъ часто проѣзжалъ черезъ Москву. Но къ сожалѣнію, Фетъ вскорѣ опасно заболѣлъ, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Еще много лестнаго о его стихахъ говорилъ Капнисту Л. И. Майковъ, видѣвшійся съ нимъ въ Петербургѣ и бесѣдовавшій неоднократно о поглощавшемъ его тогда новомъ изданіи Пушкина [2]). Капнистъ сообщилъ ему нѣкоторыя подробности о великомъ поэтѣ, которыя были имъ собраны еще въ юности, во время его службы въ Одессѣ [3]). Но ничьи слова и никакія похвалы не могли побѣдить въ немъ его упорную антипатію къ печатанію своихъ поэтическихъ произведеній.

---

1) Приводимъ это письмо, такъ какъ ни того ни другого поэта нѣтъ болѣе въ живыхъ.

2) Онъ только что издалъ свою тонко и глубоко-изящно написанную біографію поэта Батюшкова, и привезъ ее Капнисту.

3) Статья: *Къ Эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы*. II. томъ.

Но возвратимся къ другимъ интересовавшимъ его соціально-экономическимъ вопросамъ. Въ 1896 году, будучи членомъ Сельскохозяйственнаго съѣзда, онъ составилъ записку по вопросу о мѣропріятіяхъ противъ пьянства и разгула въ нерабочіе дни. Въ 1897 году, онъ получилъ лѣтомъ письмо отъ предводителя дворянства, съ просьбой написать свое мнѣніе насчетъ тѣхъ мѣропріятій, которыя могли-бы упрочить и поднять сословіе дворянъ. Онъ отвѣтилъ на него запиской[1]). Въ ней высказана все та же мысль, которая какъ путеводная нить проходитъ черезъ всю его жизнь и дѣятельность. Ужъ въ брошюрѣ о министерствѣ земледѣлія онъ подчеркивалъ ту пользу, какую могли бы принесть предводители дворянства уѣздные и губернскіе, въ роли предсѣдателей сельскохозяйственныхъ комитетовъ, какъ мѣстные органы, и какъ звенія, связывающія провинцію съ Петербургомъ. При такой постановкѣ вопроса, настоящія нужды сельскаго населенія быстро узнавались бы въ министерствѣ и между Петербургомъ и провинціей шелъ-бы оживленный обмѣнъ. Тогда какъ пріѣхавшему издалека чиновнику трудно сразу разобраться въ чужой для него мѣстности, и дѣйствовать самостоятельно,—предводитель дворянства сталъ-бы лицомъ до нѣкоторой степени отвѣтственнымъ и заинтересованнымъ въ успѣхѣ сельскаго хозяйства своего края. Капнистъ говорилъ, что дворянство, считая за собой вѣка просвѣщенія и порядочности, не имѣетъ права терять эту силу, столь полезную для общаго блага Государства. Онъ былъ убѣжденъ, что родовой, традиціонный дворянинъ, какъ человѣкъ, имѣющій возможность и средства развить свои умственныя и духовныя дарованія, тѣмъ самымъ несетъ отвѣтственность и долгъ просвѣтленія другихъ, менѣе надѣленныхъ земными благами, сословій. Такихъ безкорыстныхъ передовыхъ дѣятелей желалъ онъ видѣть въ дворянахъ, такое значеніе и смыслъ придавалъ онъ дворянству, и только этой

[1]) Записка о дворянствѣ. Смотр. II томъ, Статьи.

просвѣтительной и охраняющей мирное развитіе работой, объяснялъ онъ необходимость дворянства.

Еще одного вопроса пришлось ему коснуться. Всю жизнь онъ былъ сторонникомъ женскихъ правъ, хотя смотрѣлъ на дѣло эмансипаціи женщинъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ его многіе современники. Онъ изложилъ свой взглядъ въ статьѣ, которая была напечатана въ одномъ французскомъ журналѣ [1]). Его справедливая и мягкая душа глубоко возмущалась противъ „вѣковѣчной неправды",какъ онъ выражается, которая тяготѣла и еще тяготѣетъ надъ женщиной. Прежде всего онъ жалѣетъ ее, и больше всего за тò, что матеріальныя и и нравственныя условія почти не дали ей, до сихъ поръ, возможности развить всѣ свои человѣческія способности. Онъ желалъ предоставить ей всѣ права, на всѣхъ поприщахъ, на ряду съ мужчиной; но какъ поэтъ, ставившій всегда особенно высоко вопросы эстетики,— онъ требовалъ, чтобы она не теряла нигдѣ и ни въ чемъ своего чуткаго сердца и своей женственности. Онъ хотѣлъ сохранить и ея человѣческое достоинство и ея женскую прелесть. - Лично, въ жизни своей проводилъ онъ на дѣлѣ все тò, что высказано въ его статьѣ. На семейную жизнь его взгляды положили особенную печать. Еще начиная съ писемъ къ невѣстѣ своей, мы видимъ, что его главная забота, даже почти безпокойство, — состоитъ въ томъ, чтобы его будущая жена не спала духовно, какъ по его мнѣнію, спятъ столькò женщинъ, погруженныхъ въ матеріальную сторону жизни; — чтобъ она дѣятельно развивала всѣ свои умственныя дарованія. Тѣ-же требованія предъявлялъ онъ въ воспитаніи своихъ дочерей и болѣе всего не терпѣлъ въ нихъ того, что называлъ моральной лѣнью.

Другая черта его, была заботливость, нѣжность и жалость. Наконецъ, къ имуществу его жены, у него замѣчалось щепетильно-деликатное отношеніе, доходив-

---

[1]) Статья о женскомъ вопросѣ II томъ. Я перевела ее порусски.

шее до мелочей. Всю жизнь проживъ вмѣстѣ, сообща, съ полнымъ довѣріемъ другъ къ другу,—онъ никогда не называлъ даже своимъ имѣніемъ, ту часть, которая принадлежала женѣ его, и безъ ея вѣдома и совѣта ничѣмъ не распоряжался.

Но если онъ такъ искренно и деликатно умѣлъ уважать женщину, — понятно, съ какимъ отвращеніемъ и ужасомъ относился онъ къ тому, что̀ условлено называть язвой общественнаго и соціальнаго быта; и если онъ не могъ уважать всѣхъ женщинъ въ мірѣ, то всѣхъ, безъ исключенія, жалѣлъ. Мнѣ помнится такой случай. Разъ, проѣздомъ черезъ Вѣну, онъ возвращался со мной, поздно ночью изъ оперы. Подлѣ насъ мелькнуло вдругъ бѣлое платье, и за нами, въ нѣсколькихъ шагахъ, пошла странно одѣтая женская фигура. „Подожди, это кажется несчастная“, сказалъ мнѣ мой отецъ, и когда она поравнялась съ нами, и мы замѣтили, при свѣтѣ фонаря, ея легкій, несмотря на холодъ, туалетъ и посинѣвшее подъ бѣлилами лицо, когда она взглянула на насъ голоднымъ и дерзкимъ взглядомъ,—онъ остановилъ ее и далъ ей нѣсколько гульденовъ. „Пойдите“, сказалъ онъ ей, „пообѣдайте и отдохните“. Удивленная и обрадованная, она чуть не поцѣловала ему руки, и быстро скрылась. — „Я всегда имѣю обыкновеніе помогать такимъ“, сказалъ онъ мнѣ; „вѣдь эти несчастнѣйшія существа почти всегда изъ за голода идутъ на погибель. Лишній разъ она поѣстъ и, быть можетъ, придетъ въ себя, обдумаетъ. Хоть сегодня, ей не надо будетъ по улицѣ бродить какъ голодной собакѣ“.

Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить съ нами обо всемъ, не скрывая самыхъ темныхъ сторонъ соціальной жизни. Тогда разсказалъ онъ, что и будучи еще молодымъ человѣкомъ, онъ такъ поступалъ, и крайне удивилъ въ Парижѣ бѣдныхъ гризетокъ, которыхъ накормилъ въ ресторанѣ и ушелъ, провожаемый ихъ восклицаніями: Tiens, il est bien bon et bien étrange!—Кромѣ этого класса несчастныхъ, онъ съ особенной жалостью относился

къ прислугѣ, и къ служителямъ въ гостинницахъ и ресторанахъ. „Вѣдь вотъ жизнь!“ говорилъ онъ часто, „бьются, вертятся съ утра до ночи, не доѣдаютъ, не досыпаютъ, безъ своего угла, безъ семьи, или въ постоянной разлукѣ съ ней, а если болѣзнь—хоть пропадай! А подъ старость, никто не беретъ,—часто голодная смерть. Это, по моему, послѣдніе бѣдняки“. И когда онъ являлся проѣздомъ въ какую нибудь гостинницу, гдѣ разъ уже слуги провѣдали его щедрость, надо было видѣть какая радость изображалась на ихъ лицахъ. “Много ли надо, чтобы сдѣлать удовольствіе или пользу маленькимъ людямъ!... Стоитъ только захотѣть!“ говорилъ онъ. Такъ въ ежедневныхъ, мелкихъ случаяхъ проявлялась его постоянная, неустанная доброта ко всѣмъ.

Въ кругу своихъ домашнихъ она принимала особенный колоритъ. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣмъ въ его домѣ жилось хорошо, тѣмъ болѣе старымъ слугамъ. — Особеннымъ вниманіемъ пользовались двѣ старушки няни, проведшія всю жизнь въ его семьѣ. Одна изъ нихъ, – весьма типичная, добрая, умная русская женщина, общительная, отзывчивая, большая мастерица разсказывать, и прекрасно все помнившая, обладавшая неистощимымъ юморомъ,—была рѣдкая, живая душа.

Онъ очень ее любилъ и цѣнилъ; нѣсколько разъ, когда ему приходилось пріѣзжать одному, безъ семьи, въ деревню, няня была его единственнымъ нравственнымъ развлеченіемъ.

„Страшно тяжело и грустно было мнѣ подъѣзжать, „зная, что пріѣду въ пустой домъ“, писалъ онъ однажды женѣ своей, когда по нездоровью ей пришлось провести лѣто заграницей, „И вѣрь мнѣ, мой другъ, „главнымъ образомъ, мнѣ постоянно не достаетъ тебя. „На станцію Галещину выѣхала за мной въ каретѣ няня. „Это было для меня большое утѣшеніе. По обыкнове„нію, дорога отъ станціи до насъ плохая, подвигались мед„ленно. Няня разспрашивала о всѣхъ васъ и болтала „безъ умолку, до того что охрипла. Въѣхавъ въ нашъ „дворъ, увидѣли мелькающіе огни у крыльца. Подъ-

„ѣхали,—ко мнѣ въ ноги радостно бросился Шарикъ, „ласкаясь и оглядываясь на всѣ стороны: онъ очевидно „искалъ и другихъ и удивлялся, что я пріѣхалъ одинъ. „У подъѣзда стояли Кириллъ, сторожъ и помощникъ „садовника. Въ домѣ все, какъ всегда, убрано, въ по- „рядкѣ. Въ столовой на столѣ, накрытомъ для чая и „ужина, красовалась изготовленная Софрономъ баба. „Лаврентьевна [1]) встрѣтила меня съ радостью и обня- „лась со мной въ передней. Такъ, какъ было-бы спо- „койно на душѣ, еслибы всѣ мы были здѣсь вмѣстѣ,— „такъ было смутно и тяжело сознавать, что вы все лѣто „не пріѣдете. Я тщательно умолчалъ объ этомъ передъ старухами, это бы ихъ слишкомъ поразило. Няня, въ „добрый часъ бодрая. Погода дивная, весна великолѣп- „ная; все цвѣтетъ, зеленѣетъ, воздухъ ароматный, чуд- „ный;—а васъ нѣтъ".

А позже онъ говоритъ: „Няня васъ очень обнимаетъ, „она начинаетъ подозрѣвать возможность непріѣзда ва- „шего сюда. Трогательно видѣть, какъ ей глубоко тя- „жело и какъ она сознаетъ, что это, однако, такъ нужно. „Мало кто способенъ такъ отрѣшиться отъ своего эго- „изма, какъ няня.

„Степь и безмолвіе вокругъ меня. Тишина, но не та, „которой посвятилъ я мои послѣдніе стихи, — не та при „которой

„Льются въ душу грезы счастья",

„но мертвая, гнетущая тишина, моральное одиночное „заключеніе... Покамѣсть, еслибы не няня и не Ша- „рикъ, то я бы просто одичалъ. Каждый день, послѣ „обѣда, иду часа на полтора въ поле съ Шарикомъ, „который все также веселъ и забавенъ и заслуживаетъ „всеобщую благосклонность. Няня неистощима въ раз- „сказахъ и собесѣдованіяхъ. Мы, на дняхъ, съ ней со-

[1]) Старая няня, вынянчившая еще жену его. Софронъ,—поваръ, бывшій крѣпостной отца его, всю жизнь проживішій у Капниста и съ которымъ онъ въ дѣтствѣ еще въ бабки игралъ.

„ображали и пришли къ заключенію, что ей уже, по „меньшей мѣрѣ 70 лѣтъ. Она говоритъ, что во время „бунта Декабристовъ, который она хорошо помнитъ, ей „было 10 лѣтъ; а Декабристы были въ 1825 г. Да, дай „Богъ, чтобы она пожила еще подолѣе".

— Позже онъ пишетъ: „Теперь пошли ясные осен„ніе дни, и вечера становятся длинные. Я читаю ста„рухамъ Преступленіе и наказаніе Достоевскаго".

Няня слушала, впиваясь глазами въ чтеца, и запоминала почти наизусть все, что ей читали. На ея старомъ, выразительномъ лицѣ, окаймленномъ сѣдыми волосами, такъ и отпечатывались впечатлѣнія. Капнисту была по душѣ такая живая воспріимчивость. А когда начнетъ она сама разсказывать, на своемъ картинномъ языкѣ, пересыпая рѣчь разными прибаутками,—въ жару своего повѣтствованія придумывая свои собственные эпитеты и обороты;—просто бывало заслушаешься ею. Съ изумительнымъ мастерствомъ и природнымъ комизмомъ передавала она воспоминанія о своей долгой жизни, проведенной, въ молодости, на службѣ при дворѣ, у фрейлинъ временъ Николая I. Въ памяти ея хранилось множество анекдотовъ, имѣющихъ даже историческій интересъ. Эта старушка была настоящей живой хроникой.

„Васъ-бы, няня, прямо на сцену! Вы великолѣпная природная актриса" говорилъ ей Капнистъ, „Да я бы и пошла, голубчикъ графъ", отвѣчала она, „но мать мнѣ не позволила. Она и книжки всѣ въ печь забросила, запретила мнѣ грамотѣ учиться, боялась, какъбы я не избаловалась. Въ наше время думали, что грамота службѣ мѣшаетъ". Не смотря на неграмотность, у няни былъ вѣрный и серіозный вкусъ. Она любила Пушкина, Гоголя, Костомарова, и все историческое. Легенькихъ повѣстей она и не слушала: „это пустяки, и не по моимъ лѣтамъ", говорила она [1]).

---

[1]) Капнистъ имѣлъ намѣреніе впослѣдствіи, изобразить ее въ своей трагедіи „Стенька Разинъ", въ характерѣ няни Заиры.

Капнистъ такъ любилъ литературу, такъ ею жилъ, что, какъ неотъемлемое свойство своей личности, вносилъ этотъ интересъ въ семейную жизнь.

Не только вечернія чтенія оживляли обыкновенно деревенское пребываніе, но и разговоры между своими чаще всего переходили на литературу; это было его любимымъ предметомъ, и на этомъ мы всегда душевно сближались съ нимъ.

Въ 1891-мъ году, лѣтомъ, читая русскую исторію Соловьева, онъ напалъ на мысль, которая сейчасъ имъ такъ и овладѣла. „Вотъ богатый сюжетъ"! сказалъ онъ намъ. „Какую чудную трагедію можно было-бы написать о Стенькѣ-Разинѣ". Съ тѣхъ поръ эта идея не покидала его. Тогда-же первый порывъ вдохновенія вылился въ „Разбойничьей Пѣснѣ [1]), которая какъ-бы прелюдъ къ его трагедіи. Ее смѣло можно назвать эпической. Чтобы такъ писать надо отрѣшиться отъ всякой искуственности, и съумѣть прочувствовать съ простотою и своеобразной глубиною народной души.

Онъ прочиталъ ее, гостившей тогда у насъ въ имѣніи, О. М. Безобразовой, которая подъ этимъ впечатлѣніемъ написала ему, послѣ своего отъѣзда: „Vous possédez au plust haut degré la force dans la simplicité". Онъ отвѣтилъ на это письмо стихами, въ которыхъ виденъ опять отпечатокъ русской народной поэзіи [2]). Онъ опять чувствовалъ приливъ творчества, глубоко обдумывалъ свое новое откровеніе и приступилъ къ историческому изслѣдованію своего сюжета. Къ несчастію, все это настроеніе было уничтожено болѣзнью, вслѣдствіи сильнаго потрясенія. По пріѣздѣ своемъ зимой въ Петербургъ, онъ едва не былъ убитъ. Лошади понесли сани, опрокинули ихъ и проволокли его нѣсколько саженей по мостовой, пока ѣхавшая съ нимъ сестра моя не успѣла оторвать зацѣпившуюся за сани шубу его. Онъ обошелся относительно легкимъ ушибомъ

---

[1]) Стр. 230.

[2]) О. М. Безобразовой стр. 156.

ноги, но сотрясеніе весьма повліяло на него, тѣмъ болѣе, что въ этотъ день онъ былъ какъ разъ подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти одного изъ его братьевъ. Всю зиму онъ не могъ поправиться. Съ этого времени онъ слегка постарѣлъ, ему стало трудно ходить, явилась отдышка. Для живаго, энергическаго духа его, полнаго силы и молодости, физическая немощь казалась чѣмъ-то несообразнымъ и крайне тяжелымъ.— Онъ поѣхалъ опять, въ 1894-мъ году, заграницу, насладиться искуствомъ и теплымъ солнцемъ. Въ его привычку всегда входило останавливаться на нѣсколько недѣль въ Дрезденѣ, гдѣ онъ почти каждый вечеръ посвящалъ театру и музыкѣ. Какъ разъ тогда игралъ тамъ знаменитый актеръ Драхъ, изъ Мейнингеновской труппы, теперешній директоръ Мюнхенскаго театра. Капнистъ былъ съ нимъ знакомъ, и Драхъ, по своей любезности, игралъ тѣ пьесы, которыя ему хотѣлось видѣть. — Изъ Дрездена, онъ двинулся на югъ, въ Италію, и пребываніе на берегахъ Неаполитанскаго залива отпечатлѣлось въ прочувствованныхъ стихахъ, полныхъ глубокой думой:

„Все сказано, поэты прорекли
Про этотъ край чарующей земли“ [1]).

Самъ-же Неаполь не нравился ему; какъ человѣка съ чуткими нервами, оглушительный шумъ этого города раздражалъ его, настолько, насколько приводила въ восторгъ окрѣстная природа.

Встрѣчая золотой разцвѣтъ
Весны,—февраль тепломъ дышалъ,
Неаполь въ солнцѣ утопалъ
И неба синій, мягкій свѣтъ
Давалъ такой-же морю цвѣтъ;
Оно синѣло и на немъ,

1) 159 стр.

CCXXV

Въ отливахъ солнечныхъ лучей,
Сѣть ослѣпительныхъ огней
Блестящимъ, подвижнымъ столбомъ
Простерлась вдаль, —гдѣ небосклонъ
Сливается съ пустыней водъ
И островъ Капри возстаетъ
Подобно тучи громовой,
Одѣтъ туманной пеленой...

Неаполь блещетъ и шумитъ;
Какъ въ муравейникѣ кипитъ
Въ немъ жизнь вездѣ; толпы людей
Въ предѣлахъ улицъ, площадей
Толкутся,—экипажей стукъ,
Брань, хохотъ, хлопанье бичей,
Крикъ продавцевъ, и южный звукъ
Гортанной рѣчи, и порой
Напѣвъ безпечно удалой,—
И это все, издалекà,
Въ одинъ сливаясь общій гулъ,
Гремитъ, какъ бурная рѣка.

Ему хотѣлось продлить путешествіе далѣе на югъ, посѣтить кромѣ Италіи и Грецію, но ему пришлось отложить это намѣреніе; даже поѣздка моремъ въ Сорренто оказалась для него очень трудной, и шутя онъ писалъ:

Море,—тà-же жизнь,—иной,
Благосклонною волной
Поднятъ мирно и роскошно,
А другому,—тошно, тошно.

Онъ прямо не выносилъ моря. – Несмотря на эту поѣздку въ теплыя страны онъ чувствовалъ общее недомоганіе. Нравственное состояніе омрачилось смертью его близкихъ. Умеръ его старшій братъ Василій Ивановичъ, умерла старушка няня, которая такъ оживляла жизнь въ деревнѣ, и лѣтомъ, внезапно, онъ получилъ извѣ-

стіе о смерти графа Бутурлина. Всѣ эти, и еще другія тяжелыя впечатлѣнія отвлекли его временно отъ поэзіи и цѣлый годъ онъ не былъ въ состояніи ничего писать.

XIV.

Имѣя обыкновеніе постоянно читать Пушкина, Капнистъ былъ обрадованъ найдти въ немъ одобрѣніе своего сюжета, нѣсколько словъ *„о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ Русской исторіи* [1]).

Не обращая вниманія на слабѣющія силы, онъ не прекращалъ дѣятельности своей, много читалъ, и подготавливалъ матеріалы для своего Стеньки. Работа мысли продолжалась, и трагедія мало по малу созрѣвала. Онъ написалъ цѣлый актъ, потомъ все разорвалъ и сталъ опять измѣнять свой планъ. Зимой онъ поѣхалъ въ Дрезденъ, откуда пишетъ женѣ своей:

„Я рѣшился осматривать галлерею не съ старинныхъ „школъ, гдѣ на каждомъ шагу, безсмертныя знамени„тости, кто ихъ не знаетъ!—а съ самыхъ послѣднихъ, „новыхъ произведеній, собранныхъ въ галлереѣ. Я „прошелъ такимъ образомъ весь верхній этажъ галле„реи и очень доволенъ Moderne Schule, потому что „узналъ нѣсколько превосходныхъ вещей,—но есть и „курьезныя гадости; не понимаю, зачѣмъ ихъ пріоб„рѣли, но не понимаю также, какъ въ этой галлереи „нѣтъ никого изъ *нашихъ*; а между тѣмъ, Айвазовскій, „Семирадскій и Верещагинъ,—да и другіе,—затмили-бы „многое то, что тамъ красуется.

„Дня черезъ три послѣ твоего отъѣзда, я вытащилъ „изъ чемодана мой фоліантъ и матеріалы и кое-что уже „подвинулъ впередъ, хоть признаюсь, что самъ я не „очень удовлетворенъ тѣмъ, что выходитъ... Ну, да „можетъ быть, что нибудь путное и выйдетъ еще.

---

[1]) Пушкинъ. Письмо къ брату Л. С. Пушкину изъ Михайловскаго въ октябрѣ 1824 года.

CCXXVII

„На завтра назначенъ въ оперѣ Оберонъ и я зара-„нѣе восхищаюсь. Въ третьемъ представленіи Лоэн-„грина, Мальтенъ, въ роли Ортруды, привела всѣхъ и „пѣніемъ, и игрой въ неописанный восторгъ“.

Вагнеръ и Моцартъ были его любимыми композиторами. Моцарта онъ ставилъ выше. „У него“, говорилъ онъ, „совершенно драматическій геній; онъ, въ музыкѣ своей, изображаетъ характеры,—каждая партитура общимъ характеромъ музыки вполнѣ отличается отъ другой. У Вагнера-же характеровъ въ музыкѣ нѣтъ, но зато великолѣпно передается настроеніе и патетическія минуты. Его Leit-motiv, — данная музыкальная фраза, повторяющаяся при каждомъ появленіи даннаго лица,— напоминаетъ неизмѣнный эпитетъ въ эпосѣ, какъ напримѣръ: Добрыня Никитычъ *младъ*, *быстроногій* Ахиллесъ; — это эпическій, а совсѣмъ не драматическій пріемъ“.

Свои впечатлѣнія въ галлереи картинъ, онъ записываетъ въ памятной книжкѣ, которая начинается слѣдующими строками: „*6-го января 1895 года*. По обыкно-„венію, когда я пріѣзжаю въ Дрезденъ,—дѣлаю пер-„вый визитъ мадоннѣ Рафаэля.

Она идетъ надъ облаками
Въ сіяньѣ святости своей
И небо ангеловъ толпами
Слѣдитъ съ любовію за ней.
Вознесся дивно надъ вселенной
Сей образъ свѣтлой чистоты,
Въ лучахъ смиренной и нетлѣнной,
И полудѣтской красоты...

„Сегодня я ее видалъ послѣ того, какъ былъ здѣсь „прошлой весной въ апрѣлѣ. Что сказать? Сегодня я „замѣтилъ, что каждый разъ, что я смотрю на нее, „послѣ того, какъ долго не видалъ,—она, въ моихъ „глазахъ, молодѣетъ и хорошѣетъ... Я каждый разъ „нахожу въ чертахъ ея лица такую новую красоту, что

„оно для меня постоянно, какъ будто мѣняется. По „этому, должно быть, я не могу сохранить въ моей „памяти ея лица. Тò же самое происходило для меня „и съ лицомъ любимой женщины“...

Въ февралѣ, онъ отправился въ Парижъ. Тутъ онъ опять занялся Сен-Марсомъ, по разнымъ новымъ документамъ, которыхъ не было у Vieusseux, и провѣрилъ свой трудъ; однако все, въ главныхъ чертахъ, было вѣрно; онъ обработалъ еще нѣкоторыя сцены въ мелкихъ подробностяхъ. Чѣмъ болѣе онъ углублялся въ изученіе историческихъ данныхъ, тѣмъ правдивѣе выяснялись характеры его трагедіи, въ особенности—его главныхъ героевъ: Ришелье, Сен-Марса и короля. Тогда вышла прекрасная книга о Сен-Марсѣ, составленная Бассери. Въ ней авторъ съ трудолюбіемъ и добросовѣстностью собралъ историческіе и семейные документы о Генрихѣ д'Эффіӓ де-Сен-Марсѣ. Хотя большую часть документовъ, которые въ ней находятся, Капнистъ зналъ до окончанія своей трагедіи, однако ему было удобно найдти ихъ въ такомъ образцовомъ порядкѣ въ этомъ историческомъ памятникѣ, достойномъ Сен-Марса. Онъ помѣтилъ всю книгу и выписалъ нѣкоторыя мѣста, а также списалъ и другіе историческіе документы, чтобы составить записку для повѣрки своей трагедіи.

Капнистъ чтилъ память великихъ людей, и никогда не проѣзжалъ через городъ, гдѣ находилась могила кого нибудь изъ любимыхъ его поэтовъ, чтобъ не навѣстить ее. Тогда въ Парижѣ онъ сталъ разъискивать могилу Андре Шенье, которую, странно сказать, совершенно забыли. Капнистъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ поэтовъ Франціи и сходился въ этомъ мнѣніи съ современными французскими поэтами,— Сюлли-Прюдомомъ, Эредіа, Ростаномъ, и цѣлой школой, развивающей традиціи Шенье. Послѣ долгихъ поисковъ, въ монастырской церкви стариннаго кладбища Pic Pus, недалеко отъ площади Винсенской заставы,—онъ вычиталъ надпись, что тамъ, въ общей могилѣ, похоро-

ненъ Андре Шенье съ другими жертвами революціи. Капнистъ осмотрѣлъ могилу, гдѣ ростутъ кипарисы и кусты, окруженные стѣною. Онъ заказалъ вѣнокъ и поѣхалъ опять поклониться памяти поэта.

Въ концѣ апрѣля онъ двинулся въ путь по направленію въ Малороссію. Онъ говорилъ намъ въ своемъ письмѣ.

„Если мои силы и лѣта еще мнѣ позволятъ, то сдѣ„лаю все, что могу, чтобы обработать окончательно „Сен-Марса и написать хорошо Стеньку".

Все лѣто онъ былъ погруженъ въ работу надъ новой трагедіей. Эта мысль ни днемъ, ни ночью, не давала ему покоя; даже во время поѣздокъ по дѣламъ, онъ писалъ въ коротенькой запискѣ къ женѣ: „Всю ночь, сегодня, мнѣ снился Стенька Разинъ".—Онъ читалъ все, что касалось до этой эпохи, у Костомарова, у Соловьева, хроники, лѣтописи, разныя историческія статьи, начиная съ документовъ, кончая даже романами и повѣстями о томъ времени, чтобы постоянно умственно находиться въ той исторической средѣ и ознакомиться до мельчайшихъ подробностей съ тѣмъ духомъ и бытомъ. Онъ говорилъ: „Надо, чтобы все передо мною ожило, — ***чтобъ я всѣхъ ихъ видѣлъ***, и тогда я начну писать".—Онъ никогда не торопился, и былъ строго взыскателенъ къ себѣ самому. Ему ничего не стоило сжечь работу долгихъ мѣсяцевъ, если она его не удовлетворяла, и начать все съ изнова.—Такъ онъ и дѣлалъ со всѣми своими стихами. Онъ даже въ черновомъ видѣ не оставлялъ тѣхъ стиховъ, которыми былъ недоволенъ; другіе же наброски лежали въ портфелѣ годами, пока онъ не обработаетъ ихъ такъ, какъ ему нравилось. Все-же вписанное имъ въ особую тетрадь, —избранная имъ самимъ, и законченная часть его поэтическаго труда [1]). Серьезный трудъ требуетъ, чтобы

[1]) Печатаемъ именно эти стихотворенія въ отдѣлѣ Лирической поэзіи, а стихи которые вошли въ эти воспоминанія—изъ тѣхъ, что лежали въ черновомъ видѣ. Всѣ необозначенныя другимъ именемъ піесы—написаны имъ.

его долго и бережно выносить въ мысляхъ. Чѣмъ совершеннѣе произведеніе искуства, тѣмъ дольше оно зрѣетъ; затò, когда оно наконецъ выльется—то будетъ глубоко, сильно, закончено и сжато.

Онъ писалъ также лирическіе стихи. Въ особенности вдохновило его пребываніе на берегу моря въ Пѐльи, весной въ 1896 году: Его настроеніе отразилось въ стихахъ: „*Перелетная птичка*", гдѣ столько нѣжной задумчивости, чего-то вѣчно молодаго. Тамъ написалъ онъ также „*Парусà*". Когда мы видимъ въ маленькой рамкѣ изображенный Айвазовскимъ океанъ, намъ кажется, что передъ нами необъятность и вѣчное движеніе; такъ и въ этихъ коротенькихъ строкахъ, полныхъ творческой силы, открывается безбрежный горизонтъ для мысли.

Онъ чувствовалъ себя молодымъ душою, и вотъ жизнь была ужъ пройдена, старость подкрадывалась, а намъ онъ говорилъ: мнѣ все кажется, что я только что окончилъ университетъ!—Этой духовной бодростью онъ обманывалъ и себя, и всѣхъ, кто его зналъ. Никто не могъ назвать его старикомъ. Всегда въ его назиданіяхъ слышатся слова: не спите, не лѣнитесь, совершенствуйтесь!—И самъ онъ, первый, служилъ примѣромъ, хотя былъ вѣчно недоволенъ собой.—Еслибъ не это постоянное нравственное возбужденіе и бодрость, чтò давало-бы ему, въ такіе годы, когда люди обыкновенно старѣютъ, силу и желаніе добросовѣстно, старательно работать, пламенѣть душою къ своему труду, зная, что онъ ничего не напечатаетъ, что мало кому даже прочтетъ свои сочиненія, и что не доживетъ до одобренія или славы. Достойна преклоненія та сила, которая его вела и поддерживала на такой высотѣ всю его жизнь; и сила эта была его вѣра,—живая, требовательная, перешедшая въ дѣло. Всю жизнь свою, каждое утро онъ читалъ Евангеліе. Кромѣ другихъ христіанскихъ дѣлъ, на которыя побуждаетъ это чтеніе, ему лично притча о талантахъ казалась завѣтомъ неустанно, тер-

пѣливо и безкорыстно работать надъ своимъ поэтическимъ дарованіемъ.

„Надо трудиться и ***жить*** въ возвышенномъ смыслѣ „этого слова“, говорилъ онъ, „прекрасное есть прежде „всего,—добро. Поэту, относящемуся съ любовью и „трудомъ къ своему дѣлу, Языковъ сказалъ:

И строгіе, и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки
И царь Саулъ заслушается ихъ...

„Вотъ оно что! Собственно говоря, ничто у развитаго и возвышеннаго человѣка не должно-бы проходить безслѣдно. Для этого онъ живетъ. Все должно „быть имъ увѣковѣчено или перомъ, или кистью, звукомъ, рѣзцомъ... Плохо, когда лучшія впечатлѣнія, „данныя мнѣ жизнью, или окружающимъ міромъ, остаются во мнѣ безслѣдно...

„Тяжело, подъ конецъ жизни,—читать притчу о ***талантахъ***... Это не значитъ, что я долженъ насиловать себя и во что-бы то ни стало выжимать изъ себя „стихи, когда во мнѣ нѣтъ необходимаго къ тому настроенія. Но кромѣ искуства,—есть наука, есть, наконецъ, просто мемуары, замѣтки, которыя подъ перомъ развитого и живущаго человѣка, какъ изящный „слѣдъ его жизни, превращаются въ цѣнный матеріалъ „для другихъ. Тотъ кто жилъ, чувствовалъ и мыслилъ „***не имѣетъ права*** заснуть“. — И дня не проходило, чтобы онъ не обогатилъ свою душу или чтеніемъ, или новой мыслью, или созерцаніемъ чего нибудь прекраснаго.

Все чаще и чаще думалъ онъ о смерти. Смерть его не пугала; онъ былъ убѣжденъ, что развитіе искры Божіей, свѣтящейся въ насъ, не можетъ перестать оттого, что мы сбрасываемъ бренную, изношенную оболочку.

CCXXXII

Иду я подгору, въ роскошную поляну,
Въ дали туманной исчезаетъ путь...
Ужъ я усталъ, и болѣе устану,
Тамъ сладко мнѣ на долю отдохнуть.
Смотрю назадъ,—тамъ, небо подпирая
Стоитъ средь горъ высокая скала,
Вокругъ нея давно ужъ громовая,
Грядою сизой, туча залягла.
И я тамъ былъ.....
Мнѣ молнія блистала прямо въ очи
. . . .
Но я не палъ, я вынесъ испытанье,
Съ надеждою я далѣе иду
И. . . . . есть упованье,

(Что скоро отдохну... И предо мной въ туманѣ путь исчезаетъ... И эта даль очамъ не ясна... Но сердцу ясна... Какъ все великое и прекрасное)...[1])

Именно сердце, — его чуткое, вѣщее сердце поэта свѣтило ему тамъ, гдѣ человѣческій умъ теряется въ догадкахъ. Но его пугала старость и ея недуги. По нервности своей, онъ вообще былъ нетерпѣливымъ больнымъ. Еще нѣсколько лѣтъ раньше онъ писалъ: *„Не смерть страшна, а страшно умиранье*[2]). Онъ постоянно боролся съ такими упадками духа, и его духовная натура своей дѣятельностью побѣждала ихъ. И прежде, онъ говорилъ въ письмѣ къ женѣ своей: „Скука не можетъ никогда овладѣвать мной, потому что, независимо отъ всевозможныхъ явленій жизни, которыя меня интересуютъ, первая попавшаяся подъ руку газета, или книга всегда способна избавить меня отъ скуки. Но давно преслѣдуетъ меня неотвязная тоска. Впрочемъ,—не будемъ объ этомъ говорить".

Странная вещь жизнь. Есть люди, которые, казалось бы, глядя на нихъ со стороны, должны бы изныть и уничтожиться подъ бременемъ всякихъ несчастій.

---

[1]) Стихи эти неокончены.
[2]) Стр. 158.

Смотришь, — живутъ и не только выносятъ, но какъ будто и не очень кручинятся. Другіе, напротивъ: все у нихъ идетъ плавно, хорошо, точно свѣтлая морская гладь, а въ глубинѣ затаилось страданіе, и прекрасно говоритъ Библія, что сердце вѣдаетъ печаль души своей.

Онъ въ самомъ себѣ носилъ элементы, мѣшавшіе ему быть счастливымъ. Въ сравненіи съ его высокимъ идеаломъ, его недостатки казались ему невыносимыми, онъ мучался ими, какъ другой — преступленіями. Его критическій взглядъ мѣшалъ ему мириться съ самимъ собой. Его свѣтлый разумъ не помрачался, когда его характеръ и сердце увлекали его и, — при малѣйшемъ уклоненіи—служилъ ему строгимъ судьей. Болѣе грубыя натуры въ минуту соблазна не слышатъ голоса совѣсти и теряютъ ясность разума. Въ немъ же совѣсть ни на минуту не засыпала и это постоянное напряженіе, эта постоянная недовѣрчивость къ себѣ, — жажда невозможнаго, для земнаго жителя, совершенства,—непрестанно его тревожила. Свой идеалъ добра онъ, прежде всего, хотѣлъ видѣть воплощеннымъ въ себѣ самомъ; каждую тѣнь онъ въ себѣ преувеличивалъ и это постоянное волненіе открыло ему всю глубину міра трагическихъ чувствъ. Для такихъ тонкихъ и отзывчивыхъ людей самый фактъ жизни, въ условіяхъ нашего міра, приноситъ много невидимыхъ и непонятныхъ, для менѣе чуткихъ характеровъ, страданій.

Однако, съ каждымъ годомъ его душевное состояніе свѣтлѣло, оно и не могло быть иначе для того, кто, по его же словамъ, —когда судьбы рука сгущала тучи надъ головой, — искалъ разгадки выше, подымаясь душой „за облака,

Къ свѣтилу, какъ орелъ могучій“ [1]).

Въ цѣломъ мірѣ онъ видѣлъ единство плана и единство цѣли, въ его умозаключеніяхъ царили стройность, связь и порядокъ. Если онъ останавливался на тем-

---

[1]) Стр. 142.

ныхъ сторонахъ, то находилъ и указывалъ соотвѣтствующія мѣры для исправленія. Эта система руководила имъ, начиная съ нравственныхъ вопросовъ, политическихъ идей, кончая практичной дѣятельностью. Добросовѣстно и глубоко изучивъ какой бы то нибыло предметъ, онъ недовольствовался анализомъ; онъ находилъ ту силу душевную, тотъ внутренній свѣтъ, которые даютъ возможность подняться отъ земли на достаточную высоту, чтобы взглянуть на предметъ сверху, въ общемъ,—округлить свою мысль и вывести полное, логичное заключеніе. Не въ этомъ-ли высшая задача и назначеніе поэта?

Въ его характерѣ была одна тонкая черта: онъ любилъ поощрять каждое стремленіе къ хорошему или прекрасному. Критическій умъ не мѣшалъ ему относиться внимательно къ каждой попыткѣ, къ каждому проявленію таланта. Онъ думалъ, что критика, не должна быть только порицаніемъ а скорѣе обсужденіемъ. Живя послѣдніе годы больше заграницей, онъ все же слѣдилъ за современной русской поэзіей съ непрестаннымъ интересомъ; и вотъ что онъ писалъ, по этому поводу, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ молодому русскому литератору: „Я помню тѣ времена, когда „одно, два хорошихъ небольшихъ стихотвореній давали „извѣстность поэту; всѣ ихъ знали наизусть и критика „относилась къ нимъ съ уваженіемъ. Нѣкогда, въ 30-хъ „годахъ Θ. Туманскій написалъ всего восемь стихотвореній, изъ которыхъ только одно, *Птичка*, (Вчера я „растворилъ темницу), дало поэту симпатіи всѣхъ читателей и критики. Я помню всѣхъ этихъ Губера, „Бернетъ, Деларю, Тимофеева, Розенгейма и проч. „которыхъ память уже почти исчезла, но къ которымъ „въ свое время относились *съ достоинствомъ*, что, въ „общемъ, принесло большую пользу нашей поэзіи. Почему-же это? Потому, что въ то время во главѣ критики былъ такой цѣнитель и горячій блюститель и „стражъ искуства, какъ Бѣлинскій. Нахальнаго злорадства и шутовства въ критикѣ тогда и не предпо-

„лагалось даже, Бѣлинскій не безъ колкостей, не безъ „ядовитости, но все-же съ достоинствомъ, безъ злорадства, выводилъ изъ недостатковъ принципы въ назиданіе юнымъ поэтамъ... Такихъ какъ гр. Хвостовъ, „или недавно Овчинниковъ,—такихъ отпѣтыхъ бездарностей, надъ которыми и критики и всѣ глумились,— „было два, три; и это почти не входило въ сферу литературнаго дѣла. Поэзія-же считалась такой высокой „средой, что юный-ли, или не молодой поэтъ,—разъ, „что онъ относился къ своему дѣлу *добросовѣстно*, „и если въ немъ было даже настолько таланта, что „онъ написалъ хоть одно, что нибудь, не большое, не „то, что хорошо, но недурно, критика уже относилась „къ нему серіозно, ждала отъ него чего-то, не ошеломляла его. За то Бѣлинскій доказалъ, что одно изъ „самыхъ благородныхъ и высокихъ призваній критика „заключается въ томъ, чтобы понять поэта, ***открыть*** „его, объяснить его и поставить на подобающее ему „мѣсто. Такъ, онъ первый, на моихъ глазахъ, ***объяснилъ*** намъ Гоголя, Кольцова; подмѣтилъ и указалъ „спеціальный талантъ Майкова къ антологіи и пр. Онъ „показалъ, что миссія критика подобна назначенію садовника: подмѣтить, слѣдить произростаніе и ростъ „растенія и содѣйствовать развитію его... То-ли мы „видимъ теперь? Многіе изъ современныхъ поэтовъ „совсѣмъ не хуже *большинства* тѣхъ поэтовъ, которые „подлежали въ свое время критикѣ Бѣлинскаго. У „каждаго почти изъ нихъ найдется по два, три весьма „хорошихъ стихотворенія и отъ нихъ можно и еще „ожидать хорошихъ. Не всѣмъ-же быть Кольцовыми „или Лермонтовыми... Явись теперь Кольцовъ, котораго первые появившіеся въ печати стихи были очень „слабы,—наша критика сразу бы загрызла его. Развѣ „это призваніе критики? — Нѣтъ; такъ, какъ хорошій „генералъ имѣетъ ***свой день***,—Смоленскъ—Раевскій;— „Краонъ—Воронцовъ, и пр. такъ каждый критикъ долженъ стараться имѣть имъ подмѣченный и объясненный міру талантъ...

„Я набросалъ картину положенія нашихъ поэтовъ „передъ современной критикой. Говорить-ли о положе-„ніи нашихъ поэтовъ, начинающихъ или не первоклас-„сныхъ, передъ издателемъ или редакторомъ журнала? „Черезъ какія Сциллы и Карибды приходится перехо-„дить юнымъ или небольшимъ талантамъ поэтовъ—пока „они добьются у издателя или редактора надлежащаго „вниманія, оцѣнки!..

„Въ заключеніе скажу только одно. Теперь затѣяли „у насъ „Литературный Союзъ“, литературные обѣды,— „конечно въ видахъ упорядоченія литературныхъ нра-„вовъ и болѣе твердаго и яснаго установленія взаим-„ныхъ отношеній между патронами и кліентами журна-„листики. Дай Богъ, чтобы хоть это положило проч-„ное начало къ надлежащему отношенію къ юнымъ или „къ непервокласснымъ талантамъ, со стороны издателя „или редактора журнала; а со стороны критики,—къ „добросовѣстному, просвѣщенному и симпатичному уходу „за этимъ нѣжнымъ и требующимъ тонкаго вниманія и „попеченія растеніемъ на почвѣ нашей литературы.

Но если онъ доказываетъ потребность добросовѣст-ной и бережно относящейся къ талантамъ критики, то и отъ поэтовъ требуетъ такого же отношенія къ ис-кусству, и прежде всего, работы и искренней любви къ дѣлу.

„Если ты поэтъ“, писалъ онъ, „это значитъ что „судьба предназначила тебѣ перелить вопль изящной и „доброй души твоей въ міръ очаровательныхъ феноме-„новъ окружающей тебя природы. Смотри на все тебя „окружающее, какъ на прекрасный матеріалъ для вы-„раженія движеній души твоей, такъ, какъ Гейне смот-„рѣлъ въ своей „Соснѣ“,—***На сѣверѣ дикомъ*** и проч.— „такъ, какъ Пушкинъ смотрѣлъ въ своей „***Тучѣ***“, — „***Послѣдняя туча разсѣянной бури***... такъ, какъ Лер-„монтовъ смотрѣлъ въ своемъ: „***Ночевала тучка золо-„тая***... Такъ слѣдуетъ поэту пользоваться феноменами „природы. Только опасайся, какъ огня въ этомъ отно-„шеніи натяжки, риторики, холода и, главное,—реф-

„лексіи, то есть, чтобы изъ простого и свободнаго об-„раза,—безъ чего нѣтъ поэзіи,—впасть *въ разсужденіе*, „въ прозу въ стихахъ. Если только не будешь добро-„совѣстно работать,—заглохнетъ талантъ и ничего не „выйдетъ. Занятіе же не въ томъ состоитъ, чтобы „только писать. Надо много читать того, что приводитъ „въ умиленіе и въ экстазъ. Нужно переводить и глав-„ное подражать хорошимъ образцамъ. Трудъ долженъ „заключаться въ слѣдующемъ: 1-е,—читать, вчитываться „серіозно умомъ и сердцемъ въ произведенія тѣхъ по-„этовъ,—которые тебѣ по душѣ. 2-е,—задумывать *все* „что въ данную минуту тебя привлекаетъ и стихи, и „прозу, и не медля класть на бумагу. Заниматься „этимъ каждое утро; начать одновременно нѣсколько „произведеній и въ стихахъ и въ прозѣ, и затѣмъ по-„стоянно трудиться надъ тѣми изъ нихъ, къ которымъ, „въ данную минуту, ты имѣешь расположеніе, и такимъ „образомъ, трудясь одновременно надъ нѣсколькими „произведеніями,—вести ихъ къ концу. Чтобы ни чи-„талъ, надъ чѣмъ-бы ни задумывался,—все класть на „бумагу,—будутъ ли то отрывочныя мысли, отдѣльныя „пьески, или большія вещи—повѣсти, поэмы и проч. „3-е,—то что написано вполнѣ откладывать и выправ-„лять до невозможности.

„Вотъ тебѣ программа. Такъ работали Пушкинъ и „Лермонтовъ. Гоголь-же и Тургеневъ еще записывали „для памяти все, что могло въ какомъ бы то ни было „отношеніи понадобиться для ихъ сочиненій: анекдоты, „видѣнное и слышанное, всевозможные термины напр: „морскіе, охотничьи, хозяйственные, ботаническіе и „проч. Вотъ какъ надо работать, если хочешь достичь „чего либо истинно серіознаго и художественнаго. Такъ „трудились и работали самые геніальные люди. — Не „унывай, что не можешь всегда работать такъ, какъ „бы хотѣлось, что ты умственно утомляешься. Главное: „работай правильно, т. е. постоянно и исправно каж-„дый день и ты получишь непремѣнно и привычку и „способность работать не утомляясь. Самое важное,

„сдѣлать себѣ планъ систематическаго чтенія. Взять „исторію всѣхъ литературъ и хорошія критики всѣхъ „народовъ, выбравъ подходящихъ авторовъ, иностран-„ныхъ и нашихъ,—читать ихъ *непремѣнно* съ перомъ „въ рукѣ, дѣлая нѣкоторыя выписки и записывая мысли „и впечатлѣнія, навѣянныя чтеніемъ. — Избѣгай какъ „яда философіи въ стихахъ и всякихъ отвлеченныхъ „трансцендентальностей *о чемъ-бы то нибыло*. Поэзія „должна быть проста, ясна, *общедоступна* и *образна*. „Если не чувствуешь способности писать — переводи. „Но надъ всей этой работой необходимо прежде всего „выставить и усвоить себѣ слово: *не лѣнись*. Поэтъ— „орудіе Божіе. И хорошо сказалъ Хомяковъ:

Но помни,—быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго...

„И дѣйствительно. Талантъ налагаетъ на насъ боль-„шія обязанности. Прежде всего большой грѣхъ не „не развивать его, закопать, а потому мы обязаны „употребить его *на пользу* человѣчества, — какъ ска-„залъ Языковъ:

И приноси дрожащимъ людямъ
Глаголы съ горней вышины,
Да сердцемъ примемъ ихъ,—и будемъ
Мы нашей вѣрой спасены...

Капнистъ—первый исполнялъ все это. Каждый день онъ такимъ образомъ писалъ, но,—строгій критикъ,— часть своего труда онъ уничтожалъ. Читалъ онъ много и систематически. Но скромный и добросовѣстный самъ передъ собой,—онъ не напускалъ на себя ученаго вида, не умѣлъ таинственно и многозначительно молчать, изображая на лицѣ недосягаемую мудрость, — не любилъ закидывать фразами, бьющими на эффектъ; вообще, держалъ себя крайне просто и роли играть не хотѣлъ.

CCXXXIX

Однако онъ нигдѣ не проходилъ незамѣченнымъ; въ немъ было что-то оригинальное сильное. Прямой и цѣльный, независимый въ своихъ взглядахъ, онъ всегда высказывалъ то, что думалъ подъ впечатлѣніемъ минуты, ни передъ кѣмъ не стѣсняясь; и если былъ настоящимъ поэтомъ, то, надо сознаться не имѣлъ ни малѣйшей подкладки дипломата. Въ немъ не существовало и тѣни свѣтскаго шарлатанства.

Въ 1897 году, онъ провелъ въ Римѣ первые мѣсяцы зимы. Настроеніе его было особенно подходящее для поэзіи.

Теперь пришла пора для пѣснопѣній,
Минута эта страшно хороша...
Отъ мукъ любви, отъ злобы и сомнѣній
Въ конецъ, въ конецъ истерзана душа!

Какая-жъ пѣснь изъ сердца устремится?..
Какимъ огнемъ она меня сожжетъ?..
Проклятьемъ-ли могучимъ разразится,
Или вѣнкомъ страданья разцвѣтетъ?..

И дѣйствительно, никогда еще онъ не былъ на такой высотѣ творчества. Плодъ его долгихъ мыслей и подготовленій созрѣлъ, и точно расплавленный металлъ вылился въ готовую, вполнѣ законченную форму. 14 февраля онъ писалъ: „Я окончилъ I актъ Стеньки, кажется, что не дурно. Я *пока* доволенъ. Во всякомъ случаѣ—добросовѣстно“. Никакія громкія похвалы не могли-бы имѣть такого значенія, какъ эти скромныя слова въ устахъ такого требовательнаго къ себѣ самому художника, каковъ былъ Капнистъ.

Вся картина до-Петровской эпохи, разшатанность и произволъ этого смутнаго XVII-го вѣка,—когда страшнымъ проклятіемъ легло на страну закрѣпощеніе, когда все населеніе отчаянно рвалось изъ оковъ и почти весь народъ былъ въ бѣгахъ,—когда всякое стремленіе благоустроенной свободы было прижато и только бродяги

и голь могли дышать дикой вольностью, — съ размаха и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мастерски—закончено вылилась въ стихахъ. Каждая строка, точно кованная медаль, ярко и сжато очеркиваетъ цѣлое историческое событіе. И вопль, стоявшій по всей Руси, отъ Дона до Соловокъ, въ эту сѣдую старину, звучитъ въ грозной и глубокой музыкѣ Стенькинаго повѣтствованія. Вся русская народная душа, съ ея религіознымъ экстазомъ, съ ея безъисходной тоской и буйнымъ раздольемъ, открыта и выражена въ народной, присущей ей рѣчи.

У поэта было три главныхъ основанія. Психическая трагедія обнимала характеръ самаго Стеньки; это—трагизмъ души, по естеству своему, благородной, глубоко поэтичной, въ высшей степени одаренной отзывчивостью и силой воли, но безъ свѣтлаго и разумнаго міровоззрѣнія,—трагизмъ характера необузданнаго, впадающаго въ крайности добра и зла, и потому губящаго и себя, и любимое имъ существо, и всѣхъ, кого увлекалъ за собою.

Стенька воплощаетъ также историческую трагедію. Такая, во всѣхъ отношеніяхъ произвольная и тягостная для народа система правленія, какая существовала въ смутную эпоху до реформъ Петра, не можетъ не породить недовольства. Но протестъ въ лицѣ разбойника, какъ ни поэтична его личность,—протестъ его безшабашной шайки, идущей за одно съ дикой и алчной голытьбой,—такой протестъ, не можетъ привести ни къ чему другому, какъ къ пораженію самаго себя. Вся эта мысль высказана въ вѣщихъ словахъ князя Мышецкаго.

Гдѣ толпище твое съ тобой пройдетъ,—
Вездѣ тамъ только мерзость запустѣнья...
Грабежъ, убійства, пьянство и распутство;
Черезъ тебя народъ твой будетъ гибнуть
И самъ-же выдастъ онъ тебя царю...

Бурный порывъ необузданныхъ страстей губитъ ту цѣль, которой хочетъ служить и, наконецъ, губитъ

и того, который ему придается. Шайка Разина, берущая личнымъ отчаяніемъ и энергіей, безъ дисциплины, безъ порядка, побѣждаетъ все передъ собой, пока не сталкивается съ привыкшимъ къ порядку, стройнымъ войскомъ, систематически обученнымъ царемъ - нововводителемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Какая-же идея можетъ быть проведена тѣми представителями, у которыхъ, несмотря на доблесть и на смѣлость, царитъ безначаліе и своеволіе. Дикое насиліе нетолько не можетъ ничего исправить, но себя доводить до уничтоженія.

Наконецъ въ этой трагедіи развивается философская идея; герой ея ужъ не только Разинъ, но и вся эта непросвѣщенная голытьба, стремящаяся куда-то въ неизвѣстность, изнывающая подъ двойнымъ рабствомъ,— внѣшнимъ, матеріальнымъ,—и нравственнымъ рабствомъ своихъ грубыхъ, разгульныхъ страстей;—эта жалкая и темная толпа, о которой сказалъ поэтъ.

Насъ гнететъ суровый рокъ,
Трудъ и темная невзгода;
Подавляетъ насъ природа,—
Жизни смыслъ отъ насъ далекъ.

Тутъ выставленъ трагизмъ голодныхъ и отчаянныхъ массъ.—Взятая вмѣстѣ съ идеей Сен-Марса, эта идея Стеньки Разина составляетъ полное развитіе цѣльнаго и законченнаго соціальнаго взгляда. Какъ во Франціи, начиная съ Ришелье, и кончая революціей, народъ,— одна темная и грубая масса,—не дошелъ своими усиліями до благосостоянія и свободы, а всю власть захватило третье сословіе и эксплуататоры,—такъ здѣсь, въ разинскомъ бунтѣ, самъ народъ, по темнотѣ своей и дикому безначалію, ни до чего не можетъ дойти, никакой стройной системы создать не въ состояніи, и хотя выстраданная имъ правда на его сторонѣ,—гибнетъ передъ сплоченной и хорошо организованной силой.

Поэтъ, въ нѣсколькихъ словахъ, далъ намъ понятіе о дальнѣйшемъ развитіи трагедіи. Общее движеніе этого развитія было намѣчено смѣло и обѣщало сильный эф-

фектъ. Въ первыхъ дѣйствіяхъ разбушевавшаяся страсть, словно разгоряченный конь, кидалась въ бездны дикаго отчаянія, подымалась до крайняго напряженія, и при концѣ, авторъ думалъ осадить этотъ порывъ сразу, логическимъ и какъ сама жизнь непреодолимымъ заключеніемъ. Это былъ высоко художественный пріемъ. Поэтъ въ законченной формѣ выразилъ бы наглядно то, что сказала исторія. А она говоритъ, что такія возмущенія массъ никогда не достигаютъ первоначальной цѣли, что всякій прогресъ идетъ тихо и постепенно, путемъ преобразованій. Эта мысль о необходимости реформъ должна была высказаться въ разговорѣ Ордина Нащокина съ другимъ бояриномъ. Казнь Стеньки Разина состоялась 6-го Іюня 1671-го года, ровно черезъ годъ родился Петръ Велекій, 30-го Мая 1672 года. Исторія, разруша бунтъ Разина, то есть протестъ насилія, въ то-же самое время подарила Россіи Петра Великаго,—реформатора, который и спасъ ее въ эту минуту общей разшатанности и разслабленія внѣшняго и внутренняго, создавъ для нея систематическій, законный порядокъ, вокругъ котораго она могла сплотиться и окрѣпнуть.

XV.

Все лѣто 1897 года, мы провели въ разлукѣ съ нашимъ отцомъ. Это былъ годъ греко-турецкой войны изъ за острова Крита. Онъ принималъ искреннее участіе въ этихъ политическихъ событіяхъ. Какъ всегда, независимый въ своихъ сужденіяхъ, онъ не былъ подъ вліяніемъ тогдашнихъ порицателей Греціи, и хотя, вообще, осуждалъ войну и кулачное право, — но въ этомъ случаѣ, онъ стоялъ всецѣло на сторонѣ, грековъ, имѣющихъ нетолько историческое право, но священную обязанность возстановить свое національное единство и свою независимость. Какъ всегда, увлекавшійся всѣмъ прекраснымъ, въ минуту порыва, онъ сказалъ мнѣ: „будь я моложе, и я былъ бы въ первыхъ ря-

дахъ войска. Греки идутъ за хорошее дѣло! Да вотъ я ужъ старъ, долго ходить не могу"·

Мы вели съ нимъ непрестанную переписку, въ которой интересно подчеркнуто его убѣжденіе, что облегчая физическія страданія, надо, главнымъ образомъ, не забывать и психической стороны. „Близкій уходъ за страждущимъ человѣчествомъ научитъ васъ христіанскому снисхожденію и сочувствію къ страждущимъ, нетолько тѣлесно, но и душевно", писалъ онъ намъ. „Жить на дѣлѣ для несчастныхъ прекрасно, нужно помогать имъ сколько возможно; но слѣдуетъ постоянно помнить, что Богъ даровалъ вамъ талантъ и для развитія и усовершенствованія его, вы обязаны сдѣлать что нибудь. Это такъ важно, что если вы достигните бо̀льшего развитія вашего таланта, то это самое громадно облегчить вамъ возможность быть полезными и въ добрыхъ дѣлахъ".

Возвратясь осенью въ Россію, мы провели съ нимъ два мѣсяца. Онъ былъ весь поглощенъ своей трагедіей. Гуляя съ нами, онъ часто говорилъ намъ о своемъ Стенькѣ, о планѣ слѣдующихъ дѣйствій. Онъ даже поздоровѣлъ, ходилъ быстрѣе, въ немъ чувствовался сильный подъемъ духа. Никогда, до тѣхъ поръ, онъ такъ не увлекался своимъ сюжетомъ. Къ тому времени, онъ написалъ два лирическихъ стихотворенія, въ которыхъ, какъ нельзя лучше, вылилось его личное тогдашнее настроеніе душевной тишины, спокойное отрѣшеніе отъ всего преходящаго: ***„Спокойно облако плыветъ"***, и ***„Забвеніе"*** [1]), посвященное дочери его покойнаго друга, баронессѣ Е. Н. Торнау.

Въ этомъ послѣднемъ—правдиво высказано то̀, что онъ чувствовалъ:

Могу-ль забыть святыя дѣтства грезы
И ореолъ блаженныхъ, юныхъ дней?
Забуду-ль васъ, любви мечты и слезы,
Все, что жило во мнѣ въ душѣ моей?

---

[1]) Стр. 166 и 168.

Еще живѣе выступили его воспоминанія, когда онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Полтаву. Онъ показалъ мнѣ домъ, гдѣ жилъ, будучи ребенкомъ, крутой косогоръ, съ котораго зимой онъ съѣзжалъ на салазкахъ, возвышеніе откуда любилъ смотрѣть въ степную даль и наблюдать за пріѣздомъ отца своего, возвращавшагося съ поѣздокъ въ имѣнія, — домъ гдѣ жилъ его дядюшка Алексѣй Васильевичъ, и тотъ, гдѣ умерла его первая невѣста Н. П. и гдѣ онъ съ ней простился. Съ глубокой нѣжностью говорилъ онъ о ней. Одно обстоятельство очень грустно его поразило. Проѣзжая мимо церкви Покрова, онъ замѣтилъ, что старую деревянную церковь разбираютъ и строятъ на ея мѣстѣ каменную. „Какъ мнѣ жаль“, сказалъ онъ, „старинной церкви, которую я съ дѣтства помню, и гдѣ за меня такъ часто и горячо молилась Н. Это для меня дурная примѣта. И мнѣ осталось, значитъ, не долго жить: А досадно, если не успѣю окончить Стеньку“!

Онъ вспоминалъ также и свои университетскіе годы. Въ деревнѣ, по вечерамъ, послѣднее, что онъ намъ читалъ это лекціи Грановскаго.

На зиму онъ поѣхалъ съ нашей матерью въ Римъ, намъ же пришлось вернуться въ Грецію. Къ веснѣ мы сговорились съѣхаться. Онъ посвятилъ тогда прежде написанные стихи: *Страхъ Божій* [1]) побѣжденнымъ Грекамъ, говоря: „Они единственные возстали на помощь Крита; безъ этой войны островъ не освободился бы отъ турокъ, такъ какъ до сихъ поръ не освобождался, несмотря на всѣ свои обращенія за помощью къ Европѣ. На Грецію тоже налетѣлъ ураганъ, сдружившійся съ полночною грозою, наполнилъ ее разрушеніемъ и смятеніемъ, но надъ защищеннымъ ею Критомъ восходитъ заря свободы“ [2]).

---

[1]) Стр. 190.

[2]) Не задолго до смерти своей, дѣдъ его В. В. Капнистъ, въ 1822 году тоже вдохновился подобнымъ сюжетомъ и написалъ тогда во время войны за освобожденіе, одну изъ своихъ лучшихъ одъ: „Воззваніе на помощь Греціи“.

Вскорѣ онъ мнѣ писалъ изъ Рима: „Да благословитъ тебя Господь, и да ниспошлетъ Онъ тебѣ здоровье тѣлесное и душевное: mens sana in corpore sano. — Я думаю, что выше этого ничего нѣтъ на землѣ. Это тô, чтô называется: система равновѣсія здраваго духа и тѣла. Кажется, что это болѣе всѣхъ проповѣдывали и практиковали Конфуцій и Гёте. Думаю, что этому слѣдовать и не трудно, и хорошо; лишь бы привыкнуть къ этому. Вся бѣда въ томъ, что и въ природѣ, и въ душѣ человѣка, на каждомъ шагу, прорывается *страсть*, враждующая противъ *гармоніи* равновѣсія. И эта страсть есть такое привлекательное зло, что и природа, и душа человѣка легко плѣняются имъ и отдаются борьбѣ, которая длится, но наконецъ, всетаки должна привесть къ равновѣсію рано или поздно. Идеалъ-же равновѣсія есть великая, всеобъемлющая гармонія—Богъ... Этимъ можно объяснить все во вселенной и великъ былъ бы тотъ, кто и для государственной, и для частной нравственности съумѣлъ-бы создать кодексъ великаго равновѣсія. Только такое представленіе о Богѣ объясняетъ, какъ пророкъ Илія услышалъ и увидѣлъ Бога въ *тишинѣ*. Вотъ этой-то тишины я и желаю тебѣ, другъ мой. Это отнюдь не монотонность и не апатія“...

Въ письмѣ своемъ отъ 9-го Декабря онъ говоритъ: „Обстоятельно заниматься Стенькой мнѣ пока очень трудно: насъ осаждаютъ друзья и знакомые. Я надѣюсь, однако, что несмотря ни начто, я съумѣю сосредоточиться и добиться, чтобы написать здѣсь хоть второй актъ, который ужъ начатъ...

„*28 Декабря 1897 г. Римъ*: Въ эту зиму, *пока*, я встрѣчаю много помѣхи въ работѣ моей надъ Стенькой... Тѣмъ не менѣе, я усердно уже начиталъ и выписалъ почти все необходимое для II-го акта, и самый актъ начатъ и надѣюсь, что при первомъ благопріятномъ времени, чтобы *сосредоточиться*, — я докончу II-й актъ, который, однако несравненно труднѣе и спеціальнѣе I-го акта“.

CCXLVI

„*19 Января 1898 г.* „Я написалъ уже часть вто-„рого дѣйствія Стеньки. Надѣюсь, что удастся написать „здѣсь весь второй актъ, если ничто не помѣшаетъ. Въ „этомъ году, очень трудно спокойно работатать. Если „отъ 10-ти часовъ утра до часу дня не успѣешь что̀ „либо сдѣлать, то потомъ уже цѣлый день нѣтъ воз-„можности. Второй актъ Стеньки гораздо труднѣе пер-„ваго и я буду очень счастливъ, если справлюсь. По-„сылаю вамъ „*Страхъ Божій*“ въ рукописи. Ваши „друзья по русски понимаютъ“-

Я передала эти стихи редактору газеты „Неологосъ“, г-ну Бутира; который ими восхищался и обѣщалъ перевести на греческій языкъ, для пасхальнаго № своей газеты. „Это лучшій даръ, какой можетъ сдѣлать грекамъ русскій поэтъ“, сказалъ онъ.

Въ письмѣ отъ 4-го Февраля нашъ отецъ писалъ намъ: „Ваша мать вамъ расписала уже что-то о пѣ-„сенкѣ во II-мъ актѣ Стеньки. Тамъ не одна пѣсенка, „а четыре. Это было время, когда еще недавно всѣ были „вольные на Руси. Крѣпостныхъ еще только начали „заводить.—Идетъ кучка парней; одинъ съ балалай-„кой, бренчитъ и напѣваетъ:

Бѣги, бѣги заинька
Далеко̀,
Лети, лети пташечка
Высоко̀.
Заинька, заинька,
Разспроси,—
Куда дѣлась волюшка
На Руси?
Пташечка, пташечка,
Разскажи,—
Куда дѣлась волюшка,
Покажи!..
Бѣгалъ, бѣгалъ заинька,—
Пёсъ поймалъ;

Злющій коршунъ пташечку
  Заклевалъ...
А на Руси волюшкѣ
  Не судьба:
Всю волюшку сцапала
  Голытьба...

„то есть, что вся воля очутилась въ бездомной и бро-„дячей нищетѣ. Половина II акта Стеньки уже готова. „Если что либо не помѣшаетъ, надѣюсь до нашего „свиданія кончить.

„*17 Февраля*. Половина II акта у меня готова; я „*очень* доволенъ; но теперь остановился передъ окон-„чаніемъ. Это, думаю, будетъ *самое трудное* и самое „важное мѣсто всей трагедіи. Если бы это удалось мнѣ,— „то вся трагедія спасена. Но удастся ли? Большой во-„просъ. Здоровье мое не важное, похвалиться не могу".

Извѣстіе о нездоровьѣ моего отца меня очень встревожило, мнѣ хотѣлось немедленно ѣхать къ нему, не тутъ-то было — сама я опасно заболѣла и пролежала мѣсяцъ.

„Твое письмо, душа моя", писалъ онъ мнѣ 24-го „февраля, „нагнало на меня очень большую тревогу. „Извѣстіе, что ты больна, положительно мнѣ не даетъ „покоя... А тутъ, какъ нарочно,—при такихъ обстоя-„тельствахъ, Стенька подошелъ къ *самому критичес-„кому* моменту трагедіи, для преодолѣнія котораго нужна „энергія... Думаю, что если ничто особенное не раз-„рушитъ моего душевнаго самочувствія,—то дѣло бу-„детъ сдѣлано.

„*10-Марта*. Стеньку, II-й актъ надѣюсь кончить „къ пріѣзду твоему. Остается только: двѣ небольшія, „но очень важныя сцены".

Пока я всей душой стремилась къ моему отцу, онъ говорилъ моей матери, по поводу докторскаго совѣта лечиться ему въ Наугеймѣ: „кажется я брошу все, и вмѣсто леченія поѣду съ тобой и дѣтьми въ Занте". Здоровье его поправилось, и не давало поводу къ се-

ріознымъ опасеніямъ, повидимому. Изрѣдка онъ жаловался на боль въ боку, но самъ мало обращалъ на это вниманія. Разъ ночью, въ началѣ марта, онъ проснулся. „Не собираешься-ли опять писать?“ спросила моя мать. Это съ нимъ иногда случалось. Такъ всталъ онъ разъ и написалъ пѣсню изъ „Стеньки“.—„Нѣтъ“, отвѣтилъ онъ. „Я хотѣлъ бы сказать тебѣ, о чемъ я все думаю“. Тутъ онъ сталъ говорить о смерти. „Ужъ не боленъ-ли ты?“ встревоженно спросила она. „Развѣ ты себя дурно чувствуешь!“—„Не могу сказать, чтобъ дурно“, возразилъ онъ, „только мнѣ будетъ гораздо покойнѣе, если я тебѣ скажу, какъ я желаю, чтобы ты распорядилась, въ случаѣ моей смерти. Вѣдь отъ этого я не умру, а ты узнаешь все, что мнѣ желательно“. Онъ передалъ ей свои распоряженія и, при концѣ, сказалъ; „А еслибъ я умеръ здѣсь, заграницей, не вези меня въ Россію, это слишкомъ далеко; но и въ Римѣ я не желалъ бы остаться,—въ сыромъ этомъ кладбищѣ. Хотѣлось бы мнѣ лежать въ сухомъ и солнечномъ мѣстѣ“. - „Если-бъ такое несчастіе случилось, я повезла бы тебя въ Занте, какъ ты говорилъ дѣтямъ, сказала моя мать [1]). Онъ улыбнулся. „Да, отвѣтилъ онъ, „мнѣ этого хотѣлось бы, тамъ хорошо. Да только боюсь хлопотъ и затрудненій вамъ надѣлать“. — „Объ этомъ не безпокойся“, возразила она. Онъ опять заговорилъ о томъ, что несмотря на морскую болѣзнь, хотѣлъ-бы посѣтить этотъ островъ.—Послѣ этого разговора онъ успокоился и не жаловался на здоровье.— Нѣсколько дней спустя, зашелъ къ нему его старый другъ, почтенный и прекрасной души человѣкъ, который часто съ нимъ видѣлся за послѣднее время. Онъ былъ очень растроенъ какимъ то личнымъ горемъ и сказалъ ему: „Я пришелъ къ вамъ, чтобы вы меня

---

[1]) За два года до этого, посѣтивъ островъ Занте, я привезла отцу моему на память кусокъ глянцовитой, выжженной, вулканической земли, которую я тамъ нашла въ горахъ. Онъ любовался имъ и сказалъ: Хотѣлъ бы я лежать подъ этой сухой, вулканической землей, вѣдь она мнѣ тоже родная!“.

ободрили и укрѣпили. Никто не умѣетъ такъ говорить, какъ вы и такъ освѣжать душу". Въ комнатѣ находилась также моя мать, и начался длинный, крайне интересный разговоръ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ. Мой отецъ сказалъ, между прочимъ, слова которыя глубоко запали въ душу любящихъ его собесѣдниковъ: „Вотъ, прежде, хотя я и вѣровалъ, и молился, но никогда не могъ понять, какъ это нѣкоторые говорятъ, что *чувствуютъ* Бога. А теперь,—какъ это мнѣ ясно, понятно! Какъ я чувствую Его присутствіе, Его близость!"

Дни его протекали тихо. Онъ писалъ цѣлое утро, а послѣ часу ходилъ гулять, — обыкновенно совсѣмъ одинъ, такъ какъ, въ это время обдумывалъ свою трагедію. Никогда въ жизни онъ не чувствовалъ такой силы вдохновенія, и такого поэтическаго настроенія. Вечеромъ, часто, кто нибудь изъ знакомыхъ заходилъ въ ихъ уютную гостинную. Моя мать писала намъ: „Особенно люблю я, когда приходитъ Ю. Я. (это былъ окончившій московскій университетъ кандидатъ правъ). Говорятъ всегда объ искуствѣ, и я слушаю съ большимъ интересомъ, потому что такіе разговоры рѣдки. Онъ, можно сказать, пьетъ слова вашего Отца. Видно, что онъ очень много работаетъ и думаетъ, онъ приходитъ къ намъ съ оригинальными идеями, которыя вызываютъ интересныя разсужденія. Этотъ обмѣнъ мыслей очень занимателенъ; особенно хорошъ былъ вчерашній вечеръ. Говорили о поэзіи, кончили чтеніемъ „*Страха Божія*", который восхитилъ молодаго человѣка. Я такъ рада за нашего поэта, что тутъ нашелся кто нибудь, съ кѣмъ онъ такъ пріятно можетъ бесѣдовать объ искуствѣ и поэзіи".

Наконецъ 17-го марта, въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, мой отецъ писалъ: „Второй актъ Стеньки я окончилъ; радуюсь мысли, что прочту тебѣ. Мнѣ кажется,—вышло сценично".

Послѣ этого, онъ сталъ каждый день переписывать его, и набросалъ нѣсколько словъ о продолженіи.

Второе дѣйствіе и впрямь было трудное, но онъ блестяще разрѣшилъ эту задачу. Не говоря о живости, о сценичности, о движеніи массъ, о народномъ говорѣ и о пѣсняхъ,—все это неподражаемо ему удалось, — но поразительнѣе всего глубина этой народной картины. Выставлена кабацкая голь въ ея реальномъ и невзрачномъ видѣ,—эта голь, готовая на всякое лихое дѣло, способная все сцапать, жалѣющая, что не успѣла со драть платья съ утопленника, — легко впадающая въ звѣрство, легко поющая, и, чтобы заглушить отчаяніе, хохочащая надъ своей собственной бѣдой. Изображена эта толпа такъ, — что сердце болитъ. Съ какой сердечностью вникъ поэтъ въ душу каждаго лица изъ этой толпы! Какое сущее, живое горе слышится въ разсказахъ каждаго изъ тѣхъ, кто „бѣгаетъ" и „маится" по бѣлу свѣту. Какая темная, непроглядная бездна людскихъ слезъ, подъ этой пестрой и шумной обстановкой! И вотъ, съ синяго моря является Стенька Разинъ, въ парчѣ и шелку, точно призракъ волшебнаго богатства, обѣщаннаго этой голодной и тревожной голытьбѣ. Онъ— побѣдитель; онъ чувствуетъ свою силу; онъ все повернетъ по своему; въ немъ кипитъ духъ гордости и мщенія:

. . . . . . И еслибъ даже сила
Небесная намъ помѣшать хотѣла,
Я не боюсь!.. Мы справимся и съ ней!..

говоритъ онъ. Подходитъ другой стругъ, съ Чернoярцемъ и полонянами и, какъ бы въ отвѣтъ на вызовъ Разина, является эта „сила небесная" въ лицѣ Заиры,— точно ясная гармонія послѣ бѣшенно-взволнованнаго моря звуковъ. Ея нѣсколько словъ приковываютъ всю душу Разина и даютъ понять всю мѣру той силы небесной, съ какою теперь придется бороться страстной и темной душѣ атамана.—Разсказъ стараго казака о побѣдѣ надъ Персами, кажется, прямо страницей изъ народнаго сказанія. Обыкновенно такія сильныя и простыя вещи не выходятъ изъ подъ пера поэта—автора,—ихъ склады-

ваетъ поэтъ народъ. Нигдѣ и ни въ чемъ не видно автора, не замѣчается ни малѣйшей тенденціи, и только чувствуется чья-то отзывчивая душа въ описаніи внутренняго міра каждаго лица трагедіи. Такъ, теплый колоритъ безпристрастно освѣщаетъ картину великаго живописца. Хотя трудъ столькихъ лѣтъ подготовленія, „Стенька Разинъ", неоконченъ, — однако эти два дѣйствія составляютъ, сами по себѣ, двѣ вполнѣ законченныя историческія сцены [1]).

Въ день моего пріѣзда, 26-го марта, онъ утромъ кончилъ переписывать на бѣло второе дѣйствіе. Сперва онъ намѣревался прочесть его моей матери, но потомъ сказалъ: „Подождемъ, вотъ пріѣдетъ Ина и я заразъ обѣимъ вамъ прочту. „Ну теперь", прибавилъ онъ, „мнѣ ужъ не трудно будетъ продолжать; третій актъ цѣликомъ сложился въ моей головѣ". Вдохновленный, радостный, полный творчества, - вотъ какимъ онъ былъ послѣдніе дни. Мнѣ случалось довольно часто, на время, разлучаться съ моимъ отцомъ. Но въ этотъ разъ, я ждала встрѣчи съ какимъ-то особеннымъ, задушевнымъ желаніемъ. Масса впечатлѣній накопилась въ моей головѣ, хотѣлось все ему передать. Съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ мой жизненный опытъ развивался, — я все лучше его понимала. Мое сердце жаждало высказать ему всѣ тѣ новыя мысли и чувства, которыя возбудили во мнѣ пережитые мѣсяцы и переписка съ нимъ. По его-же словамъ, эта разлука связала насъ еще болѣе тѣсно любовью и взаимнымъ уваженіемъ. Все что я видѣла, думала, записывала за послѣднее

---

[1]) Мы ихъ печатаемъ, какъ таковыя въ этомъ изданіи, но неприлагаемъ къ нимъ записки и матеріаловъ, то есть всей подготовительной работы. Изученія для трагедіи сохраняются у насъ между бумагами поэта. Еще послѣ его смерти, мы получили письмо отъ однаго свѣдущаго лица, приволжскаго жителя, который присылалъ ему разныя интересныя мѣстныя свѣденія о Стенькѣ,а также рисунокъ тогдашнихъ струговъ. В. П. Горленко, обладатель рѣдкихъ изданій и знатокъ Украйны сообщалъ ему нѣкоторыя подробности о запорожцахъ. Такимъ образомъ, онъ собиралъ свой матеріалъ изъ книгъ, хроникъ и устныхъ преданій.

время,—было съ неотлучной мыслей: Вотъ я ему разскажу, я ему передамъ, я съ нимъ переговорю...

Подъѣзжая къ Риму,—не помню, чтобы когда либо я заранѣе такъ радовалась встрѣчѣ, какъ тогда. Я себѣ воображала свиданіе, восторгъ, разговоры, чтеніе Стеньки,—и нетерпѣніе мое росло. Наконецъ,—я въ Hôtel de Russie. Встрѣчаю, на порогѣ, съ дѣтства мнѣ знакомаго содержателя гостинницы. „Что мои родители?" спрашиваю, „здоровы?"—„Слава Богу! — Они только что пообѣдали. Какъ радуется графъ вашему пріѣзду! онъ сегодня мнѣ говорилъ, что ожидаетъ васъ, и былъ такъ веселъ!" Хозяинъ любезно провелъ меня по лѣстницѣ къ номеру, занятому моими родителями. Я имъ телеграфировала о днѣ моего пріѣзда, но не могла назначить часа, и мой отецъ уже безпокоился, что меня нѣтъ. У двери я слышала, какъ онъ говорилъ: „Едва начнешь что нибудь читать, какъ кто-то идетъ!"—„Да вѣдь это голосъ Ины", воскликнула моя мать. Черезъ минуту, я была въ ихъ объятіяхъ. Мой отецъ сильно прижималъ меня къ сердцу, и я слышала, какъ оно колотилось. Онъ только и могъ сказать: „Ну вотъ!.. Ну наконецъ!.. Слава Богу!" Но мы безъ словъ передавали другъ другу и безпокойство разлуки, и счастіе встрѣчи. Послѣ первыхъ минутъ почти нѣмой радости,—мгновеній на вѣки оставшихся неизъяснимо-яркими въ душѣ моей,—я взглянула на него и замѣтила, что онъ очень блѣденъ,—но приписала это волненію. Глаза его такъ и свѣтились радостью. Вдругъ, онъ захлопоталъ: „Ты, вѣрно голодна, какъ это я не подумалъ! скорѣй, пойду, скажу, чтобъ тебѣ подали обѣдать".—„Подожди", отвѣтила я, „успѣю, мнѣ ѣсть не хочется, дай поговорить, посмотрѣть на тебя". — „Нѣтъ", возразилъ онъ, „надо скорѣй распорядиться, а то ужъ не будетъ обѣда". Онъ растерялся отъ радости, и вмѣсто того, чтобъ позвонить человѣка, самъ выбѣжалъ изъ комнаты. Всего нѣсколько ступеней отдѣляли эту гостинную отъ нижняго этажа, гдѣ находились столовыя. „Пожалуйста, не безпокойся!" воск-

ликнула я и хотѣла кинуться вслѣдъ за нимъ, но мать меня удержала. „Оставь его, онъ такъ радъ что-нибудь сдѣлать для тебя“. Едва успѣла я снять шляпу, какъ онъ быстро вернулся, и не говоря ни слова сѣлъ въ кресло. Страннымъ показалось мнѣ его молчаніе. Я обернулась къ нему,—вижу, онъ сидитъ бѣлѣе полотна, съ закрытыми глазами. Мы съ моей матерью бросились къ нему. Въ комнату вбѣжали человѣкъ и горничная. Намъ казалось, что это обморокъ, -- все было употреблено, чтобы привесть его въ чувство. Явился хозяинъ гостинницы съ докторомъ. Невыразимый, щемящій ужасъ леденилъ меня. Но вдругъ, мой отецъ встрепенулся. „Слава Богу! тебѣ лучше?“ воскликнула я. Онъ открылъ на мгновеніе глаза, лицо его покрылось краской, но вдругъ кровь опять отхлынула, голова упала на грудь и по лицу прошла тѣнь, — будто свѣтъ погасъ,—безъ мученія, безъ борьбы, безъ стона... Все было кончено. Мы не проронили ни слова о смерти, въ смерть не вѣрилось. Все это произошло съ необычайной быстротой и внезапно наступило грозное молчаніе. Точно ударъ молніи сразилъ насъ.

Впослѣдствіи, когда я могла о чемъ нибудь подумать: „Господи!“—явилась мнѣ мысль, „а Стенька Разинъ! Вѣдь такъ и неоконченъ!..“

Черезъ недѣлю вечеромъ, въ сумеркахъ, подплывали мы къ острову Занте съ останками того, кто былъ намъ такъ дорогъ. Въ глубокомъ южномъ небѣ, точно дрожащія слезинки, загорались звѣзды. Тихо плескались теплыя волны. Теплый, мягкій воздухъ, ласково вздыхая приносилъ съ далекаго, едва-виднаго берега тонкій и проникающій запахъ цвѣтовъ. Какъ бы восхищался усопшій поэтъ, еслибъ онъ могъ очнуться и почувствовать обоятельную, тихую прелесть этого тающаго въ небѣ и на морѣ вечера. Еще издали, мы услышали печальный колокольный звонъ по умершему, точно дальнее привѣтствіе. На набережную высыпала громадная толпа. Зажженныя свѣчи въ рукахъ народа мерцали во мракѣ, какъ звѣздочки. Всѣ власти города и духовенство при-

шли на пароходъ. Гробъ былъ встрѣченъ священникомъ изъ той церкви, построенной нашими предками, которой мы,—Капнисты,—еще считаемся прихожанами. Съ хоругвями, факелами и стройнымъ іоническимъ пѣніемъ понесли гробъ, въ находящійся недалеко отъ набережной, соборъ. Черезъ часъ, мы туда взошли. Гробъ утопалъ въ цвѣтахъ; вся церковь благоухала миртомъ и лавромъ, которымъ была устлана и убрана. Священникъ служилъ панихиду. Казалось, мы привезли нашего отца на любящую его родину. Не могу описать, какое теплое впечатлѣніе произвелъ на насъ этотъ пріемъ, въ краю его предковъ, гдѣ онъ самъ, при жизни не былъ, и гдѣ мы никого не знали [1]).

Архіепископъ Діонисій, почтенное и просвѣщенное духовное лицо,—самъ отправился съ нами, чтобы найдти живописную мѣстность для погребенія. За городомъ, на лѣвомъ склонѣ горы Скопосъ [2]), высоко надъ моремъ красуется лѣсъ, гдѣ въ XIV-томъ вѣкѣ спасался св. Діонисій, уроженецъ и покровитель острова. Тамъ, съ уступа, открывается широкій кругозоръ на море и на далекіе берега Пелопонеза. Это мѣсто выбрали мы для послѣдняго успокоенія тѣла моего отца. Мѣстный поэтъ, —графъ Капсокѐфалосъ посвятилъ его памяти слѣдующіе стихи [3]).

Открой, о родина, открой свои объятья
И сына дальняго пріими!
Цвѣтущей ласкою, и нѣжной благодатью
Его глубокій сонъ на вѣки обними.
Далекой сторонѣ его лучи свѣтили,
Ей отдалъ онъ и жизнь, и свой священный трудъ,

---

[1]) Его стихи предшествовали этой встрѣчѣ. Какъ разъ къ тому времени, въ день Свѣтлаго Воскресенія, появился въ газетѣ „Неологосъ", хорошо переведенный на греческій классическій языкъ его „Страхъ Божій". Потомъ, въ Занте, эти стихи были переложены Н. Доменегини на народное греческое нарѣчіе.

[2]) Слово Скопо́съ значитъ—*цѣль* и *предѣлъ*.

[3]) Перевожу ихъ съ греческаго.

Но память о тебѣ мечты его таили...
Его стихи, средь насъ, въ забвеньѣ не замрутъ.
Онъ на твоей груди, зеленой, ароматной,
Желалъ заснуть въ тиши,—лелѣй его покой!
Пусть льется пѣснь его въ вселенной необъятной,
Но прахъ его, на вѣкъ, останется съ тобой...

Въ весенній, солнечный день, при звонѣ колоколовъ, вся въ цвѣтахъ, колесница съ гробомъ подвигалась по большой дорогѣ, вьющейся вдоль морскаго берега, среди садовъ и плодородныхъ нивъ. Казалось, это былъ путь, достойный вести прямо въ вѣчное блаженство. Никакихъ ужасовъ смерти не замѣчалось. Даже погребальное пѣніе все время чередовалось столь радостными, для скорбящихъ, возгласами: „Христосъ воскресъ“! Мѣстность, по мѣрѣ того, какъ шли впередъ, становилась болѣе дикой и роскошной. Дорога стала подыматься въ гору. Цвѣли рощи дикихъ черешень, кусты красной гіерани и розовыхъ олеандровъ. Подъ густымъ папоротникомъ струились ручейки. Сосновый лѣсъ, точно бархатный покровъ подымался на отвѣсную стѣну горы, до самыхъ верхнихъ, каменныхъ утесовъ фантастической вершины Скопоса. Это и была *роща святаго*, принадлежащая монастырю св. Діонисія. Надъ самымъ моремъ выдвигается уступъ, и тамъ положили въ часовнѣ земные останки поэта.

Гармонія грядущаго теперь
Предъ нимъ гармоніей вселенной стала...
Раскрыта смерти роковая дверь,
И вѣчность въ ней стоитъ безъ покрывала...

XVI.

Какъ другой лепитъ бюстъ изъ глины или передаетъ черты карандашемъ, я старалась набросать портретъ въ словахъ, желая увѣковѣчить память о личности поэта,

и я буду счастлива, если мнѣ удалось, хотя отчасти, уловить сходство.

Мнѣ кажется, что издавая его труды, намъ нельзя умолчать о личности того, кто ужъ ничѣмъ не можетъ заявить о себѣ. Всегда полезно запечатлѣть черты человѣка честно относившагося къ жизни, и художника, безкорыстно работавшаго для искуства. Какъ человѣкъ, онъ выдавался своимъ непрестаннымъ стремленіемъ къ нравственному совершенству. Въ душѣ его была постоянная робость и смиреніе передъ искуствомъ. Ему хотѣлось, чтобы всѣ люди относились съ любовью и пониманіемъ къ поэзіи, чтобы у насъ, въ Россіи, не терялись даровитыя силы среди лѣни и пренебреженія. Поэзія, — чистый источникъ наслажденія, можно-ли позволить ему засориться, измельчать и засохнуть, безъ урона для всей народной жизни? „Геній-же поэта и художника ничто иное, какъ чуткое усвоеніе гармоніи пространства и невидимаго міра, а красота стиха—неподдѣльная, утонченная музыка, которая изливается въ ритмѣ звуковъ. Кто достаточно надѣленъ этимъ богатствомъ, долженъ сознавать это преимущество и неутомимо достигать цѣли. Какъ въ прежнія времена достигалась апогея таланта даровитыми художниками? Какъ могли они одухотворять свои произведенія для живущихъ съ ними людей и для дальнѣйшаго потомства?—Высокимъ религіознымъ чувствомъ, пріобрѣтеннымъ молитвой и великой вѣрой. Зажечь эту вѣру, это сознаніе Божества въ людяхъ нашего матеріальнаго вѣка,—вотъ великая задача,—пламеннымъ словомъ увлечь за собой все то, что чувствуетъ, любитъ и создаетъ. Надо возжечь этотъ святой огонь“.

Недолго до смерти поэтъ писалъ: „Я хлопочу, чтобы съ Божьей помощью, дать людямъ ароматные и прекрасные цвѣты тѣхъ сѣмянъ таланта, которыя вложены —Богомъ въ нашу душу“.

Древніе христіане изображали душу — Психею, собирающей цвѣты, передъ тѣмъ, какъ перейдти въ вѣчность. И вотъ, въ этихъ стихахъ, собранныхъ въ этой

книгѣ,—тѣ цвѣты, которые съ любовью оставила людямъ чистая душа ушедшаго въ вѣчный миръ, поэта.

Какъ говорилъ его прадѣдъ, поэтъ Василій Васильевичъ Капнистъ, такъ и онъ можетъ сказать: живъ Богъ! — жива душа моя“.

Графиня Ина Капнистъ.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Отдѣлъ I.

УТРЕННЯЯ ЗАРЯ.

(изъ гёте).

Ish singe wie der Vogel singt,
Der in den Zweigen wohnet,
Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet.

Пою, словно птичка безпечно поетъ,
Что мирно на вѣткахъ древесныхъ живетъ,
И пѣсенка та̀, что она распѣваетъ,
Наградою щедрой ее награждаетъ.

2

Я помню тихій разговоръ
Въ тѣни березъ шумящихъ,
Я помню долго-нѣжный взоръ
Очей, огнемъ блестящихъ;—

Но та минута далека̀,
Та вспышка жизни бурной
Давно прошла, какъ облака̀
Въ степи небесъ лазурной...

Березы высохли и взоръ
Тотъ нѣжный и горючій
Давно угасъ, какъ метеоръ
Блестящій и не жгучій...

1846 г.

НАЯДА.

Передо мной въ долинѣ злачной
Пробился ручеекъ прозрачный;
По камнямъ прыгая звенитъ...

Давно я въ мірѣ безъ привѣта;
И сердце ждавшее отвѣта
Теперь Наядѣ говоритъ...

— О, понялъ я твои призывы,
Твой шопотъ, брызги, переливы
И полный ропота укоръ;—

Въ нихъ все,—томленіе и слезы,
Мольба и ревности угрозы,—
Любви капризный разговоръ...

Ты ждешь?.. Зовешь меня?.. Напрасно!..
Мнѣ горекъ страсти ядъ опасный:
Въ немъ призракъ счастія живетъ...

Блаженъ, кто все въ забвеньѣ топитъ!..
Прощай, Наяда, жизнь торопитъ
И смерть нетерпѣливо ждетъ!..

1847 г.

4

* *
*

Милый другъ, судьбой жестокою
Будемъ мы разлучены,
Розно въ путь тропой далекою
Мы идти осуждены!
Увлеченъ волной гремучею,
Въ море жизни брошенъ я
И громо̀вой смотритъ тучею
Впереди судьба моя.
Море воетъ, бездну черную
Разверзаетъ подо мной;
Силу-жъ духа непокорную
Не смутить ему грозой!..
Ты-жъ на брегѣ:—жизнь прекрасная
Такъ играетъ предъ тобой,
Какъ заря играетъ ясная
Въ часъ разсвѣта золотой...
И о будущемъ не думая
Ты проводишь дни свои...
Гдѣ-жъ судьба моя угрюмая
Встрѣтитъ радости твои!..

1846 г.

ОСЕНЬЮ.

Степная даль ужъ не синѣетъ,
Осенней блещетъ красотой—
И все свѣтлѣетъ, все желтѣетъ,
И ослѣпительный не грѣетъ
Лучъ солнца,—вѣчно золотой...

И съ каждымъ воздуха порывомъ
Невольно вспомнишь *листопадъ*...
Лечу я на конѣ ретивомъ,
О лѣтѣ знойномъ и лѣнивомъ
Забылъ,—и осени я радъ...

Люблю въ рѣкѣ прозрачнѣй воду
И звонъ ея холодныхъ струй,—
Въ разоблаченіи природу
Люблю, какъ шалость, какъ свободу,
Какъ свѣжихъ губокъ поцѣлуй!...

1847 г.

Къ кн. Е. А. Г...ой.

О нѣтъ, не мнѣ полу-дитяти,
Не слабымъ, трепетнымъ устамъ
Молиться смѣлой страстью вамъ
Въ надеждѣ свѣтлой благодати!
Не дѣтямъ въ дерзкомъ челнокѣ
По океану бѣгъ направить,
И не ребяческой рукѣ
На вашемъ сердцѣ слѣдъ оставить...
Унынья полонъ моего,
На васъ гляжу я издалѐка,
Бѣгу блаженства своего
И надъ собой смѣюсь жестоко...
Такъ демонъ, ревностью томимъ,
И полонъ злобы и смятенья,
Смотрѣлъ—какъ чистый серафимъ
Торжествовалъ его паденье. .

1848 г.

ГРАФИНѢ РАСТОПЧИНОЙ.

(Когда ей было много непріятностей за стихи ея: „Неравный Бракъ“).

Когда въ толпѣ пустой и шумной
Рѣчь о тебѣ идетъ порой,
Звуча насмѣшкою безумной,
Или ничтожной похвалой;—
И равнодушный, и холодный,
Я внемлю толкамъ клеветы,
Я знаю, что молвы свободной
И божество, и жертва ты.
Я знаю, что вѣнецъ величья,
Горя̀ безсмертія лучемъ.
Глазамъ тщеславнаго приличья
Блеститъ убійственнымъ огнемъ!
Я знаю,—злоба и досада
Есть спутникъ истины святой;
Я знаю—генія награда
На лонѣ смерти роковой!..
Иди-жъ, улыбкою блистая,
И смѣло истину вѣщай;—
И дерзость глупости прощая,
Безсилье злобы возмущай!
Быть можетъ, въ блескѣ маскарада
Тебя никто не разгадалъ;—
Но вѣрь,—Аспазіи не надо
Ни оправданій, ни похвалъ!..

1849-й годъ
Москва.

8

ЭЛЕГІЯ

Угасъ сгорѣвшій день и темно голубая,
Свѣжѣй краса небесъ; угрюмый лѣсъ молчитъ,
И только иногда, уныло замирая,
Далекій, тихій звонъ, иль пѣсня прозвучитъ. .
Но долго горизонтъ пылалъ за темнымъ лѣсомъ,
И наконецъ угасъ въ синѣющей дали.
Настала ночь, и вотъ—клубящимся навѣсомъ
Въ поляхъ душистый паръ поднялся отъ земли
И блѣдный лучъ звѣзды осеребрилъ игриво
Шумливыхъ водъ рѣки веселую струю;
Природу сладкій сонъ объемлетъ молчаливо.
Но для чего-жъ тоска стѣсняетъ грудь мою!..
Мнѣ грустно потому, что въ тишинѣ священной,
Въ безмолвномъ сумракѣ, въ гармоніи ночной
Сильнѣй въ душѣ моей,—судьбою уязвленной,—
Живетъ страданіе и тщетный ропотъ мой.
О, какъ мучительны тѣ горькія мгновенья,
Когда, какъ призраки, насмѣшливой толпой
Любовь убитая, разсудка ослѣпленья,
Надежды дѣтскія—воскреснутъ предо мной!..
Тогда мнѣ тягостно спокойствіе природы,
Съ досадой вижу я блескъ неба голубой,
И жажда страшныхъ бурь и громкой непогоды
Тревожитъ грудь мою смятеньемъ и тоской!..

1848 г.

***

Мнѣ слышны вдалекѣ веселый стукъ колесъ
И лошадей веселый топотъ;
Мнѣ слышны голоса,—и это все слилось
Въ неясный гулъ и дальній ропотъ...
Какъ весело шумятъ колеса вдалекѣ!
Кого-жъ везутъ они такъ шумно,—
Быть можетъ грустно тѣмъ, быть можетъ тѣ въ тоскѣ
Клянутъ судьбу свою безумно...
Такъ, часто слышимъ мы веселый смѣхъ людей,
Веселость слышимъ выраженій,—
Подъ ними жъ, можетъ быть, скрывается, какъ змѣй,
Весь адъ тоски, весь адъ мученій...

1848 г.

КОКЕТКА.

Я видѣлъ,—въ сіяніи бала,
При блескѣ огней и очей,
Она къ себѣ всѣхъ привлекала
Губительнымъ ядомъ рѣчей:
Я слышалъ,—тѣ рѣчи звучали
Притворной горячностью словъ,—
Безъ чувства любви, навѣвали
На чувства, на душу любовь...
И очи кокетки сверкали
Обманчивой страсти огнемъ
И блескомъ своимъ ослѣпляли,
Какъ молнія свѣтлымъ лучемъ...
Когда-жъ опустѣла та зала,
Пришлось ей остаться одной...
И скучно и грустно ей стало:
Кокетничать трудно съ собой!..

1847 г.

Е. И. Б—ой.

Тобой приличья завладѣли
И отуманили твой умъ...
На модный свѣтъ,—отъ колыбели,—
Какъ на предметъ невольныхъ думъ,
Какъ на оракула, на бога
Ты смотришь съ важностью очей!..
Глядишь,—передъ тобой дорога—
И безсознательно по ней
Идешь, куда?—сама не зная,
Идешь, совсѣмъ не замѣчая,
Какъ много нѣжныхъ чувствъ твоихъ,
Какъ много перловъ дорогихъ
Изъ родника души прекрасной
Ты разбросала на нее...
Теперь,—пока съ улыбкой ясной
Ты внемлешь судъ толпы пристрастной,
Ты думаешь, что все́ твое!..
Ты вѣришь, бѣдное созданье!
Что ты законъ толпѣ твоей
И, въ дѣтской гордости своей,
Предашь того на посмѣянье,
Кто обреченъ тебя любить,
Кто жаждетъ и судьбу и чувства
Съ твоей судьбой соединить,
И кто въ смущеньѣ, безъ искусства
Тебѣ признанье говоритъ...
И страстью ты скорѣй отвѣтишь
На хладнокровно дерзкій взоръ...
Но трепещи,—когда ты встрѣтишь
Судьбы суровый приговоръ!
Когда красавица другая

Тебя, съ насмѣшкой, презирая,
Надменно съ поприща столкнетъ,—
Когда толпа тебя отвергнетъ,
Судьба въ несчастія повергнетъ
И старость злобно подойдетъ!..
Тогда, покинутая всѣми,
Въ пустынѣ свѣта и одна
Ты горько проклянешь то время,
Когда собой ослѣплена,
Несла блистательное бремя
Ты этой прелести твоей!..
И понесется ропотъ къ Богу
За ослѣпленье прошлыхъ дней!..
Взгляни-жъ на свѣтскую дорогу,—
Что̀ потеряла ты на ней?
Смотри,—святое назначенье
Тебѣ любовь; но ты любить
Боялась, бѣдное творенье!
Чтобы толпѣ не измѣнить...
Но нѣтъ! зачѣмъ мнѣ говорить!
Зачѣмъ терзать безчеловѣчно
Твой легкій умъ, младую грудь!—
Ужасна старость?.. Жить не вѣчно!..
Авось дотащимъ какъ нибудь!..

1847 г.

С. А. Ч—ой.

Когда при шумѣ бальной рѣчи,
При громѣ музыки живой,
Твои глаза, уста и плечи
Горятъ, носясь передъ толпой;—
Когда тебѣ Парисъ гостинныхъ,
Творецъ мазурочныхъ фигуръ,
Герой вина и фразъ невинныхъ,
Придумавъ, брякнетъ *каламбуръ*,—
Тогда твои заблещутъ очи,
Твоя встревожится душа,
Тогда ты дивно хороша
Какъ метеоръ во вракѣ ночи...
Но я,—я бѣшенствомъ томимъ!
Уже-ли могъ, въ пылу обмана,
При глупыхъ звукахъ барабана
Блистать слезами Херувимъ!..

ВЪ АЛЬБОМЪ С. А. Ч–ой.

Писать въ альбомъ, оставить слѣдъ
Своей мечты иль думы тайной!..
Или солгать... потомъ случайно
Прожить въ забвеньѣ много лѣтъ!
Къ чему?.. О нѣтъ! въ альбомѣ этомъ
Согласенъ быть плохимъ поэтомъ:
Не стоитъ убивать труда,
Чтобъ умереть подъ переплетомъ
Какимъ-то жалкимъ Донъ Кихотомъ,
И бухнуть въ Лету навсегда!..
Зато альбомы есть иные,—
Альбомы сердца дорогіе,
Гдѣ память дольше и живѣй,
Гдѣ блещетъ гордо пламень чувства,
Гдѣ нѣтъ притворства, нѣтъ искусства,
Куда весь міръ души моей
Влекутъ мечты воображенья,
Гдѣ правомъ жить одно мгновенье
Я не хочу себѣ купить
И права даже вѣчно жить
Въ альбомахъ пышныхъ и атласныхъ,
Въ альбомахъ свѣта золотыхъ —
Или безсмысленно-прекрасныхъ,
Или блистательно-пустыхъ...

1848 г.

ГУСАРЪ.

Въ его очахъ горитъ огонь,
На немъ мундиръ какъ солнце блещетъ,
Подъ нимъ дрожитъ могучій конь
И ментикъ въ воздухѣ трепещетъ.

Сверкаетъ сабля и гремитъ
И сбруя въ пѣнѣ серебрится,
Красуясь, ловко онъ сидитъ
И въ даль синѣющую мчится...

Вотъ онъ,—красавицы мечта!
Вотъ онъ,—сіяющій невѣжда!
Россіи шаткая надежда,
И блескъ, и шумъ, и пустота!..

1848 г.

Н. П. ДОМБРОВСКОМУ.

(Когда онъ былъ влюбленъ и долго не рѣшался сдѣлать предложеніе дѣвушкѣ, на которой потомъ женился).

Толпой восторженной, великой,
Какъ необузданный потокъ,
Въ странѣ степей, въ пустынѣ дикой
Евреевъ велъ святый пророкъ.
Имъ небеса дождили манной,
Имъ ночью столпъ огня сіялъ
И гдѣ-то край обѣтованный
Мечтался имъ, какъ идеалъ...
Не такъ-ли ты, Домбровскій, нынѣ,
Не зная сна, забывши лѣнь,
Въ Одессѣ бродишь, какъ въ пустынѣ,
За идеаломъ, ночь и день!
Какъ часто ты въ жары и въ стужи,
Вблизи тебѣ любезныхъ мѣстъ,
Сквозь ураганы, черезъ лужи
Влачишь любви тяжелый крестъ!
Иди-жъ смѣлѣй вослѣдъ Евреямъ,
Ищи надеждъ твоихъ предметъ;—
Но, подражая ихъ затѣямъ,
Не путешествуй сорокъ лѣтъ.

1855 г.

ЗВОНЪ.

Люблю я колокола звонъ,
Душѣ усталой отъ страданья,
Напоминаетъ сладко онъ
Часы молитвъ и упованья.

Люблю стакановъ шумный звонъ,
Когда шампанскимъ круговая
Блистаетъ и со всѣхъ сторонъ
Смѣется радость молодая.

Но съ грустью тайною, порой,
Молитвы и пировъ бѣгу я,
Зато всегда люблю душой
Я звонкій трепетъ поцѣлуя...

1850 г.

ПѢСНЯ.

Ахъ, моя-ли жизнь печальная
Краснымъ дѣвицамъ приглянется!
Ты-ли степь—пустыня дальняя,
Ты-ль сторонушка желанная!..

Унеслась весна зеленая,
Промелькнула многоцвѣтная,
Замерла степь,—солнцемъ выжжена,—
Какъ могила безотвѣтная.

Ходятъ вѣтры вольнымъ ходоромъ
Вдоль лица земли широкаго,—
Не пробудятъ сна могучаго,
Богатырскаго, глубокаго...

Вышла зорюшка румяная,
Все творенье пробуждается;
Но угрюма степь безмолвная
И ковыль не колыхается...

1852 г.

* * *

Не плачь, одинокій:
Пусть сердце твое
Съ тоскою глубокой
  Болитъ, —
Лѣсная трущоба
Пускай предъ тобой
До самаго гроба
  Лежитъ, —
На міръ малодушный,
На злобу людей,
Смотри равнодушно,
  Смѣлѣй —
И въ безднѣ далекой,
И въ дебряхъ глухихъ
Тропу одиноко
  Пробей.
Въ дорогѣ страданья
Пусть муки твои
Тебѣ упованье
  Дадутъ:
Ты выплачешь годы, —
Тропою-жъ твоей
Вѣка и народы
  Пойдутъ!

1849 г.

*
* *

Когда суетой утомленный,
Я отдыха жажду душой,—
Твой милый, безоблачный образъ
Рисуетъ мечта предо мной.
И все въ немъ, какъ въ небѣ лазурномъ,
Отрадно съ душой говоритъ;
И сердце мое ожиданьемъ
И сладкой тоскою болитъ...
Гляжу на тебя съ упованьемъ...
Ты смотришь... и словно шепнешь:
Ты счастіе гдѣ-то ужъ видѣлъ
И счастіе гдѣ-то найдешь...

1850 г.

НАДЕЖДѢ СТЕПАНОВНѢ ПЕТРОВСКОЙ.

Когда ее, какъ сердца лучшій сонъ,
Встрѣчаетъ взоръ въ толпѣ, въ чаду людскихъ приличій,
Ея красой глубо́ко я смущенъ,
Какъ мрачный Дантъ своею Беатричей.
И жалокъ, и смѣшонъ мнѣ шумный пиръ людей,
Скучаю я общественной забавой,
Иной восторгъ кипитъ въ груди моей
И духъ объятъ тоскою величавой!..
О нѣтъ, не здѣсь, гдѣ лести ѳиміамъ
Наемный жрецъ вакханкамъ расточаетъ,
Ея красѣ не здѣсь прекрасный храмъ
Во имя кротости застѣнчивой блистаетъ;
Но тамъ,—гдѣ все сліясь въ гармоніи одной,
Ея красу красой объемлетъ чистой:
Толпой лучей—дня пламень золотой,—
Толпами звѣздъ—блескъ ночи серебристой;
Но тамъ, гдѣ вся она ясна какъ небеса,
Гдѣ цѣлый міръ, какъ храмъ ее объемлетъ,
Гдѣ весело шумятъ душистые лѣса
И нивы злачныя волнуются и дремлютъ..
О, какъ смѣшонъ тогда языкъ земныхъ страстей!
Какою святостью душа ея сіяетъ!
И сладко грезится все то́ душѣ моей
Чему нашъ бѣдный вѣкъ съ улыбкою внимаетъ...

1853 г.

* * *

ЕЙ-ЖЕ.

Блаженъ,—чью первую любовь
Любви привѣтствуютъ святыней;
Чья страсть, какъ дождь изъ облаковъ
Не шла безплодно надъ пустыней;
Кто могъ узнать въ душѣ другой
Родную душу,—не ошибкой,—
Слезамъ отвѣтствуя слезой,
Улыбкѣ—свѣтлою улыбкой!..
Но кто безвѣрьемъ увлеченъ,
Въ комъ пламень чистыхъ внечатлѣній,
Подъ грозной бурею сомнѣній,
Едва рожденный,—погашонъ;
Кто благороднѣйшіе звуки
Ужъ погубилъ въ душѣ своей,—
Не стóитъ тотъ ни пылкой муки,
Ни тихой радости твоей.

* * *

Вчера полночною грозой
Ты, дубъ низверженъ вѣковой;
Сѣкирой нынѣ дровосѣка
Похищенъ тополь молодой...
Всему на свѣтѣ жребій свой;—
Къ чему-же воля человѣка!..

НОВОРОССІЙСКІЯ СТЕПИ.

(Во время Крымской войны).

Земля и небо! Небо и земля!
Какая степь безмолвная, пустая!
Какой просторъ! Задумчиво-нѣмая
Такъ моря степь, безъ волнъ, безъ корабля,
Передъ грозой блистаетъ, голубая..

Недвиженъ воздухъ, все горитъ,
Упрямо небо пламенѣетъ;
Вся степь томится и желтѣетъ,
Въ травѣ кузнечикъ шелеститъ,
Кругомъ—ни деревца! и только даль синѣетъ...

Давно волной временъ увлечены
Ряды вѣковъ и сотни поколѣній!
А степь все спитъ, безъ жизни, безъ видѣній,—
Глубоко спитъ въ объятьяхъ тишины
И мнится: «Нѣтъ для смерти пробужденій».

Молчитъ земля, безмолвны небеса...
Какая грусть томитъ меня и душитъ!
Ужель ничто, ни буря, ни гроза
Той тишины тяжелой не нарушитъ?..

Но вотъ вдали туманится востокъ,
Громады тучъ виднѣются на югѣ!..
Готовься, путникъ! Быть грозѣ, быть вьюгѣ,
Быть жизни тутъ!.. Прохладный вѣтерокъ
То здѣсь, то тамъ степной ковыль колышитъ;
И, словно, степь волнуется и дышетъ...

О, да, гроза отважно налетитъ
Полна дождя и громоваго треска,
И наша степь отъ бури и отъ блеска
Отброситъ сонъ и жизнью зашумитъ..

И Божій духъ какъ вихрь промчится,
Воспрянетъ сѣверъ подъ грозой!
И свѣтомъ новой жизни той
И югъ и западъ озарится!..

1855 г.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Давно безъ слезъ и пѣсенъ, какъ въ глуши,
Влачу я жизнь. Придутъ ли снова грезы!
И вновь, нежданныя, какъ слезы
Польются-ль пѣсни изъ души!..

1856 г.

УТРО.

Встало утро золотое,
Солнце дышетъ теплотой,
Кротко небо голубое
Наклонилось надъ землей.

Простираяся какъ море
Степи въ сонъ погружены,—
А вдали лѣса и горы
Взглядомъ пламеннымъ Авроры
Такъ тепло озарены...

Міръ прекрасенъ, словно въ полѣ
Свѣжій утренній цвѣтокъ!..
Но мнѣ грустно поневолѣ:
Для чего я одинокъ!..

Сердце жаждетъ въ нетерпѣньѣ
Перелить въ потоки словъ
И къ Создателю стремленье
И къ созданію любовь...

1855 г.

NOCTURNO (М.—Л.).

Уже багряной полосой
Заря на западѣ сгорѣла
И ночь природой овладѣла,
И сонъ летаетъ надъ землей...
А я,—стремлюсь тревожнымъ взоромъ,
Лечу впередъ, туда, туда,
Гдѣ надъ сосновымъ, мрачнымъ боромъ
Блистаетъ весело звѣзда...
Въ прохладномъ сумракѣ свѣжѣе
И темный лѣсъ, и небеса,
И непонятнѣй, и слабѣе
Природы сонной голоса...
Но разговоръ не умолкаетъ:
Ручей лепечетъ съ вѣтеркомъ,
На тучку тучка набѣгаетъ
И роза шепчетъ съ соловьемъ...
Одинъ съ далекою звѣздою
Не говоритъ дремучій боръ;
Такъ между мною и тобою
Едва-ли будетъ разговоръ!..
Онъ такъ угрюмъ, онъ помнитъ бури,
Его судьба дикá, мрачнá;—
А тамъ, въ заоблачной лазури
Горитъ такъ радостно она!..
Ей не узнать грозы и вьюги,
Ей не понять тревогъ земли,
Ее небесныя подруги
Вѣнкомъ блестящимъ обвили...

И пусть внизу, во мглѣ бездонной,
Шумитъ, качаясь темный лѣсъ,—
Его укоръ неугомонный
Не донесется до небесъ!..

1859 г.

РѢЧКА.

(Въ альбомъ А. Н. Ч—ой).

Сверкая игривой, зеркальной струей
Веселая рѣчка блеститъ предо мной;
Шипитъ она,—точно какъ змѣйка и вьется
Иль, словно ребенокъ, сквозь слезы смѣется...
Напрасно, съ любовью цвѣточки и лугъ
Ее такъ роскошно одѣли вокругъ:
Ей все нипочемъ; что надъ ней ни мелькаетъ,—
Послушно и вѣрно она отражаетъ...
Трепещетъ-ли солнца томительный лучь,
Глядится ли ночью луна изъ-за тучъ,—
Она,—то какъ сѣть золотая несется,
То будто живымъ серебромъ разольется...
Сіяетъ-ли кроткая неба лазурь,
Промчится ли тучка—предвѣстница бурь,
Кружится-ли птица, звѣзда-ли блистаетъ,—
Послушно и вѣрно она отражаетъ...
И даже все то, что на дно къ ней падетъ
Безстрастно, далéко она унесетъ...
О жизнь молодая! О сердце дитяти!
Какъ рѣчка, вы мирной полны благодати!
Вамъ всюду забава! И жалокъ мнѣ тотъ,
Кто хочетъ на зыбкой поверхности водъ
Свое хоть на-мигъ начертать впечатлѣнье:
Вспорхнетъ вѣтерокъ, заиграетъ волненье
И рѣчка, тихонько рѣзвясь, какъ дитя,
Твое впечатлѣнье прогонитъ, шутя...

1857 г.

ЖАВОРОНОКЪ.

Въ блескѣ утра, высоко̀,
Въ небѣ жаворонокъ вьется;
Онъ поетъ—и далеко̀
Пѣсня звонкая несется.

Всю гармонію степей,
Все, что въ нихъ благоухаетъ
Трелью радостной своей
Пѣсня птички выражаетъ,—

И напѣвъ внимая тотъ,
Радъ я думать на свободѣ,
Что, живя среди заботъ,
Сердцемъ вѣренъ я природѣ...

1855 г.

* * *

М. Л.

Да, вы прелестны, спору нѣтъ,
И вамъ почти шестнадцать лѣтъ,
И потому беру я право
Сказать вамъ правды слова два:
Быть можетъ въ васъ мои слова,—
Блистая мыслью нелукавой,—
Себѣ сочувствіе найдутъ
И хоть немного васъ займутъ...
Скажите,—какъ-нибудь, гуляя,
Вамъ удавалось-ли, хоть разъ,
Глядѣть, *себя не замѣчая*,
На все, что окружало васъ?
Видали-ль вы, какъ неба своды
Легко склонились надъ землей;
Какъ много граціи, свободы
Въ извивахъ рѣчки голубой;
Какъ просто, какъ непринужденно
Скользитъ по травкѣ вѣтерокъ,
Какъ съ нимъ болтаетъ откровенно
Березки золотой листокъ?
Когда надъ вами птички пѣли,
Когда въ прохладной полумглѣ,
Въ лѣсу верхи деревъ шумѣли,
Скажите, вы понять съумѣли
Что значитъ *правда* на землѣ?..
Я сомнѣваюсь!.. Но, конечно,
Уже не разъ, волнуя грудь,
Вамъ говорило что-нибудь,
Что этотъ блескъ природы вѣчной

Блѣднѣй минутной красоты,—
Блѣднѣе васъ... и даже можно
Сказать, но только осторожно,
Что эти тайныя мечты
Не лгали,... нѣтъ, у васъ теплѣе
Лучи въ лазуревыхъ очахъ,
Чѣмъ звѣзды въ синихъ небесахъ;
У васъ и ярче, и свѣжѣе
Улыбка дышетъ на устахъ,
Чѣмъ эти радостныя слезы
Росы на листьяхъ алой розы;
И даже легкій вѣтерокъ
Не такъ душистъ, когда ласкаетъ
Звенящій весело потокъ,
Чѣмъ въ этотъ мигъ, когда играетъ
У васъ по прихоти своей
Волной каштановыхъ кудрей...
А эти мраморныя плечи!
А этотъ звукъ невинной рѣчи!
А это блѣдное чело,
Такъ говорящее тепло
О чемъ-то сладостномъ и новомъ
О чемъ-то вѣчно юномъ!.. Словомъ,—
Вы жизнью тѣла и души
Очаровательнѣй природы
И неподдѣльно хороши...
Но не гоня своей свободы,
Храня все лучшее свое,
Учитесь *правдѣ* у нее...
Какъ знать! Ужъ и теперь, быть можетъ,
Шутя, играя, какъ нибудь,
Хотѣлось вамъ сердца́ тревожить
И взволновать чужую грудь.

И, можетъ быть, немножко рано,
На шопотъ лести и обмана,
На взглядъ нескромный,—безъ рѣчей
Вы отвѣчали торопливо
Невольной, но самолюбивой
Улыбкой, влагою очей
И пламенемъ лица мгновеннымъ,—
Румянцемъ слишкомъ откровеннымъ!..
Вы жить хотѣли-бъ поскорѣй!
Извѣдать сердца непогоды!..
Зачѣмъ!.. и такъ промчатся годы
И за плѣнительный порогъ,
На сцену жизни *настоящей*,
На праздникъ лживый, но блестящій
И полный гибельныхъ тревогъ
Вы робко явитесь.—Сначала
Васъ ослѣпитъ блистанье бала,
Васъ устрашитъ людей молва
И закружится голова...
Потомъ какъ въ морѣ-океанѣ
Уже испытанный пловецъ,
Который прелесть, наконецъ,
Находитъ только въ ураганѣ,—
Умчитесь вы въ борьбу страстей,
Въ душѣ задремлетъ много, много
Того, что жить должно-бы въ ней,
Какъ голосъ жизни, голосъ Бога!..
За то, заговоритъ внятнѣй
Самолюбивое волненье;
А жажда славы и значенья
И призракъ власти надъ толпой,
Какъ голосъ чей-то роковой,
Васъ повлечетъ къ себѣ... тогда-то

Страшитесь прошлое убить
И ложный блескъ себѣ купить
Цѣною *правды* и утратой
Прелестной свѣжести души,
Которой вы теперь, въ тиши,
Цвѣтете радостно и свято!..
Смотрите, какъ блеститъ она
Краса природы вѣковая,
Какимъ величіемъ полна
Ея гармонія простая,
Какая *правда* въ ней слышна!..
Внемлите-жъ ей,—ея уроки
Такъ просты, ясны, такъ глубоки,
Что даже въ старости своей
Не разъ, съ молитвой благодарной
Вы тихо вспомните о ней,
Когда для васъ теплѣй, свѣтлѣй
Закатъ сольется лучезарный
Съ зарей первоначальныхъ дней...

1859 г.

* *
*

М. Л.

Я люблю твой русый локонъ,
Синій взоръ твоихъ очей,—
Безконеченъ и глубокъ онъ
Въ блескѣ сладостныхъ лучей!

Я люблю святые звуки,—
Тайный смыслъ твоихъ рѣчей,
Звонкій смѣхъ и—даже мỳки
Безнадежности моей!

1859 г.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

(М. Л.).

Она умчалась—непогода;
Еще грозы протяжный гулъ
Въ далекихъ дебряхъ не заснулъ,
Еще на склонѣ небосвода
Сошлись бѣлѣющей толпой
Громады тучъ, какъ будто снова
Стремясь, отважно и сурово
Нагрянуть прежнею бѣдой...
Но видишь, милая,—надъ нами
Блистаетъ кроткими лучами
Святая неба синева;
Смотри: на взглядъ небесъ привѣтный
Одѣлись прелестью отвѣтной
Цвѣты и влажная трава
Полей грозою окропленныхъ;—
Живѣе листьевъ разговоръ
Въ садахъ и въ рощахъ освѣженныхъ
И легче различаетъ взоръ
Туманный очеркъ дальнихъ горъ....
И даже ты, въ нѣмомъ волненьѣ,
При блескѣ радостнаго дня,
Забывъ недавнее смятенье,
Съ любовью смотришь на меня....

(М.—Л.).

Когда твоихъ лазуревыхъ очей
Я вижу блескъ привѣтливый и ясный,
Когда твоихъ плѣнительныхъ рѣчей
Меня и жжетъ и нѣжитъ пламень страстный,—

Когда свѣжей и ярче вешнихъ розъ
Въ твоемъ лицѣ горитъ огонь любовный,
И у чела, касаяся волосъ,
Твоя рука даетъ мнѣ знакъ условный,—

О, какъ хорошъ тотъ мигъ! И для чего
Я не могу, все въ мірѣ забывая,
Въ слезахъ упасть къ ногамъ твоимъ, рыдая
И умереть отъ взора твоего!...

1860 г.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Блестящая, — мгновенная, — она
По небу темному, какъ метеоръ скатилась;
Природа вся, на мигъ озарена,
Какъ будто вся за нею устремилась,—
Но вотъ опять и мгла и тишина
И на землѣ, и въ небѣ воцарилась....

Исчезла ты, какъ сонъ; но ты зажгла
Въ моей душѣ влюбленной упованье:
Я не забылъ шепнуть мое желанье
И ты его съ собою унесла....
Я за тобой стремлюсь духовнымъ окомъ;—
Неси-жъ его, умчи его скорѣй!
Воскреснетъ-ли огонь любви моей
Въ прелестномъ сердцѣ,—отъ меня далекомъ?...

1860 г.

* *
*

М.—Л.

Дождусь-ли сладостнаго дня!
Пройдетъ-ли мгла нѣмая ночи!
Забуду-ль полныя огня,
Ея лазуревыя очи!

Возникнетъ-ли душа моя
Какъ фѐниксъ, возникалъ изъ пепла!—
Она въ тревогахъ бытія
Для міра Божьяго ослѣпла!...

Какъ древній богатырь Сампсонъ,
Безсиліемъ лишенный силы,—
Поверженъ я въ презрѣнный сонъ
У ногъ чарующей Далилы!...

И вотъ, - ужъ день вокругъ меня;
А я,—ищу видѣній ночи,
Чтобъ видѣть полныя огня
Ея лазуревыя очи!...

1861 г.

БАРКАРОЛЛА.

Волны житейскаго моря!
Стоны житейскаго горя!
Бездну скрывая глубокую,
Въ вѣчность катяся далекую,
Много съ собой унесли вы!
Бурные ваши разливы
Полны отвагой угрюмою,
Полны зловѣщею думою....
Вашъ разговоръ понимая,
Сердце болитъ, изнывая,—
Гаснетъ надежда прекрасная,
Воля блѣднѣетъ безгласная!...
Скоро-ль мой челнъ разобьете?
Скоро-ль меня увлечете
Силою вашей мятежною
Въ вѣчность, въ пустыню безбрежную?...
Волны житейскаго моря!
Стоны житейскаго горя!...

1859 г.

*
* *

Былые дни, былыя страсти
Вы улетѣли какъ туманъ!...
Надеждъ чарующій обманъ
Твоей слѣпой но сладкой власти
Не испытать мнѣ въ жизни вновь...
Привѣтъ вамъ—прошлыя страданья,
Вамъ—дѣтства свѣтлыя мечтанья,
Тебѣ—погибшая любовь!..
Съ невольной скорбью и смятеньемъ
Въ грядущее вперяю взоръ
Смотрю и съ страннымъ нетерпѣньемъ
Читаю страшный приговоръ!...
Пора, пора! иного міра
Я слышу голосъ роковой!
Рази-жъ меня судьбы сѣкира!
Разверзнись вѣчность предо мной!...

1862 г.

ЦВѢТОКЪ.

Memento mori!

Онъ не пригрѣтъ лучемъ свѣтила
Въ тѣни возникнувшій цвѣтокъ,
И одиноко, и уныло
Его склонился стебелекъ.
Въ лучахъ Авроры не играла
На немъ небесная роса,
И никого не привлекала
Его холодная краса.
Онъ и слабѣе и блѣднѣе
Подъ солнцемъ взросшаго цвѣтка,—
Его лелѣяла скупѣе
Природы щедрая рука...
Надъ нимъ, поникнувши вѣтвями,
Береза грустная стоитъ
И безпокойными листами
Ему тревожно говоритъ:
«Забудь святыя упованья,—
«Себѣ тепла не ожидай,
«И безъ надеждъ, и безъ страданья,
«Безъ сожалѣнья—увядай.
«Придетъ зима,—убьютъ морозы
«Равно, безстрастною рукой,—
«И свѣтлый сонъ роскошной розы,
«И безотрадный жребій твой...»

1860 г.

ВЕСНОЙ.

Пора весны веселой и живой
Люблю твой день и вечеръ золотой!
Твоя заря встаетъ тепло и рано.
Какъ призраки, какъ тѣнь зимы сѣдой
Уходятъ въ даль, бѣгутъ толпы тумана...
Открытою и юной красотой
Природа вся благоуханно дышитъ;
Ея красы и нѣжитъ и колышитъ
Нескромное лобзанье вѣтерка...
Вотъ въ небесахъ бѣлѣютъ облака,
Они плывутъ, въ лучахъ зари блистая,
Какъ лебедей играющая стая...
Воскресла жизнь! Опять заговоритъ
Дремучій лѣсъ веселыми листами
И рѣчка вновь свободными струями
У береговъ зеленыхъ зашумитъ,
И первый громъ, какъ взрывъ веселый смѣха
Отъ сна зимы въ горахъ разбудитъ эхо...

1859 г.

Е. Е. МАНДЕРШТЕРНЪ

*
* *

Auf Flügel des Gesanges!...

Волшебной силой вдохновенья
Мнѣ сладко было бъ пламенѣть,
На свѣтлыхъ крыльяхъ пѣснопѣнья,
Изъ поколѣній въ поколѣнья
  Хотѣлъ-бы къ славѣ я летѣть,—
  Но еслибъ вамъ страница эта
  Когда-нибудь напоминать
  Меня могла *не какъ поэта*,—
  Ни славы, ни участья свѣта
  Я согласился-бъ не желать!...

1862 г.

***

Е. Е. МАНДЕРШТЕРНЪ.

Когда за дальнею горой
Свѣтило днѐвное восходитъ,
И утра прелесть за собой
На небо синее выводитъ,—
Тогда на всѣхъ земли красахъ
Блистаютъ радостныя слезы,
Роса трепещетъ на листахъ
И веселѣе дышутъ розы...
Но полдень жарко заблеститъ,
Рождая тучи на лазури,
Гроза отважно налетитъ
И загремитъ тревога бури.
Тогда смятеньемъ и борьбой
Въ природѣ кроткой все заблещетъ
И лѣсъ угрюмый, вѣковой
Внимая бурѣ затрепещетъ...
Такъ жизнь несется предо мной:
Пока мы юностью блистаемъ
Съ улыбкой утра золотой
На все мы весело взираемъ...
Настанетъ полдень и тогда,
Какъ бури грозной дуновенье
Придутъ опасные года
Борьбы, тревоги и сомнѣнья...
И счастливъ тотъ, кому въ тѣ дни
Блеснетъ какъ солнце средь ненастья,—
Улыбка свѣтлая любви
И дружбы теплое участье.

1862 г

ЕК. ЕВГ. КАПНИСТЪ.

Гонимы скорбію великой,
На перепутьи мы сошлись
И крѣпко, крѣпко обнялись,—
Какъ дубъ—съ зеленой повиликой...
Святой союзъ! не сокрушитъ
Его сей жизни ходъ коварный!
Его тепло и лучезарно
Святая вѣчность озаритъ!

1867 г.

ПРЕСТУПНИКЪ.

Монахъ.

Пора! безумецъ молодой!
Пора! Свершился жребій твой:
Ты какъ преступникъ осужденъ
И казнь изрекъ тебѣ законъ.
Предъ ликомъ вѣчности смирись,
Въ душѣ покайся, помолись,
И тотъ, кто этотъ міръ любя,
Здѣсь казнь невинно Самъ понесъ,
Изъ міра скорби, міра слезъ
Къ блаженству воззоветъ тебя.
Покайся...

Преступникъ.

Да, виновенъ я...
И даже, можетъ быть, меня
Лишаетъ праведно законъ,
Того, что дать не можетъ онъ:
Дыханья жизни...

Монахъ.

Ты лишилъ
Другихъ того-же. водрузилъ
Ты первый знамя мятежа

И за тобою бунтъ слѣпой
Безумной ринулся толпой
На пиръ сѣкиры и ножа.

Преступникъ.

Я за собой открыто велъ
Толпу и самъ на смерть я шелъ...
Но пусть не правъ я былъ во всемъ;
Къ чему-жъ теперь моимъ путемъ
Идетъ законъ и тѣмъ же мститъ
Онъ мнѣ,—за что̀ меня-жъ казнитъ?
Ты удивленъ? Но для чего
Терять слова? Не для того
Теперь хочу я говорить,
Чтобъ воздухъ праздно шевелить...
Замолкнетъ скоро мой языкъ;
Возьметъ вселенная меня:
Въ ея таинственный родникъ,—
Какъ пламень въ общій міръ огня,
Умчусь—и отойдетъ тогда
Къ землѣ—земля, къ водѣ—вода,
Дыханье—воздухъ унесетъ
И жизнь—растеніемъ зацвѣтетъ;
Но духъ, мой вѣчный духъ!...

Монахъ.

Туда!
Гдѣ нѣтъ печали! Нѣтъ заботъ!
Не призракъ счастья тамъ живетъ!
Тамъ хоры ангеловъ въ лучахъ,
Съ блаженствомъ радостнымъ въ очахъ;
Тамъ лики кроткіе святыхъ
Въ предѣлахъ рая золотыхъ;

Тамъ блещетъ вѣчности чертогъ,
И созерцанію очей
Безплотныхъ силъ доступенъ Богъ!..

Преступникъ.

Я понимаю твой языкъ.
Еще отъ самыхъ юныхъ дней,
Душой младенческой привыкъ
Я голосъ вѣры уважать,
Гдѣ-бъ ни пришлось ему внимать:
Въ убогой юртѣ дикаря,
У минарета-ль мусульманъ,
Или во храмахъ христіанъ,—
Вездѣ безсмертная заря
Того-же свѣта... Но опять
Меня не хочешь ты понять.
Сознался, что виновенъ я,
Но какъ и въ чемъ вина моя,—
Того не высказалъ. Теперь,
Когда таинственную дверь
Въ страну загробную тѣней
Мнѣ отверзаетъ судъ людей;
Когда наточенъ тотъ топоръ,
Что жизнь мою пересѣчетъ;
Когда уже позорно ждетъ.—
Въ моемъ увидѣть свой позоръ,—
Толпа, которая за мной
Неслась еще недавно въ бой;
Когда всѣмъ чуждъ и одинокъ,
Стою у гробовой доски;
Когда для всѣхъ равно далекъ
Безсильный, гордый мой упрекъ
И скорбный вопль моей тоски;—

Теперь, — хочу я воскресить
Былое въ памяти моей
И сердцемъ снова пережить
Святыя чувства лучшихъ дней.
Съ собою взять хотѣлъ-бы я
Все то, къ чему душа моя
Рвалась, о чемъ я тосковалъ,
Что я любилъ и чѣмъ страдалъ:
Тѣ благородныя мечты,
Тѣ вѣчно-милыя черты,
Тотъ пламень сладостный очей,
Улыбку, музыку рѣчей,
Въ комъ прежде я мечталъ найдти
Подругу на земномъ пути...
О, если вѣчный Судія
Меня къ блаженству воззоветъ,
Клянусь, и тамъ душа моя
Себѣ отрады не найдетъ!
И въ сонмахъ ангеловъ искать
Я буду милыя черты
И въ блескѣ рая вспоминать
Всю прелесть тлѣнной красоты!
Въ сіяньѣ славы неземной,
Тамъ въ царствѣ истины святой
Молиться буду объ одномъ, —
О счастіи ея земномъ:
Чтобъ мирно съ чистою душой
Она свершила жребій свой,
Чтобъ благородно и свѣтло
Въ ней сердце дѣтское цвѣло,
Чтобы соблазнъ, чтобы порокъ
Къ нему пути съискать не могъ!...

Монахъ.

Несчастный! пылкою душой
Ты—жертва страсти роковой!
Такъ близко къ страшному концу—
Еще творенiе—Творцу
Ты смѣешь сердцемъ предпочесть!...
Но, если въ этомъ мiрѣ есть
Столь дорогой тебѣ залогъ
Чтобъ жить,—зачѣмъ же путь тревогъ
И преступленья ты избралъ,
И противъ власти вѣковой
Другихъ увлекъ ты за собой,
И возмутился, и возсталъ,
Какъ древле гордый сатана?
Зачѣмъ?...

Преступникъ.

И вотъ моя вина!
Суди меня: отъ первыхъ дней
Печальной юности моей,
Любилъ я страстно край родной,
Любилъ искать мой дѣтскiй взоръ
Себѣ приволье и просторъ
Въ безбрежной прелести степей...
Пустынный вѣтеръ тамъ живетъ
И надъ могилами отцовъ
Уныло пѣсни все поетъ,
И сердцу юному даетъ
Такъ много, много сладкихъ сновъ!...
Я помню блескъ родныхъ долинъ
Въ виду синѣющихъ вершинъ
И зеленѣющихъ луговъ,
Тамъ нивы злачныя цвѣтутъ.

Шумятъ дубовые лѣса
И, отражая небеса,
Тамъ рѣки весело бѣгутъ,
И въ пестротѣ садовъ, полянъ
Бѣлѣютъ хаты поселянъ...
Бывало,—я любилъ смотрѣть,
Когда кончался лѣтній день
И ночи сладостная тѣнь
Стремилась міромъ завладѣть.
Горитъ вечерняя заря
И, словно ей въ отвѣтъ горя,
Одѣлись золотомъ вокругъ
Деревни, рощи и поля,
Какъ будто небо и земля
Въ сіяньѣ томъ слились и —вдругъ,
Какъ ночи южной томный взоръ, —
Несется пѣсни дальній хоръ...
Но, Боже, какъ она грустна!
Какъ въ душу просится она!
Въ ней нашей жизни скорбный духъ;
И сладко внемлетъ сердца слухъ,
Печальный, страстный тотъ напѣвъ..
Она—вся образъ нашихъ дѣвъ!
Смотри: каштановой волной
Повито блѣдное чело,
Во взглядѣ—пламень голубой
Горитъ такъ тихо, такъ свѣтло,
Усмѣшки лучь затрепеталъ
И, губокъ розовый кораллъ
Любви лобзаніе зоветъ...
Но пѣсня не о томъ поетъ:
Гремитъ послѣдній звукъ цѣпей,
Изъ праха родина встаетъ;

Изъ подъ могилъ и изъ степей
Ватага славная тѣней
Воспрянувъ, мчится предо мной!...
Ой, вы! гетьма́ны молодцы!
Вы наши дѣды и отцы!
Взгляните вы на край родной!
Смотри, разумный нашъ Богданъ!
Въ какой безвыходный *кайданъ*
Завелъ ты родину свою!
Украйну помнишь-ли твою?...
Взглянулъ—и очи козака
Покрыла смертная тоска,
И той безвыходной тоской
Полна ты, пѣснь страны родной!...
Гдѣ наши лучшіе сыны?
Довольство жизни нашей гдѣ?
Права и воля старины?
Ихъ нѣтъ,—а произволъ вездѣ!
И тамъ, гдѣ небеса свой рай
Свели на землю—видишь ты
Безмолвный, угнетенный край,
Лохмотья блѣдной нищеты!...
И сила въ немъ едва-ли есть,
Чтобъ приподняться и отвесть
Ту руку, что̀ его гнететъ
И бьетъ, и плакать не даетъ...

У насъ повѣрье есть одно:
Повелѣваетъ намъ оно
Хранить молчанье и покой
Вокругъ одра—когда больной
Уже кончины чашу пьетъ...
Тогда тревога иль испугъ

Продолжитъ развѣ лишь недугъ,—
А смерть,— свое она возьметъ...
Я позабылъ о томъ... и вотъ,—
Въ любви безмѣрной и слѣпой
Къ несчастной родинѣ больной,
Безумно я вообразилъ,
Что въ ней еще довольно силъ,
Чтобы съ одра страданій встать
И цѣпи рабства разорвать...
И, тутъ-то, можетъ быть, меня
Уже нельзя не обвинить:—
Тỳ жизнь мы вправѣ-ль шевелить,
Въ которой мало ужъ огня?...

С.-Пб. 1861 г.

ШВЕЙЦАРСКІЙ АЛЬБОМЪ.

I.

ОСЕНЬЮ ВЪ МОНТРЁ.

Какъ впечатлѣній переливы
Играютъ въ блескѣ чаръ своихъ
Въ лицѣ невѣсты, въ мигъ счастливый,
Когда предъ ней ея женихъ,—
Такъ солнца лучъ огнемъ трепещетъ
На горномъ пологѣ снѣговъ
И озеро сквозитъ и блещетъ
Игрой всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ...
Полураздѣтый тополь дремлетъ
Близъ лавровъ вѣчно молодыхъ
И вдругъ—осенній вихрь подъемлетъ
Мятель изъ листьевъ золотыхъ...

1875 г.

II.

ВЕЧЕРОМЪ.

Высоко̀, надъ облаками
Небо рдѣетъ и горитъ,
Искрометными волнами
Мѣрно озеро шумитъ:
Какъ серебряныя съ чернью
Горы снѣжныя стоятъ,
На зарю онѣ вечернью
Зарумянившись глядятъ...
Я любуюсь—изъ отеля,
У раскрытаго окна:
Хороша—Вильгельма Теля—
Ты свободная страна!...
И смотря на эти дива,
На природы здѣшней рай,
Вспомнилъ я—неприхотливый,
Бѣдный мой родимый край!
Край, гдѣ каждый годъ полгода,
Подъ сугробами снѣговъ,
Спятъ и люди и природа,
Цѣпенѣя въ царствѣ сновъ.
Гдѣ зимой—сплошныя ночи,
Гдѣ весной—безъ ночи день,
Гдѣ права̀—всего короче,
А всего длиннѣе—лѣнь...
Нѣтъ, на озерѣ Женевскомъ
Трудно даже понимать,
Ка̀къ у насъ, порой, на *Невскомъ*
Можно жить да поживать!

III.

УТРО ВЪ МОНТРЕ.

(Посвящено Е. А. Кристи).

Утро зажигаетъ
Снѣжныхъ горъ верхушки,
Въ небѣ пробуждаетъ
Золотыя тучки;
Тучки золотыя
Разгораясь мчатся
Въ волны голубыя
Озера глядятся;
Волны голубыя
Въ переливахъ блещутъ,
Въ берегà родные
Свѣтозарно плещутъ.
Вѣтеръ тихо гонитъ
Занавѣсъ тумана,—
Въ блескѣ солнца тонетъ
Весь заливъ *Кларана*...
И въ душѣ былое
Чувство шевельнулось:
Утро золотое
Жизни въ ней проснулось...
И слезами счастья
Снова плачутъ очи,
Позабывъ ненастье,
Мракъ и холодъ ночи...

IV.

ЛОДОЧНИКЪ ИЗЪ МОНТРЁ.

(9-го сентября 1874 г.).

Все на озерѣ Женевскомъ
Дышетъ лѣтней красотой;
Въ бирюзѣ его играетъ
Солнца пламень золотой.

Этотъ день и эти горы!—
Сонъ волшебный на яву!...
Къ знаменитому Шильону
Въ легкой лодкѣ я плыву.
Разсѣкая влагу блещутъ
Весла,—лодочка летитъ...
На меня лукавымъ взглядомъ
Молча лодочникъ глядитъ.
Шляпа съ плоскими полями,
Бородою весь обросъ,
Куртка сѣрая въ накидку,—
Молодецъ—что твой матросъ!...

—«Господинъ должно-быть русскій»?
Вдругъ рѣшился онъ сказать.
— «Почему меня узналъ ты!»
— «Какъ-же мнѣ-то не узнать!
Я не мало вашей братьи
Здѣсь на озерѣ каталъ
И не разъ въ отчизну вашу
Вашихъ мертвыхъ провожалъ...»
— «Какъ такъ?»—«Что-же тутъ дивиться?
Сколько ваши доктора

Шлютъ въ Монтрё больныхъ чахоткой
Какъ въ могилу ужъ пора...
Вотъ, хоть-бы, сказать примѣрно,
Позапрошлою весной
Здѣсь была одна графиня,
Съ нею сынъ ея больной!
Малый былъ красавецъ стройный,
Въ самой, такъ-сказать, порѣ...
Лѣтомъ даже лучше стало,—
Да скончался въ ноябрѣ.
Жаль его! Такой былъ добрый!
Денегъ много мнѣ давалъ,
И въ насмѣшку, почему-то,
Все *Харономъ* называлъ.
Въ часъ,—когда въ огнѣ заката,
Воды, горы, небосклонъ,
Сколько разъ возилъ его я,
Какъ вожу и васъ,—въ Шильонъ...

Умеръ онъ. Графиня много
Горькихъ выплакала слезъ
И тяжелый гробъ зимою
Я въ Россію къ вамъ отвезъ...
Петербургъ—веселый городъ;
Ѣздить я туда не прочь;
Только холодно ужъ слишкомъ,
Да и пьянствуютъ не вмочь...
Тамъ я слышалъ будто ваша
Золотая молодежь
Отъ бездѣлья пропадаетъ
И пускается въ кутежъ;
А потомъ, когда ужъ станетъ
Не подъ силу пировать,—

Ѣдутъ къ намъ, въ Монтре,—лѣчиться,
А вѣрнѣй что—умирать»...

Онъ умолкъ... Вокругъ—волшебной
Блещетъ озеро красой;
Въ бирюзѣ его играетъ
Солнца пламень золотой...

V.

Вотъ первый снѣгъ ужъ на Гліонѣ,
На высяхъ горъ,—а впереди,
На бирюзовомъ небосклонѣ,
Въ своей серебряной коронѣ,
Стоитъ какъ царь—*Dent du Midi*.
Брега Лемàна голубаго
Разубрала на долго, снова
Осеннихъ красокъ пестрота
И льется солнца теплота
Сквозь свѣжесть утра золотого...

VI.

Впереди роскошный день!
Солнце радостное встало
И въ ущелья горъ прогнало
Ночи сумрачную тѣнь.

Какъ алмазные узоры,
Какъ волшебные дворцы,
Въ небесахъ, во всѣ концы,
Поднялись, блистая горы...

И отбросивъ грусти тѣнь,
Сердце вѣщее ликуетъ
И въ грядущемъ ясно чуетъ
Для себя роскошный день...

VII.

Вотъ въ салонѣ шумъ и хохотъ:
Это—русскій *либералъ*
Про далёкую отчизну
Иностранцамъ разсказалъ.
— «Вы, mesdames, messieurs, не смѣйтесь;
Я вамъ дѣло говорю:
. . . .
. . . .
Нашъ народъ освободили,
Всюду земство завели
И дворянъ,—безъ разсужденій,—
Всѣхъ въ солдаты упекли.

Нѣтъ у насъ аристократовъ,
Какъ бывало это встарь;
Всѣ равно у насъ безправны,—
. . . .

Это равенство безправья
Не свободы-ль идеалъ?...
Каждый спи себѣ свободно:
Лишь бы дѣлу не мѣшалъ...

VIII.

Все безмолствуетъ въ салонѣ:
Это—русскій патріотъ
Иностранцамъ на Россію
Русскій взглядъ передаетъ.
— «Для чего намъ, посудите,
Представительства желать?
Насъ парламентъ не подвинетъ,
Но лишь можетъ намъ мѣшать:
Мы не знаемъ,--что такое
Самодержецъ вашъ народъ,—
Гдѣ у каждаго—забота
Общихъ дѣлъ успѣшный ходъ.
Намъ не надо этой чести!
Мы не суемся къ борьбѣ!
Чѣмъ за многое хвататься,—
Думай каждый о себѣ!
И за то̀,—хоть намъ случится
Погорѣть, иль голодать,
Все обходится спокойно!
Тишь, да Божья благодать!..»

Дамы слушаютъ съ вниманьемъ,
Мѣрно маятникъ стучитъ,
Только старый англичанинъ
Вопросительно глядитъ...

ЗА́МОКЪ БЛОНЕ́.

Среди кремнистыхъ скалъ и роскоши природы
Гдѣ неба южнаго лазоревые своды,
Простерлись широко, какъ голубой шатеръ,
Надъ прелестью живой луговъ, лѣсовъ, озеръ,
Въ виду Альпійскихъ горъ, ихъ ледяныхъ колоссовъ,
Угрюмо, на одномъ изъ сумрачныхъ утесовъ,
Почти не тронутый могуществомъ временъ
Стоитъ Блоне—старинный за́мокъ. Онъ
Съ утесомъ что подъ нимъ, какъ скованный сплотился,
И самъ какъ бы въ утесъ такой же превратился.
Заплеснѣвѣлыхъ стѣнъ массивныхъ чернота,
Мѣстами трещины, мѣстами пестрота
Порывами стихій оббитаго карниза,
Ползущій всюду плющъ, растенья сверху, снизу,
Бѣгутъ какъ бы стремясь стѣнами завладѣть
И мирной зеленью пріютъ войны одѣть.
Въ рѣшеткахъ оконъ рядъ, да узкія бойницы,
Двѣ башни мрачныя, зубцы, на кровляхъ спицы,
Рисуясь въ воздухѣ, какъ въ рамѣ облаковъ,
Встаютъ изъ мрачныхъ скалъ, какъ бы изъ тьмы вѣковъ.
По скату твердому, вдоль каменной ограды
Я подымаюсь вверхъ, внизу бьютъ водопады,
Столѣтніе дубы, чинаръ высокихъ строй,
По сторонамъ мнѣ путь указываютъ мой...
Вотъ наконецъ вверху тяжелыя ворота.
Я дернулъ проволку, звонокъ раздался, кто-то
Закашлялъ за стѣной и ключъ поворотилъ
Въ замкѣ заржавленномъ,—калитку мнѣ открылъ,

Вхожу... Передо мной запущенный, забытый,
Широкій замка дворъ; кой-гдѣ бѣлѣютъ плиты,
Остатки бренные старинной мостовой.
Сквозь темный и сырой сводъ башни угловой
Гранитной лѣстницы тяжелыя ступени
Ведутъ меня на верхъ, въ готическія сѣни,
Откуда далѣе стеклянный коридоръ
Плѣняетъ путника благоговѣйный взоръ
Окрестныхъ зàмку мѣстъ картиной величавой.
Я далѣе иду,—старинныхъ комнатъ рядъ
Краснорѣчиво мнѣ о прошломъ говорятъ,
О рыцарствѣ съ его готическою славой.
Портреты темные по сводчатымъ стѣнамъ,—
Все типы прежнихъ лицъ отважныхъ и суровыхъ
Людей рѣшительныхъ, людей на все готовыхъ,
На громкій жизни ходъ столь незнакомый намъ.
Все что отъ прошлаго еще здѣсь уцѣлѣло,
Въ суровой важности какъ бы окаменѣло...
А между тѣмъ и здѣсь огонь любви пылалъ,
И въ зàмкѣ гдѣ нибудь на каменномъ балконѣ
Горячій поцалуй въ вечерній часъ звучалъ...
Иль уносясь мечтой, вдали, на небосклонѣ
Влюбленный взоръ искалъ свой пылкій идеалъ...

Отдѣлъ II.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

***

На память свѣтлыхъ дней блаженства,
наслажденья,—
А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ укоръ и людямъ, и судьбѣ,
Цвѣты моей любви, тревогъ и вдохновенья
Я приношу, мой милый другъ, тебѣ.

———

***

Я ночью сегодня проснулся,
Лежалъ я во мракѣ нѣмомъ
И взоры мои потерялись
Во тмѣ непроглядной кругомъ.

Лежалъ я, тебя вспоминая,
О сердцѣ я думалъ твоемъ—
И думы мои потонули
Во тмѣ непроглядной кругомъ...

Дочь вѣка—и сходство имѣешь
Ты съ этимъ почтеннымъ отцемъ:
Всѣ думаютъ много увидѣть
Во тмѣ непроглядной кругомъ...

* * *

Убить безплодно сердца силу,
Прожить, быть можетъ, много лѣтъ
И лечь въ холодную могилу,
И превратиться тамъ въ скелетъ!..

О небо!—надо мною годы,
Вѣка безчувственно пройдутъ!
Такъ часто прелести природы
И разцвѣтутъ и отцвѣтутъ!...

И никому не будетъ дѣла,
Что гдѣ-то скрылась подъ землей
Та жизнь, которая кипѣла,
Любовью, злобой пламенѣла,
И тайной мучилась тоской...

ВЪ ІЮЛѢ.

Я не люблю погоды жаркой,
Когда въ іюльскій день безъ тучъ,
Язвительный и слишкомъ яркій
Пронзаетъ душу солнца лучь.
Въ изнеможеньѣ, въ ослѣпленьѣ
Выносишь зной едва дыша;
Въ какомъ-то смутномъ отупѣньѣ
Тогда и тѣло и душа...
Лѣниво жизнь тогда влачится:
Я засыпаю на яву;
Но и во снѣ мнѣ этомъ снится,
Что жизнью сонной я живу...

* * *

Мечтой безумною о счастьѣ
Жизнь безпощадно насъ дурачитъ:
Лишь человѣкъ на свѣтъ родился,—
Слезами горькими онъ плачетъ.

Кипитъ въ ребенкѣ силъ избытокъ,
Какъ птичка онъ поетъ и скачетъ;
Но корни горькіе ученья
Пришлось сосать,—онъ горько плачетъ.

Какъ сладко сердце замираетъ:
Любить настало время, значитъ!...
И что-же? первою любовью
Душа блаженствуетъ и—плачетъ.

Да, человѣкъ все бредитъ счастьемъ
Пока въ могилу смерть упрячетъ;—
А надъ могилою счастливца
Уже другой счастливецъ плачетъ...

---

* * *

Еще на твой закатъ блестящій
Смотрю съ любовью и тоской;
Твой взоръ полуденно-палящій
Еще всевластенъ надо мной.

Чѣмъ осень дней твоихъ скорѣе
Цвѣтокъ уноситъ за цвѣткомъ,
Тѣмъ сердце дорожитъ скупѣе
Опустошеннымъ цвѣтникомъ...

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

Въ лучахъ послѣдняго блистанья,
Весь міръ такъ жарко озаря,
Привѣтомъ страсти и прощанья
Горитъ вечерняя заря...

Ея пылающіе взоры
Мнѣ и дороже и милѣй,
Чѣмъ взоры утренней Авроры
Въ прохладѣ розовой своей.

Аврора утра словно знаетъ,
Что передъ нею долгій день:
Ее ни время не пугаетъ,
Ни бури громъ, ни тучи тѣнь;—

А здѣсь,—огонь и быстротечность
Себя стремятся превозмочь!
За ними-жъ—или свѣтитъ вѣчность
Или царитъ нѣмая ночь...

ДВѢ ТУЧИ.

Одной грозой онѣ дышали,
Пылали молніей одной
И слезы вмѣстѣ проливали
Летя надъ трепетной землей.

Казалось,—высшей власти сила
Сдружила ихъ на долгій путь;
Ничто,—казалось,—не грозило
Ихъ разлучить когда нибудь...

Но, часъ насталъ,—дыханьемъ бури
Двѣ тучи врозь разорвало̀
И унесло ихъ по лазури,
Упрямо, вдаль ихъ унесло...

Сурово, хмуро, издалѐка
Сверкаетъ ихъ прощальный взглядъ;
Гремятъ противу злобы рока,
Но нѣтъ возврата имъ назадъ!..

Одна—безгласной, дикой степи
Свой стонъ безсильный подаритъ,—
Другая—горъ великихъ цѣпи
Проклятьемъ молній озаритъ...

* * *

Нещадно время улетаетъ,
Нѣтъ и слѣда моей весны;
Меня дѣйствительность пугаетъ
И снятся мнѣ дурные сны.

Настанетъ день,—все глупо, старо,
Слова все тѣ-же, да слова...
И отъ житейскаго угара
Трещитъ и блекнетъ голова.

Настанетъ ночь,—другая сила,
Какъ ночь, все мракомъ облекла:
Безповоротная могила,—
За нею вѣчно мгла и мгла...

ПѢСНЯ ЛАСТОЧКИ.

Ласточка одна
Быстро пролетѣла;
Грустную она
Пѣсенку мнѣ спѣла.
— Посмотри, мой другъ,
Какъ блистаетъ лѣто,
Какъ земля вокругъ
Прелестью одѣта;
Мчится вѣтерокъ
Мягкій и душистый,
Нѣжится цвѣтокъ
Свѣжій и росистый.
Но весна пройдетъ
Вдаль умчатся грозы;
Осень все прижметъ.
Все убьютъ морозы.
Чтò-жъ зима убьетъ,
Тò опять, весною,
Ужъ не разцвѣтетъ
Жизнію былою...
Будетъ вновь, повѣрь,
И весна и лѣто,—
Тò-же,—что теперь,—
Тò-же,—*да̀ не это...*

* * *

Я плакалъ горестно,—но слезы
Мои давно тебѣ не новизна;
Тебя, мой другъ, не устрашаютъ грозы,—
Тебѣ страшнѣй нѣмая тишина.
Ты знаешь, что въ тревогахъ громкихъ бури
Жизнь и любовь становятся свѣжѣй;
А въ тишинѣ, въ безмолвіи степей,
При блескѣ самомъ пламенномъ лазури,—
Живому сердцу тяжело дышать
И смерть кладетъ на все свою печать...

* * *

Она опять на небосклонѣ блещетъ
Любви и счастья нашего звѣзда,—
Надежды лучъ опять въ душѣ трепещетъ
И не угаснетъ никогда!..

Опять во мглѣ, гдѣ звѣздъ мерцаютъ хоры,
Свѣтлѣе всѣхъ звѣзда любви встаетъ;—
Опять, къ незримой встрѣчѣ, наши взоры
Въ условный часъ она зоветъ...

И тамъ,—въ лучахъ небеснаго сіянья,—
Моя съ твоей сливается любовь,—
Пока опять блаженный мигъ свиданья
Насъ возвратитъ въ объятья наши вновь...

ЛАСТОЧКА.

Люблю смотрѣть безпечнымъ взглядомъ
Какъ мило ласточка шалитъ:
То промелькнетъ надъ темнымъ садомъ,
То въ небѣ синемъ пролетитъ;
То вдругъ,—скользитъ такъ низко, низко,
То затрепещетъ высоко̀,
То предо мной кружится близко,
То словно манитъ далеко̀...

Есть у меня другая птичка,—
За ней слѣдитъ ревниво глазъ;—
Съ ней,—то любви капризной стычка,
То прелесть сладостныхъ проказъ...
Мои всѣ радости и муки
Съ собой та птичка унесла...
О, еслибы въ другія руки
Она попастся не могла!...

* * *

Кому даришь такъ много ты
Всего, что въ жизни есть прелестнѣй,—
Тому дѣйствительность чудеснѣй
Чѣмъ всѣ волшебныя мечты.

Твоимъ мое блаженство мѣрю,—
Люблю я жизнь мою въ тебѣ;
Неволей вѣрую судьбѣ,—
Тебѣ одной съ любовью вѣрю...

* * *

Дай,—оглянусь!...
Пушкинъ.

Въ то время даль синѣла предо мною...
И вотъ,—она вся пройдена теперь...
И смерть своей костлявою рукою
Мнѣ въ вѣчность отворяетъ дверь...

Лишь ты одна звѣздою беззакатной
Еще горишь на небосклонѣ томъ;—
Моей судьбы - улыбкой благодатной,
Моей любви - послѣднимъ маякомъ...

*
* *

Опять подъ сладкимъ обаяньемъ
Меня ласкающей весны,
Я отдаюсь любви мечтаньямъ
И вижу золотые сны.

И подъ блистательнымъ покровомъ
Тѣхъ неотступныхъ, чудныхъ сновъ,
Въ какомъ-то свѣтѣ жгучемъ, новомъ,
Предстала мнѣ моя любовь.

Чѣмъ лучше день, чѣмъ солнце ярче,
Тѣмъ, милый другъ, въ душѣ моей
Любовь къ тебѣ свѣтлѣй и жарче
И безъ тебя мнѣ тяжелѣй...

* * *

Es war ein Traum...

Сгорѣло все!.. лишь куча пепла
Одна бѣлѣетъ... Нѣтъ огня!..
И все грядущее ослѣпло
И онѣмѣло для меня!

Взывать?.. Къ кому?.. Къ чему?.. Напрасно!..
Все, все насмѣшливо молчитъ!..
И въ этой тишинѣ ужасной
Мой вопль отчаянья звучитъ...

Погибло все!.. Куда стремиться?..
Прости—послѣдняя любовь!..
Волшебный сонъ не повторится,—
Не улыбнется счастье вновь!..

А ты,—чьей милою рукою
Разбита жизнь мнѣ навсегда,—
Пусть долго, долго надъ тобою
Горитъ всѣхъ радостей звѣзда...

*
* *

Мои стихи—случайный звукъ
Отъ перелетныхъ впечатлѣній;
Въ нихъ отблескъ тающихъ видѣній,
Нежданныхъ радостей и мукъ...
Ихъ жизнь приноситъ и уноситъ
Въ волна̀хъ бушующихъ своихъ,
Душа у Бога ихъ не проситъ
И не скрывается отъ нихъ...
Она—какъ падшій ангелъ бродитъ,
Не вѣдая куда прійдетъ,
И въ звукъ, иль въ образы возводитъ
Все, что ей случай ни пошлётъ:
Равны ей горе и отрада,
И дольній міръ, и небеса,—
И безнадежный хохотъ ада,
И райскихъ пѣсенъ голоса...

1-го АПРѢЛЯ.

Зачѣмъ со скромностію ложной
И съ фарисействомъ утверждать,
Что перваго Апрѣля можно
Разъ въ годъ безстыдно, смѣло лгать?..

Нѣтъ,—день одинъ, одна недѣля,—
Притомъ какъ все на свѣтѣ лжетъ, –
Докажетъ намъ, что круглый годъ
Подобенъ первому Апрѣля...

1-го апрѣля 1884. Римъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ГРОЗА.

Глухая ночь,—реветъ гроза,—
Несется вихрь на крыльяхъ бури
И молній блескъ слѣпитъ глаза...
Гдѣ прежній кроткій свѣтъ лазури!..

Въ объятьяхъ мрака, безъ слѣда,—
Погребена враждебной силой
Моя любимая звѣзда,—
Моей любви свидѣтель милый...

Исчезъ огонь ея лучей!..
Греми-жъ разладъ стихій сильнѣе:
Я не боюсь грозы твоей,—
Въ моей душѣ гроза страшнѣе!..

У МОРЯ.

У моря, у бурнаго моря
Брожу я одинъ—при лунѣ,
Но горя, тяжелаго горя
Не скрыть мнѣ въ его глубинѣ...

О чемъ оно бурное плачетъ?
О чемъ его стоны гласятъ?
Волна какъ безумная скачетъ
И брызги какъ слезы летятъ...

Свершилось-же нѣчто такое,—
Свершилось, быть можетъ давно,
Что нѣтъ ему вѣчно покоя,
Что вѣчно роптать суждено...

И жалобамъ этимъ внимаетъ
Съ участьемъ невольнымъ весь свѣтъ,
Ихъ сердце въ тоскѣ понимаетъ
И въ пѣсняхъ ихъ славитъ поэтъ...

О. Д. ШЕРЕМЕТЕВОЙ.

Да здравствуетъ солнце!
Пушкинъ.

Во дни осенняго ненастья,
Во дни безстрастныхъ, сѣрыхъ тучъ,—
Какой восторгъ, какое счастье
Нежданный, теплый солнца лучъ!..

Какъ будто роковой ошибкой
Остатки лѣтней красоты
Озарены опять улыбкой,—
Огнемъ чарующей мечты:

И лугъ отцвѣтшій, пожелтѣлый,
И поблѣднѣвшій сводъ небесъ,
И облетѣлый, оголѣлый,
Глядящій мрачно въ зиму лѣсъ,—

Все такъ случайными лучами
На этотъ мигъ озарено,
Какъ озарила встрѣча съ вами
То, что̀ я пережилъ давно,—

Давно,—когда любовь мнѣ въ очи
Гнала свой розовый туманъ:
Надежды дня, восторги ночи,—
Волшебный юности обманъ!..

И вспомнивъ радости и муки
Я просвѣтлѣлъ на склонѣ дней
Подъ дивныхъ пѣсенъ вашихъ звуки,
Отъ блеска вашего лучей!..

И вами съ жизнью примиренный—
Хочу о прошломъ не жалѣть,
Чтобы душою обновленной
Къ блаженству вѣчности летѣть!..

Н. А. О.

Я вашу бабушку любилъ,
Когда еще я былъ ребенкомъ,
И въ этомъ, какъ въ намекѣ тонкомъ,—
Мнѣ рокъ грядущее сулилъ.

Въ страданьяхъ я утратилъ силы,
Я превратился въ старика;—
И вотъ, когда ужъ смерть близка
И вѣетъ холодомъ могилы,—

Я вспоминаю дѣтскихъ дней,—
Разсвѣта жизни впечатлѣнье,
И, въ блескѣ вечера лучей,
Любуюсь внучкой въ восхищеньѣ...

* * *

Быть можетъ счастье будетъ правдой
Въ странѣ загробной,—но въ земной
Оно обманъ,—а правда—горе,
Трудъ, злоба, или сонъ пустой...

* * *

Барометръ мой словно возрастъ мой,—
Къ свѣтлымъ днямъ онъ съ трудомъ подымается;
И,—какъ возрастъ мой,—къ непогодѣ злой
Легко падаетъ, опускается...

* * *

Тучи темныя клубятся,
Смутно въ воздухѣ сыромъ,
И, капризныя, дробятся
Брызги ливня за окномъ...

Въ дни ненастные Апрѣля
Не тоскуй, не унывай:
Пролетитъ всего недѣля
И заблещетъ свѣтлый Май...

Въ Ноябрѣ-жъ, когда съ безстрастьемъ
Осень явится сама,—
Трудно жить тогда съ ненастьемъ:
Впереди грозитъ всевластьемъ
Все мертвящая зима...

* * *

Жалокъ тотъ, кто вздумалъ строить зданье,—
Не съумѣлъ до крыши довести;
Кто взялся за трудную работу,
Да не смогъ помощниковъ найдти.

Жальче тотъ, кто полюбилъ всѣмъ сердцемъ,
Да не вѣритъ въ вѣчную любовь...
Кто желая высказать какъ любитъ,
Не находитъ подходящихъ словъ...

Les deux amours...

Два рода помѣшательства мы знаемъ:
Въ одномъ—больной, горячкою терзаемъ,
Кричитъ, бурлитъ, бѣснуется... Предъ нимъ
Во мглѣ, въ огнѣ,—за призракомъ однимъ
Толпы различныхъ призраковъ несутся...
И въ памяти больнаго остаются
Неясные лишь звуки да мечты...
Но въ мірѣ томъ страданья, суеты,
Стремится врачъ создать успокоенье
И есть еще надежда на спасенье...

Но не таковъ, зато, другой больной.
Какъ истуканъ—холодный и нѣмой
Въ пространство онъ вперяетъ взглядъ упрямо
И смотритъ все внимательно и прямо.
Вокругъ него будь шумъ и суета,
Пусть громъ гремитъ, природы красота
Пусть прелестью плѣнительной блистаетъ,—
Онъ ничего вокругъ не замѣчаетъ..,

И видитъ онъ безсмѣнно предъ собой
Тотъ чудный сонъ, тотъ образъ роковой,
Что̀ овладѣлъ его печальной долей
И волю въ немъ убилъ своею волей...
Влюбленный въ свой могучій идеалъ,—
Къ нему свою онъ душу приковалъ
И, мучась имъ, его онъ только видитъ
И внѣ его—все злобно ненавидитъ...
Такой недугъ смертельнымъ признаютъ
И *тихимъ* помѣшательствомъ зовутъ,
И отъ его гнетущей, адской силы
Пріютъ одинъ—объятія могилы...

*
* *

Твоя любовь разогнала̀
Мои ревнивыя сомнѣнья,
И снова жизнь моя свѣтла
Въ лучахъ надеждъ и вдохновенья.

Весь Божій міръ передо мной
Воскресъ для жизни обновленный
И я, съ поникшей головой
Стою—восторгомъ упоенный...

Благословлять тебя—нѣтъ словъ...
Въ усталомъ сердцѣ смолкла битва,—
Зато—внятнѣй къ тебѣ любовь
И къ Богу о тебѣ молитва...

* * *

I.

Я помню... помню, безмятежно
На перепутьѣ я стоялъ
И беззаботно, и небрежно
На все вокругъ себя взиралъ...

Я не былъ счастливъ, но—спокоенъ,—
Меня лелѣялъ тихій сонъ
И надо мною былъ ни зноенъ
Ни хладенъ свѣтлый небосклонъ...

Я былъ спокоенъ,—не смущали
Меня о счастіи мечты
И дни за днями улетали
Безъ сожалѣнья, безъ печали;—
Передо мной предстала ты...

И понялъ я, что все былое,—
Тотъ полу-свѣтъ и полу-мгла,—
Минуло, что пришло иное
И что судьба меня звала...

***

II.

Огонь и жизнь во мнѣ проснулись,
Рванулось сердце изъ оковъ,
Мечты и страсти встрепенулись
И унесла меня любовь...

И вдругъ,—какъ будто просвѣтлѣло
Вокругъ меня и надо мной:
Синѣе небо засинѣло,
Понятнѣй море зашумѣло
Озолоченное зарей...

Съ моей душой тотъ лучъ денницы
О новой жизни говорилъ...
Твой взоръ любви мои рѣсницы
Слезами счастья оросилъ!

ДВѢ ЗВѢЗДЫ.

Одна—такъ ласково блистаетъ,
Ея—какъ счастье—добрый лучъ
Равно привѣтливо играетъ
И въ ясномъ небѣ, и средь тучъ...
И въ той игрѣ, какъ радость зыбкой,
Въ разливахъ мягкаго огня,
Какъ будто чудится улыбка
И слышется: «люби меня!..»

Звѣзда другая не мерцаетъ;—
Но, словно пристально, въ упоръ
Глядитъ мнѣ въ душу и вонзаетъ
Въ нее палящій, страстный взоръ...
И подъ волшебнымъ обаяньемъ
Тоской нездѣшней я скорблю
И, мучась сладостнымъ страданьемъ,
Шепчу ей: «я тебя люблю...»

ЗИМА ПРИШЛА.

Вотъ, вотъ она—подкралась невидимкой,—
И саваномъ покрыла бѣлымъ степь;
Вдали лѣса подъ серебристой дымкой,—
Сковала все мороза злая цѣпь, –
Лишь только небо съ солнечной улыбкой
Блистаетъ жизнью,—будто-бы ошибкой...

Вотъ, вотъ она въ гробу своемъ лежитъ,—
Красавица,—блѣдна, свѣтла, нѣмая,
На ней покровъ серебряный блеститъ,—
Свѣчей и солнца пламенемъ играя,—
Лишь будто-бы ошибкою чело
Гласитъ о томъ, что вѣчно и тепло.

ЗИМОЙ.

Простерлась снѣжная равнина
Блестящимъ пологомъ степей, —
Чѣмъ дальше, тѣмъ свѣтлѣй картина
Въ сіяньи солнечныхъ лучей...

Не такъ-ли старость, озаряясь
Лучами вѣчности святой,
Блистаетъ холодно, — сливаясь
Съ неувядаемой весной...

*
* *

Любовь измѣнила,
А муза ушла,
Осталась могила,
Да вѣчная мгла...

Къ чему же страдала
Такъ страшно душа
И все упована
Что жизнь хороша!..

———

*
* *

Средь зимы—весною вдругъ запахло:
Виденъ неба голубой клочекъ;
Все что грустно отъ мороза чахло
Чуетъ солнца вешній огонекъ...

Все что я въ разлукѣ ненавижу:
Скука, мракъ невѣденья съ тоской,—
Все въ душѣ свѣтлѣетъ,—я предвижу
Сладкій мигъ свиданія съ тобой...

***

Зачѣмъ заботы и сомнѣнья
Нельзя отбросить, позабыть
И сердцемъ полнымъ вдохновенья
Молиться, плакать и любить!..

* * *

Сквозь призракъ несшихся надъ нами
И золотыхъ, и мрачныхъ дней,
Я на тебя гляжу очами
Души измученной моей...

Твой милый образъ предо мною
Борьбой и счастьемъ утомленъ,—
Тревоги внутренней грозою
И страсти пламенемъ сожженъ...

Но взоръ любви меня ласкаетъ
И,—какъ видѣнье,—предо мной,
Преображаясь возникаетъ
Твой образъ въ красотѣ иной:

Сквозь обликъ трепетный и бренный
Въ немъ свѣтитъ радостно душа—
Въ любви и прелести нетлѣнной,—
Благоуханно-хороша!

Такъ лѣтній вечеръ прогоняетъ
Грозы недавней гулъ и тѣнь,
И небо рдѣетъ и пылаетъ,
Предвозвѣщая пышный день...

СТАРАЯ ЛАСТОЧКА.

Прошло то время, какъ бывало
Я въ солнца праздничныхъ лучахъ,
Какъ стрѣлка легкая летала,
Вилась, рѣзвилась, утопала
Въ душистыхъ воздуха струяхъ...

Теперь, мнѣ надобны усилья,—
Съ трудомъ могла-бъ напречь я грудь,
Чтобъ старыя разправить крылья
И полетѣть въ далекій путь—

Туда, гдѣ солнцемъ лучезарнымъ
Согрѣтъ, взлелѣянъ дивный край,—
Гдѣ небо заревомъ янтарнымъ
Ласкаетъ всей природы рай,—

Гдѣ все цвѣтетъ, благоухаетъ,
Ликуетъ прелестью вокругъ,—
Тамъ гдѣ меня воспоминаетъ
И день и ночь мой старый другъ...

Ему не въ радость солнце юга,
Онъ все въ ту сторону глядитъ,
Туда,—гдѣ вѣрная подруга
Его все любитъ и грустить...

ПОСЛѢДНЯЯ ВЕСНА.

Вся эта зелень молодая,
Весь этотъ блескъ лучей весны,
Меня смущаетъ,—навѣвая
Былые, золотые сны...

Тѣ сны, которыхъ счастье было
Осуществленною мечтой:
Моей любви святая сила!
Твоей любви огонь святой!..

Исчезни-жъ, смутное сомнѣнье,—
Терзать мнѣ душу перестань!
За горькой ревности мученья
Я отдалъ темной силѣ дань...

Довольно... Пусть какъ вечеръ ясный,
Какъ свѣтлый радужный вѣнецъ,
Послѣ грозы и муки страстной,
Прійдетъ спокойно мой конецъ;—

Пусть въ міръ иной, въ тотъ міръ незримый
Меня умчитъ,—чиста,—ясна,—
Твоей любви неутолимой
Неутолимая весна!

ГОЛОСА ЛЮБВИ.

(Отрывокъ).

Кавказъ. — Склонъ горъ къ восточному берегу Чернаго моря. — Развалины древняго храма.—Вдали море.—Лунная ночь.

Голосъ ночи.

Въ блескѣ тверди безконечной
Миріадами свѣтилъ,—
Гдѣ на всемъ законъ предвѣчный
Тяготѣнья опочилъ;
Въ часъ какъ вечеръ догораетъ,
Позлащая пебеса
И на землю ниспадаетъ
Благодатная роса;—
Всю природу усыпляя,
Я, обычной чередой,
Дня тревоги прерывая
Пролетаю надъ землей!..
Пролетаю также точно,
Какъ тогда, какъ въ первый разъ
Свѣтлый лучъ звѣзды полночной
Палъ на дремлющій Кавказъ.
Какъ теперь—сѣдыя горы
Осребрялися луной,
Какъ теперь—сверкало море
Сѣтью блеска разливной...
Я—безсмертная—все та же,—
Люди-жъ смертные—не тѣ:
Гордый умъ возсталъ на стражѣ,
Преграждая путь мечтѣ!
Онъ меня разоблачаетъ,

Ищетъ видѣть мой скелетъ,
Тайна-жъ жизни ускользаетъ:
Вянетъ прелесть, гаснетъ свѣтъ...
Ужь теперь скупѣй поэты
Мнѣ несутъ дары свои,
Хоть далеко не воспѣты
Всѣ сокровища мои!..
Но оцѣнитъ ихъ прекрасно,
Ихъ всегда познаетъ тотъ,
Кто любимъ и любитъ страстно,
Кто блаженства ночью ждетъ...
И пока предѣлы міра
Не покинула любовь,
Ночи звѣздная порфира
Будетъ лучшій ей покровъ!..

Голосъ горъ.

Снѣжныхъ горъ,
Какъ узоръ,
И зубцы
И вѣнцы
Высокò
Поднялись,
Далекò
Разошлись
Въ небесахъ
Голубыхъ,—
Всѣ въ лучахъ
Золотыхъ
Вѣчныхъ льдовъ
И снѣговъ...
И блестятъ,
И горятъ,

Какъ кристалъ
И опалъ,—
И глядятъ
На закатъ
Золотой
Какъ рубинъ
И топазъ...
О Кавказъ
Исполинъ!
Это твой
Дню отвѣтъ
Съ этихъ горъ,—
И—привѣтъ
Мглѣ ночной,—
Страстный взоръ
Огневой!...
У подножья-жъ горъ
Самовластью просторъ,—
Тамъ въ цѣпяхъ человѣкъ и природа;
Тамъ неправдой людской
Полонъ жизненный строй:
Лишь богатымъ, да сильнымъ свобода!

И ярмо, и узда,
И бичи на стада;—
Позабыты святые завѣты...
И отъ царственныхъ думъ
Отрывается умъ
Вѣчной гонкой за звономъ монеты...

Нѣтъ! въ комъ къ волѣ любовь
Грѣетъ душу и кровь
Къ небесамъ устремляетъ тотъ взоры;

А въ святыхъ небесахъ,
Въ разноцвѣтныхъ огняхъ,
Возстаютъ недоступныя горы!..

Голосъ Моря.

Я дроблюсь о подножіе горъ
Не напрасно,—безсонной волною!
Не напрасно, съ немолчной тоскою
Моихъ волнъ раздается укоръ!
Въ отраженіи луннаго блеска
Разливаясь въ безбрежную даль,
Я подъ ритмъ однозвучнаго плеска
Шевелю вѣковую печаль...
Та печаль—о быломъ совершенствѣ,
Когда въ мірѣ царила любовь,
Та печаль—о погибшемъ блаженствѣ,
О стремленіи къ счастію вновь...
Подъ напѣвъ мой и ропотъ недужный
Человѣкъ о любви тосковалъ
И изъ волнъ и ихъ пѣны жемчужной
Вызвалъ онъ красоты идеалъ.
Съ золотыми какъ солнце кудрями,
Наготою какъ пѣна бѣла,
Съ голубыми какъ небо очами
Афродита—богиня всплыла...
Но она какъ мечта отлетѣла,
Потому что, блаженствомъ дыша,
Въ ней цвѣло олимпійское тѣло,
А не вѣчной любовью душа...
И разбиты преданій оковы,
И исчезъ фантастическій міръ:
Море стало дорогой торговой,—
Завладѣлъ имъ корысти кумиръ...

Но не даромъ безсонною волною
Я дроблюсь о подножіе горъ,
И не даромъ съ немолчной тоскою
Моихъ волнъ раздается укоръ!
Я отважныхъ къ борьбѣ призываю!
Я сближаю людей межъ собой!
И сближеніемъ ихъ приближаю
Я къ возвышенной цѣли святой:
Человѣкъ изъ подъ власти природы
Встанетъ гордо—свободный титанъ!
И довольство охватитъ народы,
Какъ объемлетъ весь міръ океанъ...
И падетъ роковое проклятье
За пролитую Каиномъ кровь
И обнимутся люди какъ братья
И опять воцарится любовь!..

Голосъ Природы.

Пусть холодной, синей влагой,
Безпредѣльной полосой,
Съ необузданной отвагой
Блещетъ море красотой!
Пусть вершиною кремнистой
Стѣны горъ со всѣхъ концовъ
До семьи встаютъ волнистой
Поднебесныхъ облаковъ!
Пусть въ долинѣ виноградной
Тополь весело шумитъ
И по камнямъ ключь отрадный
Пробѣгаетъ и звенитъ!..
Въ той гармоніи природы
Разгадай и улови
Всей душой союзъ свободы

И возвышенной любви!..

Люциферъ (появляясь близь развалинъ, долго съ презрѣніемъ смотритъ кругомъ).

Любовь! любовь! и ночь, и горы,
И вѣчно ропчущее море,
Все,—до скончанія вѣковъ
Поетъ какую-то любовь!..
Безумный бредъ!.. Позоръ природы!..
Удѣлъ безсилья и рабовъ!..
Кто сладость гордую свободы
И тайну вѣчности постигъ,
Тотъ о любви мечты отринетъ
И предпочтетъ свободы мигъ...
Когда же, наконецъ, покинетъ
Неисправимый родъ людской
Причину рабства и страданій
И разныхъ вздорныхъ упованій,—
Химеру о любви святой!..
Когда и въ чемъ любовь являлась?
Не въ сотвореніи-ль земли?
Но смерть, зачѣмъ-же смерть подкралась
И рушитъ зданье той любви?...
Я лицезрѣлъ Творца вселенной,—
Въ той силѣ—бытія вѣнецъ!
Въ ней и начало и конецъ
Нашли союзъ себѣ нетлѣнный!
Но тотъ-ли всемогущій духъ
Понятье о любви вселяетъ,
Кто лишь *Себя* во всемъ являетъ,
Ни въ чемъ не признавая *двухъ!..*
И вотъ, сынъ праха, червь ничтожный
Въ борьбѣ неравной и тревожной

Подъ обаяньемъ глупыхъ сновъ
Поетъ какую-то любовь,
И голосъ самосохраненья
И сладострастнаго стремленья
Для смерти жизнь возобновлять,—
Любовью вздумалъ называть...
Но я—такъ страшно осужденный,
По вѣчной благости Творца,
Страдать безъ мѣры и конца,—
На призракъ робостью рожденный
Я смѣло міру укажу,
Какъ на игру предразсужденья;
И рабской твари я скажу,
Безъ страха и безъ сожалѣнья,
Что какъ тотъ призракъ ни зови,—
Но нѣтъ и не было любви!...
. . . .
. . . .

Главная мысль: все низведено съ пьэдестала, все развѣнчано духомъ отрицанія, осталась только еще любовь на землѣ, которая можетъ когда нибудь привести къ возражденію; по этому Люциферъ задумалъ: «*побѣдить любовь, и тогда всему конецъ*». Безъ любви религія станетъ--индиферентизмъ. Наука—матеріализмъ. Искуство — реализмъ. Государство — соціализмъ Природа—скелетъ, зародышъ, клѣточка, атомъ».

Это,—задача стереть съ лица земли все прекрасное, взглядъ царившій въ тѣ года среди извѣстнаго слоя общества, и даже среди ученыхъ и писателей.

. . . .

1875 г.

Отдѣлъ III.

(Отъ 1846 года до смерти).

* * *

Надъ росинкой свѣтлой
Ярко солнце блещетъ,
Лучъ его огнями
Тихо въ ней трепещетъ...

Такъ душа и геній
Мыслью благодатной
Въ словѣ отражаясь,
Блещутъ беззакатно.

1846 г.

*
* *

Передо мной зеленая равнина,
На ней, вдали, чернѣетъ лѣсъ дремучій,
Надъ нимъ, толпой, какъ будто горъ вершины,
Синѣя, серебрятся тучи,
Лазурь надъ ними вѣчно голубая,
Прозрачно-чудная отъ вѣка,—
А выше—тамъ быть можетъ цѣль святая
Завѣтныхъ думъ и жизни человѣка...

1846 г.

*
* *

Когда насмѣшкой благородной
Поэтъ толпу рабовъ клеймитъ,
Когда отважно и свободно
Желѣзный стихъ его гремитъ;
Не говори,—что озлобленье
Больною властвуетъ душой;
Не говори, что вдохновенье,
Подобно тучѣ громовой,
Безъ сожалѣнья и безъ страха
На міръ трепещущій летитъ
И блѣдную толпу, съ размаха
Слѣпымъ орудіемъ казнитъ!..
Нѣтъ! Если права на проклятье
Онъ не купилъ себѣ слезой
И не умѣетъ видѣть братьевъ
Въ толпѣ голодной и больной,—
И если онъ на смерть и казни
За этихъ братьевъ не пойдетъ
И съ состраданьемъ, безъ боязни,
Заразѣ руку не пожметъ,—
Тогда исполненъ святотатства
Его укоръ, и смѣхъ, и плачь,
Его призывъ во имя братства...
И не поэтъ онъ,—а палачъ!...

1859 г.

* * *

Не мы живемъ въ уединеньѣ,
Уединенье въ насъ живетъ,—
Когда любовь, воображенье
И умъ поблекнетъ и замретъ;

Когда душевная пустыня
Неплодотворна и темна,
И жизни вѣчная святыня
Въ холодный сонъ погребена...

Кто полонъ думою глубокой,
Въ комъ чувства не изсякъ потокъ,—
Для міра тотъ не одинокій
И для себя не одинокъ...

1859 г.

*
* *

Всегда, во всѣ вѣка внимали поколѣнья
Съ любовью пламенной напѣвамъ вдохновенья,
Всегда поэзія завѣтные цвѣты
На гробы праотцевъ отъ правнуковъ бросала
И вѣчность тайная съ улыбкой ей внимала...
Цвѣла-ль Аркадія невинностью мечты,
Гремѣла-ль грозная какъ буря, марсельеза,
Былъ золотой ли вѣкъ, иль темный какъ желѣзо,
Они не падали—народные пѣвцы—
Прекрасной истины и вольности жрецы...
Блаженъ кто черпать могъ изъ глубины народной
Струю поэзіи могучей и свободной!
Чей голосъ избранный могъ завѣщать вѣкамъ
Борьбу съ неправдою, къ возвышеннымъ дѣламъ
Любовь и рвеніе, и доблестные нравы—
Народа своего ходъ жизни величавый...
Но есть иной удѣлъ—другія времена,
Когда въ томленіи природа человѣка,
Когда на всемъ печать унынія видна,
Когда живетъ Неронъ и падаетъ Сенека,—
Но и тогда поэтъ, съ молчаньемъ на устахъ,
Творилъ для истины, и въ лучшихъ временахъ
Его святая пѣснь изъ мрака воскресала
Проклятьемъ Тацита, насмѣшкой Ювенала!..

И ты не унывай, намъ современный міръ!—
Гдѣ славный твой девизъ? Кто гордый твой кумиръ?
Куда стремишься ты? Какое завѣщанье
Оставишь ты вѣкамъ грядущимъ въ назиданье?
Скажи!.. Но ты молчишь, отвѣта не даешь...

Съ улыбкой странной ты впередъ — впередъ идешь,
Задумчиво блеститъ чело твоей науки,
Твоей поэзіи таинственные звуки
Молчатъ въ груди твоей, какъ сдержанный потокъ;
Не дышетъ мраморъ твой, палитра высыхаетъ...
Съ сомнѣньемъ на тебя твой лучшій сынъ взираетъ,—
Но ты невозмутимъ,—какъ неизбѣжный рокъ...
Ты правъ, ты правъ титанъ!.. Не говори устами,
Но *жизнью* говори, провозглашай *дѣлами!..*
Лети, лети впередъ—на всѣхъ твоихъ парахъ!..
Природу повергай предъ разумомъ во прахъ!
Пространства сокращай, повелѣвай громами,
Народа бѣдствія—довольствомъ замѣняй!...
И если, на пути, ты видишь привидѣнья,
И если зло тебя гнететъ,—не унывай!
Иди своимъ путемъ, и съ холодомъ презрѣнья,
Съ надеждой свѣтлою,—минутами терпѣнья—
Вѣка счастливые потомству завѣщай.

Москва 1860 г.

---

* * *

Она раскинулась широко
Задача жизни. Погляди:—
Однообразно и далёко,
Передъ тобою впереди,
Молчатъ нетронутыя степи,
Въ просторѣ дикомъ и нѣмомъ...
Безплодно все, мертво кругомъ
И только звукъ позорной цѣпи
Покой ихъ тягостнаго сна
Постыдной правдой нарушаетъ...
Смотри,—толпа людей шагаетъ
Толпой солдатъ окружена;
Они идутъ, какъ будто тѣни,
Идутъ куда судьба велитъ;—
И повѣсть тяжкихъ преступленій,
Иль незаслуженныхъ мученій
На томныхъ лицахъ, говоритъ
О томъ, о чемъ весь міръ молчитъ,
Молчитъ храня въ себѣ сознанье...
И это страшное молчанье
И безотраднѣй, и грѣшнѣй
Молчанья тысячи степей...

1859 г.

ЖИЗНЬ.

Она идетъ стопою ровной,
Полна величья своего,
На все взирая хладнокровно.
Не отличая ничего...
Она идетъ; вокругъ—волненье
Страстей, сомнѣній и заботъ,
И тайный говоръ преступленья,
И тихій шопотъ наслажденья,
И вопль невиннаго мученья,
Она все видитъ и—идетъ...
Идетъ въ лѣсахъ непроходимыхъ,
Въ подземныхъ безднахъ, на горахъ,
Въ водахъ, въ степяхъ необозримыхъ
И въ многолюдныхъ городахъ...
Но только—къ ней коснется тлѣнье
Всесокрушающей рукой,—
Она исполнится смятенья,
Съ невыразимою тоской,—
Увидитъ вѣчность,—онѣмѣетъ
Передъ владычицей своей;
Въ ея объятьяхъ поблѣднѣетъ—
И навсегда сольется съ ней...

1860 г.

* * *

И смѣшно и отрадно на жизнь намъ взглянуть!
Ничего человѣкъ здѣсь не знаетъ:
Думалъ Колумбъ, что открылъ новый въ Индію путь
И, не вѣдая самъ, новый міръ открываетъ...

1868 г.

*
* *

„Lasciate ogni speranza voi ch'entrate“.

Данте.

Случалось-ли тебѣ, вечернею порой,
Гуляя, посѣтить безмолвное кладбище?
Осеребренное задумчивой луной,
Какой унылою, холодной тишиной
Объято мертвецовъ послѣднее жилище!
Чернѣютъ въ сумракѣ могилы да кресты,
И эта скорбная ограда
Какъ будто шепчетъ надпись ада:
«Оставь всѣ, всѣ твои надежды и мечты,—
Ничтожество – за жизнь тебѣ награда...»
Ничтожество!.. за жизнь! за этотъ гнетъ!
Гдѣ. на пути разубѣжденій,
Такъ мало счастія судьба даетъ!
Такъ много горя и лишеній!..

1861 г.

*
* *

Когда тоской къ раскаянью влекома,
Твоя душа спѣшитъ грѣховъ покинуть смрадъ,—
Бѣги, какъ древній Лотъ отъ грѣшнаго Содома,
Не озираяся назадъ...

Бѣги; не то—угаснетъ вѣры пламень,
Минувшей жизни скорбный видъ
Тебя отчаяньемъ смутитъ
И обратишься ты въ лишенный жизни камень!..
1860 г.

* * *

Подъ хладнымъ небомъ бытія,
Гдѣ многимъ такъ живется жутко,
Желаю я тебѣ, малютка,
Чтобъ не страдала ты какъ я;
Чтобъ не узнала слишкомъ рано
Ни сладкихъ сновъ, ни глупыхъ грезъ,
Чтобъ не платила за обманы
Цѣною горькихъ, позднихъ слезъ...
Чтобъ не понять въ младыя лѣты,
Что жизнь есть безполезный трудъ,
И что бездушные предметы
Безсмертныхъ насъ переживутъ...
Что наше горе, наше счастье
Есть только бредъ души больной,—
Какой-то силы самовластье
Намъ непонятной и чужой!...

1868 г.

* * *

Чего не знаю,—тому не вѣрю.
(Одно изъ положеній реализма).

Въ волненьяхъ жизни повседневной,
Въ заботахъ жизни мелочной,
Легко впадаемъ въ сонъ душевный,
Тяжелый, смутный и нѣмой...
И безсознательно, и вяло,
Въ насъ тлѣетъ искра Божества,
И сжато высшее начало
Слѣпою властью вещества;
Не видитъ глазъ, не слышитъ ухо,
Рука безсильна осязать
То̀, что дано лишь жизнью духа
Намъ въ этой жизни разгадать...
И въ этомъ сонномъ безсознаньѣ,
И въ этой суетѣ тупой
Все стало жертвой отрицанья
Что̀ не во мнѣ и не со мной...
А надо мной—какъ надъ могилой,
Повсюду жизнь и свѣтъ лія,
Струится, блещетъ съ дивной силой
Святая тайна бытія:
И вѣтерокъ куда-то мчится,
И что-то шепчетъ темный лѣсъ,
И кротко въ лоно водъ глядится
Ночь многозвѣздная съ небесъ...

1868.

131

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

In questa tomba
Fidelio.

Въ темномъ гробу, въ лонѣ природы,
Въ тайнѣ вѣковъ мирно я сплю;—
Вѣчной душой я на свободѣ,
Я близь тебя и тебя я люблю!..

Въ свѣтлой зарѣ, въ тучкѣ небесной,
Въ блескѣ звѣзды и въ сіяніи дня,
Другъ мой земной, другъ мой прелестный,
Слышешь-ли ты, узнаѐшь-ли меня?

Лѣтомъ, тебя-ль въ безмолвіи сада
Вдругъ ароматомъ охватитъ струя,
Или въ лицо тебѣ дышетъ прохлада,—
Мой поцѣлуй это, вѣрь—это я!

Жизни земной—этой участи бренной
Въ мірѣ иномъ я измѣнилъ,—
Но не тебѣ,—хоть и въ голосъ вселенной
Голосъ любви моей я перелилъ...

Съ прахомъ земли—мимолетныя страсти,
Ревность, тоска, все отлетитъ;
Въ вѣчности нѣтъ угнетающей власти:
Только любовь въ небеса воспаритъ.

Счастье-жь земли не достигнетъ до рая:
Чувства любви ты въ себѣ не губи;
И о быломъ не забывая
Снова люби, безконечно люби...

1874 г.

НА МОГИЛѢ БЕТХОВЕНА.

Ты отстрадалъ,—свои страданья
Въ безсмертныхъ звукахъ разсказалъ
И міръ любви и упованья
Изъ міра скорби указалъ.
Ты отстрадалъ... Но гдѣ-жъ награда
Твоимъ слезамъ, тоскѣ твоей?
Иль отъ людей наградъ не надо
Тому, кто зналъ какъ ты, людей!..
Средь пышныхъ камней и часовенъ
Чей этотъ памятникъ простой?
На немъ написано: «Бетховенъ»,—
И въ этомъ словѣ смыслъ святой:
Не людямъ тлѣннымъ ихъ богатствомъ
Могилу генія вѣнчать,—
Оно было-бы святотатствомъ
Тамъ, гдѣ безсмертія печать!
Бѣднякъ, почти лишенный пищи,
Могилой скромной принятъ онъ—
И близь него похороненъ
Безсмертный Шубертъ—тоже нищій...

Эльстеръ
(въ Саксоніи)
1874 г.

ВЕСНОЙ.

(Въ альбомъ моей дочери).

Смѣняя золото разсвѣта
Восходитъ солнце въ небеса
И залило потокомъ свѣта
Поля и горы и лѣса;
Свѣтила пламенные взоры
Все къ жизни радостной зовутъ;
Блистаетъ день и птичекъ хоры
Ему привѣтный гимнъ поютъ...
Такъ все чаруя, оживляя,
Въ вѣнки черемухъ убрана,
Она идетъ на встрѣчу Мая —
Благоуханная Весна...
Вотъ въ небѣ облако всплываетъ
И всю природу первый громъ
Какъ дружный хохотъ озаряетъ,
И таетъ облако дождемъ.
Оно растаетъ,--неба своды
Не долго будетъ затемнять,
Но урожай, но жизнь природы
Его напомнятъ намъ опять...
Блаженъ,—чья жизнь блеститъ и таетъ
Какъ дождь, какъ капли серебра,
И послѣ смерти воскресаетъ
Сторицей счастья и добра!

С. П. Б.
1875 г.

* * *

Передо мною годъ отъ года
Просторнѣй жизни небосклонъ
И не стѣсненъ ревниво онъ
Страной мнѣ чуждаго народа.
О нѣтъ! душа, весь міръ любя,
Летитъ надъ міромъ вольной птицей;
Противно ей сковать себя
Географической границей.
Жизнь есть всеобщій братскій пиръ;
Всѣмъ и всему мои объятья!
Нашъ Пушкинъ, Шиллеръ и Шекспиръ
Всегда другъ-другу будутъ братья.
Любовь къ отечеству живетъ
Не за Китайскою стѣною,
Перенося смиренно гнетъ,
Гнетъ самовластья надъ собою; —
Но каждый день и каждый часъ
Къ минутѣ той насъ приближаетъ
Когда свободно засіяетъ
Весь міръ отечествомъ для насъ.

1879 г.

***

(барону Т.)

Когда великолѣпный Римъ
Въ дни императоровъ ничтожныхъ,
Не понималъ что передъ нимъ
Являлся рядъ годовъ тревожныхъ,—
Когда къ паденью поворотъ
Вступалъ на мѣсто прежней славы
И только хлѣба, да забавы
Лѣнивый требовалъ народъ;—
Тогда безпечно и безумно
Въ предѣлахъ Рима жизнь текла
И въ бездну дряхлый міръ влекла,—
Хоть нечувствительно,—но шумно...
Преторіанецъ пировалъ,
Гремѣлъ на форумѣ ораторъ,
Въ сенатѣ раболѣпно спалъ
Давно подкупленный сенаторъ.
На всемъ упадка гнетъ почилъ,
Къ свободѣ смолкнули усилья;
Орелъ замѣтно опустилъ
Когда-то доблестныя крылья,—
И слышались, порой, вдали
Тѣ жизни новыя призванья,
Которымъ даже и названья
Еще въ то время не нашли...
И вотъ, въ тѣ дни, по волѣ рока,
Сходились, можетъ быть, порой,
Въ лѣсахъ, въ Германіи далекой,
Случайно встрѣтясь межъ собой,
Иныхъ два римскихъ гражданина;

Соединяла ихъ тогда
Судьбы скитальческой звѣзда,
Любовь къ отчизнѣ и чужбина...
Хотѣлось душу передать
Имъ въ изліяніяхъ этой встрѣчи
И въ выраженьяхъ пылкой рѣчи
Родною жизнью подышать ..
Подъ тѣнью дуба вѣкового,
Они, поникнувъ головой,
Вели бесѣду межъ собой
О благѣ Рима дорогого.
И смутно чувствовалось имъ,
Что цѣлый рядъ годовъ тревожныхъ
Грозитъ свалить ихъ славный Римъ
При императорахъ ничтожныхъ...

Дрезденъ.
19 мая 1881 г.

(Т—Н;—)

Жизнь наша—крестъ въ цвѣтахъ весны прелестной.
Блаженъ—кто долго, свято сохранитъ
Вѣнокъ любви и къ вѣчности небесной
Какъ бабочка къ свѣтилу улетитъ!..

1882 г.

*
* *

Надъ нами ночь, и до разсвѣта
Едва-ль намъ суждено дожить;
Во мглѣ, безъ смысла, безъ привѣта,
Пришлось намъ робко сторожить
Сокровищъ бренные остатки,
Гнилого зданія столбы,
И слишкомъ смутные задатки
Иной, невѣдомой судьбы.
Безъ вѣры, безъ любви, безъ счастья,
Безъ идеала лучшихъ дней,
Подъ гнетомъ робкаго безстрастья
Несемся мы толпой тѣней...
А между тѣмъ, вездѣ подъ нами,
Земля какъ бы просвѣтлена,
Вездѣ желѣзными путями
Пространства власть побѣждена;
Уходятъ вверхъ громоотводы,
Диктуя молніи законъ,
И противъ вѣтра пароходы
Летятъ въ моряхъ со всѣхъ сторонъ,
И телеграфы обуздали
Всесильный времени полетъ...
И съ блескомъ насъ слѣпящей дали
Прогрессъ науки къ намъ идетъ.
Но разгадать мы не умѣемъ
Одинъ законъ души своей,
И оттого во тмѣ мы рѣемъ
Толпой унылою тѣней.

1883.

ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ.

I.

6-го Августа 1882 г.

И взявъ съ собой своихъ учениковъ —
Петра, Іакова и Іоанна,
Взошелъ на гору съ ними высоко,
И тамъ,—въ предѣлахъ свѣта и тумана,
Предъ ними вдругъ преобразился Онъ.
Его лицо какъ солнце просвѣтлѣло,
Бѣлѣе снѣга сталъ Его хитонъ,
И въ облакахъ торжественно гремѣло
Какъ громъ—«Мой Сынъ возлюбленный есть Сей,—
О Немъ же все Мое благоволенье...»
И въ этотъ мигъ, Илья и Моисей,
Явясь предъ нимъ, въ священномъ вдохновеньи
Пророческомъ,—бесѣдовали съ Нимъ
О шествіи Его въ Ерусалимъ,
О близкой смерти и о воскресеньи.

1882 г.

II.

Когда весь міръ въ кромѣшной мглѣ,
Подвергся вѣчному проклятью,—
Явилась правда на землѣ,
Но отдалъ міръ ее распятью.

КНЯГИНѢ К. ВИТГЕНШТЕЙНЪ.

Когда она прислала поэту книжную закладку, на которой изображены на черномъ полѣ цвѣты „Иванъ-да-Марья; съ надписью: Pour le poète, qui sait cultiver de grandes pensées même sur les plus sombres fonds de l'Histoire.

Съ тоской невольнаго сомнѣнья
Я принимаю Вашъ привѣтъ:
Во мнѣ довольно силы нѣтъ,
Чтобъ въ жизнь и въ темныя явленья
Вносить великихъ мыслей свѣтъ.
Но въ этой ночи непроглядной,
Которой вѣкъ нашъ окруженъ,—
Я самъ невольно просвѣтленъ,
Услышавъ голосъ вашъ отрадный...
Такъ Божій голосъ призывалъ
Во мракѣ ночи Самуила,—
И въ немъ пророческая сила
И лучшей жизни идеалъ
На благо людямъ возникалъ...

Римъ.
9 (21) Декабря 1883 г.

ПОСЛѢ БУРИ.

Буря пролетѣла, небо прояснилось,
Все вокругъ улыбкой свѣтлой озарилось:
Степь какъ бы стряхнула пыль и сонъ томленья;
Всюду ликованья и благословенья.
Щебетанье птичекъ словно веселѣе,
Новой жизни голосъ раздался внятнѣе.
И звучитъ въ немъ сладко свѣтлое воззванье:
«Господа да хвалитъ всякое дыханье!..»
Господа да хвалитъ небо голубое,
Небо голубое, солнце золотое,—
Подъ его лучами—въ блескѣ пробужденья
Господа да хвалятъ нивы и селенья!..
Такъ на крыльяхъ бури новой жизни сила
Мчится,—освѣжая все чему грозила
Мертваго застоя плесень и безгласность...
Прокляни-жъ, отвергни рабства полновластность,
Скованное сердце, цѣпью роковою—
Предразсудковъ дикихъ хладною рукою!..
Въ засуху, въ бездождье, въ знойный блескъ лазури,
Жди съ надеждой смѣлой благодатной бури!..

1883 г.

*
* *

17-го Сентября 1882 г.

Надежда, вѣра и любовь
Въ нашъ вѣкъ сухой оскудѣваютъ
И смыслъ прелестныхъ этихъ словъ
Такъ жалко люди извращаютъ.
Надежды имъ сіяетъ свѣтъ
Не дальше бреннаго предѣла,
За жаждой знанья—вѣры нѣтъ,
Любовь ихъ просить только тѣла...
Зато, когда судьбы рука
Надъ головой сгущаетъ тучи,—
Не мчаться имъ за облака,
Къ свѣтилу—какъ орелъ могучій!..
Кляня свой *непонятный* рокъ,
Они—иль малодушно плачутъ,
Иль голову скорѣй въ песокъ
Подобно глупой птицѣ прячутъ...

---

* * *

Тучка въ небѣ плыветъ,
Тучка тучку зоветъ:
— «Дай-ка вмѣстѣ съ тобой мы сойдемся!

Мы сойдемся вдвоемъ,—
Благодатнымъ дождемъ
Мы на тощія нивы прольемся.

Въ небесахъ голубыхъ
И въ лучахъ золотыхъ
Мы умчимся съ тобой и растаемъ...

Но прійдетъ урожай
И заглохнувшій край
Станетъ полный обилія краемъ.

Римъ.
1884.

ВЪ ПУТЬ ЗА МОГИЛУ.

Луна надъ кладбищемъ сіяетъ
И ночь таинственно надъ нимъ
Какъ призракъ смерти пролетаетъ,
И всѣ предметы облекаетъ
Неяснымъ сумракомъ своимъ...

Неяснымъ сумракомъ—какъ вѣчность,—
Что полумракомъ облекла
Всей жизни нашей скоротечность,
Вѣковъ грядущихъ безконечность
И смыслъ прямой добра и зла...

1884 г.

I.

LA DANSE MACABRE.

Еслибъ все творенье Божье
Мы могли себѣ представить
Безъ тѣлеснаго покрова,—
Съ тѣмъ чтобъ жизнь ему оставить;

То-то было-бы красиво
Населенье изъ скелетовъ!..
Назидательная тема
Для философовъ-поэтовъ!...

Въ лонѣ водъ—скелеты-рыбы,
Въ небесахъ—скелеты-птицы,
На землѣ—скелеты-люди,—
Кавалеры и дѣвицы...

Тамъ—чиликаетъ скелетикъ,
Тамъ—скелеты кони скачутъ,
Тамъ—несутъ скелетъ во гробѣ,
А за нимъ скелеты плачутъ.

Стало-бъ даже непонятно
Безобразіе скелета
И костлявая улыбка
Вдохновляла-бы поэта.

Онъ воспѣлъ-бы эту прелесть...
И никто-бы въ самомъ дѣлѣ
Никогда-бъ и не подумалъ
О какомъ-то нашемъ тѣлѣ...

Роскошь формъ Харитъ и Грацій
Замѣнили-бъ кости—спички...
И выходитъ,—все на свѣтѣ
Дѣло лишь одной привычки...

Римъ. 1884 г.

2.

MEMENTO MORI.

Надоѣли перезвоны!..
Все звонятъ по мертвецамъ!..
Словно—только колокольня
Говоритъ о смерти намъ...

Разъ,—два,—три,—несутся звуки
Съ самой утренней зари;
Остановятся,—и снова
Раздается: разъ,—два,—три.

Какъ ни грустно, какъ ни скучно
Мѣдный колоколъ звучитъ,
Но, повѣрьте,—жизнь внятнѣе
Намъ о смерти говоритъ...

Мы сперва безъ остановки
Мчимся жизненнымъ путемъ,—
Но становимся спокойнѣй
И лѣнивѣй съ каждымъ днемъ.

Смотришь,—ужъ слабѣе ноги,
Зубы падаютъ, глаза
Начинаютъ плохо видѣть,
Пропадаютъ волоса̀.

Съ каждымъ годомъ угасаетъ
Прежній пылъ, огонь въ крови,—
И привычнѣе, и рѣже
Наслажденія любви...

Все намъ смерть напоминаетъ;
Какъ ни бейся, хоть умри...
Для чего-жь на колокольнѣ
Раздается: разъ,—два,—три?...

Римъ.
1884 г.

ТИШИНА.

Какъ небо ясно! Блескъ лазури
Какъ кротокъ! Словно никогда
Не вѣдалъ онъ ни мрака бури,
Ни зноя смутнаго слѣда.

Безбрежно, въ радостномъ сіяньѣ
Объемлетъ землю тишина...
И только птички щебетанье,
Да пѣсня пахаря слышна...

И льются въ душу грезы счастья,
И мысль отъ сердца далека,—
Что гдѣ-то, можетъ быть, ненастье,
Что гдѣ-то бродятъ облака...

24 Дек. 1885.

КОРОЛЕВѢ СЕРБСКОЙ НАТАЛІИ.

(Когда она проводила зиму въ Ялтѣ).

Въ садахъ, близь синяго Дуная,
На лонѣ мира и тепла,
Красою царственной блистая,
Роскошно роза разцвѣла.

Казалось, счастья лучь лелѣялъ
Ея блистательный разцвѣтъ;
Зефиръ благоуханно вѣялъ
И птички пѣли ей привѣтъ.

Она съ довѣрьемъ юнымъ внемлетъ
Обѣтамъ свѣтлымъ тишины
И въ этой вѣрѣ тихо дремлетъ
И видитъ золотые сны...

Но не всегда лишь блескъ лазури
Ниспосылаетъ намъ судьба;
Есть тучи черныя, есть бури,
Есть и гоненья и борьба...

И вотъ, бушуя и сверкая,
Гроза жестокая реветъ,
Въ волнахъ встревоженныхъ Дуная
Цвѣтокъ оторванный плыветъ,—

Плыветъ,—Дунай его ввѣряетъ
Эвксина мощнаго волнамъ,
И милый странникъ приплываетъ
Къ цвѣтущимъ Крымскимъ берегамъ.

О пусть въ объятіяхъ Тавриды
Забудетъ царственный цвѣтокъ
И непогоды, и обиды...
Пусть вновь его ласкаетъ рокъ;

Пусть новыхъ силъ онъ наберется,
И вкругъ него, какъ прежде, вновь
Благоуханье разольется
И миръ, и радость, и любовь...

Ялта.
18-го Февраля
1889 г.

А. А. ЧИЧЕРИНОЙ.

Есть въ жизни нѣчто выше жизни...
Есть тайна ясная для тѣхъ,
Кто въ жертву неземной отчизнѣ
Приноситъ прахъ земныхъ утѣхъ...

Кто дольній блескъ и испытанья
Душой незлобной перемогъ
И крестъ прощенья и страданья
Несетъ туда гдѣ нѣтъ тревогъ,—

Гдѣ все, что въ насъ достойно было,
Чтобъ свято въ вѣчности блистать,—
Взойдетъ какъ яркое свѣтило,
Какъ Божьей силы благодать...

О, если въ мірѣ безтѣлесныхъ
Ты обрѣтешь сей свѣтлый путь,—
Въ лучахъ безсмертія небесныхъ
Нашъ скорбный міръ не позабудь!

И Провидѣнье всеблагое
Благословитъ,—какъ отблескъ Свой,—
Все наше лучшее земное
Въ твоей молитвѣ неземной...

Ялта.
23 Февр. 1889 г.

ТУЧКИ.

По небу голубому
Въ эфирной глубинѣ,
Стада безстрастныхъ тучекъ
Блуждаютъ въ полуснѣ.

Куда ихъ вѣтеръ гонитъ?
Куда онъ ихъ примчитъ?...
Ничто ихъ не тревожитъ,
Ничто ихъ не страшитъ...

Кому онѣ заслонятъ
Лучь солнца золотой?
Кому откроютъ небо
Съ святою синевой?

Имъ все равно,—участье
Въ нихъ сномъ холоднымъ спитъ...
Ничто ихъ не тревожитъ,
Ничто ихъ не страшитъ...

1889 г.

ГРАФУ П. Д. БУТУРЛИНУ.

(По полученію изъ Парижа его сонетовъ о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ).

I.

Въ чаду забавъ столицы наслажденья
Не стынетъ въ немъ къ искуству трезвый жаръ,
И онъ мнѣ шлетъ святаго вдохновенья
И дружества его безцѣнный даръ...

Читаю я — и полонъ сожалѣнья,
Что мой Пегасъ уже лѣтами старъ,
Что для него—труднѣе увлеченье,—
Поэзіи плѣнительный угаръ...

Царевича, страдальца—Алексѣя
Твой геній намъ въ томъ краѣ указалъ,
Гдѣ радостно у ногъ порфирныхъ скалъ,

Красой небесъ блистая и синѣя,
Простерлось море, — гдѣ въ мечтѣ твоей
Слились природы блескъ и скорбь людей...

II.

Слились—природы блескъ и скорбь людей!
Кому-жъ вѣнецъ природѣ иль страданью?
Прекрасному-ль—безъ воли и страстей?
Иль скорбному но гордому сознанью?

Увы! Какъ знать!.. Все тайна въ жизни сей...
Вездѣ предѣлъ отважному познанью!..
Обречена природа увяданью,—
Но для души нѣтъ смерти, нѣтъ цѣпей...

И ты, поэтъ, отзывчивой душою
Умѣй постичь велѣнія судьбы:
Люби людей—страдальцевъ злой борьбы,—

И Божій міръ люби съ его красою;
Улыбку и слезу равно благословляй
И красоту и скорбь безсмертіемъ вѣнчай ..

1890 г.

О. М. БЕЗОБРАЗОВОЙ.

(По полученіи ея стиховъ).

Посреди широкой, знойной степи
Старый коршунъ, сидя на могилѣ,
Жадно скудную клюетъ добычу,
И угрюмъ въ своей суровой силѣ.

Передъ нимъ —пустыня безъ предѣла,—
Человѣкомъ—нищимъ—ради хлѣба
Взрытая,—но выжженная солнцемъ,
Ждущая дождя, какъ дара неба...

Все вокругъ безмолвно и уныло,
Словно смерть на всемъ отяготѣла:
Вѣтеръ спитъ, недвижно чахнутъ нивы
И трава отъ зноя пожелтѣла...

Вдругъ пахну̀ло съ сѣвера прохладой,—
Словно жизни свѣтлой дуновенье,—
Степь вздохнула, налетѣли тучки,—
Раздалося жаворонка пѣнье...

Пѣсня птички льется сладкой трелью
И душа мечтаетъ, съ чувствомъ вѣры,
О любви, о жизни, о довольствѣ
И о Божьей милости безъ мѣры...

Пѣсня птички,—будь благословенна!
Ты въ душѣ надежду воскресила
И нѣмую степь,—у ногъ могилы,—
Вѣрой въ жизнь и въ счастье озарила...

Александровка.
1891 г.
$\frac{VIII}{4}$

БУТОНЪ РОЗЫ.

(Въ альбомъ 14-ти лѣтней дѣвочки).

Елизаветѣ Петровнѣ Скоропадской.

Среди цвѣтовъ семьи пахучей
Я нечувствительно возникъ
И въ сѣткѣ зелени колючей
Я къ розѣ—матери приникъ...

День, часъ,—и разцвѣту незримо.
Въ лучахъ небеснаго огня...
А ты,—рука идущихъ мимо—
Не трогай, не срывай меня...

1892.
СПБ.

*
* *

Не смерть страшна̀,—но страшно *умиранье.*
Что̀ значитъ смерть? Безчувствія покой?
Отрада, можетъ быть, съ утратою сознанья,—
Разрывъ съ привычкою къ ничтожности земной...

Не смерть страшна̀,—но чувствовать, что лѣта,
Что жизни пышный цвѣтъ хирѣетъ, блекнетъ, мретъ,—
Что каждый день и часъ слѣпая власть скелета
Все больше, все яснѣй надъ жизнью власть беретъ,—

Что лучшія, святыя впечатлѣнья,
Мечты поэзіи, надежды и любовь
Уходитъ все на жертву разрушенья
И никогда не возвратится вновь...

Страшна̀ не смерть мнѣ силой незнакомой;
Но прежде чѣмъ сойдти въ могилы сѣнь,—
Обидно мнѣ страдать безсилія истомой,
Все ниже падая съ ступени на ступень...

1892 г. СПБ.

*
* *

Все сказано. Поэты прорекли
Про этотъ край чарующій земли...
Все сказано про этотъ пиръ природы,
Про свѣтозарные, синѣющіе своды
Небесъ,—глядящіе въ зеркальный моря блескъ,—
Про этихъ волнъ немолчный, сладкій плескъ,
Про дымку воздуха, - своимъ огнемъ лобзанья
Все обдающую струей благоуханья,—
Про сонъ лѣнивыхъ пальмъ средь лавровъ и оливъ,
Про все чѣмъ знаменитъ Неаполя заливъ:
Везувій пламенный, и Капри, и Сорренто
И береговъ пестрѣющая лента...
Здѣсь творчество палитры и рѣзца
Не проявляется такъ царственно отвѣка,
Какъ въ Римѣ, можетъ быть. . Здѣсь геній человѣка
Какъ будто присмирѣлъ предъ геніемъ Творца......
Но отчего-жъ, хотя случайно взглянешь
На это все,—то каждый разъ воспрянешь
Душой восторженной, какъ будто ото сна?
И смутно счастіе постигшая,—она
На что-то новое, великое укажетъ:
Какой-то вѣчный свѣтъ, какой-то идеалъ,—
Чего еще никто намъ не сказалъ,
Чего никто намъ никогда не скажетъ...

Неаполь.
25 февраля 1893 г.

---

* * *

Сѣть закинута далёко,
Море—яхонтъ и гранатъ;
И одинадцать атлетовъ
Тащутъ весело канатъ...

Эти рыбари довольны
Бѣдной долею своей,—
Имъ ненадо вѣчной славы
Знаменитыхъ рыбарей...

День прожить—ихъ вся забота...
И,—безпечные душой,—
Нѣтъ межъ нихъ Искаріота...
Ужъ и это хорошо...

Неаполь.
1893 г.

* * *

17-го Сентября съ подаркомъ книги стихотвореній А. Фета.

Букетъ изъ цвѣтника чужого
Тебѣ въ день Ангела даю;
Зову, при помощи другого,
Улыбку радости твою,—

И пусть мой стихъ, сопровождая,
Поддержитъ твой любимецъ—Фетъ,—
Какъ въ небесахъ звѣзда большая
Даетъ меньшой планетѣ свѣтъ.

1884 г.

ОЛЬГѢ д'АВАНЦО.

Всему, что сѣверомъ суровымъ
Такъ щедро было вамъ дано,—
Красою новой, блескомъ новымъ
Блистать на югѣ суждено.

Бывало, какъ гласитъ преданье,
Что и надъ Римомъ, въ небесахъ,
Являлось сѣвера сіянье
Въ своихъ арктическихъ лучахъ.

Теперь сіяньемъ этимъ будетъ
Равно намъ милый, общій другъ:
Его и сѣверъ не забудетъ,—
И не разлюбитъ пылкій югъ.

Римъ.
1893 г.

Б. А. РЕБЕККИНИ.

Благодарю душой за пожеланья
На Новый Годъ;
Великій Богъ,—Творецъ всего созданья
Судьбу даетъ...

Пусть въ вѣковѣчной этой лотереѣ
Гдѣ мгла и свѣтъ,—
Пока живемъ,—вамъ выпадетъ скорѣе
Всѣхъ благъ билетъ...

1/13 Января. 1897 г.
Римъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Передо мною вашъ альбомъ;
Въ стихахъ, въ рисункахъ онъ пестрѣетъ,
И вотъ,—я думаю о томъ,
Что сходство съ сердцемъ онъ имѣетъ:

Такъ сердце чуткое живетъ
И много видитъ, много слышитъ,
А жизнь идетъ себѣ, идетъ,
И въ немъ рисуетъ или пишетъ.

Замѣтокъ жизни нашей храмъ,
Не все для насъ въ немъ безразлично:
И счастливъ тотъ, чье имя тамъ
Всегда намъ будетъ симпатично.

И я смиренно васъ прошу
Меня избавить отъ забвенья
И имя въ вашъ альбомъ вношу
Съ надеждой, хоть не безъ смущенья.

1896 г.

ПЕРЕЛЕТНАЯ ПТИЧКА.

Въ сіяньѣ вечера, у моря,
Я безсознательно блуждалъ,—
Его просторъ, закату вторя,
Огонь и пурпуръ отражалъ...

Въ томленьѣ скуки беззаботной
Передо мною жизнь неслась,—
Вдругъ пѣсня птички перелетной
На перепутьѣ раздалась.

И въ звукахъ тѣхъ напѣвъ игривый
Безпечной радостью звучалъ,
Какъ будто на судьбы призывы
Ребенка голосъ отвѣчалъ...

И долго, сладко птичка пѣла...
Вотъ, въ небѣ теплится звѣзда,
Ужъ поздно... Птичка улетѣла.
Богъ вѣсть,—увидимся-ль когда...

Но если въ мигъ предсмертной муки
Я мыслью къ прошлому вернусь,—
Какъ знать—не вспомню-ль я тѣ звуки
И съ ними въ вѣчность унесусь...

1896 г.

* * *

Спокойно облако плыветъ,
Въ сіяньѣ неба голубаго
Оно идетъ, оно уйдетъ,—
Прійдутъ, уйдутъ другіе снова,—

И всѣ исчезнутъ, безъ слѣда,
Въ огнѣ лучей, иль въ вьюгѣ бурной,—
А неба кругозоръ лазурный
Все будетъ тотъ-же, навсегда...

17 Іюля
1896 г.

ПАРУСА.

Смотри,—какъ много парусòвъ
Въ морской безбрежности бѣлѣетъ,—
Средь волнъ имъ путь равно готовъ,
Ихъ солнца лучь равно лелѣетъ...

Они летятъ къ своей судьбѣ:
Иные—пристани достигнутъ,
Другіе,—въ роковой борьбѣ,—
Въ бездонной пропасти погибнутъ...

И броненосецъ—великанъ,
И челнъ—перстомъ судьбы отмѣченъ,
А онъ,—великій океанъ,—
Спокоенъ, грозенъ, безконеченъ...

Pegli
22 Апрѣля 1896 г.

ЗАБВЕНЬЕ.

(Посвящено Баронесѣ Е. Н. Торнау).

Забвенья нѣтъ, пока живу я жизнью духа,
Пока смотрю на все, на этотъ бѣдный свѣтъ
Въ волненьѣ чувствъ, сквозь призму зрѣнья, слуха,
Забвенья нѣтъ!

Могу-ль забыть святыя дѣтства грезы
И ореолъ блаженныхъ юныхъ дней?
Забуду-ль васъ, любви мечты и слезы,
Все что жило во мнѣ, въ душѣ моей?

А если рокъ не посылалъ мнѣ счастья
И если я терзался и страдалъ,—
Могу-ль забыть дни скорби и ненастья,
Тѣ дни когда я плакалъ, проклиналъ?...

Нѣтъ, даже если смерть разсѣетъ мглу тумана
И скажетъ мнѣ, что я— ничто, одинъ скелетъ,—
То и тогда возметъ меня Нирвана
Небытіе,—и въ немъ забвенья нѣтъ.

25-го Іюля
1897 г.

Отдѣлъ IV.

ПО ПОЛУЧЕНІИ ИЗВѢСТІЯ О ВОЗСТАНІИ ВЪ ВЕНГРІИ.

Довольно! Хладный сонъ бездѣйствія исчезъ!
Опять война, опять—пожары и сраженья!
Насталъ великій часъ народовъ треволненья,
Народовъ вольности—по манію небесъ,—
И—міра возрожденья!...
Возникнетъ новый свѣтъ, созрѣетъ плодъ борьбы,
И жизнью новою народы затрепещутъ!
Европа,—радуйся! Наперстница судьбы,—
Твои дѣла, твой трудъ, уже въ грядущемъ блещутъ!
А ты, страна измѣнъ,—орудье палача!
Доколѣ будешь ты титаномъ непокорнымъ?
Одна лишь ты молчишь и остріемъ меча
Грозишь судьбѣ, Творцу, въ безуміи позорномъ.
И духъ невѣжества, и духъ неволи злой
Тебя содѣлали убійцею свободы;
И скоро надъ твоей дряхлѣющей главой
Насмѣшкой загремятъ грядущіе народы!...

1848.
Москва.

ДНѢПРЪ.

О Днѣпръ святой, широкобѣжный!
Краса украинскихъ степей!
Люблю тебя, твой шумъ мятежный,—
Какъ сына родины моей!
Отчизны лѣтопись живая—
Шуми священною волной!
И, небо юга отражая,
Блистай какъ небо красотой!...
Среди болотъ пустыни дальней
Въ лѣсахъ таинственныхъ досель,
Въ Литвѣ туманной и печальной
Твоя сокрыта колыбель.
Тамъ непогодой омрачаясь,
Ненастьемъ дышутъ небеса,
Корнями влажными сплетаясь,
Тамъ вѣковѣчные лѣса
Преданья дѣдовъ воскрешаютъ
Угрюмой прелестью своей,
И къ новой жизни вызываютъ
Дѣла давно минувшихъ дней... [1])
Тѣхъ дней,—когда Литовецъ дикій
На Русь оковы налагалъ,
Тѣхъ дней,—когда съ Ордой великой
Онъ не блѣднѣя воевалъ;
А ты, задумчиво блистая,
Волной отрадною твоей,
Поилъ отважныхъ дикарей,
Ихъ битвамъ холодно внимая...
Тая въ глуши зародышъ силъ,

---

[1]) Стихъ Пушкина. (Примѣчаніе автора).

Ты на просторѣ катишь волны,
Ты ими степи оросилъ
И близь тебя святыни полный
Нашъ древній Кіевъ опочилъ.
Здѣсь веселѣй и шире блещешь
Ты влагой свѣтло-голубой,
Здѣсь гармоничнѣе ты плещешь
Въ цвѣтущій берегъ твой крутой,—
И если путникъ молодой,
Отдохновенія желая,
Здѣсь ищетъ позабыться сномъ,—
Его мечты обворожая,
Ты нѣжно шепчешь о быломъ.
Ты говоришь волною смѣлой
О незабвенной старинѣ,
Такъ, какъ старикъ осиротѣлый—
О сынѣ, падшемъ на войнѣ...
Ты говоришь о той годинѣ,
Когда, молодчествомъ горя,
Отважно, по твоей пучинѣ,
На цареградскаго царя,
Мечами, шлемами сверкая,
Стремилась шайка удалая
И грозно ты войной дышалъ,
Мятежныя вспѣняя волны,
И, унося Варяговъ челны,
Побѣдоносно ты блисталъ.
Ты не забылъ,—какъ благородно
Бояна голосъ здѣсь гремѣлъ,
Когда пѣвецъ въ толпѣ народной,
Краснорѣчиво и свободно
Тебя, князей и битвы пѣлъ...
Въ твоихъ волнàхъ нашъ край суровый

Для новой жизни возникалъ—
И свѣтомъ истины Христовой
Твой берегъ дивно засіялъ!...
Ты помнишь гѐтмановъ народныхъ
И запорожцевъ удалыхъ,—
Сыновъ Украины свободныхъ,
Ея защитниковъ лихихъ.
О, какъ блистательно кипѣла
Та жизнь, среди твоихъ степей,
Когда отвагою своей
Украйна гордо пламенѣла,
Не зная рабства и цѣпей!...
Ты видѣлъ страшныя картины
Уніи злополучныхъ дней,
Когда Украины равнины
Поила кровь ея дѣтей;—
За вѣру прадѣдовъ святую,
За ихъ свободу и законъ,
Шли казаки со всѣхъ сторонъ,—
За Малороссію родную,—
Шли умирать въ своихъ степяхъ;
Иль, гордыхъ плѣнниковъ толпами,—
Страдать на чуждыхъ площадяхъ,
Гремя позорными цѣпями,—
Всѣ пытки адскихъ палачей
Душою твердой презирая,
Вѣкамъ отмщенье завѣщая
И славѣ—прахъ своихъ костей...
Всеразрушающей чредою
Вѣка надъ міромъ пронеслись!
О славный Днѣпръ,—и надъ тобою
Законы времени сбылись!
Уже, какъ будто страха полны,

Тѣснѣе жмутся берега;
Катясь на злачные луга
Уже мутнѣе блещутъ волны
И, міру гордому въ упрекъ,
Какъ злобной старости сѣдины,
Уже бѣлѣетъ тамъ песокъ,
Гдѣ были нѣкогда пучины,
Гдѣ не дерзалъ скользить челнокъ...
Гдѣ полудикіе народы,—
Питомцы славы и свободы
Метались въ буряхъ боевыхъ,—
Тамъ нынѣ, на брегахъ твоихъ,
Картины мирныя природы,
Спокойной прелести полны,
Цвѣтутъ на лонѣ тишины...
Подъ небомъ знойнымъ, безмятежно,
Одѣты дальней синевой,
Однообразно и безбрежно
Простерлись степи... сонъ нѣмой
Надъ ними крылья расширяетъ
И дикимъ звукомъ оглашаетъ
Ихъ голосъ коршуна порой...
Да вѣтеръ съ пѣснею унылой
Въ раздольѣ носится пустомъ
И только тихія могилы
Напоминаютъ о быломъ...
Когда-жъ на крыльяхъ урагана
Гроза отважно налетитъ,—
Какая жизнь, какъ изъ тумана,
На мигъ воскреснувъ, зашумитъ!
И степь,—какъ волны океана,
Тогда вся блещетъ и гремитъ!..
А ты,—воскреснешь-ли изъ праха—

Когда-то жившій здѣсь народъ!
Ты разобьешь-ли цѣпи страха?
Придетъ-ли свѣтлый твой восходъ?
Освободишь-ли гордо очи
Отъ гнета вѣковаго сна?
Иль навсегда, въ объятьяхъ ночи
Твоя вся жизнь погребена?
Иль эти бури, эти битвы,
И вопли жертвъ, и ѳиміамъ
Твоей страдальческой молитвы
Не внятны были небесамъ!..
Ужель проклятье роковое
Легло отъ вѣка надъ тобой!
Иль это страшное былое—
Насмѣшка неба надъ землей?..
Все спитъ! Все спитъ въ нѣмой пустынѣ!
И голосъ правды и добра
Безплодно тонетъ онъ—въ пучинѣ,
На днѣ великаго Днѣпра!..

Москва, 1860 года.

НА СМЕРТЬ ПАПЫ ПІЯ IX-го.

Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!
Хомяковъ.

Свершилось!.. *узникъ Ватикана*,
Покинувъ прахъ земныхъ оковъ,
Умчался въ лоно океана
Безбрежной вѣчности вѣковъ!
Свершилось!.. Пій *непогрѣшимый*,
Какъ и грѣхамъ доступный людъ,
Предсталъ на судъ неумолимый,—
На судъ людей и Божій судъ.
Священный блескъ тройной тіары
Его отъ правды не спасетъ!
Онъ не избѣгнетъ высшей кары
И мнѣнья смертныхъ не уйдетъ...
Земля разскажетъ,—какъ прекрасно
Онъ началъ царственный свой путь,
Когда хотѣлъ, тепло и страстно,
Въ клерикализма трупъ безгласный
Могучей силы жизнь вдохнуть.
Она припомнитъ счастье Рима
И—какъ любилъ его народъ,
Когда онъ шелъ неудержимо,
Свободы жаждою палимый,
И велъ Италію впередъ...
Онъ смѣло велъ ее къ тому-же,
Къ чему пришла она потомъ
Не съ нимъ,—съ Кавуромъ—славнымъ мужемъ,
И съ *galant-uomo* королемъ!..
А онъ!.. Что съ нимъ?.. Увы! какъ скоро
Смутился духомъ и упалъ,

И темной силы и позора
Слѣпымъ орудіемъ онъ сталъ!
Онъ святотатно поднялъ руку
На лучшее что̀ было въ немъ:
И самъ свободу и науку
Клянетъ въ *силлабусѣ* своемъ.
Да, судъ Исторіи покажетъ,
Что безнаказанно идти
Не могъ по ложному пути
Никто... Но Божій судъ что скажетъ?..
—«Пріидти соблазнамъ суждено;—
Но горе!—Кѣмъ соблазнъ приходитъ!»
Кто тѣхъ—сознанье въ комъ темно—
На путь погибели наводитъ!—
Вотъ,—фарисейственный соборъ
Творитъ расколъ и грѣхъ великій,
Постановляя приговоръ
О негрѣшимости владыки;—
Забылъ онъ,—ревностью томимъ,
Что Богъ—единъ непогрѣшимъ!
И не внимая духу вѣка,
Свой догматъ онъ провозгласилъ,—
Но тѣмъ не поднялъ человѣка,
А Бога въ небѣ оскорбилъ!..
Настанетъ время,—непотребный
Союзъ Лойоллы въ прахъ падетъ!
Старокатоликъ ужъ встаетъ
Новокатолику враждебный
И царство то не устоитъ,
Гдѣ водворилось раздвоенье,
Гдѣ недовѣрье и презрѣнье
Борьбою пагубной грозитъ...
Но вотъ,—со стороны *востока*

Зловѣще мраченъ горизонтъ,
И подъ знаменами *пророка*
Военной бурей дышитъ Понтъ;
Уже въ разгарѣ пиръ кровавый,
Пиръ избіенія Славянъ,—
И встала *Сѣвера держава*
За угнетенныхъ христіанъ...
А онъ,—святой первосвященникъ,—
Непогрѣшимою рукой,
Уже грозитъ державѣ той,
Онъ—знамени Христа измѣнникъ!..
Свершилось!.. Нынѣ предстоитъ
Ему великая расплата
Предъ ликомъ Неба... Защититъ
Его едва-ль *immaculata*...
И тамъ, гдѣ вѣчной правды свѣтъ
Царитъ,—гдѣ покаянье—поздно!—
Что, если тотъ, кто столько лѣтъ
Безгрѣшнымъ слылъ,—услышитъ грозно
Себѣ: «non possumus»—*) въ отвѣтъ!..

Montreux
29 января 1878 г.

---

*) *„Non possumus“ („Мы не можемъ“)*—стереотипная фраза, которой обыкновенно папа Пій IX упрямо отвѣчалъ на всѣ представленія о необходимости мѣропріятій, требуемыхъ условіями истиннаго духа христіанства и прогресса.

НА ПЕРЕХОДЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ У СИСТОВА 15-го ІЮЛЯ 1877 ГОДА.

(Опытъ современной оды).

„Ты слышалъ, Михайлычъ, о войнѣ?..
„Ты что-же думаешь? Надо намъ воевать
„за христіанъ?"—„Что жъ намъ думать?
„Александръ Николаевичъ Императоръ,
„насъ обдумалъ, онъ насъ и обдумаетъ
„во всѣхъ дѣлахъ. Ему виднѣй".—
Гр. Л. Н. Толстой (Анна Каренина).

I.

Бывало, встарь, восторженный пѣвецъ
Привѣтствовалъ высокопарной одой
На полѣ битвъ заслуженный вѣнецъ
И ратникомъ, и славнымъ воеводой,—
Тяжелыхъ дней блистательный конецъ
И торжество надъ бранной непогодой.
Внимали всѣ тогда пѣвцу,—и царь,
И подданный... Но это было встарь.

II.

Теперь не то,—нашъ вѣкъ тому не равенъ;
Мы далеко ушли уже впередъ:
Восторженный пѣвецъ для насъ забавенъ,
Насъ клонитъ сонъ при звукѣ старыхъ одъ;
И вотъ,—гдѣ пѣлъ какъ Пиндаръ нашъ Державинъ,
Некрасовъ тамъ *про мужичка* поетъ,—
И паѳосъ нашъ двумъ *геніямъ* покоренъ:
Тѣ геніи—*Краевскій* и *Суворинъ* *).

*) Редакторы газетъ „*Голосъ*" и „*Новое Время*".

III.

И впрямь,—столбцы *передовыхъ* статей
Надъ нашими лѣнивыми умами
Господствуетъ по прихоти своей,
Заманчиво рѣшая передъ нами
Всѣ главные вопросы жизни сей:
Мириться-ли, иль воевать съ врагами?—
Зачѣмъ надъ этимъ голову ломать,
Когда въ газетѣ можно прочитать!..

IV.

За то,—едва строенья Петрограда
И улицы дневной одѣнетъ свѣтъ,—
Вездѣ одна забота и отрада:
Скорѣй читать, глотать столбцы газетъ;—
Изъ нихъ добыть *свой* образъ мыслей надо,
Чтобы свезти друзьямъ иль *въ Комитетъ*
И тутъ-то всякъ, покорнѣйшій питомецъ
Краевскаго, иль твой—*о Незнакомецъ*... *)

V.

. . . .

VI.

. . . .

VII.

. . . .

VIII.

Такъ или нѣтъ,—но только всѣ газеты
Крестовый начали трубить походъ.

---

*) *Незнакомецъ*—псевдонимъ Суворина.

Религіозной ревностью согрѣты,

. . . .

. . . .

Крича при томъ, что будто самъ народъ
За вѣру и свободу ополчился.
Народъ читалъ, не понялъ и—дивился....

IX.

Уже давно, въ Европѣ, какъ колоссъ,
Пугая всѣхъ,—что призракъ полуночный,
Возсталъ какой-то роковой вопросъ;
Хоть смыслъ его не всѣмъ понятенъ точный,
Но дипломаты (такъ ужъ завелось),
Рѣшили звать его—*вопросъ восточный*...
Въ немъ, говорятъ,—надежда Христіанъ;
Но, собственно,—едва-ль не Англичанъ...

X.

Для этого свирѣпаго Молоха
Не мало жертвъ уже принесено,
И отъ него, конечно, многимъ плохо,
Но, думаю,—не скоро суждено
Послѣдняго его, дождаться вздоха.
Пусть будетъ то̀, что Богомъ суждено!..
Хоть кажется, что все жь скорѣй то̀ будетъ
Что Беконсфильдъ или Бисмаркъ разсудитъ... *)

XI.

О Беконсфильдъ, хоть ты и графомъ сталъ,
Но въ сущности, ты тотъ-же Дизраэли!
Тебя народъ вождемъ своимъ призналъ;
Но ты,—къ какой его ведешь ты цѣли?

*) Писано задолго до Берлинскаго конгресса.

Златой телецъ—какъ высшій идеалъ,
Ложь, эгоизмъ вполнѣ имъ овладѣли...
И ясно намъ, что твой компатріотъ
Не кто иной, какъ самъ Искаріотъ!..

XII.

Какая ночь! Въ синедріонъ проклятый
Идетъ, покинувъ сонмъ учениковъ,
Іуда, бѣсомъ алчности объятый,
И продаетъ Божественную кровь.
И проданъ Тотъ, Кто выше всякой платы,
Кто весь—святая правда и любовь!..
Какой позоръ! И небеса молчали!..
И мщенія на землю не послали!..

XIII.

Какой позоръ! другой Искаріотъ,
Котораго великая держава
Теперь своимъ главою признаетъ,
Съ Османами войдя въ союзъ лукаво,
Кровь христіанъ имъ въ жертву предаетъ...
И на Славянъ кровавая облава
Воздвигнута съ согласья Англичанъ,—
Сторонниковъ свирѣпыхъ мусульманъ.

XIV.

Своимъ главой, какъ будто силой бѣсовъ
Сбитъ вовсе съ толку мудрый Альбіонъ:
То *невмѣшательствомъ*,—какъ темнымъ лѣсомъ,
Отъ правды онъ упрямо огражденъ;
То *англійскихъ какихъ-то интересовъ*
Несутся призраки со всѣхъ сторонъ;
То, наконецъ, какъ солнце съ небосклона,
Слѣпитъ глаза *индійская корона*...

XV.

Имъ нуженъ блескъ! Кичливость имъ нужна!
Авторитетъ и вѣсъ въ глазахъ Европы!
Вѣдь Англія—свободная страна!
У ней, что-шагъ, то лорды-филантропы!..
Но такова-ль въ Ирландіи она?
Въ Остъ-Индіи—гдѣ цѣпи и холопы?..
Иль можно вмѣстѣ—вольность прославлять
И опіемъ Китайцевъ отравлять?!..

XVI.

Вотще гремятъ и Брайты, и Гладстоны,
И славятъ миръ, свободу и любовь!..
Не сокрушить имъ алчности препоны!..
Пусть Турки льютъ Герцоговинцевъ кровь!
Болгаръ и Сербовъ раздаются стоны!..
Лишь только-бы,—изъ вѣковыхъ оковъ
Не допустить исторгнуть Византію,
И натравить Европу на Россію!..

XVII.

Страна болотъ, тумановъ и лѣсовъ,
Равнинъ безлюдныхъ, дебрей полудикихъ,
Печальныхъ селъ и скучныхъ городовъ,
Широкихъ рѣкъ, песковъ, степей великихъ,—
Гдѣ дологъ сонъ подъ саваномъ снѣговъ,
Гдѣ вѣтра вой, да стай вороньихъ крики...
Гдѣ—въ пустотѣ, не скоро встрѣтитъ глазъ
Финляндію, Тавриду и Кавказъ...

XVIII.

И въ царствѣ томъ безстрастія природы,
Гдѣ давитъ все—однообразья гнетъ,—

Въ другихъ тискахъ, въ цѣпяхъ другой невзгоды,
Невзгоды той, что душу намъ гнететъ,
Лишая насъ и мысли, и свободы,—
Славянства цвѣтъ—тамъ русскій людъ живетъ!..
Живетъ въ волнахъ ничтожнѣйшихъ народцевъ:
Монголовъ, Финовъ, Чукчей, инородцевъ...

XIX.

Казалося,—жестокая судьба
Давно народу русскому судила
Удѣлъ невѣждъ и жалкаго раба:
Его сперва природа придушила,
Потомъ съ Татарами сожитье и борьба,—
Тамъ—Грознаго-царя слѣпая сила...
Безправіе, ничтожество людей,
Отъ Рюрика--почти до нашихъ дней!..

XX.

Въ бездушной мглѣ безгласнаго терпѣнья
Все лучшее въ себѣ онъ погубилъ!

. . . .

И лишь одно онъ свято сохранилъ:
Смиренный духъ предъ волей Провидѣнья,--
Запасъ слѣпыхъ, могучихъ, тайныхъ силъ.
И вотъ, тѣ силы,—Божье правосудье
Ихъ обрекло теперь въ свое орудье...

XXI.

Ихъ обрекло среди святынь Кремля;
Изъ устъ царя, въ Москвѣ первопрестольной,
Гдѣ русскій духъ и сердце веселя,
Далече гулъ несется колокольный.

Словамъ царя внимала вся земля
Съ покорностью слѣпой и богомольной,—
Хоть были въ тѣхъ словахъ заключены
Весь мракъ судебъ, всѣ ужасы войны. .

XXII.

Гой ты Дунай, Дунай рѣка большая!
Раздольная, могучая рѣка!
И вьешься ты—что лента голубая,
И льешься ты—что воля широка!...
Волна поетъ, волну перегоняя,
Но пѣсня волнъ мрачна́ и глубока́;—
Мрачна—какъ ты—Дунайская пучина,
А глубока́—какъ старая кручина!..

XXIII.

Онѣ поютъ: «Не бурный вѣтръ завылъ,
«Не горы волнъ, кипя забушевали.
«То для Славянъ кровавый часъ пробилъ,
«То нехристи на христіанъ напали!
«Абдулъ-Керимъ—какъ буря навалилъ;
«Черняевцы и Сербы—грудью стали;—
«Да мало ихъ! и вотъ,—кто не бѣжитъ
«Тотъ палъ, или замученный лежитъ...

XXIV.

«Ой, исполать вамъ—Божьи ратоборцы,—
«Гнѣздо орловъ—въ ущельяхъ грозныхъ скалъ!
«Ой, исполать вамъ,—братья Черногорцы!
«На васъ Мухтаръ и Сулейманъ напалъ;—
«Но крѣпки вы, герои-чудотворцы.
«Вашъ врагъ побитъ, иль со стыдомъ бѣжалъ!

«Да мало васъ!—а нехристей—что море!
«Не вамъ Славянъ размыкать злое горе!

XXV.

«Охъ! горе то̀! почти что пять вѣковъ,
«Какъ коршунъ злой Славянъ оно клевало
«И чтобъ никто не спасъ ихъ изъ оковъ,
«Враги твердынь настроили не мало
«На высота̀хъ Дунайскихъ береговъ.
«И горько намъ,—волнамъ Дуная, стало
«Переграждать славянскимъ братьямъ путь...
«Прійдете-ль вы, друзья, когда-нибудь?..»

XXVI.

И день насталъ!.. Сверкая и блистая,
Въ дыму, въ пыли, скрывая небосклонъ,
Большая рать, какъ туча громовая,
Отъ сѣвера идетъ со всѣхъ сторонъ.
Гремитъ Кавказъ и лѣвый брегъ Дуная,
И грозно всталъ несмѣтной силы стонъ...
То̀ Божій судъ! то̀ воины Христовы!
Падите-жъ въ прахъ славянскія оковы!..

XXVII.

Падите въ прахъ!.. И вотъ,—ночною мглой
Покрылось все... Шумятъ Дуная волны,...
Онѣ понтоновъ, лодокъ длинный строй
Несутъ,—надеждъ и мщенья словно полны...
Межъ тѣмъ,—не спитъ турецкій часовой;
Вотъ, вздрогнулъ онъ, вблизи заслыша челны,—
Вдругъ, — выстрѣлъ, блескъ,.. несется гулъ и кликъ...
И наступилъ давно желанный мигъ!..

XXVIII.

Въ дыму, въ огнѣ гремитъ весь брегъ турецкій,
Но Русскіе безтрепетно плывутъ;—
Штурмуютъ брегъ съ отвагой молодецкой,
Безстрашный Гурко, Драгоміровъ тутъ!
Движенья ихъ слѣдитъ герой—Радецкій,—
Черезъ Дунай понтоны вновь идутъ:
Не мало жертвъ, не мало крови, стоновъ!..
И нѣсколько потоплено понтоновъ...

XXIX.

Ужъ блещетъ день и вотъ,—пришла пора:
Враги бѣгутъ... Весь берегъ оглашая,
Вездѣ гремитъ побѣдное «ура!..»
И нѣтъ для насъ враждебнаго Дуная!..
И занята у Систова гора:
Водружена на ней хоругвь святая!..
Падите-жъ въ прахъ оковы христіанъ!
Взошла заря свободы для Славянъ!..

Montreux.
1878 г.

ЦАРСКІЙ КОЛОКОЛЪ.

(На соборной колокольнѣ въ г. Харьковѣ,—въ память чудеснаго спасенія Императорской семьи 17-го Октября 1888 г.)

Среди житейскихъ треволненій,
Забывъ святой завѣтъ небесъ,
Подъ гнетомъ тягостныхъ сомнѣній
Не вѣримъ въ силу мы чудесъ;—

И какъ рабы слѣпого рока,
Смѣясь безумно надъ судьбой,
Бросаемъ камнями въ пророка,
Не слышимъ Бога надъ собой...

Но вотъ—призывный гласъ надъ нами,—
То *царскій* колоколъ звучитъ
И среброзвонными словами
О *чудѣ* громко говоритъ:

О томъ какъ Божій перстъ могучій
Отъ бѣдъ Россію защитилъ,
Когда отъ смерти неминучей
Царя съ семьею охранилъ...

Греми-же колоколъ оттуда!
И каждый день, въ тотъ самый часъ
Когда свершилось это чудо,—
Раздастся твой сребристый гласъ...

И пусть твои святые звуки
Надъ нами сладостно плывутъ
И отъ безвѣрья скорбной муки
Къ надеждѣ свѣтлой насъ зовутъ,—

Къ надеждѣ счастія и славы,
Къ мольбамъ у Божья алтаря
О благахъ мира и державы
Богохранимаго Царя.*).

---

*) Эти стихи были напечатаны въ „Южномъ Краѣ“ въ день поднятія *царскаго* колокола на колокольню 14 Октября 1890 года.

СТРАХЪ БОЖІЙ.

Побѣжденнымъ Грекамъ *).

Какимъ-то злобнымъ геніемъ,
Изъ дальнихъ, знойныхъ странъ,
Грозя всеразрушеніемъ,
Несется ураганъ.
И съ силой сокрушительной
На лѣсъ онъ налетѣлъ,
И грозно, повелительно
Ему онъ загремѣлъ:
— «Долой преграда бренная!
Ничтожна грудь твоя!
Ничтожна тамъ вселенная
Гдѣ мчусь по волѣ я!..
Сдружился я съ могучею,
Съ полночною грозой,
Ея облекся тучею
И молніей и тьмой;—
Я моря грудь широкую
Какъ гору воздымалъ,
Волнистую, высокую
И—въ бездну низвергалъ;—
Предъ мною сокрушаются
Селенія во-прахъ
И человѣкъ смиряется
Съ проклятьемъ на устахъ...
Ужель въ сопротивленіи
Могучъ лишь ты одинъ?

*) Когда, за освобожденіе Крита, Греки, единственные изъ всѣхъ христіанъ, открыли противъ Турокъ войну 1897 года, и были побѣждены.

Пусти-жъ на раззореніе
Сосѣдственныхъ долинъ!---»
Но лѣсъ, не возмущаяся
Врагомъ не по-плечу,
Шумя и колыхаяся,
Промолвилъ: —Не пущу:
Ты не судьбы карающей
Посланникъ роковой!
Ты демонъ истребляющій
Одѣянный грозой!
По волѣ Провидѣнія
Я гордо здѣсь расту
И безъ его велѣнія
Я съ мѣста не сойду...
Дубовъ семью могучую
Рви изъ земныхъ оковъ,
И листья легкой тучею
Неси до облаковъ,—
Я-жъ полонъ упованія!
Да сбудется судьба!
Но изъ меня страданія
Не сдѣлаютъ раба!...»
И вихорь сокрушительный
Рванулся, закипѣлъ,
И съ воплемъ оглушительнымъ
На лѣсъ онъ налетѣлъ;
Но крѣпокъ лѣсъ таинственный,—
Хоть, съ трескомъ, не одинъ
Упалъ широколиственный,
Столѣтній исполинъ...
А надъ долиной,—яркая,
Торжественно горя,—
Молитва словно жаркая
Раскинулась заря...

Отдѣлъ V.

Баллады Басни Сатирическія стихотворенія.

СОНЪ МАТЕРИ.

(Баллада о воинской повинности).

На дворѣ мятель бушуетъ,
Ночь сурова и мутна̀,
Вѣтеръ рвется и тоскуетъ,
Въ тучахъ прячется луна...
Въ теплой комнаткѣ уютной
Лампа весело горитъ,—
Громко мальчики рѣзвятся,
Нѣжно мать на нихъ глядитъ.
И, смѣясь, толкуютъ дѣти,
Увлекаяся мечтой,
Кто изъ нихъ что будетъ дѣлать
Когда выростетъ *большой*...
Старшій—вѣтреникъ Сережа—
Будетъ пѣть да танцовать;
Средній—Ваничка—мечтатель
Хочетъ сказки сочинять;
А меньшой—кудрявый Коля—
Поваренкомъ вздумалъ быть,
Чтобъ тогда старушкѣ-мамѣ
Кашку чудную варить...
Мать смѣется и, съ молитвой,
Уложила ихъ въ постель,
И се въ дремоту клонитъ
Вѣщей пѣснею мятель...
Вотъ, предъ нею поле битвы,
Трепеща̀—она идетъ
И спѣшитъ уйти скорѣе,
И дѣтей своихъ ведетъ...
Горы разнаго оружія,

Груды бомбъ со всѣхъ сторонъ,
Кучи раненыхъ, убитыхъ,
И повсюду кровь и стонъ...
Вдругъ,—она въ смущеньѣ смотритъ—
И—куда не броситъ взглядъ,—
Плачутъ женщины и съ ними
Дѣти-мальчики стоятъ;—
А близь нихъ,—въ мундиръ майора
Кирасирскаго одѣтъ *),
На конѣ отважно скачетъ
Отвратительный скелетъ;—
И кричитъ онъ, улыбаясь:
«Ну, прощайтесь-же скорѣй!
«И скорѣй мнѣ отдавайте
«Вашихъ мальчиковъ дѣтей!
«Я повинностью воинской
«Ихъ какъ ядомъ отравлю,
«И въ грѣхѣ братоубійства
«Умъ и сердце закалю!
«Насъ игольчатыя ружья
«Новымъ свѣтомъ озарятъ!
«Кровь и пламя, и желѣзо
«Дряхлый міръ вашъ освѣжатъ!»
И, сказавъ,—рукой костлявой
Колю маленькаго—хвать!—
Что мечталъ быть поваренкомъ...
И, вздрогнувъ,—проснулась мать...
На дворѣ мятель бушуетъ,
Ночь сурова и мутна̀,
Вѣтеръ рвется и тоскуетъ,
Въ тучахъ прячется луна...

1878 г.

*) Бисмаркъ, на полѣ битвы, былъ всегда въ кирасирскомъ мундирѣ.

СВЯТОЧНАЯ МЕЛОДІЯ.

„Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него“.
(Лука гл. XVIII, ст. XVII).

Разскажи, моя малютка,
Отчего, съ утра̀, сегодня,
Ты, какъ будто, ждешь чего-то?..
Молчаливая улыбка
Озаряетъ алый ротикъ
И голубенькіе глазки,
Словно небо отражая,
Смотрятъ въ небо голубое?..
— «Мнѣ моя сказала мама,
Что, когда сегодня ночью
Станутъ звѣздочки, какъ блестки,
Появляться въ темномъ небѣ,—
Вспыхнетъ та звѣзда святая,
Все сіяніемъ затмѣвая,
Что блистала лучезарно,
Въ ночь, когда-то въ Виѳлеемѣ,
Въ ночь,—когда на благо людямъ
Родился Спаситель міра...
Пастухи, тогда, на стражѣ.
Близь овецъ своихъ не спали,—
Къ нимъ явился свѣтлый Ангелъ
И несказанную радость
Возвѣстилъ онъ бѣднымъ людямъ...
Небо дивно озарилось
И разверзлось въ блескѣ рая,
И безчисленное войско
Божьихъ Ангеловъ явилось,

Славу Бога возглашая...
Ту звѣзду видали также
Старцы мудрые Востока,
И пошли за ней тѣ старцы
Къ свѣтозарной колыбели»...
Долго милая малютка
Все немолчно говорила,
Говорила,—и въ волненьѣ—
Утомилась и заснула...
И ее старушка--няня
Унесла и уложила
Тихо въ теплую постельку...
Тамъ моя малютка спала
Съ кроткой, радостной улыбкой
И всю ночь во снѣ видала
Святорайскія видѣнія...
По утру-жъ, когда проснулась,—
Всѣ подробности, съ восторгомъ,
Новой куклѣ разсказала...

Ночь темнѣй тюрьмы чернѣетъ,
Дождь со всѣхъ сторонъ струится,
Всюду слякоть да ненастье,
Да холодный вѣтеръ злится...
И не только звѣздъ небесныхъ,—
Фонарей земныхъ не видно...
Я бреду съ разбитымъ сердцемъ,
И съ растерзанной душою,—
Грустно голову понуря,—
Ничего не ожидая,
Ничему не удивляясь...
Опасаясь, что отъ этой

Непривѣтной, мрачной ночи
Я какъ разъ схвачу простуду,
И всѣ праздники навѣрно
Неотвязно кашлять буду...

КТО БОЛЬШЕ ХРАБРЪ? КТО БОЛѢЕ ГЕРОИ?

Пустынный тигръ, съ спиною полосатой,
Съ сверканіемъ свирѣпымъ желтыхъ глазъ,
На караванъ—товарами богатый,
Изъ Персіи идущій на Кавказъ,—
Изъ-за скалы какъ молнія метнулся...
Зачѣмъ твой мужъ упрямый не вернулся,
Красавица Махрỳ,—въ прощальный часъ,—
Когда блѣдна, въ слезахъ, съ мольбой своею
Ты съ воплемъ бросилась ему на шею?
И на него свой роковой прыжокъ
Направилъ тигръ. Въ невольномъ изступленьѣ
Конь на дыбы взвивается... Сѣдокъ
На землю грохнулся... и—нѣтъ спасенья!
Чудовище злорадостно реветъ,
Надъ нимъ отверзло пасть и пыль взмѣтаетъ...
Кругомъ-всѣ въ ужасѣ... еще лишь мигъ—и вотъ,—
Красавица Махрỳ надъ трупомъ зарыдаетъ...
Но кто постигъ, что суждено судьбой?..
Кто вѣдаетъ велѣнія Аллаха?..
Вотъ, юноша одинъ, стремительно, безъ страха,
На тигра наскочилъ и—заварился бой...
Рукой могучей свой топоръ съ размаха
Онъ въ черепъ звѣрю лютому всадилъ,—
Кровь съ мозгомъ хлынула,—протяжно тигръ завылъ
И въ судоргахъ, съ хрипѣньемъ, издыхаетъ...
Теперь красавица Махрỳ не зарыдаетъ...

Кто-жъ этотъ юноша? Вы скажете: герой!
Герой! и рѣдкой храбрости, конечно...

Но приведу я здѣсь примѣръ другой
И попрошу сказать чистосердечно,
Кто больше храбръ? Кто болѣе герой?

На чердакѣ, въ коморкѣ закопченой,
Гдѣ смрадъ и сырость, съ блѣдной нищетой,
Съ пятью дѣтьми, съ женой, недугомъ пора-
женной,
Живетъ бѣднякъ—чиновникъ отставной.
А было время—съ роскошью и властью
Онъ счастье зналъ,—властителемъ любимъ,—
И всѣ его завидовали счастью,
Покорно все склонялось передъ нимъ.
Но чуждый лжи и лести недостойной,
Съ сознаніемъ всего, — чѣмъ рокъ ему гро-
зилъ,—
Какъ гражданинъ, отважно и спокойно,
Тирану-деспоту онъ правду говорилъ,
И смѣло шелъ подъ страшную опалу,—
Шелъ не одинъ, но съ цѣлою семьей...
И то, чего онъ ждалъ,—теперь настало...

Кто больше храбръ? Кто болѣе герой?..

1884 г.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Много жертвъ легло въ работѣ,
Строя городъ на болотѣ,
Въ испареньяхъ тины грязной!..
Но погибла ихъ забота:
И въ дворцахъ столицы праздной —
Жизни пошлой, безобразной,
Пахнетъ старое болото!

С. П. Б
1860 г.

ЗЕМСКІЯ МЕЛОДІИ.

I.

Въ гостяхъ хорошо — дома лучше.

Говорятъ,--въ гостяхъ прекрасно,
А все лучше дома;
На Руси такая пѣсня
Всѣмъ давно знакома!

Дома—и свое хозяйство,
И своя свѣтлица,
И своя семья родная,
И своя землица...

Отчего-жъ по всей Россіи
Населенье бродитъ
И, вдали отъ мѣстъ родимыхъ,
Мѣста не находитъ?

Бродятъ нищіе, бурлаки,
Странники, артели,
И толпы переселенцевъ
Всѣмъ ужъ надоѣли...

А другіе,— кто богаче,
Такъ и рвутся въ гости,—

От родимаго кладбища
Вдаль уносятъ кости!

Этотъ въ Дрезденѣ, тотъ въ Ниццѣ
Вѣкъ кончаетъ барскій;
Этотъ въ Лондонѣ *трезвонитъ*,—
Тотъ —на службѣ царской!..

Кто же дома? ужъ не тотъ ли
Кто съ *надѣломъ* тужитъ?
Кто,—безъ денегъ,—изъ-за денегъ
Земству службу служитъ?

Кто же дома? Ужъ не тотъ ли,
Кто,—судьбой гонимый,
И хотѣлъ-бы, да не можетъ
Бросить домъ родимый!..

1869 г.
VIII.

II.

Сліяніе сословій.

Говорилъ мнѣ предсѣдатель
Нашей доблестной управы:
— «И дворяне, и крестьяне,
И торговцы наши правы...
Какъ сижу я въ засѣданьѣ,—
Вся полна тревогой зала;
Словно,—снова міросзданье
Начинается сначала!..
И шумя, и надрываясь,
Всѣ сливаются сословья,
Другъ на друга устремляя
И налоги, и злословья...
А я—думаю спокойно:
Хоть охрипни ты—ораторъ,
Хоть пуститесь въ потасовку,—
Помиритъ всѣхъ губернаторъ!»

1869 г.

ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ НИГИЛИЗМА.

Idem per idem.

— Нѣтъ, не хочу я лицемѣрить!
Нѣтъ, я *не вѣрю* ничему!..
— Ну, такъ не вѣрь же и тому,
Что ничему не надо вѣрить...

С. П. Б.
1868 г.

*
* *

Вотъ истинно *гуманный* вѣкъ!
Послушаешь Дарвина:
Скотина—тотъ же человѣкъ,
А человѣкъ—скотина!..

С. П. Б.
1872 г.

*
* *

Сегодня пьянъ онъ—какъ сапожникъ,
А завтра—свѣтелъ онъ какъ богъ...
Лачуга поднялась въ чертогъ.
Не это-ль жизнь твоя—художникъ!

С. П. Б.
1875 г.

СУЛЛУКЪ.

Былъ на островѣ Гаити
Императоромъ Суллукъ
И завелъ,—вообразите,—
Академію Наукъ!
Зданье славное отстроилъ,
Иностранцевъ пригласилъ,
Ихъ дипломовъ удостоилъ,
И мундиры сочинилъ.
Каждый пришлый иноземецъ
Въ академики попалъ;
Президентъ—конечно нѣмецъ—
Хитроумный адмиралъ.
Вотъ, преважно въ засѣданьѣ
Академики сидятъ,
Получаютъ содержанье,
Пьютъ исправно и ѣдятъ.
И какъ только замѣчаютъ
У Суллука кто силенъ,—
Мигомъ въ члены выбираютъ
И слыветъ ученымъ онъ;
Но при томъ, чтобъ недовольныхъ
Избѣжать,—они скорѣй
Приплели къ нимъ безглагольныхъ
Съ полдесятка дикарей...
Пополамъ съ грѣхомъ наука
Въ сей теплицѣ развелась,—
Про великаго-жъ Суллука
Всюду слава разнеслась..

1877 г.

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Земли и неба красотами
Ты восхищаешься равно;
Ты говоришь давно стихами
И прозой чувствуешь давно...
Ты разгадалъ нашъ вѣкъ торговый
И взялъ съ судьбы двойной оброкъ:
Такъ, на челѣ твоемъ вѣнокъ,—
Но виденъ въ немъ и листъ лавровый,
И ассигнаціи листокъ!

1854 г.

КАКЪ БЫТЬ?

Ахъ! Она меня бросаетъ!..
Отчего-жъ ее не бросить?..
Но,—когда любви такъ страстно,
Такъ ревниво сердце проситъ?..

Но когда вся жизнь погибнетъ?
Всѣ желанья онѣмѣютъ?
Но когда всѣ чувства въ сердцѣ
Безъ нея оцѣпенѣютъ?

И придется вѣкъ влачиться
Полумертвымъ до могилы...
Нѣтъ,—на это не достанетъ
Ни терпѣнія, ни силы!..

Что же? Къ Бахусу прибѣгнуть?
Иль прибѣгнуть къ пистолету?..
Да надежда все стучится
Въ сердце къ бѣдному поэту:

Что—какъ вдругъ ее я брошу?
Что—какъ смерть меня погубитъ?—
А она меня, напротивъ,—
Съ каждымъ днемъ все больше любитъ?..

*
* *

Держу я свѣточь мой любви
Передъ твоими такъ глазами,
Что очи дивныя твои
Блистаютъ счастія слезами...

Ты-жъ свѣточь нѣги и любви
Такъ держишь милыми руками,
Что уши на тѣни мои
Мнѣ представляются рогами...

ПѢСНЯ РЫБЪ.

(Отрывокъ).

Мы плаваемъ въ бездонномъ океанѣ
Воды стоячей и почти гнилой,
И мечемся безъ толку, какъ въ туманѣ,
Несмысленной и робкою толпой.
Вся наша жизнь,—не жизнь, а просто мука
Средь міра тины и въ разщельяхъ скалъ:
На каждую изъ насъ есть злая щука,
Чтобы карась безпечно не дремалъ.

1875 г.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

Посвящаю сосѣду по прозванію: Сулейманъ-Паша, который лицемѣрно превозносилъ свое семейное счастье.

Жизни скучной, монотонной,
Сокъ по каплѣ я глотаю,
И гримасы отвращенья
Отъ друзей моихъ скрываю,—
И скрывая, увѣряю,
Что я счастіемъ ликую,
Что предался весь любви я
И блаженства поцѣлую...
И завидуютъ мнѣ други,
И, въ восторгѣ отъ обмана,
Самъ завидую жестоко
Я поклонникамъ корана...

*
* *

Звѣзды блистательной, прелестной,—
Что такъ привѣтно по ночамъ
Горитъ на высотѣ небесной,—
Не надо намъ, не надо намъ.

Для насъ, и счастіе и слава,
И радость свѣтлая тогда,
Когда хотя-бы *Станислава*
На насъ спускается *звѣзда*.

Звѣзда небесъ въ дали блистаетъ
И ничего намъ не даетъ,
Звѣзда-жъ земная ослѣпляетъ
Вкругъ насъ зѣвающій народъ.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

Попала золотая рыбка
Въ басейнъ хрустальный на окнѣ,
Играетъ въ немъ и вьется шибко,
Блестя на солнцѣ—какъ въ огнѣ...
Какъ вдругъ, горланъ-пѣтухъ сосѣдній
Сталъ про свободу ей кричать,
И въ міръ веселый свѣтлыхъ бредней
Ее на волю вызывать;
Онъ пѣлъ о томъ, какъ птички рѣютъ
Весною въ синевѣ небесъ,
Какъ на поляхъ цвѣты пестрѣютъ,
Какъ полонъ тайны и чудесъ
Къ себѣ манящій, темный лѣсъ...
Вотъ рыбка, весело плескаясь,
Свилась кокетливо кольцомъ
И отвѣчала, насмѣхаясь
Надъ слишкомъ пылкимъ пѣтушкомъ:
— «Нѣтъ, бѣдный мой поэтъ, спасибо,—
«Ты не замѣтилъ одного:
«Не птичка вольная, а рыба
«Предметъ участья твоего.
«Не знала воли я, къ тому же
«Она опаснѣе огня,
«И мнѣ привольнѣй даже въ лужѣ,
«Чѣмъ въ мірѣ, чуждомъ для меня»...
Тутъ пѣтушекъ нашъ спохватился,
Услыша этотъ умный толкъ,
Чуть языкомъ не подавился
И съ краснорѣчіемъ умолкъ.

1873 г.

ДИТЯ И СТОЛЪ

(басня).

Ребенокъ у стола, отъ лѣности, невольно,
Зѣвалъ, дремалъ, заснулъ,
И вдругъ,—упалъ подъ стулъ,
Объ ножку столика, ударившись пребольно.
Вотъ, няня,—чтобъ его утѣшить какъ нибудь,
Кричитъ, надсаживая грудь:
— «Ударь, скорѣй ударь, соколикъ!
Вѣдь экій скверный столикъ!
Онъ Ваню моего ушибъ!»

Портной Иванъ отъ пьянства раззорился,—
А самъ—кричать пустился,
Что нѣмецъ виноватъ—портной Готлибъ...

Скажу-ли, наконецъ, отбросивъ осторожность:
Не любимъ въ нѣмцахъ мы свою ничтожность...

С. П. Б.
1872.

ДВОЕ ЛЫСЫХЪ

(Басня,—переводъ изъ Флоріана).

Однажды двое лысыхъ увидали,
Что заблисталъ въ углу кусокъ слоновой кости,
И оба вдругъ имѣть его желали;
Шумѣли, все сильнѣй, не выдержали злости,—
Да такъ заспорили, что Боже-упаси!
Дрались, бранились и кричали,
Тревогу подняли,—хоть вонъ святыхъ неси!..
Вотъ наконецъ, одинъ угомонилъ сосѣда,
Хоть потерялъ волосъ послѣдній клокъ;
Но что-жь, какой трофей дала ему побѣда?
Гребешокъ!..

1848 г.

Отдѣлъ VI.

Переводы изъ Гейне.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Es liegt der heisse Sommer.

Пылающее лѣто
Въ огнѣ твоихъ ланитъ,
А въ сердцѣ,—зимній холодъ
Вокругъ все леденитъ.

Измѣнится все это,
О милая! Постой,—
Зима на щечкахъ будетъ,
А въ сердцѣ—лѣтній зной.

II.

Und als ich euch meine Schmerzen geklagt...

Пока я говорилъ имъ просто о несчастьѣ
Всѣ слушали меня зѣвая, безъ участья,
Когда-жъ красиво все въ стихахъ я изложилъ,—
Великій гулъ похвалъ, пѣвцу наградой былъ.

III.

Im Walde wandl' ich und weine...

Въ лѣсу блуждаю я и плачу,—
А дроздъ, съ древесной высоты,
Свистя и прыгая, кричитъ мнѣ:
«О чемъ, мой другъ, тоскуешь ты?»

— У ласточекъ,—твоихъ сестричекъ,
Спроси,—онѣ тебѣ споютъ:
Надъ окнами моей любезной
Онѣ такъ мудро гнѣзда вьютъ.

IV.

Anfangs wollt' ich fast verzagen.....

Я, сперва, пришелъ въ тревогу:
Думалъ,—не снесу никакъ;
Все же—вынесъ по немногу,—
Но не спрашивайте: какъ?

———

V.

Wenn zwei von einander scheiden,...

При разставаньѣ горькомъ,
Другъ другу руки жмутъ,
И безъ конца вздыхаютъ,
И долго слезы льютъ.

Не плакали мы оба,
Прошелъ разлуки часъ;
Но слезы и страданья
Не миновали насъ...

VI.

Es stehen unbeweglich
Die Sterne in der Höh

Тысячелѣтья звѣзды
Во мглѣ небесъ горятъ
И межъ собой, съ любовью
О чемъ то говорятъ.

Богатый и прелестный
Языкъ тѣхъ звѣздъ,—не могъ
Постигнуть ни единый
Донынѣ филолòгъ,

Но я,—его я понялъ
И твердо заучилъ:
Мнѣ милый, милый образъ
Грамматикой служилъ.

VII.

Ich unglükseI'ger Atlas!..

Я какъ Атлантъ страдаю! цѣлый міръ,
Да, цѣлый міръ невыносимой скорби
Я на плечахъ несу, и разорвется
Въ моей груди истерзанное сердце.

Ты,—сердце гордое!—Хотѣло жъ ты,
Хотѣло счастья, счастья безъ предѣла,—
Иль безъ предѣла горя,—и теперь
Ты,—гордое—разбито и несчастно.

VIII.

Aûf Flügeln des Gesanges,...

На крыльяхъ пѣснопѣнья
Умчу тебя, мой другъ,
Туда—гдѣ воды Ганга
Одѣлъ роскошный лугъ.

Тамъ садъ и въ лунномъ блескѣ
Въ немъ лотосы цвѣтутъ,
И милую сестрицу
Они съ любовью ждутъ.

Ласкаются фіалки,
Головки сонныхъ розъ
Другъ другу шепчутъ тайны
Своихъ волшебныхъ грезъ.

Тамъ прыгаютъ газели
И чутко въ даль глядятъ,—
А въ отдаленьѣ волны
Святой рѣки шумятъ.

Подъ сѣнью пальмъ склоняся,
Мы будемъ пить любовь
И счастіе, и грезить
Въ объятьяхъ сладкихъ сновъ.

1883—1884 г.

IX.

Wenn ich in deine Augen seh!..

Гляжу-ли въ очи я твои,—
Стихаютъ скорби всѣ мои,
Цѣлую-ль нѣжный ротикъ твой,—
Я воскресаю всей душой.
Склонюся-ли на грудь твою, –
Блаженство райское я пью....
Когда-жъ ты молвишь про любовь,—
Отъ счастья я рыдать готовъ.....

1892 г.

Отдѣлъ VII.

РАЗБОЙНИЧЬЯ ПѢСНЯ.

Высоко̀ въ небесахъ солнце жаркое,
А надъ Волгой рѣкой вьюга смутная...
Молодой удалецъ Волгѣ кланяется:
Полюби ты меня, Волга широкая!

Полюби ты меня полюбовницей,—
Приласкай ты меня на груди твоей,
Надѣли ты меня сребромъ-золотомъ;—
На потѣху-ли мнѣ разудалому.

Отвѣчаетъ ему Волга широкая:
Полюбился ты мнѣ, молодой удалецъ,
Я ласкаю тебя на груди моей,—
На груди-ли моей, на волнахъ моихъ;
И дарю я тебѣ съ моей ласкою
Все богатство мое побережное,—
На раззоръ, на разбой, на потѣху-ли,
На житье-ль, на бытье-ль многогрѣшное...

Высоко въ небесахъ солнце ясное,
А надъ Волгой рѣкой тишина плыветъ...
Молодой удалецъ Волгѣ кланяется:
Полюби ты меня, Волга глубокая!

Полюби ты меня, какъ родная мать.
Какъ натѣшуся я жизнью грѣшною,
Какъ измыкаюсь я моей силою,
Какъ ударитъ, и мнѣ, мой послѣднiй часъ,—
Обними и прими тогда, матушка,
Меня въ лоно твое, въ глубину твою,—
Сладокъ будетъ мнѣ сонъ у родной моей,
Подъ ея-ли напѣвы немолчные...

Отвѣчаетъ ему Волга глубокая:
Полюбила тебя, молодой удалецъ,
Я какъ грѣшница—полюбовница.
Не проси-жъ у меня любви матери:
Любовь матери—какъ слеза чиста,
Ее Ангелы знаютъ Божiи.
И не мать я тебѣ, а вишь мачиха,
И не сынъ ужъ ты мнѣ, а вишь пасынокъ,
И на днѣ у меня много праведныхъ,—
Сномъ глубокимъ спятъ,—тобой замученныхъ.
А ударитъ когда твой послѣднiй часъ,
Самъ увидишь твоихъ отца съ матерью:
Тебя мать обойметъ—плаха лютая,
Тебя встрѣтитъ отецъ—злой топоръ востеръ...

Высоко̀ въ небесахъ солнце красное,
А надъ Волгой рѣкой свѣтелъ день стоитъ.
Что-жъ ты, молодецъ, призадумался?
Али темная ночь намъ сподручнѣй дня?.....

18 мая 1891 г.
Александровка.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТОМА I.

Воспоминанія о Графѣ Петрѣ Ивановичѣ Капнистѣ.

Лирическія Стихотворенія

ОТДѢЛЪ I.

Утренняя заря.

Стран.

Изъ Гёте 1
Я помню тихій разговоръ 2
Наяда 3
Милый другъ, судьбой жестокою 4
Осенью 5
Къ кн. Е. А. Г—ой 6
Графинѣ Растопчиной 7
Элегія 8
Мнѣ слышны вдалекѣ веселый шумъ колесъ. 9
Кокетка 10
Е. И. Б—ой 11
С. А. Ч—ой 13
Въ альбомъ С. А. Ч—ой 14
Гусаръ. 15
Н. П. Домбровскому 16
Звонъ 17
Пѣсня 18
Не плачь, одинокій 19
Когда суетой утомленный 20
Надеждѣ Степановнѣ Петровской 21
Ей—же: Блаженъ,—чью первую любовь. 22
Вчера полночною грозой. 23
Новороссійскія степи. 24

Стран.
Изъ Гейне 26
Утро 27
Nocturno 28
Рѣчка 30
Жаворонокъ 31
Да, вы прелестны, спору нѣтъ 32
Я люблю твой русый локонъ 36
Послѣ грозы 37
Когда твоихъ лазоревыхъ очей. 38
Падучая звѣзда 39
Дождусь ли сладостнаго дня 40
Баркарола 41
Былые дни, былыя страсти 42
Цвѣтокъ 43
Весной 44
Ек. Евг. Мандерштернъ. Волшебной силой вдохновенья . . 45
Когда за дальнею горой 46
Ек. Евг. Капнистъ 47
Преступникъ 49

ШВЕЙЦАРСКІЙ АЛЬБОМЪ.

Осенью въ Монтрё 58
Вечеромъ 59
Утро въ Монтрё 60
Лодочникъ изъ Монтрё 61
Вотъ первый снѣгъ ужъ на Гліонѣ 64
Впереди, роскошный день 65
Вотъ, въ салонѣ шумъ и хохотъ 66
Все безмолствуетъ въ салонѣ 67
Зàмокъ Блонè 68

ОТДѢЛЪ II.

Вечерняя заря.

На память свѣтлыхъ дней блаженства, наслажденія . . . 71
Я ночью сегодня проснулся. 72

Стран.

Убить безплодно сердца силу 73
Въ Іюлѣ 74
Мечтой безумною о счастьѣ. 75
Еще на твой закатъ блестящій 76
Вечерняя заря. 77
Двѣ тучи 78
Нещадно время улетаетъ 79
Пѣсня ласточки 80
Я плакалъ горестно, но слезы 81
Она опять на небосклонѣ блещетъ. 82
Ласточка 83
Кому даришь такъ много ты 84
Въ то время даль синѣла предо мною 85
Опять подъ сладкимъ обаяньемъ 86
Сгорѣло все!.. лишь куча пепла 87
Мои стихи — случайный звукъ 88
1-го Апрѣля 89
Послѣдняя гроза 90
У моря. 91
О. Д. Шереметьевой. 92
Я нашу бабушку любилъ 94
Быть можетъ счастье будетъ правдой. 95
Барометръ мой, словно возрастъ мой. . . . . —
Тучи темныя клубятся 96
Жалокъ тотъ, кто вздумалъ строить зданье. 97
Два рода помѣшательства мы знаемъ 98
Твоя любовь разогнала 99
I. Я помню,... помню, безмятежно 100
II. Огонь и жизнь во мнѣ проснулись 101
Двѣ звѣзды 102
Зима пришла 103
Зимой 104
Любовь измѣнила. 105
Средь зимы—весною вдругъ запахло 106
Зачѣмъ заботы и сомнѣнья. 107
Сквозь призракъ несшихся надъ нами. 108
Старая ласточка 109

Стран.

Послѣдняя весна 110
Голоса любви 111

ОТДѢЛЪ III.

Надъ росинкой свѣтлой 118
Передо мной зеленая равнина 119
Когда насмѣшкой благородной 120
Не мы живемъ въ уединеньѣ 121
Всегда, во всѣ вѣка внимали поколѣнья 122
Она раскинулась широко 124
Жизнь 125
И смѣшно и отрадно на жизнь намъ взглянуть 126
Случалось-ли тебѣ вечернею порой 127
Когда тоской къ раскаянью влекома 128
Подъ хладнымъ небомъ бытія 129
Въ волненьяхъ жизни повседневной 130
Любовь мертвеца 131
На могилѣ Бетховена 132
Весной 133
Передо мною годъ отъ года 134
Когда великолѣпный Римъ 135
Жизнь наша—крестъ въ цвѣтахъ весны прелестной . . . 137
Надъ нами ночь и до разсвѣта 138
Изъ Евангелія: И взявъ съ собой своихъ учениковъ.—Когда весь міръ въ кромѣшной мглѣ 139
Княгинѣ Витгенштейнъ 140
Послѣ бури 141
Надежда, вѣра и любовь 142
Тучка въ небѣ плыветъ 143
Въ путь за могилу 144
I. La Danse Macabre 145
II. Memento mori 147
Тишина 149
Королевѣ Сербской Наталіи 150
А. А. Чичериной 153
Тучки 152

Стран.
Графу Бутурлину I. Въ чаду забавъ столицы наслажденья . 154
II. Слились природы блескъ и скорбь людей. 155
О. М. Безобразовой 156
Бутонъ розы 157
Не смерть страшна,—но страшно умиранье 158
Все сказано. Поэты прорекли 159
Сѣть закинута далеко 160
Букетъ изъ цвѣтника чужого 161
Ольгѣ Д'Аванцо 162
Б. А. Ребеккини. 163
Въ Альбомъ. 164
Перелетная птичка. 165
Спокойно облако плыветъ 166
Паруса. 167
Забвеніе 168

ОТДѢЛЪ IV

По полученію извѣстія о возстаніи въ Венгріи 170
Днѣпръ 171
На смерть Папы Пія IX 176
На переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай. 179
Царскій Колоколъ. 188
Страхъ Божій. 190

ОТДѢЛЪ V.

Баллады, басни и сатирическія стихотворенія.

Сонъ матери 194
Святочная мелодія 196
Кто больше храбръ? Кто болѣе герой? 199
Петербургская мелодія 201
Земскія мелодіи: I. Въ гостяхъ хорошо—дома лучше . . . 202
II. Сліяніе сословій 204
Послѣдовательность нигилизма. 205
Вотъ истинно гуманный вѣкъ. 206

Стран.

Сегодня пьянъ онъ какъ сапожникъ 207
Суллукъ 208
Современный человѣкъ 209
Какъ быть? 210
Держу я свѣточь мой любви 211
Пѣсня рыбъ 212
Семейное счастье 213
Звѣзды блистательной, прелестной 214
Золотая рыбка 215
Дитя и столъ 216
Двое лысыхъ. 217

ОТДѢЛЪ VI.

Переводы изъ Гейне.

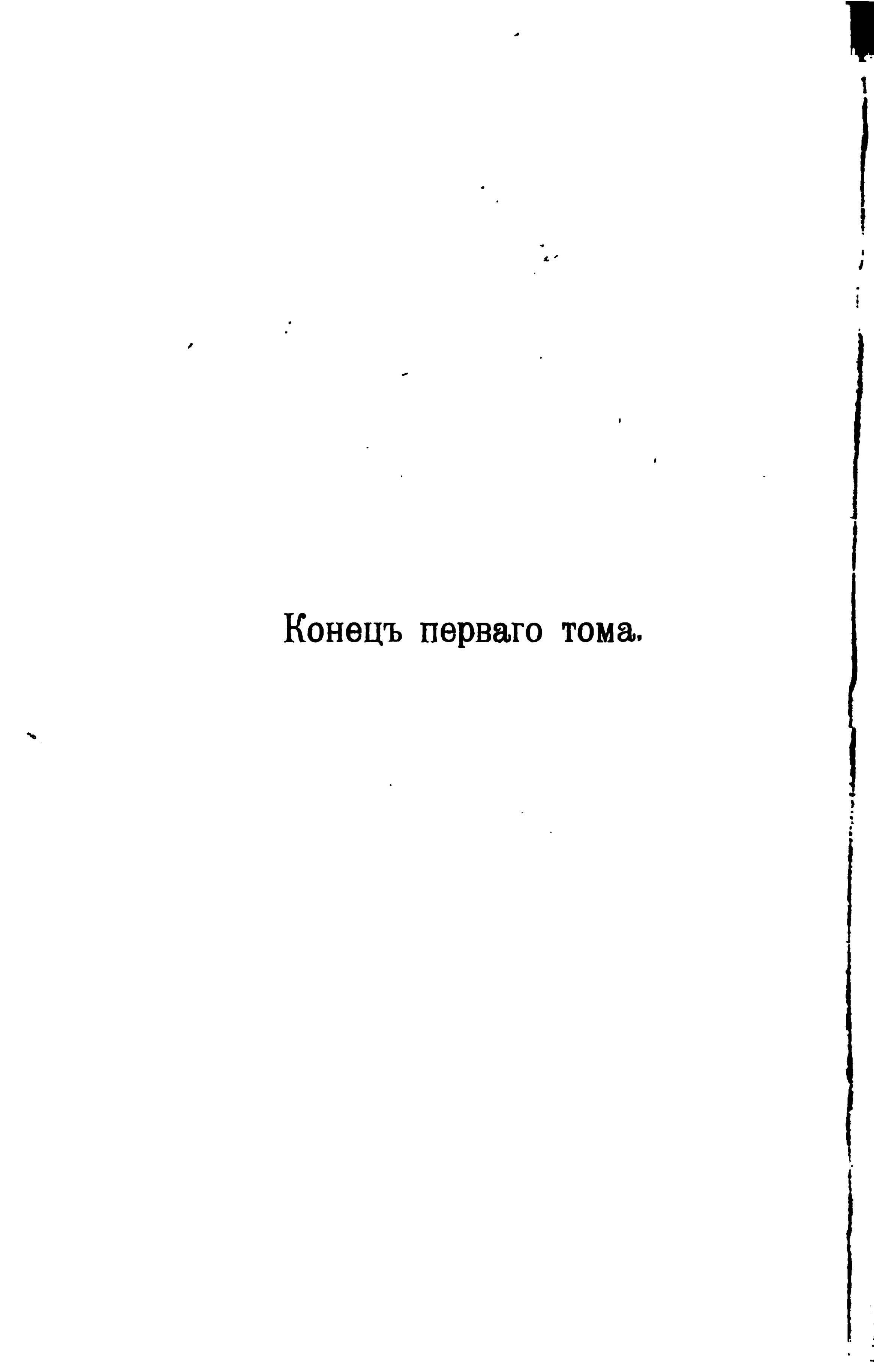
Пылающее лѣто 220
Пока я говорилъ имъ просто о несчастьѣ 221
Въ лѣсу блуждаю я и плачу 222
Я сперва пришелъ въ тревогу. 223
При разставаньѣ горькомъ 224
Тысячалѣтья звѣзды 225
Я какъ Атлантъ страдаю! цѣлый міръ 226
На крыльяхъ пѣснопѣнья 227
Гляжу ли въ очи я твои 228

ОТДѢЛЪ VII.

Разбойничья пѣсня 230

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
67 строка 1	безмолстуетъ	безмолствуетъ
83 послѣдняя строка	попастся	попасться
117 1 строка прозы	пьэдесталъ	пьедесталъ.
117 стр. 4-я прозы	возражденіе	возрожденіе
133 строка 4-я	Поля и горы и лѣса.	Поля, и горы, и лѣса.
VII	сооружилъ	вооружилъ
XIV	нѣчего	нечего
XIX	третей	третьей
CXXVIII	малокососы	молокососы
CCXXXIII	мучался	мучился
XLVII	оружіе	оружье
XLVIII	судорожно	судоржно
LXV	Закрѣвскій	Закревскій
LXVII	Анненьковъ	Анненковъ



Конецъ перваго тома.